НЁМАН

5/2016
МАЙ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Заместитель директора – главный редактор
Алексей Иванович ЧЕРОТА

Адрес редакции

Юридический адрес: Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Б. Хмельницкого, 10а.
e-mail: info@zvyazda.minsk.by

Почтовый адрес: Республика Беларусь, 220034, Минск, ул. Захарова, 19.
Тел.: главного редактора — 284-85-25, заместителя главного редактора — 284-79-85;
отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 284-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Подписные индексы:

*74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.*

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 10.12.2012, выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель
Редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Директор – главный редактор
Александр Николаевич КАРЛЮКЕВИЧ

Технический редактор, компьютерная верстка: *С. И. Староверова*
Компьютерный набор: *Е. Г. Кахновская*
Стильредактор: *Н. А. Пархимович*

Подписано в печать 09.05.2016. Формат 70 ×108 $^{1}/_{16}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,60. Уч.-изд. л. 20,40 . Тираж 1619. Заказ .

Цена номера в розницу 24 700 руб. (2 р. 47 к.)

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,

ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск, Республика Беларусь.

К сведению авторов
*Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.*

Геннадий АВЛАСЕНКО

Унесенные временем

Фантастическая повесть

Глава 1

О своем отце Санька знала мало. Вернее, не знала о нем почти ничего, потому что отец оставил их, когда Санька была совсем маленькой и ничегошеньки еще не понимала. А потом, когда немного подросла, просто усвоила, что отца у нее нет…

Куда он девался, этого Санька не знала, и никто не мог ей об этом ничего рассказать. Со слов матери, отец просто исчез однажды вечером: вышел из дома и не вернулся. Приезжали из милиции, все тщательно осмотрели, записали свидетельства очевидцев (Санькиной мамы, а также всех соседей, видевших отца в тот последний день), даже начали уголовное расследование по факту исчезновения человека… впрочем, дальше этого дело так и не сдвинулось. Отец исчез бесследно, и лишь немногие из соседей продолжали считать, что дело тут нечисто. Большинство (и подавляющее даже большинство) полагало, что отец Санькин просто сбежал из дома. А то, что не взял с собой ничего из вещей (даже куртки), — так он всегда был странным и даже немножечко чокнутым (как однажды выразилась Санькина соседка, тетя Клава).

Тетя Клава была близкой подругой Санькиной мамы, а еще матерью Ивана — одноклассника Саньки и единственного настоящего ее друга. Впрочем, о самом Иване чуть ниже…

Еще тетя Клава отличалась повышенной разговорчивостью (в отличие от матери Саньки, которая говорила мало и только по существу), и Санька, будучи в гостях у Ивана (а такое случалось довольно часто), всегда получала исчерпывающую информацию о последних деревенских событиях. Поэтому почти все, что знала Санька о своем отце, она тоже почерпнула из многочисленных рассказов тети Клавы.

По словам тети Клавы, отец Саньки не только странно исчез из деревни. Появился он в ней тоже довольно необычно.

В то далекое (по Санькиным понятиям) время ее мама и тетя Клава снимали комнату у одной почтенной старушки, так как являлись молодыми специалистами и приехали в эту деревню по распределению (мама — фельдшером, тетя Клава — учительницей начальных классов). Домик старушки (в настоящее время пустой и даже наглухо заколоченный) находился на самой окраине деревни, сразу же за ним начинался лес, который подруги частенько посещали. Ходили они туда по грибы, по ягоды, а иногда и просто гулять… и вот во время одной из таких «просто прогулок» они и встретили в лесу Санькиного отца (впрочем, в то время он еще таковым не являлся).

Выглядел будущий Санькин отец так, будто целую неделю по этому лесу блуждал: худой, исцарапанный, к тому же еще и босиком…

Надо отдать должное девушкам: они не испугались. Может, потому, что вдвоем были, а скорее потому, что уж больно жалко парень выглядел и на маньяка либо иного злостного правонарушителя — ну никак не тянул! Впрочем, странностей у него и без этого хватало.

Взять хотя бы речь незнакомца...

Говорил он как-то чудно, смешно коверкая при этом словесные окончания, и тете Клаве с Санькиной мамой долго пришлось выслушивать сбивчивую исповедь, прежде чем они уразумели, что парень этот решительно не знает, где в данный момент находится и как вообще тут очутился.

Дальше — больше! Приведя молодого человека к себе домой и угостив его горячим чаем с бутербродами (по словам тети Клавы, уплетал он их так, что аж за ушами трещало), девушки решили все же ближе познакомиться с гостем. Ну, хотя бы узнать его имя.

И тут выяснилось, что их гость даже этого не помнит. Ни имени, ни фамилии, ни откуда он родом… ничего, в общем…

Впрочем, тетя Клава уже тогда заподозрила, что парень просто темнит, не желая особо о себе распространяться. Может, скрывается от кого?

Как бы то ни было, ничего подруги так и не выяснили, а посему решили отложить расспросы до утра. Странного незнакомца решено было оставить на ночь, хоть класть его оказалось совершенно некуда. В комнатушке имелась одна лишь узенькая кровать (на ней обычно спала Санькина мама) и старый скрипучий диван (на котором, естественно, укладывалась спать тетя Клава).

Но пока девушки, выйдя на крыльцо, тихонько обсуждали эту проблему, незнакомец спокойненько уснул на диване.

И тогда подруги решили просто оставить все как есть. Тетя Клава улеглась на полу, подстелив под себя все, что только нашлось, мама, естественно, легла на кровать… впрочем, поспать им в эту ночь пришлось всего ничего, пару часов, не больше…

Их разбудили стоны странного незнакомца. А когда Санькина мама, подойдя к дивану, положила ладонь на его лоб, сразу стало ясно, что гость серьезно болен. И не просто серьезно, а, кажется, опасно для жизни.

Санькина мама, как человек, сведущий в медицине, тотчас же принялась за лечение. И надо отдать ей должное, сделала все что могла. Так что, когда «скорая» увезла незнакомца, ему уже ничего серьезного не угрожало.

В районной больнице этот странный парень провел три недели, и все это время Санькина мама навещала его, хоть тетя Клава (опять же, по ее собственным словам) всячески отговаривала подругу от этих компрометирующих поездок. А окончилось все тем, что мама однажды вернулась в деревню уже вместе с папой.

За время, проведенное в больнице, будущий Санькин отец так ничего о себе и не вспомнил. И даже представители правоохранительных органов, посещавшие его там несколько раз, ничем не смогли помочь, и вообще никто из районного начальства понятия не имел, что им делать дальше с таким неожиданным «найденышем». В больнице вечно держать человека не станешь, родственников тоже обнаружить не удалось, ни близких, ни дальних (хоть его даже по телевизору несколько раз с этой целью показывали). И все облегченно вздохнули, когда мама Саньки пожелала забрать его к себе.

Все, кроме тети Клавы.

Кажется, именно тогда подруги впервые поссорились, и настолько серьезно, что долго между собой не общались. Точнее: вплоть до его таинственного исчезновения.

Родители Саньки остались жить на квартире у старушки, которая, впрочем, вскоре уехала в город к дочери. А тетя Клава, кипя от негодования, перебралась в дом на соседней улице, где неожиданно закрутила недолгий роман с Исаем, одним из заезжих шабашников. В результате сего недолгого романа на свет появился Иван. А еще через год у мамы с папой родилась Санька…

Отец ее, хоть так ничего и не вспомнил из своего прошлого, на удивление быстро освоился в деревне. У него оказались золотые руки, и по словам сельчан, он мог починить буквально все, начиная от старого, чернобелого еще телевизора и заканчивая полуразвалившимся трактором или комбайном. Вот почему колхозное начальство ценило его высоко, и все соседи им тоже весьма дорожили. А если и перемывали часом косточки втихаря (за то, что не пьет совершенно и денег за ремонт тоже никак ему не всучить), то делали это безо всякой злости или зависти, как говорится, любя. Уж больно странно и непривычно выглядел в этой почти поголовно пьющей деревне.

Но жили родители Саньки дружно, и без всякого сомнения, очень друг друга любили. А после того как, стараниями мамы, отцу выправили новые документы, где его записали как Николая Петровича Орлова (имя и отчество придумала мама, фамилию же оставила свою), они даже расписались.

Глава 2

Произошло это теплым майским вечером, когда Санька с матерью смотрели по телевизору какую-то передачу о международном терроризме. Точнее, они ее почти не смотрели, терпеливо дожидаясь окончания, после которого должна была начаться большая музыкальная программа. Санька, сидя за столом, лениво перелистывала учебник по математике, делая последние приготовления к завтрашней самостоятельной работе, мать на диване что-то не то вязала, не то вновь распускала неудачно связанное.

И в это время в экране телевизора промелькнул такой узнаваемый сюжет, связанный с гибелью башен-близнецов в Нью-Йорке, и мать, встрепенувшись и внимательно уставившись на экран, произнесла вдруг загадочную и совершенно непонятную для Саньки фразу:

— А ведь он это тогда предсказал…

Проговорив короткую сию фразу, мать вновь замолчала, углубившись в вязание (или распускание), а Санька, потеряв всяческий интерес и к телевизору, и к математике, удивленно уставилась на мать. Она явно ждала продолжения, но, кажется, ждала совершенно напрасно…

— Кто предсказал, ма? — поинтересовалась Санька, когда стало ясно, что никакого продолжения не предвидится. Потом ее вдруг осенило. — Ты это о папе, да?

Мать молча кивнула, давая этим понять, что разговор окончен.

Впрочем, у самой Саньки на этот счет было мнение прямо противоположное. Решительно отбросив учебник и еще более решительно щелкнув пультом на отключение, Санька тут же перебралась к матери на диван.

— Расскажи подробнее! — коротко потребовала она.

— Что рассказать? — не поняла или сделала вид, что не поняла, мать. — И зачем это ты телевизор выключила?

— Чтобы тебя послушать! — Санька уселась поудобнее и прижалась щекой к теплому материнскому плечу. — Так что давай, колись!

Вздохнув, мать отложила в сторону вязание и, обняв Саньку рукой за плечи, привлекла ее к себе. И так они сидели молча и совершенно неподвижно некоторое и довольно-таки продолжительное время.

— А ведь ты что-то такое знаешь? — проговорила Санька, когда это «некоторое время» стало грозить затянуться до бесконечности. — Что-то о папе… такое что-то, чего никто больше не знает. То, что ты никому не рассказывала, даже в милиции…

— А они так сразу и поверили бы? — со странной какой-то интонацией проговорила мать. Отстранив Саньку, она встала с дивана, медленно прошлась по комнате. — Не хватало еще, чтобы меня за сумасшедшую приняли!

Она запнулась, взглянула прямо в глаза Саньке. Санька тоже во все глаза смотрела на мать.

— Впрочем, ты уже достаточно взрослая… — как бы раздумывая, продолжала между тем мать. — Хотя бы для того, чтобы…

— Для того, чтобы не принять тебя за сумасшедшую? — закончила за нее Санька. — Обещаю и клянусь!

И мать, немного поколебавшись, принялась вдруг рассказывать Саньке удивительную историю, напрямую связанную с последним месяцем пребывания отца в их деревне. Правда, жили они тогда еще не здесь, а все в той же старенькой избенке, которую их небольшая семья продолжала снимать у старушки-хозяйки.

А началась эта история со странной находки в лесу. В июле дело, кажется, было…

В общем, пошли тогда деревенские детишки в лес по грибы да по ягоды и неожиданно наткнулись на самой, считай, лесной опушке на непонятную какую-то конструкцию.

Описание этой самой конструкции мать смогла дать Саньке самое поверхностное, хоть наблюдала ее куда дольше, нежели остальные жители деревни. По словам мамы, непонятный этот агрегат больше всего напоминал кабину то ли трактора, то ли комбайна, только почему-то матово-черного цвета и в идеально круглых каких-то отверстиях.

Детишки (и это естественно) сильно заинтересовались находкой и обступили ее со всех возможных сторон, действительно приняв непонятную конструкцию за потерянную (или выброшенную) кабинку какого-то сельскохозяйственного транспортного средства. Так некоторое время они и стояли подле своей находки, разинув рты, потом (и это тоже естественно) им захотелось попасть внутрь странной этой кабинки.

В кабине имелась дверка, единственная, кстати, и тоже вся в дырках. И даже ручка на этой дверке присутствовала… но когда один из мальчуганов попробовал ручку эту чуть повернуть, его так шибануло чем-то (током, скорее всего), что отлетел бедолага от той дверки метров на пять, не меньше. И разумеется, потерял сознание.

Хорошо еще, что остальные ребятишки не растерялись. Оставив девчонок возле пострадавшего, пацанята изо всех сил рванули в деревню. И, конечно же, не куда-нибудь, а в фельдшерский пункт. Санька уже посещала садик, так что мама была на работе, а еще там был папа, зашедший за мамой, чтобы вместе идти на обед. В общем, в лес побежали все вместе: папа, мама и галдящие ребятишки. А пожилая медсестра по указанию мамы тут же принялась звонить в райбольницу и вызывать «скорую»…

Мама оказала потерпевшему первую помощь, а папа на руках доставил его в деревню, где их уже ожидал автомобиль «скорой помощи». А когда

машина с мальчуганом уехала, папа вдруг захотел вернуться в лес и более внимательно осмотреть непонятный аппарат.

— Зачем тебе это? — удивилась мама.

— Не знаю! — пожал плечами папа. — Просто любопытно…

У аппарата уже толпился народ, даже председатель колхоза и тот подъехал на уазике. Разглядывали, бросали реплики, высказывали самые разнообразные догадки и предположения о происхождении странной находки. Кое-кто даже осмелился предположить, что перед ними не успевшая сгореть часть спускаемого космического аппарата.

— Потому-то она такая черная и в дырках! Стекла и те вон как закоптились…

— Если так — надо в центр звонить! — заволновался народ. — Может, премию какую получим…

— Шиш с маслом вы получите, а не премию! — подвел итог дискуссии председатель. — Космический аппарат… выдумали тоже! Кабина эта от трактора какого-то иностранного. Может, японского….

— А дырки зачем? — пытались спорить с председателем сторонники космической версии. — Стекла почему такие темные?

Но у председателя имелись свои, и куда более весомые аргументы.

— Стекла темные — защита от солнца, дырки — от возможного перегрева организма! — сразу же парировал он доводы своих оппонентов. — Для тропиков трактор был предназначен, а не для нашей суровой местности! Потому-то хозяин кабинку и поменял, а эту выбросил за полной ненадобностью…

На том спор и закончился, а председатель, узрев среди присутствующих Санькиного отца, сразу же его к себе подозвал.

— Забирай аппарат, Петрович! — сказал он. — Покопаешься, покумекаешь… глядишь, и сообразишь, как эту заморскую диковинку к нашему климату приспособить. Или хотя бы на детали разберешь — и то хлеб!

Отец, разумеется, отказываться не стал, и уже к вечеру того же дня непонятную конструкцию доставили ему по месту жительства. А точнее, в старый сарай возле избы, в котором отец еще задолго до этого устроил что-то вроде мастерской на дому.

Он не только очистил просторный этот сарай от накопившегося в нем за долгие десятилетия хлама, не только провел туда электричество, но и установил в сарае верстак, наковальню и несколько металлообрабатывающих станков. Еще в сарае имелись стол, табурет, шкаф для инструментов и даже старый диван для отдыха.

Обо всем этом Санька знала и ранее, как и о том, что, приходя с работы, отец еще несколько часов продолжал возиться в своей сарайной мастерской, выполняя многочисленные заказы односельчан. Платы с них он, разумеется, не брал по-прежнему (что людей немало смущало), но папины клиенты все же нашли выход из щекотливой сей ситуации. Деньги, тайком от папы, они вручали Санькиной маме, и та не отказывалась, тем более что при их небогатом семейном бюджете финансовая прибавка эта была никак не лишней.

Все это Санька знала и раньше, а вот об агрегате этом непонятном услышала впервые. Но если верить словам матери (а не верить им у Саньки не было никаких оснований), именно с появлением этого аппарата и начались у них в семье первые неурядицы. Проблемы, то есть…

Началось с того, что отец стал разговаривать во сне. Причем нес какую-то несвязную белиберду, чепуху какую-то нес, такую, что мать, пробудившись от этих бессвязных его возгласов, могла разобрать лишь отдельные понятные слова. Да и то не всегда.

Бывало, что отец бредил по-иностранному, причем странно мешая в бессвязной своей речи английские, французские и даже латинские слова и выражения. А потом и вовсе переходил на что-то восточное: то ли китайский, то ли японский язык. Впрочем, проснувшись, папа ничего из своих ночных разговоров, естественно, не помнил и очень удивлялся, когда мама ему о них сообщала.

— А может, я и вправду иностранный шпион? — то ли в шутку, то ли всерьез высказывал он предположение. — Я ведь своего прошлого совершенно не помню, так что все может быть…

— Конечно, шпион! — смеялась мама. — И я сегодня же сообщу о тебе куда следует!

Внешне-то она смеялась, а вот в душе…

Нет, шпионскую версию мама отвергла сразу… но ведь и в самом деле должно же быть у ее мужа хоть какое прошлое! А что, если эти сны знаменуют не что иное, как постепенное восстановление памяти?

Мама и сама не знала: радоваться ей этому восстановлению или, наоборот, всячески его опасаться. Она любила папу, и папа ее тоже очень любил (а маленькую Саньку он любил, кажется, еще больше)… а что будет, когда папа наконец-таки все-все вспомнит?

И где гарантия, что в той, прошлой своей жизни отец Саньки не был женат? И что у него там не осталось детей, которых он тоже очень любил когда-то?

А отец Саньки и действительно стал что-то припоминать из своего прошлого, хоть маме об этом ничего не рассказывал. И она его об этом никогда не расспрашивала…

Она просто замечала…

Замечала, как изменился муж с тех пор, как в сарае у них появился загадочный этот агрегат. И если раньше он часами пропадал в сарае, ремонтируя и заново собирая все, что приносили ему сельчане, то сейчас все помыслы отца Саньки были связаны лишь с найденной «кабиной».

Дальше — больше! Он даже с работы стал приходить пораньше, чтобы побольше времени проводить в своей мастерской. И если раньше отец, несмотря на всю свою занятость, все же уделял достаточно внимания маленькой дочурке, читая ей по вечерам сказки или участвуя в детских играх, то сейчас он Саньки почти не видел. Временами даже ночевал в сарае, благо, лето на дворе стояло и ночи были довольно-таки теплые, особенно для начала августа…

И то ли что-то не ладилось у отца с этим аппаратом, то ли другое что его тяготило, только в эти душные августовские дни отец Саньки стал очень нервным и раздражался по каждому буквально пустяку. Правда, почти сразу же жалел об очередной своей вспышке и переживал по этому поводу.

И мама тоже переживала, хоть и старалась этого не показывать.

А однажды случилось вот что…

Мама зашла в сарай в то время, когда отца там не было, он уехал в райцентр за какими-то срочно необходимыми ему радиодеталями. Просто так зашла, без всякого умысла…

И увидела посреди сарая полностью собранный аппарат.

Тут следует отметить, что (по словам мамы) отец постепенно разобрал странную эту штуковину, считай, до отдельных деталей, а потом терпеливо вновь их соединил в некие цельные блоки. А потом опять разъединял и раскручивал, пытаясь разобраться в правильности и последовательности соединения.

И вот еще что важно!

Накануне, когда мама приносила отцу ужин в сарай (у него даже на ужин времени не оставалось), отдельные части аппарата были разложены (точнее, разбросаны) в самых разных местах, и все показывало на то, что работы с непонятным этим механизмом еще, как говорится, непочатый край…

А всего сутки спустя аппарат был уже полностью собран и в таком вот собранном виде возвышался теперь на самой середине помещения.

Исключительно из любопытства мама подошла к нему поближе. Памятуя о том, что произошло с мальчуганом, дотронувшимся неосторожно до странной этой конструкции, повторять его ошибку не стала. Просто стояла молча и смотрела…

И в это время аппарат заработал. Сам по себе, без всякого маминого вмешательства.

Он вдруг вздрогнул (и мама, соответственно, тоже вздрогнула от неожиданности), после этого мелко-мелко завибрировал и, наконец,… изменил цвет. Вот только что был матово-черным, а теперь стал ослепительно-белым.

А через мгновение и вовсе исчез.

Мама даже глазам своим не поверила. Некоторое время она лишь оторопело вглядывалась в пустое место, где еще мгновение назад возвышалась непонятная эта конструкция. Потом все же решилась и сделала шаг вперед, вытянув перед собой руку, как бы желая убедиться, что аппарат и в самом деле исчез, а не просто превратился в невидимку.

И в это время что-то сверкнуло, вспыхнуло, и маму с силой отбросило назад, да так, что она, не удержавшись на ногах, грохнулась на пол. А когда вновь вскочила — аппарат уже находился на прежнем своем месте, черный и безмолвный, как и раньше…

Дрожа от пережитого, мама выскочила из сарая и буквально врезалась в отца, уже подходившему к нему. И что самое удивительное, отец, раньше такой заботливый и внимательный, даже не поинтересовался у мамы, что с ней такое произошло, хоть видик у нее был (по собственным маминым словам) еще тот. Наоборот, почти оттолкнув маму, стоявшую у него на пути, отец опрометью бросился в сарай. Впрочем, то, что он там увидел, его, кажется, успокоило.

Выйдя из сарая, отец подошел к маме, обнял ее за плечи и крепко прижал к себе.

— Никогда не заходи туда без меня, очень тебя прошу! — негромко проговорил он в самое ухо и добавил еще более тихим голосом: — И ни о чем меня не спрашивай, ладно?

— Ладно! — почти машинально ответила мама, еще не совсем придя в себя от пережитого в сарае. — А почему нельзя спрашивать?

Некоторое время отец молчал, продолжая обнимать маму за плечи, потом вздохнул и прошептал уже совсем тихо:

— Потому, что я не хочу тебе врать.

Больше они на эту тему не говорили, но весь тот вечер Санькин папа был необычайно ласковым и внимательным и к маме, и особенно к Саньке. Он ее с рук не спускал, а она так и уснула у него на руках…

И в тот же вечер папа произнес пророческие слова насчет нью-йоркских башен-близнецов. Их как раз стали показывать по телевизору, и папа, как-то по-особенному тяжело вздохнув, произнес вдруг фразу, которой в тот момент мама не придала особого значения.

— Месяц остался… — проговорил папа, внимательно разглядывая изображение небоскребов. — Точнее, почти месяц...

— Месяц до чего? — поинтересовалась мама.

— До одиннадцатого сентября, — пояснил папа. Потом помолчал немного и добавил: — Бог с ними, с небоскребами… людей жалко!

А потом еще помолчал и сказал с какой-то болью в голосе:

— И самое обидное — ничего не могу сделать! Даже права на это не имею! — Потом вздохнул и добавил: — Я и так уже…

Истинный смысл папиного высказывания мама смогла понять лишь месяц спустя, когда террористы-смертники буквально протаранили захваченными пассажирскими лайнерами башни-близнецы. Впрочем, последней папиной фразы мама так и не поняла, а спросить было не у кого, так как одиннадцатого сентября папы уже не было в деревне…

Исчез он вечером семнадцатого августа, не ушел, а именно исчез. Просто вышел вечером из дому и не вернулся. А вместе с ним из сарая исчез таинственный агрегат, найденный в лесу, что навело маму на определенные подозрения…

Впрочем, об этих своих подозрениях мама тогда (и вообще до сегодняшнего разговора с Санькой) так никому ничего и не рассказала. А когда какое-то время спустя председатель неожиданно поинтересовался судьбой найденного в лесу агрегата, мама пояснила ему, что муж разобрал этот агрегат до мельчайших деталей еще летом. А куда они потом подевались — она совершенно не в курсе. И председатель, махнув рукой на агрегат, лишь попросил у мамы разрешения забрать из мастерской все то оборудование, которое когда-то папе предоставил колхоз. Мама ответила, что председатель может забрать из сарая все, что посчитает необходимым, а ей самой ничего из этого барахла не нужно.

Именно этого никак не мог простить Санькиной маме Иван, словно муравей по крупицам собирающий отовсюду инструменты и вообще все металлическое. Впрочем, сказал он об этом лишь Саньке, и то по большому секрету, а сказав, тут же о сказанном пожалел. Он ожидал, что Санька здорово обидится за мать, а она лишь, как-то по-взрослому вздохнув, сообщила враз повеселевшему Ивану, что очень даже его понимает.

Председатель действительно изъял из сарая все, кроме стола, табурета и дивана. Правда, он вскоре принес маме деньги за конфискованное оборудование (не очень большие, правда), а потом еще и долго извинялся.

— Если Петрович вдруг объявится — все верну, — пообещал он напоследок.

Но отец так и не объявился. А вскоре маме с Санькой предоставили собственное жилье: двухкомнатную квартиру в доме на две семьи. Во второй половине дома поселилась тетя Клава, вновь помирившаяся с мамой. Вот тогда-то Санька впервые и повстречала Ивана…

А бывшее их жилье забили досками, и Санька никогда больше там не бывала. Как и в старом сарае, в котором когда-то, давным-давно, располагалась папина мастерская.

Глава 3

От Ивана у Саньки никогда не было никаких секретов, и она, разумеется, уже на следующий день пересказала своему другу всю полученную от мамы информацию. Произошло это, когда они возвращались из школы домой, и пересказ информации занял у Саньки почти весь путь.

— Интересно… — задумчиво проговорил Иван, когда Санька закончила долгое свое повествование и они остановились у калитки, ведущей к Сань-

киной половине дома. — Странно только, что мама твоя моей ничего об этом раньше не рассказывала…

— Почему ты думаешь, что не рассказывала? — удивилась Санька… впрочем, она и сама уже знала ответ на этот вопрос.

При всех положительных качествах тети Клавы (в первую очередь, необычайной доброте и отзывчивости), доверить ее хоть какую тайну было невозможно: тайна эта на следующий же день просто переставала быть тайной для всей деревни без исключения.

— И что ты обо всем этом думаешь? — тут же задала Санька Ивану следующий вопрос. — Куда, по-твоему, исчез мой папа в тот вечер?

Иван ничего не ответил, лишь задумчиво почесал затылок. Он, вообще-то, никогда ни на один вопрос так, с ходу, не отвечал, ему всегда требовалось хоть какое-то время, чтобы хорошенько каждый, даже самый простой вопрос обдумать…

— Ну ладно, подумай пока, — милостиво разрешила приятелю Санька. — А я домой пойду! Додумаешься — приходи!

— Слушай, а пошли ко мне обедать! — вдруг предложил Иван. — Мама утром борщ вкусный сварганила.

— Борщ, говоришь?

Санька обожала борщ.

— И котлеты на второе, — добавил Иван. — С картофельным пюре.

— Ладно, — не смогла устоять перед соблазном Санька. — Сейчас рюкзак сброшу, переоденусь и сразу же прибегу.

Борщ и в самом деле оказался вкусным, котлеты тоже не подкачали, так что во время обеда никакого продолжения разговора не последовало. Но после обеда Санька требовательно посмотрела на Ивана.

— Ну, высказывай свое мнение! — сказала (а вернее, приказала) она, усаживаясь на диван. — А потом я свое мнение выскажу.

— А может, сначала ты свое? — начал было Иван, но Санька лишь отрицательно мотнула головой.

— Свое мнение я знаю и так! — вполне резонно заявила она. — Меня в данный момент именно твое интересует! Да ты садись, нечего передо мной столбом телеграфным маячить!

Иван, который и в самом деле сильно вытянулся за последние несколько месяцев, тут же отошел от Саньки и робко присел на самый краешек дивана. В последнее время он почему-то очень робел и терялся в Санькином присутствии…

— Ну! — проговорила Санька некоторое время спустя. — Ты что, заснул?

— Слушай, а может, твой отец, это… инопланетянин? — выдал, наконец, свое мнение Иван. — А кабина эта непонятная — его космический корабль?

— Ты и в самом деле так думаешь? — Санька внимательно и даже с каким-то интересом посмотрела на Ивана. — Ты так думаешь?

— Да нет, конечно! — засмеялся было Иван, но тут же резко оборвал смех, потому как Санька сердито обожгла его взглядом. — А ты сама как считаешь?

— Я?

Санька задумалась и некоторое время лишь молча смотрела себе под ноги. Потом она вздохнула, подняла голову и внимательно посмотрела на Ивана. Внимательно и как-то оценивающе, что ли…

— Поклянись, что никому ничего не скажешь?

— А кому это я когда говорил?! — даже обиделся Иван.

— И тете Клаве тоже!

— Да не скажу я никому! — буркнул Иван, исподлобья глядя на Саньку. — А сомневаешься — можешь не говорить!

— Да не сомневаюсь я! — досадливо поморщилась Санька. — И вообще, я считаю, что мой папа…

Не договорив, Санька смолкла, еще немного помолчала и вдруг выпалила одним духом:

— Я считаю, что мой папа… что он — из будущего!

Выпалив это, она вновь замолчала. Иван тоже молчал, как бы переваривая только что услышанное.

— Из какого будущего? — проговорил он после довольно-таки продолжительного молчания.

— Из нашего далекого будущего! — пояснила Санька. — А аппарат этот непонятный на самом деле — его «машина времени».

Замолчав, Санька в который раз уже внимательно посмотрела на Ивана. Вид у него был не просто удивленный, а даже несколько оторопелый, что ли...

— С чего ты взяла, что… — начал было он, но Санька тут же его перебила.

— Слушай, да ведь все сходится! — воскликнула она, пододвигаясь к Ивану вплотную и даже хватая его за руку. — Все просто идеально сходится! Папа объявляется в нашем лесу неизвестно откуда, ничегошеньки о себе не помнит… а потом в этом же лесу обнаруживают непонятный этот агрегат…

— Так его ж только через несколько лет обнаружили, — напомнил Иван. — И притом, в таком месте, хоженом-перехоженом…

Санька задумалась на мгновение. Впрочем, почти сразу же разрешила загадку.

— Просто аппарат почему-то покинул папу, а сам исчез, вернувшись в свое далекое будущее! А потом, через несколько лет, вдруг снова на этом же самом месте объявился! Как тогда, в сарае… помнишь, я тебе рассказывала?

Иван ничего на это не ответил.

— Ну вот, а папу в этот момент, когда аппарат его сюда доставил, какими-то лучами или волнами так шибануло, что всю память напрочь отшибло. А потом, когда он вновь увидел свою потерянную «машину времени», память начала возвращаться, и он…

Не договорив, Санька замолчала и посмотрела на Ивана.

— Вот так я считаю… — сказала она и вновь замолчала.

Она ждала, что же такого скажет ей Иван, но тот лишь молча и с какой-то даже непонятной жалостью смотрел на Саньку. И довольно-таки продолжительное время.

— Ну, чего ты молчишь?! — не выдержала Санька. — Уставился и молчит! Выскажи, наконец, и свое авторитетное мнение!

— А не обидишься? — несколько неуверенно поинтересовался Иван. — Пообещай, что не обидишься!

— Обещаю! — медленно проговорила Санька. — Говори!

— Я считаю… — начал было Иван и вновь замолчал.

— Ты считаешь… — продолжила за него Санька. — Ну, что ты считаешь?!

— Я считаю, что твой отец просто бросил вас! — одним духом выпалил Иван. — Как и мой!

Высказав все это, Иван с какой-то робостью взглянул на Саньку.

— Давай, продолжай! — подбодрила его Санька, глядя куда-то себе под ноги.

— А что продолжать? — буркнул Иван. — Вернулась память — вспомнил о своем прошлом! О жене, о ребенке… ну и рванул к ним, вас оставив…

— Я — его ребенок! — вдруг закричала Санька, вскакивая с места. — Я — его единственный ребенок, понятно? И я не виновата, что у тебя не было отца, что его совсем у тебя не было! А вот у меня был! И есть! И будет! И пошел бы ты!

Бросив все это прямо в лицо Ивану, Санька вылетела из комнаты, хлопнув напоследок дверью с такой силой, что даже стекла в окнах зазвенели.

* * *

Примчавшись домой, Санька сразу же бухнулась на кровать и… разревелась. И долго ревела, сама не совсем понимая истинную причину своих горьких слез.

А наревевшись, вдруг обнаружила, что Иван стоит у порога, переминаясь с ноги на ногу. Поняв, что обнаружен, он виновато улыбнулся.

— Садись, чего стоишь! — буркнула Санька сиплым от слез голосом. — Ноги не казенные!

Пододвинув к себе ногой ближайший табурет, Иван осторожно присел на самый его краешек.

— Ты, это… извини! — проговорил он, глядя себе под ноги. — Не обижайся, ладно?

— Это ты извини! — сказала Санька, усаживаясь на кровати. — Тем более что, скорее всего, ты абсолютно прав, и он просто бросил нас и сбежал, не прощаясь! А я… я все нафантазировала, дура наивная!

Иван вздохнул и некоторое время молчал. Точнее, оба они молчали некоторое время.

— А может, у него просто не было другого выхода, — стараясь быть справедливым, проговорил, наконец, Иван, прерывая тягостное это молчание. — Вот мой, например, так он даже моего рождения дожидаться не стал…

— И что с того, что мой дождался? — сказала Санька и, смахнув ладошкой со щеки последние остатки слез, добавила: — Оба наших отца, как говорится, затерялись в пространстве и времени.

— Это твой — в пространстве и времени, — внес поправку Иван. — А мой — всего лишь в нашем российском пространстве.

— Значит, ты мне все-таки хоть немного поверил? — вскинула голову Санька. — Поверил, что это была настоящая «машина времени»?

Вместо ответа Иван лишь неопределенно пожал плечами. Впрочем, Санька восприняла этот неуверенный жест как знак несомненного согласия с ее точкой зрения.

— И знаешь, что я думаю? — таинственно понизив голос, проговорила она. — Что, если нам с тобой…

— Если нам с тобой… — машинально повторил Иван и, спохватившись, добавил: — Что нам с тобой?

— Что, если нам с тобой срочно обследовать тот старый сарай?

* * *

Дом старушки, в котором когда-то родилась и провела первые годы жизни Санька, находился на самой окраине деревни. Никто в нем, естественно, в настоящее время не жил: сама старушка давно умерла, дочь ее даже летом сюда не наведывалась.

— А я ведь тут когда-то жила! — пробормотала Санька, разочарованно разглядывая приземистое черное строение с наглухо заколоченными окнами. — Когда совсем маленькая была.

— Знаю! — кивнул головой Иван. — И моя мама тоже тут когда-то жила. Еще раньше тебя…

— Ума не приложу, как в таких условиях вообще жить можно?

— Живут люди и не в таких условиях…

Переговариваясь вполголоса, они некоторое время просто стояли посреди двора, сплошь покрытого сухим прошлогодним бурьяном и молодой порослью крапивы. Стояли и внимательно осматривались по сторонам.

— Ничегошеньки не помню! — разочарованно проговорила Санька. — Думала: приду — хоть что-либо да вспомню…

— Просто тогда, наверное, тут все совершенно иначе выглядело, — сказал Иван.

— Наверное…

Они вновь замолчали.

— Ну, и что ты рассчитывала тут отыскать? — поинтересовался Иван, когда, с трудом приотворив скрипучую дверь сарая, они вошли, вернее, протиснулись внутрь. — Отцовские бумаги или письмо прощальное?

— Сама не знаю, — сказала Санька, внимательно осматриваясь по сторонам. — Вряд ли мы тут хоть что-нибудь обнаружим…

— Я тоже так считаю. Тем более, в такой темноте!

В сарае и в самом деле царил полумрак, которому совсем немного не хватало для того, чтобы превратиться в полный сумрак. Два небольших грязных окошка, к тому же изрядно заслоненные с той стороны каким-то развесистым кустарником, пропускали самый минимум световых лучей…

— Н-да… — проговорил Иван. — Зря фонарик не взяли!

В это время Санька разглядела на стене у входа белый квадрат выключателя. И лампочка под потолком имелась. А что, если…

Санька протянула руку и щелкнула выключателем. И не слишком удивилась даже, когда в сарае зажегся тусклый желтоватый свет.

— Ух ты! — восхищенно воскликнул Иван, подходя к стене. — Да тут, оказывается, и розетки имеются! И трехфазная даже! Слушай, Сань, а может, мне тут свою мастерскую организовать? Нелегальную.

— Почему нелегальную? — спросила Санька, думая совершенно о другом.

— Потому что сарай чужой, — пояснил Иван. — К тому же, за электричество платить не надо будет…

Слушая его рассуждения, Санька тем временем продолжала внимательно осматривать сарай, хотя смотреть тут было совершенно не на что.

Пустые стены, густо покрытые пылью и паутиной, полуразвалившиеся останки дивана у стены и какой-то довольно высокий шкафчик посреди помещения. Впрочем, из-за огромного количество пыли и паутины, осевшей на нем, определить истинные размеры шкафчика было делом далеко не простым.

— Замок навешу, — продолжал между тем размышлять вслух Иван, — на окна изнутри шторы накину. Никто и не догадается, что в сарайчике этом…

— Помолчи! — приказала Санька, и Иван послушно умолк.

А Санька все продолжала и продолжала рассматривать шкафчик. Наверное, в нем когда-то хранились инструменты отца… странно только, что шкафчик находится не возле стены, а на самой середине помещения…

Однако что тут странного. Председатель, забирая инструменты и оборудование, выдвинул шкафчик, но забирать его не стал из-за ветхости.

«Но мама сказала, что в сарае остались лишь стол, табурет и диван, — вспомнилось вдруг Саньке. — Стол и табурет она забрала в дом, диван же перетаскивать не стала. Некуда было, да и незачем — рухлядь такую! А вот о шкафчике ничего не говорила. Забыла или…»

Иван обратил внимание на шкафчик.

— Что это? — спросил вдруг он странным, враз изменившимся голосом.

— Шкаф для инструментов, скорее всего… — пояснила Санька. — Пустой. И если ты думаешь, что там, внутри, что-то осталось, то глубоко…

— Иди сюда! — перебив Саньку, проговорил Иван все тем же странным голосом. — Иди, не бойся!

— А я и не боюсь! — сказала Санька, делая шаг вперед. — Почему это я должна боя…

Она замолчала на полуслове, не сводя взгляда с непонятного предмета, который издали приняла за простой шкафчик, лохматый от паутины.

Предмет этот не был шкафчиком и даже не очень на него походил. Он скорее напоминал снятую кабину комбайна… а потом Санька разглядела под пылью и клочьями паутины черные стекла «кабины» и ее несимметрично дырчатые стены.

И поняла, наконец, что перед ними…

— Это тот самый аппарат, — проговорила она почему-то шепотом.

Иван согласно кивнул. Отрицать очевидное было бы глупо даже такому отъявленному спорщику, как он.

— Это *тот* аппарат, — повторила Санька с непонятным восторгом. — Он вернулся!

— А может, и не исчезал никуда?

— Что?!

Некоторое время Санька молча смотрела на Ивана, что, впрочем, того не особенно смутило.

— Ты опять?

— Ладно, пускай будет по-твоему! — сказал Иван. — Он исчез, потом вернулся… дальше что?

— Дальше?

Санька задумчиво посмотрела на «кабину», потом перевела взгляд на Ивана.

— Ты мне веришь или нет?! — вдруг закричала она. — Или так, притворяешься?!

— Не знаю! — ответно рявкнул Иван, и это было так необычно, что Санька даже отшатнулась. — Ты посмотри, сколько тут пыли!

— Значит, он давно вернулся, — неожиданно спокойно проговорила Санька. — Возможно, много-много лет назад…

Иван ничего не ответил, но видно было, что Санькины слова его не переубедили.

— Это папа его сюда послал! — вдруг дошло до Саньки. — Он же не знал, что мы переехали, вот и направил его сюда! За мной… точнее, за нами…

— За нами? — недоверчиво и одновременно даже радостно переспросил Иван. — Ты думаешь?

— Я не думаю, я знаю! — воскликнула Санька, дрожа от внутреннего волнения. — Он просто хотел, чтобы мы с мамой…

— Вы с мамой?!

Иван помрачнел и отвернулся.

— Вот только не дуйся! — схватив его за руку, проговорила Санька. — Нашел время!

Иван ничего не ответил.

— А хочешь, мы и тебя с собой заберем?

— Больно надо! — буркнул Иван. — Тем более, что железяке этой давно в утиль пора!

Протянув руку, он хотел провести ей по запыленной поверхности аппарата, но Санька вовремя перехватила его руку.

— Нельзя!

— Да ладно тебе! — Иван все же дотронулся до металлической стенки, правда, тотчас же отдернул руку. — Видала, ничего не случилось!

Он вторично, уже куда смелее провел ладонью по поверхности странного этого аппарата, сметая с него клочья пыльной паутины.

И в это время аппарат заработал.

Сверкнула зеленоватая вспышка, и он… исчез. Перед изумленными взорами Саньки и Ивана (они теперь вновь стояли возле самой двери, хоть и сами себе даже не могли объяснить, как, когда и каким невероятным образом успели сюда переместиться) осталась лишь пыльная паутина, почти полностью сохранившая форму странного этого аппарата. Мгновение этот паутинный каркас еще держался в воздухе, а потом разом рассыпался и осел на пол горсткой серой пыли…

— Вот это да! — изумленно выдохнул Иван. — Видала?!

— Видала! — сказала Санька. Потом помолчала немного и добавила: — Теперь веришь?

— Теперь верю! — мрачно буркнул Иван. — Впрочем, что толку! Аппарат-то улетел!

Некоторое время они молча смотрели на то место, где только что произошло чудо. Не сказочное, впрочем, а вполне научно-техническое…

— Это все ты! — упрекнула Санька приятеля. — Говорила: не трогай!

Чувствуя свою вину, Иван ничего не ответил.

— Он, наверное, теперь в будущем, — вздохнув, добавила Санька. — И уж точно назад не воротится…

— Смотри, смотри! — взволнованно прошептал Иван.

Но Санька чуть замешкалась и потому момента возвращения аппарата не увидела. А увидела лишь сам аппарат, черный и блестящий, без единого пятнышка пыли.

И вполне готовый к работе…

Он стоял на прежнем своем месте, а внутри у него горели, перемигиваясь, какие-то разноцветные огоньки, явственно различимые благодаря темным стеклам верхней части и многочисленным отверстиям в остальном корпусе. А еще аппарат этот время от времени начинал издавать негромкое басовитое жужжание, отдаленно напоминающее жужжание шмеля в полете.

Огромного такого шмеля. Опасного…

— Чего это он? — шепотом спросил Иван у Саньки.

— Не знаю! — тоже шепотом ответила Санька. — Но мне страшно!

— Не бойся! — Иван на ощупь нашел Санькину ладонь, осторожно ее пожал. — Я же рядом!

В это время у аппарата сама собой распахнулась дырчатая дверка, как бы приглашая внутрь. Потом снова закрылась… и вновь распахнулась…

— Заманивает! — прошептал Иван, по-прежнему не выпуская из своей ладони дрожащие пальцы Саньки. — Нашел, понимаешь, дураков!

— Может, все-таки подойдем? — тоже шепотом предложила Санька. — А вдруг там послание?

— А вдруг он опять исчезнет, как только мы подойдем?

Этого Санька не знала и ничего не ответила. Она лишь продолжала молча рассматривать аппарат…

Но аппарат и не думал исчезать. Пока, во всяком случае. Он то распахивал дверку, то вновь ее захлопывал, подмигивая при этом Саньке разноцветными своими огоньками. И жужжал теперь не переставая.

И Санька вдруг поняла, что совершенно перестала его бояться. Наоборот, она неожиданно прониклась к странной этой конструкции доверием. Настолько сильным, неодолимым даже, что, выдернув руку из ладони Ивана, молча двинулась к аппарату.

Как раз в тот самый момент, когда он в очередной раз гостеприимно распахнул перед Санькой дырявую свою дверку.

— Не смей! — заорал Иван, одним прыжком догнав ее. — Назад!

Он обхватил Саньку за талию, легко, словно пушинку, приподнимая ее над землей.

— Ты что, дура?!

— Сам ты дурак! — заорала Санька, тщетно пытаясь высвободиться. — Убери руки!

И Иван почему-то сразу повиновался. Он осторожно опустил Саньку на пол и разжал руки. А потом оба они, словно завороженные, уставились в черные внутренности аппарата.

Никакого послания от Санькиного отца там, разумеется, не было. Но зато имелось сиденье, металлическое и тоже все в дырках. А перед сиденьем располагалось что-то напоминающее пульт управления. Именно там мигало, не переставая, превеликое количество разноцветных огоньков.

— Я хочу туда влезть! — проговорила Санька дрожащим от волнения голосом. — Я очень хочу это сделать! А ты?

— И я! — сказал Иван, и голос у него тоже слегка подрагивал. — Но нельзя!

— Почему?

— Потому что… — не договорив, Иван замолчал, как бы подыскивая наиболее весомые аргументы. — Потому что мы ничего о нем не знаем!

— Мы знаем, что он из будущего!

— Не знаем мы этого! — возразил Иван. — Это ты так решила…

В это время аппарат, словно раздосадованный их нерешительностью, захлопнул дверку. Басовитое жужжание шмеля оборвалось, сменившись тонким комариным писком. Огоньки, тускло различимые за темным стеклом, замигали еще быстрее, и чем быстрее они мигали, тем больше в их окраске становилось фиолетового…

— Он сейчас исчезнет! — отчаянно закричала Санька, хватаясь за дверку. — И больше уже не вернется, я это чувствую!

Она попыталась открыть дверку, но ничего у нее не получилось. А аппарат уже вовсю светился единым фиолетовым цветом… и все пронзительнее становился комариный его писк…

— Отойди!

Вновь обхватив Саньку за талию, Иван с силой рванул ее к себе… и в это самое время ослепительная фиолетовая вспышка больно стеганула Саньку по глазам…

Одновременно с этим какая-то невероятно упругая волна ударила ей в лицо, и Санька с ужасом ощутила вокруг себя… пустоту. И ощущение свободного полета… правильнее, свободного падения…

Она и в самом деле падала в эту пустоту, и Иван падал вместе с ней, потому как Санька все время ощущала у себя на талии его руки. Она попыталась

открыть глаза, вернее, она их открыла, но вокруг по-прежнему простиралось ослепительное фиолетовое сияние, и Санька вновь крепко зажмурилась, боясь ослепнуть окончательно.

Хотя, возможно, она уже ослепла от той яркой вспышки. Поняв это, Санька испугалась. И закричала… вернее, попыталась закричать, но и с этим ничегошеньки у нее не получилось. Она даже рта не смогла раскрыть и все продолжала и продолжала падать неизвестно куда.

Потом руки Ивана вдруг исчезли, и это было куда страшнее всего остального, потому как Санька оставалась теперь совершенно одна в бесконечном фиолетовом своем падении. А потом ей пришла в голову страшная в своей простоте мысль о том, что ничего бесконечного не существует и любое падение хоть когда-нибудь, да заканчивается. А заканчивается оно всегда одинаково: страшным ударом человеческого тела о твердую поверхность…

И Санька вдруг совершенно отчетливо представила себе этот удар и то, во что превратит он человеческое тело…

Ее собственное тело!

Этой последней мысли было вполне достаточно, чтобы Санька потеряла сознание.

Глава 4

Очнулась Санька от холода. Или, скорее, от сырости. А очнувшись и открыв глаза, увидела над собой ясное звездное небо и узенький серпик месяца, висящий над самым горизонтом.

И тотчас же вернулась память.

Странный агрегат в заброшенном сарае… и яркая фиолетовая вспышка, швырнувшая ее в какую-то бездонную пропасть. И падение, бесконечно долгое падение в эту самую пропасть…

Руки Ивана, крепко ухватившие ее…

Вспомнив об Иване, Санька приподняла голову и принялась озираться по сторонам. Она внимательно всматривалась в темноту ночи (хотя темнота эта была весьма условной, ибо в той стороне, где низко над горизонтом золотился месячный серпик, уже разгоралась алая полоска зари), всматривалась долго, но никого рядом с собой так и не смогла обнаружить.

Впрочем, Иван мог свалиться где-нибудь в стороне. Возможно, он еще не вполне пришел в себя…

— Иван! — вполголоса позвала Санька приятеля. — Ты где?

Ответом ей была тишина. Лишь слева, там, где в темноте виднелось что-то еще более темное (скорее всего, лес), тоскливо и пронзительно прокричала ночная птица.

— Иван! — громче крикнула Санька, вставая на колени. — Ванечка!

А заря на востоке разгоралась все ярче и ярче, постепенно рассеивая влажную ночную мглу. Санька, поднявшись на ноги, уже отчетливо различала окружающее предметы и поняла, что находится сейчас на каком-то открытом пространстве, похожем на огромный и давно не кошеный луг. Черная масса слева и в самом деле оказалась лесом, и кажется, даже сосновым бором, а луг этот тянулся очень далеко, переходя у линии горизонта в пологие, поросшие кустарником холмы.

И звезд на небе уже не осталось, кроме одной, самой яркой… и Санька почему-то сразу поняла, что это Венера.

— Привет! — как старой знакомой, сказала она Венере и даже помахала ей рукой. — Ты тоже тут?

Под словом «тут» она, конечно же, подразумевала будущее, в котором только что очутилась. А в том, что она сейчас в будущем, Санька ни капельки даже не сомневалась. Такой высокой шелковистой травы она никогда не видела в своем родном настоящем, да и сам воздух тут был другим: свежим и ароматно бодрящим…

Еще разок взглянув на Венеру, ярко сверкающую над горизонтом, Санька вдруг подумала, что, возможно, люди этого времени уже вполне освоили соседнюю планету и даже построили огромные города на ее поверхности. И полет на Венеру для них — это так же просто, как для поколения Саньки, скажем, полет на реактивном авиалайнере за океан.

«Но несмотря на это, люди в этом их будущем ничем не должны от нас отличаться, — успокоила она себя. — Ни внешне, ни внутренне. Ведь мой папа… выглядел-то он вполне по-нашему…»

Саньку нисколечко не беспокоило, как она будет общаться с людьми будущего, не зная языка, на котором они сейчас разговаривают. Куда больше беспокоило ее отсутствие рядом с собой Ивана. Впрочем, вполне возможно, что оказался он при приземлении на достаточно-таки порядочном от Саньки расстоянии.

— Ничего, встретимся! — бодренько сказала она себе самой. — Мне сейчас главное — папу отыскать!

И тут она поняла, что задача сия будет не столь уже простой. Во-первых, Санька совершенно не помнила отца и представляла его лишь по немногочисленным фотографиям, которых с собой, конечно же, не захватила. Во-вторых, она даже настоящего имени своего отца не знала, не говоря уже о фамилии, профессии и всем прочем.

Ну а в-третьих, вполне возможно, что машина времени забросила их с Иваном в какую-нибудь иную эпоху. Плюс-минус сотня лет… для будущего такой пустяк, а вот для самой Саньки…

В первую очередь надо было отыскать Ивана!

И Санька принялась за поиски. Для начала она еще разок внимательно осмотрелась вокруг (благо, уже совсем рассвело). Потом внутренне порадовалась тому, что сейчас лето, а не зима, хотя, возможно, в этом отдаленном будущем зимы как таковые попросту отсутствуют. И двинулась прямиком через огромный луг по направлению к холмам. Почему она выбрала именно это направление — этого Санька не могла объяснить даже себе самой.

Идти по высокой густой траве — не такое уж приятное дело. Особенно если трава сплошь укрыта холодными капельками росы. Санькины кроссовки промокли моментально, очень скоро пропиталась водой и нижняя часть джинсов. Впрочем, Санька старалась не обращать внимания на такие мелочи, ибо чем выше поднималось солнце над горизонтом, тем суше становилось вокруг и тем легче было идти. К тому же и сама трава постепенно мельчала… а когда Санька добралась, наконец-таки, до заветных холмов, трава и вообще почти исчезала, уступив место обширным песчаным дюнам…

К этому времени Санька уже совершенно выбилась из сил, а посему решила устроить себе небольшой отдых. Обнаружив неподалеку округлый валун, она уселась на него и, подставив яркому летнему солнцу вспотевшее лицо, замерла с закрытыми глазами. А потом со всего размаха хлопнула себя ладонью по лбу.

— Я — дура! — сказала она громко. — Я — круглая идиотка!

Сделав себе сомнительный этот «комплимент», Санька вскочила с валуна и, сунув руку в карман, вытащила мобильник. Отыскав в «меню» Ивана, решительно нажала на кнопку вызова…

И ничего не произошло.

Ни длинных гудков, ни коротких… ни краткого вежливого сообщения о том, что «телефон абонента выключен или находится вне зоны доступа»…

Совсем даже ничего…

— Странно! — вполголоса пробормотала Санька и повторила вызов.

С тем же результатом.

Впрочем, ничего странного во всем этом не было, и Санька сама отлично понимала, что для далекого будущего, в котором она вдруг оказалась, мобильная связь начала XXI столетия — почти «каменный век»! Кто знает, как они тут, в будущем, между собой общаются. Может, каким-нибудь телепатическим способом?

Куда больше смущало Саньку полное отсутствие здесь хоть каких-либо признаков цивилизации, тем более цивилизации высокоразвитой. Или девственная природа вокруг и есть главное доказательство сего факта?

«А может, сама Земля сейчас — не более чем заповедник? — вспомнила вдруг Санька сюжет какого-то давно прочитанного фантастического произведения. — В таком случае долго же мне придется до людей добираться!»

И в это время она, наконец-таки, увидела людей. Вернее, одного человека…

Человек этот шел навстречу, но Саньку пока еще, кажется, не замечал. Высокий и худой, он был одет в странную какую-то одежду: длинный, почти до пят, черный балахон с капюшоном, так низко надвинутым на лицо, что из-под него виднелись лишь нижняя часть носа и черная с проседью борода. В правой руке незнакомца была зажата толстая палка, больше напоминающая дубинку, левой же он энергично отмахивал в такт каждому своему шагу.

Некоторое время Санька стояла неподвижно и во все глаза смотрела на приближающегося бородача. Для человека из далекого будущего он выглядел слишком уж архаично…

Хотя во все времена встречались чудаки. И если сейчас вся Земля — заповедник, то среди его обитателей вполне возможна встреча с таким вот отшельником, стремящимся к полному слиянию с природой.

В это время незнакомец наконец-таки заметил Саньку и тоже остановился, откинув с головы капюшон. Некоторое время молча смотрел на Саньку… и она тоже во все глаза его разглядывала.

Судя по довольно обширной седине в бороде и длинных спутанных волосах незнакомца, был он далеко не первой молодости… впрочем, на глубокого старца тоже не походил. На первый взгляд было ему лет пятьдесят, от силы пятьдесят пять… Впрочем, кто знает, какая у них тут, в будущем, средняя продолжительность жизни и в каком именно возрасте мужчины выглядят на пятьдесят лет земного, то есть, Санькиного времени?

Взаимное молчание грозило затянуться надолго, и потому Санька решила заговорить первой.

— Здравствуйте! — сказала она и даже сама почувствовала, как дрожит ее голос (от волнения, что ли?). — Я тут брата ищу. Вы его не встречали?

Назвав Ивана братом, Санька ничуточку не погрешила против истины. Она и в самом деле считала его почти братом, хоть сам Иван был категорически с этим не согласен.

Бородач молча и даже с подозрением рассматривал Саньку. Впрочем, вполне возможно, он просто не понял ее вопроса.

— Вы что, по-нашему не понимаете? — спросила Санька, чувствуя себя довольно неловко под пристальным взглядом незнакомца. — Совсем не понимаете, да?

— Кто ты, отрок? — вдруг пророкотал бородач густым, нутряным каким-то басом. — Говоришь непонятно и одет чудно. Из скоморохов, что ли?

— Я из… — начала было Санька и осеклась…

Что-то было не так!

Бородач принял ее за мальчика, но как раз в этом-то ничего удивительного и не было. Саньку с самого раннего детства часто принимали за мальчика, ибо стриглась она всегда очень коротко, да и из одежды брюки и шорты всегда предпочитала платьицам да юбчонкам. Вот и сейчас она была одета в потертый джинсовый костюмчик… на ногах кроссовки, на голове — сетчатая бейсболка…

Но эти слова: «отрок», «скоморох»… Да и сама одежда странного бородача… даже для «слияния с природой» она слишком уж необычная…

Пока Санька усиленно над всем этим размышляла, где-то неподалеку послышался топот копыт, и из-за поворота ближайшего холма вылетело около десятка всадников. Рука бородатого незнакомца тотчас ухватила Саньку за плечо, привлекла к себе.

— Отпустите! Вы что себе позволяете… — крикнула было Санька и замолчала, ощутив на своих губах шершавую ладонь бородача.

— Помолчи, отрок! — хрипло и властно зашептал бородач, не сводя напряженного взгляда с быстро приближающихся всадников. — Не то беду на обоих нас накличешь! Я говорить буду, а ты молчи! И глаз не поднимай, в землю лучше смотри!

Санька, как это ни странно, сразу же подчинилась властному его голосу и молча уткнулась взглядом в редкую траву у своих ног. Бородач, отняв ладонь, низко поклонился подъехавшим всадникам. Одновременно он так нажал другой рукой на плечо Саньки, что она тоже изобразила нечто вроде поклона, сама того не желая…

— Ты кто, монах?! — уверенным начальственным голосом выкрикнул ближайший из всадников. — Ты что тут высматриваешь?! Отвечай!

— Я — смиренный инок Феофан из Троице-Сергиева монастыря, — напевно и как-то по-особому униженно проговорил бородач. — С разрешения и благословения игумена брожу по местам святым, дабы замолить посещением мест сих заповедных давние грехи своя.

— Врешь, монах! — медленно и с явной угрозой в голосе произнес обладатель начальственного голоса. — Лазутчик ты, от воровских казаков Телятевского да Болотникова сюда засланный! Говори добром, ежели не хочешь с дыбой спознаться!

— Святой крест тому свидетель, что истинную правду сказал! — рука Феофана быстро скользнула куда-то под балахон, и он вытащил оттуда большой медный крест на тонком, потемневшем от времени шнурке. — Крестом сим и Спасителем нашим клянусь, что в мирские дела не вмешиваюсь, лишь о духовном пекусь, о спасении души своей многогрешной…

Наверное, лишь в этот момент предводитель всадников заметил Саньку, вернее, обратил на нее свое внимание.

— Это кто с тобой, монах?! — проговорил он скорее удивленно, нежели угрожающе. — По одеянию судя — из иноземцев…

— Сирота это, — не давая Саньке даже рта раскрыть, быстро заговорил Феофан. — А одет дивно, потому как из скоморохов он, от своих, вишь, отбил-

ся. А может, померли все товарищи его либо побили их казаки воровские. Из жалости с собой взял, в обитель воротимся — в послушники определю…

«Это не будущее! — вдруг пронзила Саньку страшная догадка. — Это прошлое! Далекое прошлое, и я… я в нем, кажется, крепко застряла!»

Осознав это (хоть разум все еще отказывался признать очевидное), она, вопреки строгому наказу монаха Феофана, вскинула голову и взглядом, полным ужаса, обвела обступивших их всадников.

Передний из всадников, довольно молодой и щеголеватый, был облачен в золоченую кольчугу, на голове его имелся остроконечный шлем с перьями. На широком кожаном поясе всадника тяжело покачивалась сабля, ножны ее были мастерски украшены голубыми и алыми камнями-самоцветами.

Его спутники тоже были вооружены саблями (без всяких, правда, украшений на ножнах), но вместо кольчуг имели на себе какие-то излишне толстые стеганые кафтаны с высокими стоячими воротниками. Головы трех всадников защищали округлые шлемы, отдаленно напоминающие немецкие каски времен Первой мировой, остальные же довольствовались простыми колпаками из толстого войлока.

Саньку вдруг охватило странное какое-то ощущение, ощущение полной нереальности всего того, что с ней сейчас происходило. Словно она неожиданно оказалась в фильме или, что вернее, на съемках исторического фильма. А вот сейчас откуда-то со стороны появится режиссер или оператор с камерой… и тогда…

— Опусти глаза, щенок! — рявкнул вдруг на Саньку всадник в кольчуге, взмахивая плетью. — Смерд поганый!

На Саньку неминуемо обрушился бы удар, но Феофан каким-то чудом успел заслонить ее, приняв плеть на себя. Всадники дружно расхохотались… впрочем, незло, а скорее насмешливо-добродушно, а всадник в кольчуге вновь взмахнул плетью…

— Не гневайся на него, боярин! — безропотно принимая удар за ударом, говорил Феофан все тем же напевно-заискивающим голосом. — Отрок еще, к тому же блаженный он, разумом весьма слаб…

И тут Санька закричала. Вернее, дико завизжала и, упав на землю, принялась кататься по ней, обхватив руками голову. Она уже ничего не соображала и ничего не желала соображать. Она желала сейчас лишь одного: чтобы этот кошмар, который так неожиданно ворвался в ее жизнь, поскорее закончился и она вновь оказалось в своем времени. Не в будущем (она уже не стремилась туда попасть), а именно в своем настоящем. Там, где осталась мама… ведь она там совершенно одна осталась!

— Падучая у него к тому ж! — глухо, как сквозь слой ваты, доносились до слуха Саньки слова Феофана. — Отпустил бы ты нас, боярин, век Бога за тебя молить будем!

Эти слова — последнее, что смогла еще расслышать Санька перед тем, как окончательно потерять сознание.

* * *

Когда Санька очнулась, уже почти стемнело. Неподалеку от нее ярко горел костер, возле которого, сгорбившись и обхватив колени руками, сидел Феофан. Он не смотрел в сторону Саньки и, казалось, совсем позабыл о ее существовании, и Санька не знала: радоваться ей этому или огорчаться. С одной стороны, Феофан, кажется, спас ее от чего-то страшного и даже ужасного (далее в щекотливую эту тему разум Саньки постарался не углубляться),

с другой же стороны, Санька Феофана все же немного опасалась. Что если, воспользовавшись темнотой и тем, что монах этот даже не смотрит в ее сторону, попытаться незаметно от него улизнуть?

В это время Феофан неожиданно повернул голову, и Санька, захваченная врасплох, не успела вновь зажмуриться и притвориться спящей или находящейся в бессознательном состоянии.

— Очнулся, отрок? — спросил Феофан прежним своим рокочущим басом. — Давай тогда к костру, вечерять будем!

Конечно, и сейчас можно было вскочить и задать такого стрекача, что вряд ли Феофан в его солидном возрасте смог бы за ней угнаться. Да, скорее всего, и не побежал бы он за ней… больно нужно…

Эта последняя мысль, как ни странно, немного успокоила Саньку. К тому же ее вдруг охватила странная какая-то апатия, безразличие. Куда ей бежать в этой чужой жестокой стране, как сможет она вести себя так, чтобы не привлекать излишнего внимания окружающих?! Одна одежда чего стоит, а речь, а поведение… и хорошо еще, что этот монах ее за мальчишку принял…

И Санька, поднявшись, медленно подошла к огню и уселась подле него, но не рядом с Феофаном, а чуть в стороне. На костре, в помятом медном котелке аппетитно булькало какое-то густое варево, и от одного только его запаха рот Саньки наполнился слюной. А может, она просто здорово проголодаться успела?

— Тебя как звать, отрок? — не глядя на Саньку, спросил Феофан, непрерывно помешивая в котелке большой деревянной ложкой. — Али ты и имени своего не помнишь?

— Почему, помню, — сказала Санька, сглатывая слюну. — Санькой меня зовут, вернее, Александрой. Александром… — быстро поправилась она. — Санькой, то есть…

— Наше имя, — удовлетворенно кивнул Феофан. — Не басурманское. А я, грешным делом, тебя совсем было за басурмана принял. Из земель персидских али из степей киргизских… одеяние на них чудное иногда бывает, вроде твоего…

— Нет, я не оттуда, — сказала Санька. Потом она помолчала немного и добавила, немного смущаясь: — А сейчас какой год?

— Какой год?

Перестав помешивать варево, Феофан удивленно взглянул на Саньку.

— Я просто больна… болен был немного, — смущаясь все больше от необходимости врать, пояснила Санька. — В памяти провалы… припадки случаются…

— Твой припадок, Алексашка, нас из большой беды выручил, — задумчиво произнес Феофан, снимая котелок с огня. — Постеснялись, ироды, хворое дитя трогать, а иначе не миновать бы нам с тобой поруба земляного али избы пыточной. А год сейчас шесть тысяч шестьсот первый от сотворения мира…

Услышав такую огромную цифру, Санька невольно встрепенулась. А что, если это все же будущее… а то, что она сейчас наблюдает: что-то вроде ролевой игры…

Потом до ее сознания дошли самые последние слова Феофана, и Санька вдруг вспомнила, что на Руси до Петра было какое-то странное летосчисление, совсем не похожее на наше…

— А от рождества Христова сейчас который год будет? — убитым тоном пробормотала она.

— От рождества Христова?

Феофан задумался, что-то просчитывая в уме.

— По летосчислению латинскому сейчас год тысяча шестьсот седьмой от рождества Спасителя нашего, Иисуса Христа...

Он вздохнул, зачерпнул ложкой немного из котелка и, непрерывно дуя, поднес ко рту.

— Соли маловато… — проговорил Феофан, вторично вздохнув. — Только где ее сейчас взять, соль? Страшное время, Алексашка… от Батыева разорения такого страшного времени на Руси святой не было! И люди сейчас — аки звери лютые, а жизнь человеческая гроша ломаного не стоит! — Он замолчал, подсунув котелок Саньке и протянув ей ложку, добавил: — Одна ложка у меня, так что давай, первым хлебай…

Санька хотела было отказаться, но рука ее, невольно ухватив ложку, уже погружала ее в дымящееся варево. А потом она, обжигаясь, глотала, почти не жуя, содержимое котелка и опомнилась лишь тогда, когда умяла почти половину этого самого содержимого.

— Спасибо! — сказала она, отодвигая от себя котелок с ложкой. — Очень вкусно! А из чего похлебка?

— Из чечевицы с бараниной похлебка, — задумчиво проговорил Феофан, принимая котелок. — Неужто ты чечевицы никогда не едал? Али в ваших местах ее не растят?

Санька ничего не ответила. Врать не хотелось, правду сказать она тем более не могла

— Молчишь? А может, откроешься все же: кто ты и откуда идешь?

Он принялся за еду, одновременно ожидая ответа на свой вопрос. А что ему могла сказать Санька? Она просто сидела и молча наблюдала за тем, как Феофан доедает чечевичную похлебку.

— Не хочешь, не говори… — сказал Феофан, покончив с едой. — Котелок помой… там ручеек, у холма…

Санька взяла котелок и двинулась в указанном направлении. Она и вправду обнаружила там не ручеек даже, небольшую речушку с чистой и на удивление теплой водой.

Вот только мыть жирные котелки даже в такой, хоть и вполне комфортной, но все же не горячей воде Саньке как-то не приходилось. Может, набрать воды и на костре ее вскипятить?

— Ты, Алексашка, особо не мудрствуй! — словно прочитав Санькины мысли, крикнул от костра Феофан. — Сполосни, потом песочком продрай и вновь сполосни. И будет с него!

Санька так и поступила. Причем выдраила котелок на совесть (и песком его прочищала, и травой протирала… и так несколько раз). А вернувшись к костру, принесла с собой полный котелок воды, увидев которую, Феофан одобрительно крякнул и тут же принялся пить.

— Хочешь стать послушником, Алексашка? — спросил он Саньку, поставив котелок на траву. — А потом, Бог даст, и в настоящие монахи определишься, когда в возраст войдешь…

И тут Санька поняла, что ей надо делать.

Надо отыскать Ивана!

«Машина времени», возможно, сейчас у него, и если у Ивана хватило ума хорошенько ее припрятать от посторонних глаз, тогда…

Тогда у них еще остается шанс вернуться.

Домой или в будущее… куда угодно, только подальше от страшного этого времени!

Но даже если «машины» у Ивана нет — все равно Саньке просто необходимо его отыскать! И как можно скорее!

— Я брата ищу, — сказала она, умоляюще глядя на монаха. — Иваном кличут. Он немного старше меня и повыше будет, но одет очень похоже. Вы его сегодня не встречали?

— Не встречал, — сказал Феофан, подкидывая в костер последние сучья. — А давно с ним разошлись?

— Вчера, — сказала Санька, потом подумала немного и добавила: — Точнее, позавчера…

— Теперь легко потеряться… — вздохнул Феофан. — Темное время страшное! Наказует нас Господь за грехи наши тяжкие! За Иоанна государя грехи… за грехи Бориса, царя суетного, неправедного… — Он замолчал, неожиданно строго взглянул на Саньку. — Самозванец, за царевича Димитрия себя выдававший, год почти в Москве царствовал… слыхал, небось, о таком?

— Слышал немножко, — сказала Санька, навострив уши. — А сейчас кто в Москве царствует?

— Сейчас — царь боярский! — понизив голос почти до шепота, сказал Феофан. — Шуйского Василия бояре с крыльца кремлевского царем выкликнули, да Бог все видит! И в наказание нам еще одного самозванца послал. А иные бают, что прежний самозванец смерти избежал. Чур меня, чур!

И, замолчав, Феофан истово перекрестился.

— А сам-то ты крещеный, Алексашка? — неожиданно строго спросил он Саньку. — Али в басурманской вере какой?

— Крещеный! — сказала Санька. — В прошлом году крестили!

На этот раз Санька сказала чистую правду, но тут же сообразила (с опозданием, правда), что лучше бы ей соврать. У них тут, наверное, всех крестят сразу же после рождения…

— А крест на тебе есть? — все так же строго поинтересовался Феофан.

Санька торопливо полезла рукой под тенниску и вытащила из-под нее маленький нательный крестик на цепочке.

— Вот!

Она боялась, что Феофан сейчас примется рассматривать ее крестик и что-то такое неправильное в нем обнаружит, но монах лишь удовлетворенно кивнул головой. Облегченно вздохнув, Санька вновь спрятала крестик под тенниску.

— Ты не серчай, Алексашка, что на слово тебе не поверил! — пророкотал Феофан. — А молитвы какие знаешь?

— Разные.

Санька не знала ни одной из молитв и даже не представляла, как будет выкручиваться, ежели Феофан сейчас попросит (или прикажет, что, впрочем, одно и то же) прочитать хотя бы «Отче наш».

Но монах на этот раз, кажется, поверил Саньке на слово. И принялся укладываться спать, положив под голову котомку.

— Тяжелая плеть у боярина… — пробормотал он, ворочаясь с боку на бок. — До сих пор плечо огнем горит…

Санька вдруг вспомнила, как хлестал Феофана расфуфыренный молодчик в кольчуге, а тот, под издевательский хохот остальных всадников, лишь униженно кланялся и просил о пощаде.

И хоть принял удары Феофан именно из-за нее, Санька вдруг с удивлением почувствовала, что не испытывает к монаху за этот его самоотверженный поступок ни малейшей благодарности. Лишь жалость непонятную, да и ту с изрядной долей презрения…

А Феофан тем временем перестал ворочаться и, кажется, даже задремал. Тогда и Санька принялась укладываться на ночлег, выбирая местечко повыше и посуше.

— Ты, Алексашка, ежели продрог, ползи ко мне! — сонно пробормотал Феофан. — Вдвоем оно куда как теплее будет…

«Ага! — мысленно ответила ему Санька. — К тебе?! Разбежалась!»

Вдвоем и в самом деле было бы теплее, но Санька все же решила держаться подальше от непонятного этого монаха. Улегшись в траву, спиной к догорающему, но все еще немного согревающему костру, она свернулась калачиком и постаралась поскорее уснуть.

Но сон все не шел и не шел к Саньке. Вместо него приходили мысли, большей частью невеселые и даже печальные.

Например, Санька вдруг вспомнила о маме. И подумала, как ужасно, если они больше никогда уже не встретятся. Никогда… какое это страшное слово!

Потом Санька представила себе весь тот переполох, что поднимется в деревне, когда обнаружится, наконец, их с Иваном исчезновение. Вернее, оно уже обнаружилось, и их ищут сейчас везде: и в лесу, и возле озера, и, конечно же, в самом озере… и в поисках этих задействована полиция, а может, даже армейские подразделения десантной воинской части, расположенной за пять километров от деревни. И мама с безумными заплаканными глазами вторые сутки не отходит от телефона в ожидании хоть каких-либо известий… Впрочем, у тети Клавы точно такие же безумные, выплаканные глаза, и она тоже всю ночь напролет торчит у телефона.

И вновь и вновь, все еще на что-то надеясь, мама набирает номер Санькиного мобильника… и снова, в который уже раз, слышит пугающе бездушную фразу автоответчика: телефон абонента выключен или находится в настоящее время вне зоны досягаемости…

С ума сойти можно!

А впрочем, ежели сейчас всего лишь год тысяча шестьсот седьмой, то ни мама, ни тетя Клава еще и не родились даже… и даже их прадедушки и прабабушки не появились на свет божий.

Это соображение, как ни странно, немного успокоило Саньку. А еще ее поддерживала надежда отыскать все же Ивана, может, даже завтрашним утром… И с этой вот последней своей надеждой Санька, наконец-таки, вначале задремала, а потом и крепко уснула.

Глава 5

Ночью Санька страшно продрогла, но как ни странно, так и не смогла проснуться окончательно. Она сопела, бормотала что-то совершенно невнятное, временами ворочалась с боку на бок, тщетно пытаясь завернуться поплотнее в коротенькие полы джинсовой курточки. А потом ей внезапно стало тепло и уютно, и обрадованная Санька вновь крепко уснула и проснулась уже поздно утром, когда солнце, поднимаясь над холмами, стало светить ей прямо в глаза.

Открыв глаза, Санька увидела, что укрыта с ног да головы черным плащом (или скорее рясой) Феофана… сам же он, в одной серой рубахе с распоротым воротом и таких же серых холщовых штанах, сидит у костра, который вновь жарко пылает.

— Доброе утро! — пробормотала Санька, выползая из-под рясы.

— Завтракать будешь? — не отвечая на приветствие, спросил Феофан, роясь в котомке. — Снабдили вчера люди добрые…

Он извлек из котомки сперва ладный ломоть черного ноздреватого хлеба, потом что-то еще неопределенное, цвета серой глины. Не сразу Санька догадалась, что это кусок вареного мяса.

— Подсаживайся, Алексашка! — пробормотал Феофан, поочередно вгрызаясь крепкими зубами то в хлеб, то в подозрительное это мясо. — Проголодался, чай?

— Спасибо, не хочется что-то, — пробормотала Санька, вставая. — Пойду умоюсь…

Феофан согласно кивнул, продолжая энергично жевать.

— Можешь даже искупаться, — проговорил он, с трудом ворочая набитым ртом. — Там, слева, в ручье заводь обширная имеется.

Заводь Санька обнаружила сразу же, как только зашла за холм. Она и в самом деле была довольно обширной, а местами даже глубокой. И вода в ней оказалась не особенно холодной и такой чистой, что Саньке сразу же захотелось окунуться.

Оставалось лишь решить, что из одежды придется снять, а что можно оставить на себе для этого окунания.

Джинсы и курточка для купания, разумеется, не подходили совершенно, а вот то, что было под ними (тенниска и трусики), можно было и снять, а можно и оставить в качестве купального, так сказать, костюма.

Санька задумалась.

Конечно, рискованно разоблачаться полностью: этот монах в любой момент может выглянуть из-за холма. Но с другой стороны, чувствовать потом на себе мокрые облегающие трусики и тенниску…

И Санька решила рискнуть. А для начала осторожно пробралась назад, дабы выяснить, что же проделывает в настоящее время монах Феофан.

Увиденное ее немного успокоило. Монах, покончив с завтраком, вновь прилег у костра и, кажется, даже задремал. Так что Санька с легким сердцем вернулась назад, к заводи, и, торопливо раздевшись, бросилась в воду.

Вода оказалась холодной, намного холоднее, чем представлялось Саньке с берега, и она принялась торопливо выгребать на середину заводи, стараясь поскорее согреться. Плавала Санька довольно неплохо, и купание так увлекло ее, что, совершенно позабыв о времени, она брассом проплыла из одного конца заводи во второй, потом, перевернувшись на спину, поплыла обратно… потом, когда ноги уже начали цеплять дно, встала и повернулась в сторону берега…

И вскрикнув от ужаса, вновь бросилась обратно на глубину, мигом забравшись в воду по самую шею.

Возле ее одежды стояли трое бородатых мужиков угрюмого и даже свирепого вида. Еще большую свирепость им придавало оружие: заткнутые за пояс топоры на длинных рукоятках и кистень, шиповатый металлический шар на цепи в руке у самого рослого, по всему видно, главаря…

И все трое внимательно и как-то по-особенному жадно смотрели на Саньку.

— А ить это баба! — хрипло промолвил один из свирепой троицы, обращаясь к главарю.

— Девка, — поправил тот, не спуская жадного взгляда с насмерть перепуганной Саньки. — Девка ишо…

— А девке разве не хочется бабой стать?!

И все трое негромко засмеялись.

— Эй, девка, ты чья будешь? — негромко окликнул Саньку главарь. — Из холопок, что ли?

Ничего на это не отвечая, Санька лишь продолжала с ужасом смотреть на незнакомцев. Ее было так страшно, как никогда в жизни еще не было. Зубы выбивали дробь… впрочем, возможно, это было и оттого еще, что в холодной этой воде Санька основательно продрогла.

— Ничья, значит! — с удовлетворением констатировал главарь, лениво помахивая кистенем. — Это хорошо!

Он гнусно и похотливо ухмыльнулся, показывая крупные желтоватые зубы, и бросив кистень на песок, принялся стаскивать с себя рубашку.

— Искупнуться надобно… — проговорил он, лениво почесывая всей пятерней густо-волосатую грудь и продолжая похотливо ухмыляться, глядя на Саньку. — Эй, девка, как водичка?

И тут только, очнувшись от странного какого-то оцепенения и осознав, наконец, всю степень грозящей ей опасности, Санька пронзительно завопила, скорее от безысходности, чем надеясь пронзительным этим воплем хоть как-то помочь себе.

Ибо кто мог сейчас ей помочь? Феофан?

Санька хорошо помнила, как униженно принимал он вчера удары плети, кланяясь и взывая о милости у того типа в золоченой кольчуге…

Скорее всего, расслышав этот ее отчаянный призыв о помощи, трусоватый монах тотчас же припустил прочь, подхватив котомку и бросив Саньку на произвол судьбы.

А главарь уже расстегивал (вернее, развязывал) ремень на штанах… и в это самое время…

— Оставьте ее! — внезапно донесся до ушей Саньки такой знакомый рокочущий бас монаха.

Радостно встрепенувшись, Санька повернула голову и увидела Феофана.

Монах стоял совсем неподалеку от воды, опираясь рукой на свой увесистый посох. Впрочем, что он мог сделать один против трех вооруженных мужчин… И радость Саньки угасла так же быстро, как и вспыхнула…

Наверное, разбойная троица тоже не восприняла всерьез одинокого монаха. Главарь, правда, мигом подхватил свой кистень, а его сообщники дружно вытащили из-за поясов топоры.

— Не лез бы ты в мирские дела, святоша! — со скрытой угрозой в голосе проговорил главарь, лениво покачивая кистенем. — Шел бы лучше, куда шел…

— Оставьте отроковицу в покое! — все тем же басом пророкотал Феофан. — Грех это большой!

— Не согрешишь — не покаешься! — в тон ему и с явной издевкой рявкнул главарь, страшный шар с шипами все быстрее раскручивался в его руке. — А тебе, монах, последний раз говорю: уходи по-хорошему!

Разбойники с топорами двинулись было в сторону Феофана, но главарь жестом их остановил.

— Я сам!

И дико гикнув, прыгнул вперед с поистине кошачьей ловкостью, одновременно с этим прыжком взмахивая кистенем. Удар был направлен в незащищенную голову Феофана и, несомненно, при точном попадании разнес бы ее на части…

Но Феофан был начеку. Чуть отклонившись назад, он пропустил мимо себя гибельный полет кистеня и сразу же вслед за этим, не давая главарю опомниться, резко выбросил перед собой посох.

Монах целил разбойнику чуть пониже груди, в солнечное сплетение, и удар его оказался не только очень сильным, но и на удивление точным. Сдавленно охнув, главарь пошатнулся, опустил руку с кистенем и рухнул на колени, а Феофан, взмахнув размашисто посохом, нанес своему противнику второй удар, на этот раз по затылку.

Посох припечатался к лохматому затылку главаря с таким сухим тошнотворным треском, что, выронив кистень, разбойник плашмя рухнул на землю.

Его подручные на какое-то мгновение опешили, а Феофан, используя это кратковременное их замешательство, сам прыгнул вперед. Он взмахнул посохом, навстречу которому взметнулись блестящие лезвия топоров… а дальнейшего Санька уже не видела, потому как крепко зажмурила глаза.

Вся трясясь от страха и холода, с крепко зажмуренными глазами, она словно оцепенела. Может, надо было воспользоваться ситуацией и попытаться сбежать, вторично переплыв заводь, но вся одежда Саньки была на этом берегу, к тому же, она так продрогла, что вряд ли смогла бы сейчас проплыть хоть пару метров.

А жестокая схватка на берегу продолжалась, и до ушей Саньки то и дело доносились гулкие звуки ударов, разъяренное, почти нечеловеческое рычание сражающихся и время от времени болезненные вскрики. Потом все как-то разом смолкло и наступила тишина…

Некоторое время Санька неподвижно продолжала стоять по шею в воде с крепко зажмуренными глазами, потом все же открыла их.

И едва не закричала от радости… и не закричала потому лишь, что от лютого холода голос ей совершенно даже не повиновался…

На берегу одиноко стоял Феофан, а на песке, у самых его ног, лежало два неподвижных тела. Тело главаря, такое же неподвижное, располагалось чуть поодаль, на том самом месте, где и уложил его тяжелый посох монаха.

— Давай, вылезай! — буркнул Феофан, стараясь не смотреть в сторону Саньки. — Одевайся, я отвернусь пока...

Он и в самом деле отвернулся, когда Санька, синяя от холода, пулей вылетела из воды. Выбивая зубами дрожь, она принялась одеваться… впрочем, это оказалось не таким уж и простым делом, ибо продрогшие руки совершенно онемели и почти не повиновались хозяйке, да и одежда с трудом налезала на мокрое тело...

Одевшись, наконец, Санька натянула на ноги кроссовки (хорошо еще, что были они на липучках, а не на шнурках!) и подошла вплотную к Феофану.

— Я готова, — робко проговорила она, по-прежнему дрожа всем телом.

— Вот и хорошо! — сказал монах, наконец-таки поворачиваясь в сторону девушки. — Потому как уходить нам быстро надо!

— Куда? — почему-то поинтересовалась Санька, хоть ей это сейчас было совершенно безразлично.

— Подальше отсюда, — сказал Феофан. — Пока эти двое не очухались…

— Они живы? — почему-то обрадовалась Санька и даже сама удивилась своей радости.

— Не убивец я… — нехотя пробурчал Феофан, — хоть, может, и зря жизни им покинул, душегубам…

Нагнувшись, он ловко подхватил оба топора одной левой рукой и с силой зашвырнул их на самую середину заводи. Потом, вслед за топорами, туда же последовал и кистень, и тоже левой рукой.

И тут только Санька заметила обширные пятна крови на правом плече монаха.

— Вы ранены?

— Так, пустяки! — отмахнулся Феофан. — Царапина…

— Да нет же, надо посмотреть, — заволновалась Санька, но Феофан лишь поморщился досадливо.

— Уходить надо! — повторил он, тревожно озираясь по сторонам. — Идем, Алексашка… или как тебя звать-величать на самом деле?

— Александрой и зовите! — тихо и даже как-то виновато прошептала Санька. — Это и есть мое настоящее имя.

— Вот и хорошо!

Повернувшись, Феофан быстрым шагом пошел прочь от реки. Санька едва поспевала за ним.

— Вы не сердитесь? — спросила она некоторое время спустя.

— Не сержусь, — сказал Феофан, не оборачиваясь. — Про брата, которого ищешь, тоже солгала?

— Не солгала! — проговорила Санька, тяжело дыша и отставая все больше и больше. — Я и вправду его потеряла и пытаюсь теперь разыскать!

Феофан заметил-таки, что взял темп ходьбы, непосильный для Саньки. Он чуть сбавил ход, и теперь оба путника шли рядом. И оба молчали.

А характер местности постепенно изменялся. Огромное поле наконец осталось позади, а впереди темнел лес, куда и направлялся в данный момент Феофан.

— А куда мы идем? — запоздало поинтересовалась Санька.

— Я же сказал: подальше отсюда! — буркнул Феофан, да так мрачно, что у Саньки пропала всяческая охота с ним разговаривать. Она даже подумала: а не лучше ли им разойтись по-хорошему, в разные, как говорится, стороны…

Санька не успела еще обдумать до конца соблазнительную эту мысль, как Феофан вдруг остановился и внимательно на нее посмотрел.

— Я тебя, отроковица, не неволю, — сказал Феофан, вздохнув. — Хочешь — разом пойдем, не пожелаешь — неволить не стану. Иди тогда, куда нужным посчитаешь. Но опасаться меня не надо или в чем-либо худом подозревать. Я для тебя не опасный, ибо зарок дал перед иконой святой и зарок сей блюду уже десятый год нерушимо. Да и возраст мой во внимание прими… в отцы ведь тебе гожусь…

Последний аргумент не показался Саньке особенно убедительным. Те трое отморозков у реки тоже вполне могли годиться ей в отцы, а один из трех, возможно, даже и в дедушки. Да и десятилетнее соблюдение зарока не слишком убеждало.

Санька и сама удивилась, какие «взрослые» мысли полезли вдруг ей в голову. Она-то привыкла считать себя совсем маленькой… да и мама всячески поддерживала Саньку в наивном убеждении.

Впрочем, недавние события у речки кое-чему ее научили.

— А эти трое, кто они? — поинтересовалась она, вопросительно глядя на Феофана. — Разбойники?

Тут в ее памяти всплыло одно старинное слово, тоже означающее разбойников.

— Тати?

— Тати и есть! — нехотя буркнул Феофан. — Вояки из разбитого воинства! Люди бают, что их Шуйского ратники здорово потрепали на Восме-реке, что под Каширой. Сам воевода к Туле теперь отходит с главными силами… а это так, отбросы! Разбежались, как зайцы, во все стороны… теперь, поди, опомнились! Торопятся, догнать пытаются воеводу своего…

— Воеводу? — не сразу поняла Санька. — Какого воеводу?

— Болотникова, какого ж еще! — все так же нехотя пробурчал монах. — Главного военачальника царя самозваного…

— Что?!

От возмущения Санька даже остановилась.

Историю, как науку, она всегда любила и знала ее очень хорошо. Даже отлично, лучше всех в классе. А с воеводой Болотниковым «познакомилась» еще в начальной школе, когда принесла домой из библиотеки первую свою «историческую» книгу под названием «Наша древняя столица». Тогда она просто влюблена была в эту стихотворную книжку и многие ее главы могла цитировать наизусть…

И Болотников был в то время одним из любимейших ее героев из многократно перечитанной этой книги. Наряду с Евпатием Коловратом и Стенькой Разиным

И, наверное, именно оттуда, с потрепанных страниц «Нашей древней столицы», сформировалось у Саньки твердое убеждение, что восставшие болотниковцы — это убежденные и бескорыстные борцы за светлое будущее человечества, защитники всех униженных и угнетенных, рыцари, так сказать, без страха и упрека…

И наоборот: воинство царя Шуйского — те еще сволочи!

Встреча с конным бояриным, яростно оравшим на Саньку, а затем исхлеставшим кнутом Феофана, вроде бы подтверждала правильность сего предположения…

Но эти три отморозка… они, выходит, из войска Болотникова?

Да нет, быть такого не может!

Или может?

Впрочем, немного поразмыслив, Санька пришла к выводу, что в семье не без урода. А может, эти уроды и не болотниковцы вовсе… может, они из тех дворянских отрядов, что предадут в самый решающий момент своего воеводу и трусливо переметнутся на сторону Шуйского?

Пока она так размышляла, путники успели уже не только войти в лес, но и основательно в него углубиться.

— Ягод хочешь? — сказал вдруг Феофан, останавливаясь. — Вон их сколько!

Вокруг и в самом деле было красно от земляники. И вся такая крупная и ароматная, что у Саньки даже слюнки потекли.

Некоторое время, позабыв обо всем, Санька «паслась» на ягоднике. Насобирает полные пригоршни — и в рот. Вскоре у нее ладошки совсем красными сделались, губы и подбородок тоже, наверное…

Выпрямившись, Санька вдруг обнаружила, что Феофан стоит совсем неподалеку и, прислонившись спиной к сосне, внимательно за ней наблюдает. Слишком внимательно, что Саньке совсем даже не понравилось.

А Феофан, заметив, что Санька тоже на него посмотрела, лишь вздохнул как-то по-особенному тяжело и отвернулся.

— Дочка у меня была… — проговорил он тихо, еле слышно. — Смешная такая девчушка. А потом…

Не договорив, он замолчал, а Санька так и не решилась спрашивать, что же такого случилось с дочерью Феофана.

— Переодеться бы тебе, — перескакивая на другую тему, заговорил вновь Феофан. — Во что-либо не столь приметное. А это — сжечь или припрятать…

— Нет! — не проговорила даже, выкрикнула испуганно Санька. — Ни за что!

Ее вдруг пронзила нелепая, в сущности, мысль, что одежда эта — единственное напоминание о том настоящем времени, в котором она родилась и выросла и из которого так глупо выпала недавно. И потеряй Санька сейчас эту одежду — ей никогда уже не вернуться домой…

Но Феофан, кажется, понял ее испуганный возглас по-своему.

— Ты не боись, Александра, что в женское одеяние облечь тебя хочу! — добродушно пророкотал он. — Достанем тебе портки холщовые, рубашечку ситцевую с пояском. Обувку… — Внимательный взгляд Феофана скользнул на мгновение по Санькиным кроссовкам. — Обувку можно и эту оставить, кто сейчас на обувку внимание обращает…

— Нет! — Санька что есть силы замотала головой. — Не хочу!

Она вдруг вспомнила об Иване, которого просто необходимо как можно скорее отыскать.

— Меня брат может не узнать, ежели переоденусь!

Это был слабоватый аргумент, но Феофан неожиданно задумался.

— Как же вы с ним расстались-то? — спросил он, и в голосе его прозвучало не то чтобы недоверие… любопытство скорее… — Лихие люди вас разлучили али еще что?

Санька ничего не ответила, да и что было отвечать? Рассказывать этому монаху, как они прибыли сюда из далекого будущего, да еще и на странном исчезающем аппарате?

— И он что, в такое же одеяние дивное облачен? — так и не дождавшись ответов на свои вопросы, вновь поинтересовался Феофан. — На твое дюже похожее?

— Не совсем, но… в общем, да… — неуверенно произнесла Санька и добавила почти умоляюще: — А мы его сможем отыскать?

Теперь уже Феофан ничего ей не ответил. И даже смотрел он уже не на Саньку, а куда-то прямо в противоположную от нее сторону. И к чему-то еще внимательно прислушивался.

— Что там? — испуганно спросила Санька. — Опять бандиты? Или, может…

— Помолчи! — прервав ее, произнес Феофан. — Слышишь?

— Что?

Санька сначала замолчала, а потом и в самом деле услышала какие-то отдаленные возгласы, или, скорее, вскрики и даже стоны… слабые, еле различимые…

— Поглядеть надо!

И они двинулись в ту сторону, откуда и доносились стоны. Феофан шел впереди, ловко и совершенно бесшумно раздвигая посохом сплошные заросли какого-то, к счастью, совсем даже неколючего кустарника, Санька едва поспевала за ним.

— Стой!

Феофан вдруг резко остановился, и Санька, не успевшая вовремя затормозить, тут же ткнулась носом в его широкую спину.

— Тихо!

Но Санька и так стояла тихо. Потом она осторожно выглянула из-за спины своего спутника и, вскрикнув от ужаса, вновь спряталась за него.

Прямо перед ними расстилалась обширная лесная поляна, и была она, поляна эта, сплошь усеяна неподвижными человеческими телами.

— Тихо! — повернувшись к Саньке, повторил Феофан строго и, положив ей на плечо свою тяжелую руку, добавил мягко и почти ласково: — Не след тут в голос кричать… лучше просто в ту сторону не смотри…

— За что их так? — зашептала Санька, глядя Феофану в глаза. — И кто это их?

— То один Бог ведает!

Вздохнув, Феофан подошел к ближайшему из неподвижно лежащих тел, склонился над ним. Постоял так немного, потом медленно двинулся вперед, временами приостанавливаясь и внимательно оглядывая то одного, то другого из мертвецов.

— Саблями все порубаны, — проговорил он глухо, еле слышно. — Настигли их тут конные, а потом…

Не договорив, он тяжело вздохнул и замолчал…

— Кто настиг? — тихо и несмело поинтересовалась Санька, так и не решаясь подойти поближе. — Болотниковцы?

Последнее слово она произнесла с трудом и явной неохотой. Просто язык не поворачивался обвинить крестьян, героически сражавшихся против несправедливой царской власти, в столь жестоком убиении мирных и совершенно безоружных людей.

Впрочем, вполне возможно, что люди эти не были мирными, а тем более безоружными, просто оружие (как, возможно, и защитные доспехи убитых) сняли и прихватили с собой убийцы, кем бы они ни были…

Феофан ничего не ответил Саньке, он, кажется, даже не расслышал негромкого ее вопроса. Да и Санька сама не решилась его повторять.

Ей почему-то стало вдруг абсолютно все равно, кто именно виновен в гибели этих несчастных: болотниковцы или все же ратники Шуйского. Кто бы то ни был, не это ведь главное!

Главное то, что несколько десятков человек, еще совсем недавно дышавших, разговаривавших, думавших, в одночасье превратились в эти страшные окровавленные тела. И никто не ответит за их гибель, никто не понесет за это никакого наказания…

И такое могут сотворить с каждым в жестокое это время!

С каждым… а значит, и с ней тоже!

— Не хочу! — вскрикнула Санька, бросаясь прочь от ужасной этой поляны. Она бежала, не оглядываясь, напролом, отчаянно ломясь сквозь кусты, падая и вновь поднимаясь…

Потом она споткнулась обо что-то невидимое и грохнулась наземь, больно ушибив нос и обе коленки. А когда вновь вскочила на ноги, то увидела, что Феофан находится совсем неподалеку. Стоит себе и внимательно за ней наблюдает.

Странно, но он даже не запыхался.

— Ты поплачь… — неожиданно мягко произнес монах, подходя поближе. — Поплачь, это ничего…

Но плакать Санька не стала. Вместо этого она осторожно потрогала самыми кончиками пальцев мгновенно вспухший нос (кровь не пошла — и то ладно!), потом, опустив голову, посмотрела на свои густо испачканные лесной зеленью джинсы.

— Все мертвые… — вздохнув, сказал Феофан. — И кто тогда кричал да стонал, понять никак невозможно! Ты ведь тоже их слышала, Александра?

Санька молча кивнула.

— И я слышал, — продолжал между тем Феофан. — Значит, не почудилось нам сие, и кто-то живой там находиться должен. Раненый, но живой… ты как полагаешь?

И вновь Санька ничего ему не ответила. Она словно окаменела.

— Ладно!

Феофан подошел к Саньке, положил ей руку на плечо, на что Санька совершенно даже не отреагировала.

— Ты вот что, побудь пока тут… на этом вот пенечке посиди. А я… мне назад воротиться надо… еще раз посмотреть…

— Нет! — выкрикнула Санька, судорожно цепляясь Феофану в руку. — Не ходи!

— Тихо! — предостерегающе прошептал Феофан. — Слышишь?

Санька прислушалась.

И сразу же услышала стон, тихий, протяжный. А потом и треск сучьев… и треск этот все приближался…

— Идет кто-то! В эту сторону идет… да вон же он, видишь?

Но Санька, как ни вглядывалась в лесную чащу, так ничего и не смогла рассмотреть. А потом вдруг увидела совсем неподалеку от них странно скособоченную фигуру человека.

Двигался человек тоже странно, прижав левую руку к животу, а правую, наоборот, вытянув далеко перед собой. Этой вытянутой рукой человек непрерывно поводил то в одну, то в другую сторону… он как бы шарил ей перед собой, но, несмотря на это, то и дело натыкаясь на пни и стволы деревьев…

А потом скособоченная его фигура вдруг исчезла.

— Упал… — прошептал Феофан. — Вон за тем кустом!

И он, не обращая больше на Саньку никакого внимания, бросился в сторону упавшего человека. Саньке ничего другого не оставалось, как бежать за ним следом. Но, так и не добежав, она остановилась в нескольких шагах от упавшего и с ужасом на него уставилась. Потом перевела взгляд на Феофана, опустившегося на колени возле незнакомца.

— Кто же тебя так, человече? — пророкотал Феофан, осторожно переворачивая лежащего на спину и внимательно оглядывая его окровавленную голову. — Ну, тут ничего страшного… куда еще ранен?

— Не убивайте, люди добрые, калеку убогого! — забормотал вдруг раненый, тщетно пытаясь оттолкнуть от себя Феофана. — Отпустите душу на покаяние!

— Куда еще ранен, спрашиваю? — повторил Феофан, осторожно ощупывая лежащего. — В живот? В бок?

Но незнакомец лишь продолжал бормотать что-то, уже совершенно бессвязное. Потом он вздрогнул и захрипел, по телу пробежала дрожь, оно выгнулось дугой, на губах выступила обильная кровавая пена…

Феофан принялся, задрав до подбородка окровавленную рубаху раненого, осматривать его грудь и живот, где тоже кровищи натекло предостаточно. Осматривал долго, потом, вздохнув, оправил на нем рубаху. Поднявшись с колен, подошел к Саньке.

— Не жилец он, — проговорил негромко. — Ничем мне ему не помочь. Идем! — решительно проговорил Феофан.

И резко повернувшись, он быстрым шагом направился напрямик через кусты и папоротниковые заросли…

— Эй, подожди! — крикнула Санька. — Куда это ты?! — Как-то неожиданно она перешла с Феофаном на «ты» и даже не заметила этого. — Мы его бросили, да?

— Там деревня за лесом, — проговорил Феофан, не оборачиваясь. — Может, он оттуда…

Монах вновь замолчал, и Санька тоже молчала, стараясь не отставать от него. А потом лес начал быстро редеть, переходя в невысокий кустарник, и тут Феофан вдруг остановился. Санька заметила впереди клубы густого черного дыма.

Не сразу она сообразила, что это за дым. Лишь пойдя к Феофану, смогла разглядеть сквозь листву кустарника полыхающие ярким пламенем деревянные избы…

— Была деревушка… — враз изменившимся голосом прошептал Феофан, поворачиваясь к Саньке. — И люди в ней были… а теперь они где?

Людей не было видно. Никто не суетился подле горящих строений, пытаясь если и не погасить их, то хотя бы вытащить из пылающих изб хоть что-либо из домашней утвари.

И тут Саньке припомнилась та страшная поляна в лесу.

— Там, на поляне… — робко обратилась она к Феофану. — Это их там, да?

— Не знаю, Санька, — вздохнул Феофан, не отводя напряженного взора от догорающей деревни. — Может, и их…

Дома уже рушились один за другим, зрелище это было завораживающим. Санька не могла отвести взгляд от пожара.

— Там, в лесу, одни мужики порубленные лежат… — продолжал между тем Феофан, — мужики да парни… А бабы, детишки… они где? В полон, что ли, угнаны?

«Тогда это не болотниковцы! — невольно подумалось Саньке. — Зачем им женщины и детишки? Обуза только одна и ничего кроме. Ну, молодые девушки… это я еще понимаю. А остальные зачем?»

Подумав такое, Санька вновь удивилась тем «взрослым» мыслям, что невольно лезут ей в голову. Впрочем, ей и самой уже, считай, пятнадцать… а это, по понятиям давнего того времени — почти невеста…

Еще Саньку удивило, с каким спокойствием начала она воспринимать все происходящее вокруг. Порубленные саблями люди на поляне, подожженные кем-то избы…

И то, что с ней едва не произошло там, у реки…

И главное, никакой надежды вернуться в свое собственное время, вернее, почти никакой надежды! И даже Ивана отыскать… где и в какой стороне его теперь искать прикажете?! В этой? Или, может, в прямо противоположной? Приближается она к своему пропавшему другу, или, совсем наоборот, удаляется от него?

— Что делать будем, Алексашка?

Очнувшись от невеселых своих мыслей, Санька посмотрела на Феофана. А он тоже смотрел на нее, внимательно так смотрел, словно ждал совета.

Но что она могла ему посоветовать? Тем более что идти в деревню ей не хотелось…

— Мы ведь туда не пойдем? — проговорила Санька дрожащим голосом.

Феофан ничего не ответил. Опираясь на посох, он стоял молча, неподвижно, стоял и смотрел на догорающие, рушащиеся избы.

— Вон там, слева, — проговорил он, наконец, указывая куда-то вдаль посохом, — верстовой шлях проходит! Надобно нам, Санька, на него выбраться… а уж потом решим, куда лучше поворотить: к Калуге ли податься, или в сторону Тулы…

— Тула? — обрадованно вскрикнула Санька. — Она в какой стороне?

— Там! — вновь ткнул посохом вдаль Феофан. — А ты что, может, родом из тех мест?

— Не совсем! — замотала головой Санька. — Но я была в Туле! Несколько раз была! Последний раз в прошлом году. На микроавтобусе ездили с мамой, она мне новый мобильник собиралась купить…

Выпалив все это единым духом, Санька тут же опомнилась и прикусила язык, но Феофан, что удивительно, ни о чем переспрашивать не стал. А может, просто не расслышал про микроавтобус и новый мобильник?

— Так к Туле пойдем? Или к Калуге все-таки?

— А куда ближе? — вопросом на вопрос отозвалась Санька.

— К Туле оно чуток поближе будет… — задумчиво проговорил Феофан. — Хотя…

Не договорив, он замолчал.

— Тогда к Туле! — твердо сказала Санька, в душе надеясь, что Иван тоже выберет именно тульское направление.

Хотя бы потому, что ей этого очень хотелось.

Глава 6

Верстовой шлях, о котором упоминал Феофан, оказался не таким уж и близким. Впрочем, возможно, напрямик до него и впрямь было рукой подать… но, к сожалению, не имелось тут прямых путей.

Санька с Феофаном сначала долго брели по какой-то узкой, причудливо петляющей тропинке (которая то исчезала, теряясь в траве, то вновь становилась вполне различимой), потом все же выбрались на другую тропинку, не такую извилистую. Какое-то время шли по ней, а тропинка все расширялась, незаметно превращаясь в «почти дорогу»… и вдруг оборвалась, уткнувшись в реку.

— И что теперь? — проговорила Санька, растерянно взглянув на Феофана. — Как нам на ту сторону перебраться?

Феофан ничего не ответил, возможно, потому, что и сам не ведал этого…

Ни моста, ни чего-нибудь его напоминающего не было и в помине, а между тем, ширина реки производила впечатление. Во всяком случае, на Саньку, не привыкшую к столь обширным водным объектам…

Неподалеку от их деревни тоже имелась речушка, небольшая и извилистая, со странным названием Беспута. Откуда взялось столь непонятное название, никто из жителей деревни не знал, но легенд и сказаний хватало с избытком. И все они сходились, что название это происходит от слова «беспутный». Дескать, жил тут когда-то беспутный парень (вариант: девица). А потом произошло с ним (с ней) что-то нехорошее (тут вариантов имелось множество) — отсюда, дескать, и название…

Но узенькая Беспута не шла ни в какое сравнение с этой, незнакомой Саньке рекой. Даже во время весеннего паводка, когда Беспута бурно несла свои талые воды в далекую Оку и становилась на какой-то период почти судоходной (для туристских байдарок, разумеется, не для кораблей), даже тогда она сравниться с этой величественной рекой не могла.

И тут Саньке пришла в голову неожиданная по своей простоте мысль о том, что переместилась она лишь во времени, но никак не в пространстве. А значит, находится не так и далеко от родной своей деревни, точнее, от того места, где эта деревня появится в будущем.

И это место должно быть именно там, где и очнулась она вчера в предутреннем полумраке. А ведь потом Санька долго шла к далеким холмам…

потом они с Феофаном ночевали на берегу маленькой речки. Да и сегодня протопать путникам пришлось не так уж мало…

Тогда великая река эта… она должна быть…

— Это — Ока? — спросила Санька у Феофана, все еще молча взиравшего на быстрое течение незнакомой реки. — Или… что это за река такая?

— Это?

Оторвавшись, наконец, от созерцания водной глади, Феофан взглянул на Саньку.

— Беспута это…

— Что?!

Уже веря Феофану и одновременно все еще сомневаясь, Санька перевела изумленный взгляд на широченное речное русло.

— Это Беспута?

— Тут ранее перевозчик жил, — вздохнул Феофан. — Лазарем звали. Старый был совсем… помереть мог…

И тут только Санька смогла разглядеть продолжение дороги на той стороне реки. Так вот, значит, как люди в этом месте через речку перебирались!

Через их маленькую Беспуту, оказавшуюся тут, в прошлом, полноводной рекой.

— А где он жил, Лазарь этот?

— На той стороне, — принялся объяснять Феофан, показывая для наглядности рукой. — Там, чуть в стороне, у него хибарка летняя… а вон за тем леском — деревушка небольшая. Там он зимой проживал, Лазарь. А с весны до осени — все на реке. Рыбой промышлял, сети и мережи у него тут постоянно стояли. Еще раков ловил для всей, считай, деревни…

— А перевозка? — напомнила Санька.

— Этим тоже занимался. Подойдет, бывало, путник… а бывало, и ватага целая… ну, и давай Лазаря кликать. Лодчонка у него небольшая, ежели мужиков — то более двух не брал, а баб и по три за один раз перевезти мог. И уважали его тут все, даже тати с разбойниками ни разу старика не обидели, ибо всем через реку перебираться надобно. Но это раньше было, до смуты, а сейчас… сейчас люди совсем о Боге милосердном позабыли…

Проговорив это, Феофан перекрестился и замолчал. И Санька тоже молчала… и некоторое время они лишь молча смотрели на водную преграду, неожиданно оказавшуюся на пути.

Между тем незаметно вечерело. И надобно было подумать о ночлеге.

Вполне возможно, что им вновь придется заночевать у костра, на свежем, как говорится, воздухе, но Саньке почему-то очень и очень этого не хотелось.

Не потому даже, что прошлой ночью она здорово продрогла и согрелась лишь после того, как Феофан, сжалившись, укрыл ее своим плащом (или эту его накидку правильней рясой называть?). Еще Феофан предлагал улечься рядышком, но тогда монах еще считал Саньку парнем…

А как сегодня?

И тут Саньке вспомнилось, что Феофан вскользь упомянул о деревушке на той стороне реки. В ней бы заночевать…

— А может, он еще жив, Лазарь этот? Ну, или вместо него другой кто-нибудь людей перевозит…

— На то непохоже… — проговорил Феофан. — Впрочем, покликать можно…

Но кликать не пришлось, ибо в это самое время Санька заметила лодку, только что появившуюся из-за поворота.

— Лодка! — обрадованно выкрикнула она. — А ты говорил: умер Лазарь…

И замахав рукой, Санька закричала звонко и весело:

— Эге-гей! Сюда!

Феофан тоже заметил лодку, но кричать не стал. Впрочем, это было уже без надобности: лодка и так направлялась в их сторону.

Но когда она достаточно приблизилась, Санька с удивлением разглядела, что правит лодкой женщина. И довольно еще молодая, лет этак двадцать пять-тридцать, не больше…

К самому берегу подгонять лодку женщина не стала, остановила ее метрах в десяти, чуть подгребая веслом, чтобы оставаться на месте и не быть унесенной быстрым течением. Она придерживала лодку и смотрела на Феофана с Санькой, а они тоже молча в нее вглядывались.

— Нам бы на ту сторону перебраться, молодица! — пророкотал, наконец, Феофан оглушительным своим басом. — А ты что, за перевозчика теперь тут?

— Да вроде того, — как-то неохотно и совсем даже нелюбезно отозвалась женщина. — Только кого сейчас перевозить… баловство одно. Рыбачу вот…

— Понятно, — проговорил Феофан, уже не так оглушительно. — А старик где, Лазарь, раньше тут все рыбачил? Умер, что ли?

— А вы кто такие будете? — вопросом на вопрос ответила женщина, окидывая сперва Феофана, а за ним и Саньку недоверчивым и даже враждебным взглядом. — Откуда идете, куда путь держите?

— Путники мы, — сказал Феофан и, неожиданно погладив Саньку по голове, добавил: — Я — монах, а это инок, от рождения блаженный. В басурманском плену был, оттого и одет столь диковинно. А идем мы с ним от святых мест дальних в обитель свою монастырскую…

— Блаженный, говоришь?

Женщина внимательно посмотрела на Саньку, потом одним резким взмахом весла подогнала лодку к самому берегу.

— Ладно уж, влезайте! И тихо сидите… лодка эта… одно название, что лодка!

Лодка и в самом деле была не ахти, и это еще мягко сказано. Так что Санька сидела не шевелясь, да и Феофан тоже держался смирнехонько, ибо при малейшем даже шевелении то правый, то левый борт лодки угрожающе наклонялся, поочередно черпая воду. Впрочем, женщину это нисколечко не волновало.

— На, вычерпывай!

Она вытащила откуда-то из-под себя скрученную кульком бересту и сунула ее то ли Феофану, то ли Саньке… но так как Феофан даже не пошевелился, именно Саньке пришлось, приняв кулек, вычерпывать из лодки воду, что она и проделала не без успеха. Впрочем, уже заканчивая и стараясь как можно быстрее покончить с утомительным этим занятием, Санька сделала одно неверное движение — и новый поток речной воды мгновенно обрушился на дно лодки, едва не отправив ее вместе с пассажирами на дно.

Пришлось начинать все сначала…

А перевозчица, вместо того чтобы побыстрее направить дряхлую свою посудину к противоположному берегу, вдруг резким взмахом весла повернула ее влево, поставив прямо по течению…

— Эй! — встревоженно крикнула Санька, бросая кулек. — Куда это мы?! Нам, вообще-то, на тот берег надо!

— Туда и доставлю! — отозвалась женщина, лениво пошевеливая веслом. — К самой нашей деревне. Там и заночуете.

— Верно, — пророкотал досель молчавший Феофан. — В избе, оно завсегда сподручнее…

Едва они переступили порог ближайшей избы (в ней-то, оказывается, и проживала женщина-рыбачка), в нос Саньки так шибануло чем-то основательно прокисшим вперемешку с запахом тухлой рыбы, что она даже пошатнулась. Она бы и вообще из избы прочь выбежала, но шедший позади Феофан, как назло, загородил собой весь проход… и поэтому только Санька осталась на месте. Судорожно вдохнув (вернее, выдохнув), она затравленно осмотрелась по сторонам.

Впрочем, особо смотреть тут было не на что. Вся изба состояла, кажется, из одной-единственной комнаты, тускло освещаемой коптящей лучиной. К тому же, значительную часть помещения занимала печь с деревянными полатями, под которыми возлежал, лениво пережевывая жвачку, рыжий теленок с белой звездочкой на лбу. При виде вошедших он поднял слюнявую мордочку и издал приветственно-мычащий звук.

— Рыбу сюда станови! — не оборачиваясь, скомандовала женщина, и Феофан, который от самой реки волок тяжеленную плетеную корзину, доверху наполненную рыбой, послушно опустил ее на глиняный пол, возле печи. — Проголодались, чай?

— Не без этого, — устало проговорил Феофан, присаживаясь на узкую лаву, тянущуюся вдоль всей стены. — Сколько с нас, хозяюшка, за перевоз, за ночлег, за еду?

— Грех плату брать с людей божьих. Как ты, дедуля?

Последние слова женщина произнесла, подойдя к полатям, и предназначались они уже не Феофану, а кому-то еще.

— Как ноженьки?

— Болят ноженьки, болят! — послышался с полатей шамкающий старческий голос. — Моченьки нет, как болят!

— Вот он, Лазарь твой! — сказала женщина. — Лежит, не встает. Искалечили его по весне люди недобрые, огнем ноги жгли…

— Это за что же? — спросил Феофан враз изменившимся голосом. — И кто же его так?

— Деньги требовали! — вздохнув, женщина подошла к Феофану, опустилась на лавку рядом с ним. — А откуда у старика деньги! Не поверили, пытать начали. А кто да откуда? Про то не ведаем, не назвались они, ироды…

Она замолчала, и Феофан тоже молчал, опустив голову. Молчала и Санька, тихонько присев на другую лаву, возле кривого деревянного стола. Исподтишка взглянув на полати, она сумела разглядеть в густом полумраке избы лишь кучу тряпья, но никак не живого человека.

— С тобой самой ничего не сотворили? — не глядя на женщину, спросил Феофан.

— Не было меня тут, в лесу пряталась, — с неожиданной злостью проговорила женщина. — Все наши девки да бабы, которые помоложе, в лес убежали, а некоторых все равно потом изловили, супостаты…

— И что?

— А ничего! Смертью не порешили, и то ладно!

Поднявшись с лавы, женщина подошла к печи и, отодвинув заслонку, долго в ней копалась. Потом поставила на стол выщербленную глиняную миску с печеной рыбой, нарезанной крупными, неровными кусками.

— Ешьте! Соли вот только нет, не обессудьте!

— И у нас нет! — вздохнул Феофан, тоже поднимаясь с лавы и подходя к столу. Сел рядом с Санькой, пододвинул миску с рыбой к ней поближе. — Ешь, Санька!

— А ты? — спросила Санька, неуверенно беря из миски ближайший кусок.

— И я!

Печеная рыба неожиданно оказалась необычайно вкусной, а может, это Санька так здорово успела проголодаться. Она поглощала кусок за куском и опомнилась лишь тогда, когда в миске почти ничего не осталось.

И тут только дошло до нее, что Феофан к рыбе почти не притронулся, так, один всего кусочек поначалу и сжевал.

— Ешь! — пододвинув опустевшую миску поближе к монаху, прошептала Санька виновато. — Я больше не хочу, наелась уже…

— Наелась, это хорошо!

Феофан быстренько покончил с остатками трапезы и, встав из-за стола, низко поклонился женщине.

— Спасибо за угощение, хозяюшка! Спать нас где думаешь положить? Тут, на полу?

— Да нет, тут вам несподручно будет, — задумчиво проговорила хозяйка, как-то странно поглядывая на Феофана. — Впрочем, ежели соломки чуть подстелить… я сейчас принесу…

— Я сам принесу, — сказал Феофан, подходя к двери. — Ты, главное, покажи где…

— Идем! Я только лучину поменяю…

Они вышли, и Санька осталась одна. Вернее, вдвоем с изувеченным стариком на полатях.

Странно, но она вполне освоилась в этих, надо сказать, почти первобытных условиях. Горела, чуть потрескивая, свежая лучина, умело закрепленная в светце у печи, невидимый отсюда, снизу, старик на полатях тихо стонал, ворочаясь, а теленок, поднявшись с пола, подошел к Саньке и доверчиво ткнулся ей в колени слюнявой мордочкой.

— Привет! — сказала Санька теленку и принялась чесать его за ухом. — Что, нравится?

Наверное, теленку и в самом деле было приятно почесывание. И вдруг, расставив задние ноги, он пустил под себя такую струю, что Санька еле успела в сторону отскочить.

— Фу, как не стыдно! — возмущенно выкрикнула она, вновь усаживаясь на лавку, и, шлепнув теленка по крутому лбу, добавила уже тише: — Вали отсюда, раз ты такой бессовестный!

Но теленок «валить» явно не торопился. Вместо этого он вновь ткнулся мордочкой Саньке в колени, требуя продолжения.

— И не подумаю даже! — сказала Санька, пряча обе руки за спину. — Раз ты такой!

В это самое время она почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. И, подняв голову, обнаружила, что с полатей на нее уставилось изможденное старческое лицо, обрамленное сверху обширной сверкающей лысиной, снизу же — белой окладистой бородой.

— Ох, грехи наши тяжкие! — чуть слышно прошамкал старик. — Жду смертоньку, зову… а она все по соседям ходит…

Надо было что-то ответить, но Санька лишь молча смотрела на старика.

— Ты почто одет так дивно? — уже куда громче прошамкал старик. — А может, ты из басурманских степей будешь али из земель фряжских?

— Из земель фряжских, — наконец-то смогла выдавить Санька и тут же подумала, что лучше было бы выдать себя за басурманку (за басурманина, то есть). Вон и Феофан женщине именно такую легенду про нее поведал…

Но слово, как говорится, не воробей...

— И как там люди живут? — тут же поинтересовался старик. — Лучше, нежели у нас, али тоже плохо?

— По-разному, — дипломатично ушла от прямого ответа Санька. — Некоторые лучше, а есть, что и похуже нашего…

— Значит, везде она имеется, неправедность людская! — вздохнул старик. — И лютость человека извечная, она в самой натуре его!

С этими выводами трудно было спорить, да Санька и не собиралась этого делать. С нарастающим беспокойством подумалось ей, что слишком уж задерживаются Феофан с женщиной. Или за соломой этой аж на другой край деревни переться надобно?

Она так задумалась над этим вопросом, что не вслушивалась в то, что продолжал бубнить с полатей старик. Потом до нее дошла вся значимость самой последней его фразы.

— Что?! — вскочив с лавки, Санька бросилась к старику. — Кто ночевал у вас вчера?

— Бандурист слепой, — прошамкал старик, с некоторым даже удивлением поглядывая на чрезмерно возбужденную Саньку. — И поводырь-мальчонка при нем, немного тебя старше. Тоже одет дивно, не по-нашему… портки и обувка весьма с твоими схожие…

— Мальчонку как звали? — Санька едва не задохнулась от охватившего ее волнения. — Не Иваном ли?

Старик задумался.

— Кажись, слепец так поводыря своего и кликал: Ванюшкой…

— Когда они ушли? Куда?!

Санька уже почти кричала.

— Того не ведаю, — вздохнул старик. — Раненько ушли, светать только начинало. А куда — про то мне не сказывали, а сам я проследить никак не мог. Ноженьки вот не ходят совсем, не встаю я с полатей, с самой весны почти не встаю. Может, Аксинья чего видела…

— Аксинья?!

Выбежав во двор, Санька сразу же остановилась в нерешительности. Вокруг было так темно, что даже на расстоянии вытянутой руки трудно было хоть что-либо разглядеть. Куда бежать, где искать Феофана и эту самую Аксинью?

— Феофан! — негромко выкрикнула Санька и тут же замолчала, прислушиваясь.

Но никто ей не отозвался.

— Феофан! — уже куда громче крикнула Санька, тщетно борясь с подступающей к горлу паникой. — Ты где?!

И вновь ответом ей была лишь звенящая тишина.

— Феофан! — что есть силы заорала Санька, уже рыдая в голос и совершенно себя не контролируя. — Феофан!

— Ну, чего причитаешь? — послышался откуда-то сбоку такой знакомый рокочущий бас. — Испугалась, что брошу?

— Феофан!

Бросившись к монаху, Санька уткнулась зареванным лицом ему в плечо.

— Я зову, зову… — жалобно лепетала она сквозь слезы, — зову, а ты… а тебя…

— Ну, будет, будет! Тут я, видишь… не ушел никуда…

В голосе Феофана сквозило явное смущение, и чуткое ухо Саньки тут же это смущение уловило.

— Ты где был?! — уже не жалобно, а скорее требовательно проговорила она, отстраняясь от монаха. — Сказал, что за соломой, а сам…

— За соломой и ходили, — все так же смущенно проговорил Феофан. — Темно только… вот и заплутали немного…

— И где же она, твоя солома?

— У меня!

Санька оглянулась на голос. Женщина по имени Аксинья уже подходила к ним, и в руках у нее действительно была ладная охапка соломы.

— В избу идите! — бросила она, проходя мимо. — Спать пора!

— Ты иди, — не глядя на женщину, проговорил Феофан. — Мы, это… немного погодя…

Ничего на это не отвечая, женщина то ли хмыкнула, то ли фыркнула насмешливо и, хлопнув дверью, скрылась в избе. А Санька и Феофан некоторое время стояли молча.

— Ты, это… — кашлянув, начал Феофан, — ты только не думай ничего такого…

А Санька и не думала. То есть, до этого самого момента не думала, а вот теперь взяла да и подумала.

И на этот раз даже не удивилась таким, «почти взрослым» своим мыслям. Просто приняла их как нечто само собой разумеющееся…

А еще почувствовала вдруг по отношению к этой самой Аксинье не то чтобы укол ревности, но некое его подобие, что ли…

Этого еще не хватало!

— Ты, это… — вновь начал Феофан, но Санька тут же его перебила.

— Не понимаю, зачем врать было? — проговорила она дрожащим скорее от негодования, нежели от обиды, голосом.

— Врать? — удивленно переспросил Феофан. — В чем мое вранье?

— Зарок давал! Перед иконой святой!— неожиданно даже для себя самой выпалила Санька прямо в лицо Феофану. — Десятый год блюду! А сам… эх ты, святоша! И вообще, дай пройти!

И оттолкнув монаха в сторону, бросилась в избу.

И там только, взглянув мельком на плешивую голову старика на полатях, вспомнила, зачем, собственно, на улицу выбегала.

— Скажи, — бросилась она к Аксинье, — кто у вас ночевал вчера?

Аксинья в это время заканчивала старательно разравнивать солому у стены. Расслышав вопрос, она поднялась с колен, тщательно отряхнула юбку и лишь после этого повернулась в сторону Саньки.

— Феофан где?

Ответить Санька не успела, ибо в это самое время монах сам вошел в избу. Даже не вошел, втиснулся как-то боком, да так и остался стоять у порога.

— Вот, подстелила вам… — проговорила Аксинья, подходя к монаху почти вплотную и едва не касаясь его тугой своей грудью. — Тебе и парнишке твоему… должно хватить… Али, может, еще выйдем во двор за соломкой?

— Благодарствую, хватит и этой, — отозвался Феофан, стараясь при этом не смотреть ни на Аксинью, ни на Саньку.

— Кто у вас вчера ночевал? — не выдержав, заорала Санька. — Неужели так трудно ответить!

— Не ори, не дома! — крикнула в ответ Аксинья. — Ишь, разорался!

И, замолчав, с каким-то недобрым любопытством уставилась на Саньку.

— А ить ты не парнишка, — проговорила она медленно и тоже с плохо скрытой враждебностью. — Девка ты переодетая… что, раскусила?

И переведя взгляд на Феофана, все еще растерянно топтавшегося у порога, добавила с еще большей враждебностью в голосе:

— Ай да монах! Ай да хват!

Обогнув Феофана, Аксинья подошла к двери, распахнула ее настежь.

— А ну пошли вон! Оба!

— Как это? — все еще ничего не понимая, проговорила Санька. — Куда это?

— Вон из моей избы! И чтоб духу вашего…

Санька растерянно взглянула на Феофана, но тот лишь вздохнул и, подхватив с пола свою котомку, молча шагнул в темноту летней ночи. И Саньке ничего другого не оставалось, как броситься следом.

Некоторое время они шли молча по пустой, словно вымершей деревушке. Ни огонька в избах, ни даже собачьего лая…

— Простите, пожалуйста! — не выдержав, наконец, тягостного молчания, проговорила Санька. — Это из-за меня все!

— Ничего, Санька! — беззлобно и даже с какой-то грустью проговорил Феофан, не останавливаясь. Потом он помолчал немного и добавил, все так же беззлобно: — Это я во всем виноват!

Заночевали они в скирде прошлогодней соломы на самой окраине деревни. И это был не самый плохой вариант ночлега… во всяком случае, Санька нашла его куда более комфортным, нежели предполагаемая ночевка на глиняном (а скорее даже земляном) полу в той затхлой, тесной избенке, где, скорее всего, в изобилии плодятся клопы и тараканы, а старик на полатях, возможно, еще и оглушительно храпит но ночам. А что кряхтит и ворочается ежеминутно — это уж факт.

Впрочем, представляя мысленно все эти ночлежные ужасы и всячески охаивая столь негостеприимную к ним избу Аксиньи, Санька, возможно, просто утешала себя, выдавая желаемое за действительное. Ибо, что ни говори, а не очень приятно быть выставленной за дверь поздним вечером…

Зарывшись в солому по самую шею, Санька долго не могла уснуть, хоть ноги ныли, а глаза буквально слипались от усталости. Сначала ей мешало уснуть звездное небо над головой. Потом мысли ее незаметно перекинулись к мальчишке-поводырю, проходившему тут вчера и, если верить старику на полатях, тоже непривычно для здешних мест одетому. И тоже Иваном зовут…

Хотелось верить, что это именно ее Ванечка… впрочем, уверенности в этом у Саньки не было. Как не было уверенности и в том, что именно в этом направлении двинулись вчера утром слепой бандурист и его малолетний поводырь, а не, скажем, в прямо противоположном…

А когда Санька уже почти задремала, ее внезапно разбудил сонный голос Феофана, интересующегося, уснула ли она. Санька ничего на это не ответила, прикинувшись глубоко спящей, но в душе все же немного запаниковала. А что, если Феофан, лежащий, кстати, совсем неподалеку, начнет к ней приставать? И как ей тогда поступить? Убегать, защищаться или просто истошно вопить, призывая на помощь?

И на чью помощь можно рассчитывать в этой всеми забытой дыре?

А может, уже сейчас, соскользнув со скирды, просто задать стрекача?

Но Феофан, видимо, окликнул Саньку просто так, для порядка. И убедившись по ответному ее молчанию, что спутница его, кажется, уснула, задремал и сам. А потом сон неприметно сморил и Саньку, и проснулась она уже утром…

Глава 7

К главной дороге на Тулу (шляху, как величал ее Феофан) Санька с Феофаном вышли лишь к обеду, когда летнее солнце изрядно уже начало припекать, а сама Санька успела порядком притомиться. Впрочем, к самому шляху путники подходить не рискнули. Остановились неподалеку, укрывшись в густом зеленом кустарнике, и принялись терпеливо ждать.

А по дороге двигались войска. И все по направлению к Туле. Скакали отряды конных, поблескивая на солнце вороненой сталью шлемов и доспехов, тут же, на повозках, везли пушки и прочую боевую амуницию. Впрочем, некоторые из пушек имели собственные колеса и посему катились, громыхая и лязгая, вслед за повозками.

Пеших вооруженных людей на шляху тоже хватало, только двигались они не так организованно, как всадники: просто шли отдельными ватагами, и каждый ратник держал на плече копье, рогатину или хотя бы топор на длинной рукоятке. А у некоторых в руках и ружейный ствол тускло поблескивал… и Санька вдруг вспомнила, что допотопные эти ружья назывались в то далекое время пищалями. Впрочем, «то далекое время» было сейчас для Саньки временем вполне настоящим. И даже единственным, ежели на то пошло…

Но чье войско проходило сейчас перед ними: наступающие на Тулу рати Шуйского или отходящее под напором превосходящих вражеских сил воинство Болотникова… этого ни Санька, ни даже Феофан не ведали.

Впрочем, опасаться следовало и тех, и других. И еще неизвестно, кого больше…

Ежели судить по богатому убранству большинства всадников, по шляху двигались именно правительственные войска, и Санька шепотом пыталась убедить в этом сомневающегося Феофана. Но переводя взгляд на медленно и расхлябанно бредущих пехотинцев, она и сама начинала вдруг сомневаться в своих первоначальных предположениях: уж больно разношерстно и простонародно они выглядели: мужики мужиками… ну, разве что вооруженные…

А рати все шли и шли, сменяя друг друга, и казалось, им не будет конца.

И с каждой новой ратью все меньше оставалось у Саньки уверенности, что смогут они с Феофаном настигнуть сегодня слепого бандуриста со своим странным мальчишкой-поводырем.

Бандурист двигался в этом направлении, в трех небольших селениях, через которые нашим путникам пришлось пройти сегодня, подтвердили эту информацию. Сведения о необычной одежде малолетнего поводыря тоже соответствовали действительности… а самое оптимистичное известие ожидало Саньку в последней из трех деревушек. Как оказалось, слепой музыкант по каким-то причинам там задержался почти на сутки… и покинул он деревню всего за несколько часов до прибытия туда самой Саньки. Вместе с Феофаном, разумеется…

Вот почему последний отрезок пути Санька не шла, а почти бежала, да еще и всячески поторапливала недовольного столь высоким темпом передвижения Феофана. А к шляху вышла уже совершенно обессиленная, но переполненная твердым желанием немедленно продолжить преследование…

Обилие войск на шляху внесло свои коррективы в ее грандиозные планы. И обходного пути на Тулу, кроме этого шляха, тоже не имелось: по обе стороны от дороги простиралась унылая заболоченно-лесистая местность, и тянулась она аж до самого горизонта…

Но все рано или поздно заканчивается: и хорошее, и плохое. Вот прогромыхала, подскакивая на ухабах, последняя пушка, протопали последние

пехотинцы (совсем уже расхлябанные)… и только пыль осталась на шляху от прошедшего воинства. Впрочем, и она медленно оседала…

— Ну что? — вскочив, Санька посмотрела на Феофана. — Пошли?

— Погоди чуток!

Поднявшись, Феофан медленно осмотрелся по сторонам.

— А может, не пойдем к Туле? Может, в сторону Калуги подадимся?

Санька задумалась. Иван (если это был он, разумеется) мог двинуться со своим бандуристом к Калуге (это не исключено), но мог ведь и на Тулу податься!

Как тут сделать правильный выбор?

Но куда-то идти надо было, и путники выбрали тульское направление. И бодро в ту сторону зашагали. То есть, это Феофан шагал бодро, а Санька, прихрамывая, уныло плелась сбоку. Заметив это, Феофан тут же убавил шаг.

Но Саньке это не особенно помогло. По пути к шляху она натерла, а потом и сорвала мозоли на обеих ногах, но тогда, сразу, даже не заметила этого. А вот сейчас, после вынужденной остановки и отдыха, каждый шаг отзывался такой дикой болью, что на глазах у Саньки невольно выступили слезы. Крепко сжав зубы, она попыталась бороться с болью, но в конце концов сдалась и расплакалась, усевшись на обочину дороги.

— Не могу идти! — сквозь слезы заявила она Феофану. — Ноги сбила!

— А ну, покажи! — сказал Феофан, тоже опускаясь на пыльную траву обочины, и когда Санька, все еще всхлипывая, разулась, внимательно осмотрел ее стертые в кровь пятки. — И правда, сбила…

— А ты думал, это я притворяюсь? — сердито всхлипнула Санька, вновь и неожиданно даже для себя самой переходя с Феофаном на «ты». — Вру тебе, да?

— Вот чего не думал, того не думал…

Феофан замолчал, и Санька тоже молчала, исподлобья поглядывая в сторону монаха. Впрочем, сам Феофан смотрел куда-то поверх головы Саньки. Внимательно так смотрел…

— Что там? — с тревогой спросила Санька. — Опять войска?

— Да нет, — неторопливо проговорил Феофан, поднимаясь на ноги. — Едет кто-то…

— Вооруженный?! На лошади?

— На бричке…

Вскочив вслед за Феофаном, Санька тоже посмотрела в ту сторону. Впрочем, увиденное ее немного успокоило.

По дороге в том же направлении, куда двигались Санька с Феофаном, легко катила высокая бричка, запряженная парой лошадей. Совершенно без пассажиров, ежели не считать возницы, мужчины неопределенного возраста и невзрачной наружности, но зато в высокой меховой шапке (это среди лета!) и нарядном кафтане, расшитом какими-то золотистыми узорами.

Поравнявшись с путниками, мужчина туго натянул вожжи, с трудом останавливая разогнавшихся лошадей.

— Тпру-у, заразы! — крикнул он густым басом, совершенно неподходящим для его далеко не богатырского сложения. — Стоять мне!

И повернувшись к Феофану, сдернул с головы свою лохматую шапку. После этого добавил уже совершенно иным, негромким и даже почтительным голосом:

— Благослови, святой отец!

— Да будет с тобой всяческая благодать и в делах, и в помыслах твоих! — проговорил Феофан напевно и троекратно перекрестил возницу. — Да поможет тебе Господь во всех твоих начинаниях!

— Спасибо, святой отец!

Возница вновь натянул шапку на голову. До самых, считай, глаз натянул…

— Издалека путь держишь, святой отец?

— Издалека, — не вдаваясь в подробности, отозвался Феофан. — Может, подвезешь странников божьих?

— Подвезу! — сказал возница, чуть отодвигаясь на козлах. — Отчего не подвести!

— Давай, Санька! — обернувшись к Саньке, Феофан поманил ее рукой. — Залезай!

Ковыляя на ноющих ногах, Санька подошла к бричке и с помощью Феофана в нее забралась, обессиленно откинувшись на сравнительно мягкую спинку сиденья. Рядом с ней, на сидении и подле него было навалено множество каких-то матерчатых тючков, так что места хватило только ей одной. По этой причине Феофану пришлось сесть рядом с возницей, что, впрочем, нисколечко монаха не огорчило.

— Едем, Санька! — с облегчением проговорил он.

— Н-но, милые! — рявкнул возница. — Пошли, родимые!

И для вящей убедительности взмахнул над головой кнутом.

Лошади рванули так, что Саньку почти прижало к сиденью. Впрочем, ничего неприятного в этом не было.

— Ие-ха! — продолжал вопить возница, вращая кнутом. — Давай, милые!

И обернувшись к Саньке, неожиданно ей подмигнул.

— С ветерком, девка, прокачу!

Лошади и в самом деле мчались как угорелые, так что до Саньки, в испуге вцепившейся в поручень, не сразу и дошел смысл последней фразы возницы.

«Девка» — произнес этот невзрачный мужичок в богатом одеянии, а значит, он каким-то образом смог раскусить нехитрый ее маскарад. Но ежели смог он, смогут и другие! Вон и Аксинья тоже как-то неожиданно быстро обо всем догадалась.

«Веду себя, как девчонка! — стиснув зубы, подумала Санька. — Плачу, как дура, и вообще…»

— Отрок это! — прогудел Феофан, обращаясь к вознице. — Блаженный он, потому ликом с отроковицею схож…

— Да мне все равно! — неожиданно захохотал возница. — Отрок так отрок!

И, вновь повернувшись к Саньке, вторично ей подмигнул.

«Не поверил!» — поняла Санька.

Впрочем, ничем плохим ей это пока не грозило. Феофан был рядом, и в случае чего с этим плюгавеньким мужичонкой он в два счета разобрался бы. Да и почему сразу подозревать человека в дурных намерениях. Ну, догадался… ну, дал Саньке это понять — и что?

А лошади все продолжали и продолжали нестись во весь опор. И возница уже не грозил им кнутом, наоборот, он даже слегка придерживал ретивый бег своих рысаков, время от времени туго натягивая вожжи.

— Добрые лошади! — перекрикивая грохот и дребезжание брички, обратился Феофан к вознице. — Сам-то ты кто будешь? Купец?

— А бес его знает! — с веселой лихостью отозвался тот. И, помолчав немного, добавил: — Со вчерашнего дня вроде как купец! А кем завтра буду — про то одному Господу ведомо!

Как-то мудрено говорил возница, темнил он что-то… во всяком случае, Санька его не совсем поняла. А Феофан то ли понял, то ли глубоко безразлично это все ему было, но больше расспрашивать не стал.

Возница же явно не считал разговор законченным. Выговориться ему хотелось, душу хоть кому-либо, да излить…

— Купеческая это бричка, святой отец! — пояснил он, хоть Феофан ни о чем таком его не спрашивал. — И лошади тоже купеческие! Еще вчера купец с купчихой на них куда-то путь правили… а тут мы с братом возьми да и подвернись…

Не договорив, он замолчал и принялся усиленно полосовать кнутом лошадей, хоть те и так мчались как угорелые.

— Но, волчья сыть!

— И что? — резко спросил Феофан, одновременно с этим перехватывая у возницы кнут. — Порешили вы с братом того купца, так, что ли?

При этих его словах Санька вздрогнула и сжалась. По-новому как-то взглянула на невзрачного этого мужичка в нелепом среди лета головном уборе. Раньше возница казался ей просто смешным, теперь же при одном только взгляде на его сутулую спину Саньку невольно пробрала дрожь…

— Ну, что молчишь? — нетерпеливо прогудел Феофан, швыряя кнут себе под ноги. — Говори!

— Осуждаешь, святой отец? — с какой-то даже издевкой отозвался возница, нагибаясь и вновь подхватывая кнут. — А ежели у нас иного выбора не было?

— Бог судит, не я! — буркнул Феофан и из-за плеча бросил обеспокоенный взгляд в сторону Саньки. — А выбор, его завсегда найти можно!

— А ежели он брата мово порешил?! — с каким-то торжеством в голосе возразил возница. — Мы бы их, может, живыми отпустили, лошаденок с товаром отняли бы и все! А он из пистоли в брата… в упор! Ну, а потом и я его достал… кистенем. Вот этим самым…

И возница неожиданно вытащил из-под сидения шипастый металлический шар на длинном сыромятном ремешке… знакомый такой шар…

— Перетянул разок по макушке — ему и хватило, — продолжал меж тем возница, с какой-то странной ухмылкой покачивая на руке кистень. — Купчиха, известное дело, в крик. Ну, я и ее тоже… сгоряча! Потом опомнился, пожалел о содеянном. Не о купце, пес с ним, с купцом… о бабе его. Она молодая была, сдобная. Очень бы мне для этих самых дел подошла… а я, дурак, кистенем!

И вновь засовывая кистень под сидение, возница сладострастно причмокнул.

— Не о том говоришь! — сердито буркнул Феофан. — Бог тебе судья, но нельзя об этом так! Давай о чем-нибудь другом побеседуем!

— Давай! — согласился возница. — Как младший братишка мой мученическую смерть принял — об этом я тебе уже рассказал. А поведаю я тебе еще, святой отец, как старшего моего брата жизни лишали! — Последние слова возница почти прокричал. — Поведать?!

— Придержи лошадей! — встревоженно крикнул Феофан, хватая возницу за плечо. — Придержи, говорю!

— Ты его убил, монах! — истошно завопил возница, вовсе бросая вожжи и судорожно шаря правой рукой под сиденьем. — Позавчера, у реки дело было! Али позабыл уже, святоша?

Ничего на это не отвечая, Феофан ухватил его за отвороты кафтана обеими руками и так встряхнул, что с головы возницы слетела его мохнатая шапка.

— Останови, говорю!

— А шиш тебе, монах! — полузадушенно хрипел возница, все продолжая и продолжая шарить рукой под сиденьем. — Сейчас я тебе… сейчас…

Лошади, никем не управляемые, неслись вскачь, а бричку трясло и подкидывало так, что Саньке пришлось обеими руками крепко вцепиться в поручень, чтобы удержаться и не вылететь. И тут в правой руке возницы оказалось вдруг что-то, длинное и блестящее… и мгновение спустя Санька услышала треск выстрела.

И почти одновременно с этим Феофан охнул и, отпустив возницу, ухватился обеими руками за окровавленную голову. Потом покачнулся и вывалился на обочину дороги.

— Феофан! — пронзительно вскрикнула Санька, уже поняв, что произошло, но еще не до конца в это поверив. — Феофан!

Она обернулась, но так ничего не смогла рассмотреть в густой пыли, клубившейся за бричкой.

— А вот оно как, святоша! — завопил возница, вновь подхватывая и встряхивая вожжи. — Брата моего порешил — ступай сам следом! — И метнув быстрый взгляд в сторону омертвевшей от ужаса Саньки, добавил с гнусной какой-то ухмылочкой: — А с тобой, девка, я потешусь! Ох, как потешусь, душеньку отведу! И за себя, и за братьев своих загубленных!

«Прыгать! Немедленно прыгать! — билась в голове у Саньки паническая мысль. — Спрыгнуть, пока не поздно!»

Но лошади мчались с такой скоростью, что прыгать было опасно. И оставаться в бричке тоже было опасно, еще опаснее, нежели прыгать.

— Два брата у меня было! — вопил во весь голос возница, с силой вращая над головой кнут. — И где они, братья мои?! Один я таперича, на всем белом свете один! Аки перст… и в сердце моем лишь злоба лютая!

Он был похож на сумасшедшего… да он и был сумасшедшим в этот момент…

Сжав зубы, Санька уже приготовилась прыгать, хоть вероятность разбиться была очень высока, но тут она заметила всадников. Вымахнув из какого-то перелеска, они мчались наперерез бричке, и было их около сотни, а то и больше…

Возница тоже заметил всадников, да и трудно их было не заметить. Он хлестнул лошадей, хоть они и так неслись из последних сил.

— Но, клячи купеческие! Давай же, давай!

Обернувшись, Санька сумела разглядеть сквозь клубы пыли быстро приближающихся всадников. Их лошади были явно порезвее порядком заморенных купеческих рысаков…

— А ну стой! — зычно закричал передний из всадников, нарядный, в блестящей кольчуге и шлеме с перьями. — Стой, тать!

— Грехи наши тяжкие! — испуганно простонал возница, натягивая вожжи и замедляя этим бешеный бег лошадей. — Никак, дозор царский!

Он вновь напялил на голову нелепую свою шапку и, повернувшись в сторону обмершей от ужаса Саньке, добавил жалобно и одновременно с угрозой:

— Ты, девка, того… молчи лучше! Будешь молчать, тогда и я тебя, это… не выдам, слышишь?! Ужо не скажу им, что ты — девка переодетая! А коли из беды выпутаться сумеем — враз отпущу! Вот как перед Богом клянусь — отпущу с миром, ничем не обидев! Ты только меня, это… не выдай, слышь?! Я — купец, по торговым делам еду… ты — мой сынишка младшенький, все понятно?

Последние слова он произнес почти шепотом, ибо всадники были уже совсем близко. Еще мгновение — и они обступили остановившуюся бричку со всех сторон, а возница, сорвав с головы меховую свою шапку, принялся униженно кланяться.

— Кто таков? — властным начальственным голосом проговорил все тот же всадник в золоченой кольчуге, и Санька внезапно его узнала.

Это он третьего дня хотел хлестнуть ее плетью, да Феофан не позволил, принял этот удар на себя.

Вспомнив о Феофане, Санька вдруг почувствовала, как тугой соленый комок вплотную подкатил к горлу, да так, что даже дышать стало трудно. Глаза заволокло слезами, но Санька сердито смахнула их тыльной стороной ладони. Не время было плакать сейчас.

А возница уже что-то говорил, обращаясь к всаднику в золоченой кольчуге, по всему видно, предводителю всей группы… и голос матерого убийцы был в этот момент на удивление тихим, угодливым, даже каким-то воркующим...

Впрочем, самое начало его объяснений Санька, всецело занятая своими горькими мыслями, пропустила.

— …а потом тати воровские на нас нечаянно наехали… — продолжал между тем возница все тем же униженно-воркующим тоном, бросая при этом опасливые взгляды в сторону неподвижно сидящей Саньки. — Еле ускакали от них, товара часть пришлось выбросить иродам на разграбление. Бог миловал, спаслись… сынишка вот только перепугался до смерти…

— Сынишка?

Всадник в золоченой кольчуге чуть повернул своего вороного жеребца и пристально посмотрел на Саньку.

— Это и есть сынишка твой?

Возница неуверенно кивнул.

— Так ведь я его видел на днях! — незло и даже как-то весело проговорил всадник в кольчуге, — сынишку твоего названного! Правда, он тогда не с тобой был, а с монахом пришлым. Как же ты это объяснишь, купец?

Ненависть к вознице, подло, исподтишка убившего Феофана так захлестнула Саньку, что даже собственная судьба перестала ее вдруг волновать.

— Врет он все! — закричала она, вскакивая с сиденья. — Не купец он — убийца! Он купца и жену его вчера убил кистенем, потом лошадей его забрал и в купеческую одежку вырядился! Что, неправду говорю?! А сегодня еще и Феофана… из пистолета…

Это было все, что смогла, давясь рыданиями, выкрикнуть Санька. А выкрикнув это, она вновь упала на сиденье и горько расплакалась.

— Вот оно что! —изменившимся голосом проговорил предводитель, пристально вглядываясь в помертвевшее от страха лицо возницы. — Вот оно как!

И тут же повелительно махнул рукой кому-то из своих подчиненных:

— Повесить!

— Нет! — пронзительно завопил возница, когда два дюжих воина, спешившись, стащили его с брички и, повалив навзничь, принялись связывать за спиной руки. — Поклеп это! Лжа!

И умолк, ибо один из связывающих, ткнул его лицом прямо в дорожную пыль.

— А это что? — проговорил кто-то из всадников, нагибаясь и вытаскивая из-под сидения кистень. — Тоже лжа?

— Для защиты это! — продолжал вопить возница, хрипя и отплевываясь. — Купец я, люди добрые!

— Быстрее давайте! — нетерпеливо крикнул предводитель, с трудом придерживая на месте пляшущего жеребца. — Чего возитесь!

Подхватив с двух сторон истошно вопящего и тщетно упирающегося возницу, воины тут же поволокли его к одинокому дубу, стоящему у самой дороге. На нижнем суку дуба уже сидел кто-то из воинов, сноровисто прилаживая веревку, другой помогал ему снизу. Все делалось просто, деловито и даже как-то буднично… а Санька, словно остолбенев, молча смотрела на все это широко раскрытыми испуганными глазами.

Этот лжекупец за все свои преступления и в самом деле заслуживал примерного наказания, а может, даже и смертной казни, но…

Возможно, все дело было в слишком уж быстром вынесении смертного приговора и почти мгновенном его приведении в исполнение. Так нельзя было поступать, а вдруг Санька соврала, возвела на человека напраслину…

Никто даже разбираться не стал! Повесить и все!..

— Винюсь, слуги царские! — еще пронзительнее завизжал возница, когда его уже подтащили под веревку и накинули на шею петлю. — Слово и дело! Слово и дело государево!

— А ну стой! — крикнул предводитель и, чуть тронув коня, подъехал к месту казни вплотную. — Говори!

— Не сын он мне! — затравленно выкрикнул возница, грязной спутанной бородой указывая в сторону Саньки. — И не парнишка это вовсе! Девка переодетая! Ведьма! Из-за нее все мои беды, она и меня давеча околдовала! Сжечь ее надобно, проклятую!

— Девка?!

Обернувшись, предводитель внимательно посмотрел на Саньку.

— А ведь и впрямь девка! — хохотнул он. — Ишь ты, ловкачка!

— Сжечь ее, ведьму! — все еще на что-то надеясь, вновь выкрикнул возница. — Позвольте, Ваша милость, мне самому…

И захрипел, не договорив, ибо в это самое время сразу два воина дружно потянули за веревку.

— Ну, как?! — вопросительно крикнул один из них. — Тянуть, что ли?

— Тяни! — равнодушно бросил предводитель, даже не глядя в ту сторону.

Дальнейшего Санька уже не видела, не хотела видеть. Крепко зажмурившись, она еще и низко наклонила голову. И сидела так до тех самых пор, пока что-то твердое и холодное не коснулось ее подбородка.

Невольно открыв глаза, Санька увидела лицо предводителя: совсем еще молодое, холеное и по-своему очень даже привлекательное. Густые белокурые волосы, выбивавшиеся из-под шлема, вместе с усами и небольшой аккуратной бородкой красиво его обрамляли.

Вот только глаза у предводителя были не то чтобы злыми, но какими-то холодными, что ли…

Пустые, равнодушно-скучающие глаза человека, привыкшего убивать и уже уставшего каждодневно этим заниматься.

— Ну? — лениво проговорил предводитель, рукой в железной перчатке задирая Санькин подбородок. — Будешь говорить?

— Буду! — испуганно прошептала Санька и даже сама почувствовала, как дрожит и срывается ее голос.

— Зовут как?

— Санькой! — все так же испуганно прошептала она и тут же поправилась: — Александрой, то есть…

— Ладно, поверим! — сказал предводитель, отпуская Санькин подбородок. Но когда она, пользуясь этим, попыталась вновь опустить голову, крикнул, не сердито, но повелительно: — Голову не опускать! На меня смотреть!

Испуганная Санька постаралась вскинуть голову как можно выше.

— Вот так оно лучше! — уже более миролюбиво проговорил тот. Потом добавил: — Лазутчица? Из стана Болотникова?

— Нет! — Санька отчаянно замотала головой, стараясь при этом не смотреть в сторону дуба, с нижней ветви которого свисало почти до земли страшное неподвижное тело. — Просто странница! А переоделась и волосы себе остригла, потому что боялась! Время такое…

— Страшное время! — неожиданно мягко и даже участливо согласился с Санькой предводитель. — А люди, они сейчас пострашнее зверей лютых!

Он замолчал, думая о чем-то своем, и Санька тоже молчала, испуганно на него уставившись. Но мыслей у нее в голове не было никаких. Пустая была голова, совершенно пустая.

— Холопка беглая? — строго спросил предводитель и, когда Санька отрицательно замотала головой, неожиданно с ней согласился. — Верю, не похожа ты на холопку! Одежка на тебе дюже дивная. Дочь купеческая?

На этот раз Санька кивнула, решив со всем соглашаться.

— Понятно… — проговорил предводитель. — Родители живы? Али убиты оба?

— Убиты! — вновь подтвердила Санька.

— Этот их порешил? — указал предводитель на дерево с повешенным.

Саньке хотелось и на этот раз с ним согласиться, но тут она вовремя вспомнила, что предводитель позавчера видел ее с Феофаном.

— Нет! — мотнула она головой. — Раньше, на той неделе еще… Болотниковцы вдруг налетели…

Последние слова она проговорила с явным усилием, ибо еще не совсем избавилась от исторических своих иллюзий о хороших повстанцах и плохих ратниках Шуйского.

— Понятно! Ну, а тут, в бричке, как оказалась?

На этот вопрос можно было, наконец-таки, ответить без вранья, вернее, почти без вранья, и Санька, глотая слезы, принялась рассказывать, как повстречала она Феофана, как шли они вместе, а потом решили подъехать на случайно подвернувшейся бричке. Как возница хвастался тем, что порешил купца с купчихой, а когда Феофана это возмутило, выхватил ручницу и в упор выстрелил в монаха…

— Вот же ирод! — возмущенно воскликнул один из всадников. — Монаха порешил! Не зря мы его, татя, вздернули!

Остальные воины одобрительно зашумели, но разом умолкли, повинуясь повелительному жесту предводителя.

— С девкой что делать будем? — проговорил он задумчиво. — Может, и впрямь сжечь ее, как полагаете?

Санька так и обмерла, услышав эти слова. С надеждой взглянула на предводителя: может, пошутил?

Но красивое лицо предводителя было совершенно непроницаемым.

— Ну, что смотришь? — спросил он, скривив губы в недоброй ухмылке. — Ежели по одежде твоей судить, ты — ведьма и есть!

— Нет! — отчаянно замотала головой Санька. — Я не ведьма!

— А почему тогда этот душегуб так тебя обозвал? — выкрикнул вдруг один из всадников. — Под петлей, перед смертью, перед судом Божьим… там люди обычно правду бают!

И вновь все как один воины зашумели, но на этот раз как-то вразнобой...

— Сжечь ее, ведьму, и дело с концом! — зычно крикнул один из воинов, широкоплечий, с густой окладистой бородой. — Или вздернуть рядом с дружком!

Но его сразу же перебили.

— Да погоди ты, Пахом! Тут разобраться надо!

— Да чего разбираться! — не унимался бородач. — Ишь, вырядилась, нехристь, православным мужам во искушение!

И тут Санька неожиданно вспомнила о крестике на шее.

— Я тоже православная! — отчаянно закричала она, вытаскивая крестик и махая им из стороны в сторону. — Вот и крест на мне!

Странно, но, увидев в дрожащей Санькиной руке этот маленький золоченый крестик, воины разом умолкли. И дружно посмотрели на предводителя. А Саньке внезапно вспомнилось, как долго мать уговаривала ее совершить обряд крещения, как долго Санька не соглашалось на этот, как она тогда выразилась, «полностью средневековый пережиток». И вот теперь, кажется, этот маленький золоченный крестик из большой беды смог ее вызволить.

Или еще ничего не ясно?

А предводитель уже смотрел не на Саньку, а в сторону прямо противоположную. И все воины тоже дружно повернули туда головы.

Обернувшись, Санька увидела еще одного всадника. Вынырнув откуда-то из придорожного кустарника, всадник мчался в их сторону, низко прильнув к лошадиной шее.

— Там казаки воровские! — хрипло выкрикнул он, резко осаживая лошадь около предводителя и как-то пьяно покачиваясь в седле. — Много!

Прокричав, а вернее, прохрипев это, всадник замолчал и рухнул прямо под ноги собственной лошади. И тут только Санька смогла разглядеть стрелу, торчавшую у него между лопаток.

— Уходим! — скомандовал предводитель, птицей взлетая на вороного своего жеребца.

И, разом повернув коней, всадники унеслись прочь. А Санька осталась.

Одна в бричке, запряженной парой лошадей.

Окончание следует.

Микола ШАБОВИЧ

Мне по-прежнему верится

* * *

Так хочется пригодиться
Не только друзьям-знакомым,
За все отплатить сторицей
Земле и родному дому.

Без пауз и многоточий
Тот край воспевать чудесный,
Где долгую жизнь пророчит
Кукушка своею песней.

Тот край, где когда-то годы
Струились рекой счастливой,
Как мед по пчелиным сотам
Под яблоней или сливой.

Где в школу ходил лесочком
С портфелем, тетрадок полным,
Где сами рождались строчки,
Что сердцу так любо вспомнить,

Чтоб в радости обретенья
Как исповедь прозвучало:
«Родная земля, Бадени —
Святое мое начало!»

* * *

Мне по-прежнему верится,
И надеюсь, что вериться будет,
Что Земля наша вертится
Потому, что есть добрые люди.

Мне по-прежнему верится,
Что не все продается за деньги,

Что ни вере, ни верности
Не исчезнуть пустым наважденьем.

Мне по-прежнему верится,
Что наш мир красотою спасется,
Что беда перемелется,
А написанное — остается…

Мне по-прежнему верится…

* * *

О Время, мой философ и судья!
Зерцало дней! Счастливая подкова!
Ты лечишь раны. Некому — шутя.
Другим — не хватит срока никакого.

И радость жизни ощутить даешь,
И боль утрат — судьба неотвратима.
Не страшно, что тебя не повернешь, —
Страшнее, если ты проходишь мимо.

Друг Время! Присмири свой бег, прошу, —
Я за тобой почти не поспеваю.
Однако что-то все-таки пишу,
Стихом и песней душу раскрываю…

* * *

От зноя воздух аж звенит,
Земля иссохла.
И мысли целый день одни —
Что дело плохо.

Так душно, парит день-деньской —
Чего примета?
На дождь надежды никакой —
Сухое лето.

Так полыхает небосвод —
Ослепнешь за день.
Сиди, потягивай компот
Ты на веранде…

Но, может, кто-то отыскал
И в этом радость?
Коль вы подобный экстремал —
Пишите адрес…

* * *

Что за лето такое бедовое —
То порез, то ожог, то укус.
Ну, а солнце, от жара бордовое,
Только, кажется, входит во вкус:

Не ласкает заботливым лучиком,
А печет, хоть ты прячься в кусты.
Да и там, солнцепеком измученный,
От жары не укроешься ты.

Что ж ты, ветер, все без толку носишься —
Хоть бы тучу какую пригнал,
У колодца воды не допросишься,
Пруд — и тот уже дно показал…

С каждым разом — все что-нибудь новое…
Да судьбу по-иному не свить.
Эх вы, лета денечки бедовые!
Славить вас — будто Бога гневить.

* * *

Как весел праздник юности самой,
Когда всего семнадцать за спиною!..
Увы, сегодня этот парк не мой,
Как не мое и лето выпускное.

И на меня глядят уже не так,
Как некогда, кокетливые феи
И думают, зачем я заплутал
На молодой березовой аллее

И что-то бегло черкаю в блокнот,
Бросая вскользь загадочные взгляды, —
Как будто на весенний хоровод
Гляжу из золотого листопада…

Ну что ж, пора, наверное, домой.
Что любоваться не своей весною?!
Увы, сегодня этот парк не мой,
Как не мое и лето выпускное…

* * *

Вот в этот тихий час вечерний,
Когда туман скрывает лица,

Тебя сравнил бы я, наверно,
С огнистой белкой-озорницей.

Ты даришь светлое волненье
Своим игриво-нежным взглядом.
Ты мне в печали утешенье
И в зной — бодрящая прохлада.

И хоть сегодня небо мглисто,
Душа, как солнцем, озарится
Твоей улыбкою огнистой,
Глазами белки-озорницы.

* * *

Будь вовеки земной такой,
От которой и боль стихает.
Растревожь мой ночной покой
Осторожным своим дыханьем.

Я поверю в твою любовь,
Потому что хочу поверить,
Что способен влюбиться вновь,
Не скорбя о былых потерях,

Чтоб из юной твоей весны
На мгновенье, на миг короткий
Увести золотые сны
Поцелуя касаньем кротким.

Ты не бойся молвы людской:
Рано ль, поздно — она стихает.
Растревожь мой ночной покой
Осторожным своим дыханьем.

Перевод с белорусского
Андрея ТЯВЛОВСКОГО.

Владимир СТЕПАН

Золотая щель света

Три новеллы

Трава, что режет руки

Мне двенадцать с половиной, я сижу на жестком стуле с железными ножками в узкой больничной палате на одно окно. Белый халат, который приказали накинуть на плечи, — длинный, один рукав порван, а на втором россыпь зеленых и рыжих пятнышек. Пахнет тот халат почему-то пудрой и хозяйственным мылом. А в светлой и узкой палате пахнет лекарствами, подгоревшим молоком и мокрыми листьями, как в остывшей бане...

На железной кровати, ближе к открытому окну, лежит учитель рисования. Его голова и худые плечи провалились в две больничные подушки. Учитель смотрит на меня и пытается улыбаться. Получается. Но от этой его вынужденной и мучительной улыбки мурашки бегут по спине.

А за окном кипит август — теплый, темно-зеленый, и там влажный ветер шастает в кустах и деревьях, заставляя двигаться их тени на серой стене. В свои двенадцать с половиной я понимаю, что мой учитель умирает, но о том, когда это произойдет, я не думаю, потому что боюсь. Конечно, хочу, чтобы это случилось как можно позже. Там, на улице, в кустах и деревьях, щебечут птички, озвучивая движение теней на светлой стене. Чтобы не смотреть на своего больного изможденного учителя, рассматриваю то пол, то свои поцарапанные руки, то снова стену, на которой пытаюсь отыскать и без труда нахожу в путанице листьев тени воробьев, они то появляются, то исчезают.

Учитель неожиданно, с долгим вздохом, спрашивает: «Слушай, ты любишь собирать грибы? Конечно же любишь».

Сам спросил, сам и ответил. Я передергиваю плечами под своим белым халатом, потом киваю, потом бросаю взгляд на стену за учителем, сосредотачиваюсь на маленьком черном пятнышке на серой краске.

Учитель опять вздыхает и подтягивает колючее суконное одеяло к чисто и гладко выбритому подбородку так, чтобы оно спрятало худую белую шею, такую белую, что она кажется светлее, чем наволочка казенной подушки.

Еще никто из моих родных не умирал, а потому смерть для меня не очень понятное событие и пока не болезненное. Но то, что невидимая смерть рядом, чувствуется, будто она находится не только здесь, в узкой и светлой палате, но и за открытым окном, в теплом больничном дворе, в трепете теней, озвученных щебетанием воробьев. Все это мне сильно не нравится, напрягает, пугает, но и вызывает любопытство. Учитель хотя и говорит, но мне он уже представляется мертвым. Через испуг слышу его голос и напрягаю слух, понимая, что пропустил начало.

«Знаешь, о чем я в последнее время все думаю и думаю, и не могу понять?» — говорит больной настойчиво и снимает очки, рука с ними падает на одеяло.

Хочу сказать, что учитель думает-думает о картинах, которые не успел написать, о женщинах, о своих детях, о том, что скоро умрет. Про поцелуи, про женские ноги и груди, про свою вторую жену... Откуда я знаю, о чем ты думаешь? Я вот думаю о своем велосипеде, который оставил рядом с больничным крыльцом, в тени акации, и о том, что его могут украсть. Велосипед хороший, с новым передним колесом... И еще я думаю, что завтра меня отправят в деревню, и еще о том, кому достанутся все его коробки с красками, кисточки, карандаши, и бумага, и картон, и книжки...

«Я все последние дни думаю только о грибах... О боровиках... Они очень красивые, они такие... Закрой, пожалуйста, окно — холодом с улицы тянет... Снова будет дождь», — просит учитель рисования и закрывает глаза.

Охотно и даже радостно подхватываюсь с жесткого стула, мне уже давно надоело сидеть. Закрываю окно. Занимаю свое место. Набравшись смелости, бросаю взгляд на лицо учителя, чувствуя, что он меня не видит, что наши взгляды не встретятся. Лицо, без таких привычных и нужных очков, выглядит голым. Рот сиреневый, уши большие и почти прозрачные, а лоб и лысина как мукой припорошены. Волосы тонкие и седые, как дым. Одним словом, он совсем не похож на себя, на привычного и уверенного пятидесятилетнего мужчину. А еще робкая улыбка кривит его рот, от нее мне становится неловко и муторно. Начинает не хватать воздуха, обливаюсь потом, а через мгновение мне становится жарко.

«Ты их срезаешь острым ножиком, а они скрипят, как живые... Считай, вскрикивают. Они как скульптуры... Много раз хотел написать, нарисовать, но так и не решился. В общем, даже не знаю, кто смог бы нарисовать грибы? Многие пробовали, но не помню, чтобы хоть у кого-то получилось... А еще они пахнут. Так вкусно пахнут, невероятно... Ничто так не пахнет...» — учитель говорит сладким шепотом. А я смотрю на его неподвижное лицо, лишенное живых красок, очень похожее на скомканную оберточную бумагу в магазине, и дышу носом. Поворачиваюсь к стене, чтобы опять распутывать взглядом тени кустов и деревьев.

«У меня есть два секретных места. Слышишь? Я их помню до самых малых мелочей. Одно было далеко от дома, а другое, оно совсем рядом, может, полкилометра, не больше, в низком и густом ельнике... Еще грибов нигде нет, не пошли, а там они уже растут. Еще ни дети, ни взрослые не находили, а я тайно приносил первые белые грибы... — Последние слова прозвучали тихо, почти шепотом, но уверенно, и как мне показалось, даже весело. Безумным шепотом. — Слушай, а давай я тебе покажу это место. Хочешь?» — «Как покажете, когда?»

Учитель тощей левой рукой с тонкими узловатыми пальцами осторожно потер глаза. Правая, с черными очками, поднялась и вернулась на свое место, в углубление, выдавленное в одеяле.

«В пятьдесят четвертом я вернулся… Тут он замолчал, а потом добавил:

— Из армии, приехал домой... Посидели с родителями за столом, выпили, легли спать, но я не мог уснуть... Лежал, пытался заснуть и не получалось. Поднялся, еще темно было, еще все спали, оделся и ушел. Воды попил в сенях и папиросы взял. Деревня еще спала. Я через огород подался, по борозде, по картошке, потом через поле. Иду, на темный ельник на краю поля гляжу, а справа от него — дорога. Дошел до него и остановился, стою, по сторонам

оглядываюсь. Я про этот ельник много думал... Убедился, что меня никто не видит, присел, на колени стал, а потом пополз на четвереньках. Ельник тот низкий и такой густой, такой непролазный, как стена, а я ползу, корзину перед собой толкаю, а за одежду колючие ветки да сухие лапки, с травой перепутанные, цепляются. В ельнике темно, мокро, холодно, а я все ползу. Пролез! Там, в середине, полянка узкая, вот как от меня до стены, шага три-четыре. И трава там густая, высокая. Такая, что потянешь ее, попробуешь выдернуть — обязательно руки порежет. Острая трава. И зеленая, и сухая руки режет. Пока лез, слышал, как там все грибным духом пахнет, нестерпимо, остро. Раздвинул траву — увядшую, высокую, а там боровик... Небольшой, правда, с ореховой шапкой, толстенький, крепкий, из той травы на меня смотрит, а рядом меньший сидит, а дальше еще два — большие, рыжие с белыми ножками... Я выпрямился. Постоял, отдышался, а потом сел на траву, папиросы достал, руки дрожат... Курю и на них смотрю, а они на меня. И кажется мне, что они радуются, что я рядом, что пришел к ним, наконец. Долго, может, с полчаса так и сидел на одном месте, молчал и плакал от радости. Потом достал из-за голенища финку, а не могу первый срезать. Рука не поднимается. А почему мне их жалко, не знаю... Это недалеко отсюда. Всего-то час поездом, а потом пройти придется... Мне уже лучше. И позавтракал сегодня, и обедать буду. Поедем?» — Учитель смотрит вопросительно и виновато улыбается.

Сначала я подумал, что он шутит, а потом — что он сошел с ума: от лекарств, боли, ужаса и возраста. Говорили, что ему живот разрезали, посмотрели и быстро зашили, так как там все рак съел.

Через неделю больной художник из седьмой палаты исчез. Его искали, волновались. И врачи искали, и вторая жена, и дети. Никто не знал, куда он пропал, а у меня никто не спрашивал. Через день он вернулся в больницу. А через две недели умер.

Теперь я знаю, что учитель тогда, в 1954-м, вернулся из тюрьмы, а не из армии. Что посадили на восемь лет за то, что он рисовал в газете, выходившей под немцами. Но теперь эти знания потеряли и прежнюю важность свою, и даже смысл.

Чаще думаю о траве, о той самой, что режет руки.

Золотая щель света

Мальчик спал в дедовой комнате, на большом диване с высокой спинкой. По потолку время от времени, когда по улице проезжала машина, пробегали полосы мягкого света, и тогда сияло, как глаз, выпуклое стекло барометра над диваном. В книжных шкафах, за толстым стеклом, стояли фотографии в рамках. С карточек смотрел и улыбался мальчик, тот самый, что спал на диване. На письменном столе располагался компьютер, лежали стопки бумаги с мелко распечатанным текстом и лупа, через которую интересно рассматривать ногти, царапины, нитки и узелки на них...

Мальчику снилась улица и бегающие по ней дети. И еще снились взрослые дети, курящие за школой, под кривым и толстым деревом. Потом мальчик оказался в школьном коридоре — широком, с высоким потолком, и безлюдном. Зазвенел звонок, и мальчик недовольно перевернулся на бок, а одеяло мягко съехало на пол. Во сне он не смог отличить школьный звонок от телефонного в соседней комнате. Звонок тот звучал недолго, совсем... И поэтому

он не знал, что его дед час тому как умер. Все было хорошо — сердечный ритм восстановили, утром из реанимации перевели в палату терапии. Умер он во сне.

Блестящая ручка в двери спальни опустилась, сделалась похожей на запятую в длинном предложении, так как дверь некоторое время не двигалась. Потом в зал вошла женщина, осторожно закрыла дверь. Так, будто боялась разбудить. Но свет в спальне горел ярко, так, что между полом и дверью сияла золотая щель, будто подчеркивая что-то важное.

Женщина держала в левой руке телефон и узкий блокнот, а в правой очки. В большой комнате царила тьма, а из-под двери спальни тянуло холодом. Хозяйка квартиры постояла немного, огляделась и осторожно прошла к кухне. По дороге остановилась и посмотрела на мальчика, но одеяло поправлять не стала, только лишь неслышно прикрыла дверь. Она знала комнату мужа до мелочей. Все фотографии, часы, выпуклый барометр, бумаги, старое кресло с подушечкой и вытертой овечьей шкурой на спинке.

В кухне пахло арбузом. Его половина лежала на большой белой тарелке, посередине стола. За окном темно-синий городской двор, соседние девятиэтажки, много неподвижных машин, лес, небо с белыми, как вата, ночными облаками... Она зажгла над столом свет. Половина арбуза стала ярко-красной. Присела к столу и развернула блокнот. Бумажка с длинным телефонным номером лежала сразу под обложкой.

Часы на буфете показывали четыре пятнадцать. Надела очки, провела языком по зубам, покачала головой из стороны в сторону. Очки еще больше добавили лицу растерянности. Она поднесла телефон близко, потом отставила и принялась набирать цифры. Сбилась. Отключила. Заметила на столе коричневую плоскую семечку, успевшую за ночь присохнуть, отковырнула ее. Пришлось подняться, бросить в ведро с мусором. Но семечка в ведро не попала, и женщина торопливо наклонилась, подняла. Села к столу и снова начала набирать. Когда набрала семь цифр из двенадцати, дверь в кухню открылась нараспашку. За ней стоял босой восьмилетний Вадим и щурил от яркого света глаза.

— Что такое, детка? Живот? — Мария вздрогнула, осторожно положила телефон на стол и встала.

— Нет, баба, в туалет, — сказал внук.

— Говорила же тебе, не надо есть столько арбуза, а ты, как всегда, не послушал.

— А мне разрешил дед... Мы с ним по телефону говорили, он сказал, что если арбуз сладкий, то его надо есть много. А ты с ним потом говорила, когда из магазина пришла. Что, не помнишь? А можно, я в школу сегодня не пойду?

— В школу, сегодня? Можно... Посмотрим. А почему босиком ходишь?

— Ай, не нашел тапки. — Мальчик посмотрел на свои ноги, повернулся, чтобы не слушать очередной вопрос, зажег свет в туалете.

Мария взяла тарелку с арбузом и спрятала в холодильник, там, на второй полке, нашлось место. Вернулась к столу, но пришлось опять подняться, чтобы выключить за внуком свет в туалете, а потом прикрыть дверь в его комнату.

Усевшись у стола и сосредоточившись, снова начала набирать длинный номер. Набрала, прижала трубку к уху и посмотрела на часы. В телефоне щелкало, стучало, пиликало, потом пошли длинные и однообразные гудки. Мария задышала чаще, а потом и перестала дышать. Гудок шел за гудком.

— Алло-алло-алло... Слушаю!

Мария даже растерялась, когда услышала голос дочери. Казалось, что она в соседней комнате.

— Светлана, это я... Как вы там?

— Все нормально, мама. Что, Вадик заболел? Чего ты молчишь, что с ним! — Дочь говорила немного нервно и взволнованно.

— Нет, с Вадиком все хорошо, спит...

— Он не в школе? Ах, забыла, у вас же там еще совсем рано. Все перепуталось в голове. Слушай, я тебе такой подарок везу, такая красота, ты еще не представляешь... Я хотела взять шелковый и красный, а Игорь говорит, что тебе лучше будет вишневый... Я сейчас складываю, тут по кровати все разбросано, так что ты долго не разговаривай, а то много наговоришь...

— А где Игорь?

— По берегу ходит, прощается с морем-океаном. Я рукой ему помахала, но он не видит, не смотрит на отель. Он какой-то странный, говорит, что совсем не хочет отсюда уезжать. Представляешь, совсем не хочет. Вот чудак!

— Светлана, ну а он тебе уже сказал, вы хоть решили, как дальше жить будете? Или, как и прежде, каждый в своей квартире...

— Опять ты со своими вопросами. Какая разница, где мы будем жить? Он сказал, что все уже решил и сегодня обязательно скажет... Вот пойдем в ресторан обедать и там поговорим... Все будет хорошо, не переживай, мама.

Мария слушала голос дочери и думала о своем, а еще пыталась представить, как высокий Игорь неспешно идет по берегу, как грузнут его ноги в песке, как набегает за волной волна. Вода ей виделась голубовато-зеленой и яркой, волны с кружевами, песок белым, а небо не могла и придумать, какое оно там, в этом самом Вьетнаме.

— На крабов больше и смотреть не могу...

— А какое там небо?

— Небо? Обычное... Я себе шляпу купила, зеленую с острым верхом, соломенную, а деду желтую рубашку.

— Рубашку?

— Не то чтобы она совсем желтая, а такая золотистая, как лук, и блестящая... Мама, ты наговорила на миллион, а может, и больше. Завтра мы уже будем дома. В шесть наш самолет. Как у вас погода, холодно? У нас жарко и душно. Дождь только один раз был, но такой ливень, что на весь день и всю ночь. Лило как из ведра. Конец света какой-то.

— У нас, кажется, тепло... Слушай, а что он все тянет?

— Мама, мы сами разберемся... Вон он к отелю идет, с белым цветком... Не волнуйся, все будет хорошо.

— Светлана, ты скажи ему, что жить будете в нашей квартире. Что ты молчишь? В нашей, говорю.

— А вы?

— В твоей.

— Что вы придумали? А как Вадим будет в школу ходить, его возить придется через весь город? Мама, ты Сергею напомни, чтобы завтра встретил, я ему пришлю эсэмэску из Москвы, когда будет пересадка. Все, завтра увидимся, тебе вишневый цвет нравится, правда, я так и скажу Игорю. Целую-обнимаю, до встречи.

В трубке щелкнуло и пошли однообразные короткие гудки.

Мария с телефоном и блокнотом вернулась в спальню, поправила на убранной постели мужа подушку, спрятала в ящик тонометр. На часах было

без четверти пять. Решила, что позвонит сыну в семь, когда он проснется и начнет собираться на работу. Достала из шкафа альбом, села на свою кровать и взялась пересматривать фотографии. Она знала, какая нравилась мужу, ей, сыну, и дочери, и даже восьмилетнему Вадику. В спальне ей было жутко, но Мария смотрела на фотографию молодого мужа в полосатом галстуке и улыбалась.

Вадику снились блестящие каштаны и мужчина-врач в одежде свекольного цвета. Металлический чемодан с лекарствами и то, как доктор посмотрел на барометр над диваном и постучал по стеклу ногтем... Это было позавчера, когда они с дедом вернулись из парка, где хотели насобирать каштанов, но не успели. Дед сказал, что его сердце колотится, и они с полпути вернулись домой.

Под дверью спальни желтела щель света, которая могла бы напоминать тире, если бы не была такой длинной.

Дедова хата

Глубокой осенью, когда моросит нескончаемый дождь, душным летним вечером, когда пищат комары, студеной зимой, когда сухо хрустит под ногами снег, — только что поколотые дрова пахнут весной. Всегда, но, может, это только мне?

Вот не могу вспомнить, на чем мы с отцом доехали до нужной остановки, до начала нашей лесной дороги. Может, и на автобусе, битком набитом тетками, дядьками и детьми, что то плачут, то смеются, то кричат... Хотя, почему дети плачут, и были ли тогда дети? А может, нас подвез попутный грузовик, ехавший на Довск, Жлобин, Чечерск... Короче, в этом месте, сколько ни пробую, не проступают даже мелкие, не говоря о больших деталях-подсказках. Но мы доехали, а потом шли привычные пять километров дорогой через лес и поле, в деревню, к дедовой хате. Через сосняк, потом через березняк. Я, как молодой, нес плотно запакованный тяжеловатый рюкзак, а отец корзину с едой. Это точно, тут ошибки быть не может, так как есть фотоснимок. Мутноватый, но и корзину можно рассмотреть, и отца. Я сделал тот снимок, но что-то не так выставил, ошибся с выдержкой, не так покрутил, а потому изображение получилось смазанным, нечетким.

Помню, что там, под большими дубами, где я его сфотографировал, отец нашел парочку молодых боровичков. Обрадовался, как ребенок. Сам, в своей корзине, бережно понес их дальше, домой. А еще помню, что он очень хотел выпить, а потому несколько раз предлагал остановиться, отдохнуть и перекусить. Бутылка водки, привезенная мной из Москвы, лежала в рюкзаке, завернутая в старое полотенце. А я приехал из армии, в отпуск, на двенадцать дней. Здесь без ошибки, это было летом восемьдесят четвертого. Теплого, с дождями. На лесной дороге, по низинам, кое-где стояли и тускло поблескивали лужи, а над ними порхали лесные мотыльки и большие комары. Внизу было тихо, а вверху шумели сосны, качая верхушками, а над ними летали и кричали вороны.

Потом он перестал предлагать отдохнуть-перекусить, шел молча и курил. Иногда сворачивал с лесной дороги, но хорошие грибы больше не попадались, и он злился. Меня же тогда грибы почти не интересовали, тем более в чужом лесу...

Пришли домой. Отомкнули все замки, поснимали с окон железные самодельные щиты и составили их во дворе, под крышей… Зашли в дом и начали переодеваться. Дом показался мне маленьким, и я немного растерялся. Отец торопил... Чего-чего, а вот одежды самой разной в дедовой хате хватало, все туда свозили и из Гомеля, и из Костюковки. Я надел знакомые синие штаны на узком ремне, старую отцовскую рубаху, свою кепку, когда-то оставленную в деревне, и дедовы добитые сандалии. Нравились мне эти легкие разношенные сандалии.

Пока отец распихивал по полочкам шкафчика провизию, я занялся водой. Вылил из ведра в сенях старую, еще с прошлого его приезда, и накачал из колонки свежей. Хотя и рыжей, но холодной и вкусной. В армии вода была невкусная, вонючая. Потом мы быстро выпили по рюмке водки, перекусили тем, что привезли, а лука и укропа отец принес с огорода. Не поленился, сходил и отщипнул на гряде у забора.

Он взялся точить пилу, а я обошел дом, осмотрел двор, сад, попробовал яблоко, еще кислое и незрелое, позднее заглянул в сарай, полный дров, и в темную, как в детстве, кладовку с ящиками, дежками, мехами, косами и серпами...

Во дворе, на зеленой траве, лежали белые березовые и серые ольховые бревна с яркими красными торцами. Вот ради них мы и приехали. Начали пилить. Тягали пилу и болтали про армию, про то, как и чем сейчас кормят, и про всякое разное. Деда вспоминали не раз. Текли светлые опилки, сыпались, как сухой искусственный снег. Часа через три на станину легло последнее бревно… Теперь уже на стоптанной и некрасивой зеленой траве лежали только чурбаны. Отец помыл руки, накатал воды в жестяное корыто, чтобы грелась на солнце, рассказал, как в этом корыте мыли меня малого, а потом и брата.

Выпили еще по рюмке водки, закусили, и я пошел во двор колоть дрова. А отец надел пиджак и сказал, что пойдет в свой лес, там посмотрит грибов. «Пока ты здесь с дровами, я по окраине леса пройдусь... Ты только это, осторожно, по ноге себе не рубани...» — Сказал и пошел с ножом и корзиной со двора через калитку, огородом, рядом с забором, по борозде, потом по шляшку (это такой огороженный проезд ко двору), и через выгон. До нашего леса совсем недалеко, со двора можно дубы рассмотреть.

А я взял в сенях знакомый с детства большой топор. Повертел его в руках, секанул ольховый прутик, посмеялся своим мыслям и начал колоть дрова. Приятное занятие, хотя и тяжелое. Колол и думал, только бы по ноге не рубануть, а если бы не услышал предупреждения, так и не думал бы. Скоро про те слова забыл и колол неистово, зло, так что вскрикивал, когда бил из-за плеча по тяжелой чурке на вечной дубовой колоде.

Когда отец вернулся, я сидел на крыльце, спиной к стене, и курил. Половина двора была завалена дровами. Руки и ноги дрожали, гудели от усталости, спина ныла и болела.

Грибов в своем лесу он немного собрал, оставил корзину на крыльце, а сам вошел в сени, звякнул о ведро кружкой и долго пил. Из сеней предложил пойти в лес завтра утром. Я сказал, что тогда и посмотрим, а пока и загадывать не хочу.

Он посмотрел на дрова, потом на облачное летнее небо и беззлобно заметил, как бы себе самому, что было бы хорошо их сегодня и сложить, но не в сарай — там полно, а в сени, чтобы потом, осенью, было ближе брать. А он сам, пока я дрова складывать буду, управится с грибами и сварит суп. Я сидел,

курил и дивился на дрова, а потом сказал, что поколотые дрова пахнут весной. Он посмотрел на них, на меня, вздохнул: «Может быть, и весной... Я столько дров перебил-переколол, а как-то вот никогда об этом не думал. Почему?»

Моего ответа он не дождался и пошел раскладывать костер в шляшку, под яблоней, где и всегда. Там, рядом со скамейкой, чернело пятно земли с серыми углями от прошлых костров.

Я носил дрова, а он перебирал рядом с колонкой грибы, долго мыл их, а потом высыпал в чугунок и понес к костру. Позвал меня и попросил принести из сарая железную треногу.

Запахло дымом: остро, приятно, вкусно.

Отец сидел, курил, смотрел на огонь, на суп, шевелил палкой щепки, чтобы не слишком кипели наши грибы. Сходил, выкопал несколько молодых картофелин, оскреб, помыл и покрошил в мисочку. А я все носил и носил дрова, складывал и складывал под стеной в полутемных сенях... Наконец закончил, сгреб железными граблями, собрал из травы щепки, кору и в той корзине, с которой он ходил в лес, принес к костру.

Не помню, в какой момент я сфотографировал отца рядом с домом. Может, когда он шел от костра в дом, чтобы взять соли, а может, когда еще не пошел по грибы. Тогда тучи разбежались, засияло солнце, и снимки получились необыкновенно хорошо. А потом пленка в фотоаппарате закончилась. Она закончилась как раз тогда, когда он попросил сфотографировать дедов дом. Причем так, чтобы и крыша железная была видна, и труба, и огород с высокой ботвой, и все яблони рядом с домом, и даже цветы под стеной... Но пленка закончилась, такой вот я фотограф криворукий...

Пока грибы варились, а запах их был слышен даже в доме, я решил помыться. Взял с полки большую алюминиевую кружку, разделся догола, стал рядом с корытом и облился, быстро намылился, а потом снова начал обливаться. Вода в глубоком корыте нагреться не успела, сначала показалась очень холодной, но это мне даже понравилось. Спохватился, что не взял из дома полотенце. Его принес отец, перекинул через ручку колонки и пошел к костру. Я вытерся, оделся во все чистое, а полотенце повесил сушиться.

Сидели у огня, курили, я — сигареты с фильтром, а он московский «Беломор», и говорили, как здесь хорошо и тихо, и что осенью, когда выкопают картошку, будет много яблок, из которых придется давить сок. Я попробовал ложку супа, и он попробовал. Снял чугунок и начал на маленькой сковороде жарить шкварки с луком. Предложил еще сварить молодой картошки, но мы передумали, решили, что и так будет нам хорошо...

Темнело. Солнце, как за высокой стеной, спряталось за нашим лесом. Суп сварился, и отец понес чугунок в дом, а я следом сковороду. Вернулся и залил костер, убрал в сени треногу. Нес ее осторожно, на щепочке, ведь горячая. В сенях пьяно пахло колотыми дровами.

Сели за стол и заметили, что в доме темновато, на дворе поздний вечер. Я попытался зажечь свет. Щелкнул выключателем, но лампочка не загорелась. На столе ужин, бутылка, а отец начал разбираться с электричеством. И со счетчиком возился, и во двор быстро выходил, чтобы провода посмотреть, какие от столба в дом тянутся. Исправить не удалось, но и к соседям не пошел, потому что любил есть суп горячий. А суп стоял налитый в тарелки, и ложки лежали. Он снял с полки у порога керосинку, зажег, установил стекло, навел фитиль. Теперь лампа заняла место рядом с хлебом, початой бутылкой и рюмками. Свет сделал все теплым, привлекательным, а то, что за окном, — синим. Пили, ели, суп был вкусный и густой от грибов и молодой картошки...

Вышли во двор, покурили на крыльце, посмотрели на небо. Потом я прилег на дедову кровать, рядом с печью, а отец сел к столу на деревянную самодельную скамейку. Сидел и рассуждал о пропавшем электричестве, смотрел в окно на соседние дома, где горели окна, и курил. Он мог курить одну папиросу целый час. Потянет пару раз и сидит, думает, молчит.

Помню, как он сходил на чистую половину дома, но сначала убрал на столе. Потом вернулся, спросил, пойду ли я утром в лес. Я снова сказал, что — будет видно. Он задул керосинку, убрал ее со стола и решил еще покурить.

Я смотрел на него, а он сидел за столом. Когда зажигал папиросу, свет спички сделала его лицо золотым. Он взмахнул рукой, и в густой темноте засияла красная точка папиросы, и запахло табачным дымом. За окном стояла неподвижная и плотная черно-синяя деревенская тьма. Была только одна точка папиросы. Ту красную точку и помню, с ней я и заснул.

Когда открыл глаза, снова увидел каплю света. Но она была не золотая, не красная, не желтая. Капля та сияла голубым светом. И была она неподвижна. Первое, о чем подумал сразу, — отец уснул с папиросой во рту. И тогда я негромко сказал: «Ты что, спишь? Эй?»

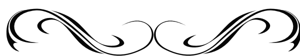
Отец не отозвался, даже дыхания его не было слышно. Капля синего света мигнула. Я поднялся с кровати и направился к столу. Руки, с растопыренными пальцами, держал перед собой. От кровати до стола, может, каких пять шагов, может, даже четыре.

Моя рука коснулась синей капли света. Ладонь уперлась в оконное стекло. За окном, в плотной тьме, горела синяя звезда.

Я нащупал в кармане спички, чиркнул — звезда погасла. Зашел на вторую половину дома. Отец лежал на кровати, на спине, нераздетый, только ботинки стояли на коврике, рядом. Он вздохнул, поднял руку и сбросил со щеки комара. Спичка обожгла мне пальцы и погасла.

Знаю, что если приехать летом на то место, где стояла дедова хата, дождаться темноты, то я увижу синюю каплю света. Маленькую, как огонек папиросы. Но маловероятно, что я попаду туда. Да и зачем?

Перевод с белорусского Алены МАРКОВИЧ.



Валерий МАКСИМОВИЧ

Связующая нить

Откровение

Белеет парус одинокий...
М. Лермонтов

Ну что же сделали вы, боги,
Что в мире мне покоя нет? —
Я словно странник одинокий
Среди блуждающих планет.

Я, как отступник, как мятежник,
Без устали и без стыда
Все рвусь то в рай, то в ад кромешный,
То обреченно в никуда.

Не знаю, что со мной и где я.
Затерянный среди миров,
Надежду тайную лелею,
Наивно веруя в любовь.

То в заточеньи пребываю,
То, разорвав смятенья круг,
Бегу, безудержно желая
Попасть в объятья чьих-то рук

И чьих-то мимолетных взглядов,
Насквозь пронзающих, живых, —
Мне несказанная отрада
Всецело раствориться в них.

Но все ж — увы! — огонь сомнений
Нещадно сердце обожжет
И в блике новых откровений
К иным созвездьям унесет.

Нигде не нахожу покоя,
Как неприкаянный мечусь,

Не зная, силою какою
К другому небу вновь взметнусь.

И так всегда: в тоске глубокой,
Познав и тьму, и лживый свет,
Мечусь я, странник одинокий,
Среди блуждающих планет.

Связующая нить

Манящая и чувственно-живая,
Как песня, что вовеки не забыть,
В потоке дней звенит, не умолкая,
Людских сердец связующая нить.

Струной звенит натянутой, сверкая, —
Я слышу этот звон издалека
И благодарно сердцем принимаю,
Как принимает дождь в себя река.

Пусть измышлять возможно что угодно,
Но только вера истинна моя:
Как без дождя река неполноводна,
Так без твоей любви не полон я.

Всегда не поздно все начать сначала.
Я жажду вновь, постигнув жизни суть,
Хоть каплей дождевою — самой малой —
В тебе, мой светлый ангел, утонуть.

Не меркнет вера истинно святая,
Что нам друг друга суждено любить, —
Послушай, как звенит, не умолкая,
Связующая нас с тобою нить.

Слушая мелодию

Посреди обыденности дней,
Скуку и унынье отгоняя,
Музыкой, что мне всего милей,
Душу свою жадно наполняю.

Чувственной мелодией своей
Не спеша хочу я насладиться,
Чтобы стали ближе и родней
Тех, кто дорог, голоса и лица.

Никаких излишеств не прошу,
Никаких дарений не желаю.
Может быть, и я подчас грешу,
Но за это перед Богом каюсь.

Всех обид и горестей не счесть.
Но ответь мне, истина святая,
Почему жестокость, зависть, месть
Буйным цветом в мире расцветают?

Почему, где властвуют снега
И протяжно в поле воет вьюга,
Можно так легко нажить врага
И так трудно обрести мне друга?

Выйду незаметно со двора,
Костерок раздую у дороги,
Чтоб смогли согреться у костра
Страждущие человекобоги.

У судьбы на крошечном краю,
Позабыв возвышенные речи,
Утреннюю встречу я зарю
И зарю вечернюю привечу.

И, возможно, малость согрешу,
Если под мелодии звучанье
Тихо и смиренно попрошу:
— Ты продлись, мое очарованье…

В ожиданьи

Звуки замерли все, словно перед грозою,
В ожиданьи тревожном дрожат, чуть дыша,
И в каком-то волнении странном, не скрою,
С неких пор и моя пребывает душа.

Будто кто-то небрежно ей крылья подрезал
Или бросил ей фразу надменную вскользь…
Тяжело и дышать, и возвышенно грезить,
Не уняв добела раскаленную боль.

Приподнялась чуток, руки вскинув, взмолилась
В пустоту онемевшую — так, как пришлось…
Мне почудилось, будто бы чуть надломилась
Приуставшей души моей хрупкая ось.

Девятый вал

С конца июня — пасмурные дни
И тучи небо мглой кромешной кроют,
А мы сейчас не вместе — мы одни,
Хоть нас еще на этом свете двое.

Стеной глухою стали миражи,
И кажется, что я в мельканьи теней
Стою один над пропастью во ржи,
В плену оцепеневших вдруг мгновений.

И все слова, что в мыслях согревал,
Застряли в горле очерствевшим комом,
Как будто я попал в девятый вал —
В горнило молний огненных и грома.

Но мне, поверь, не страшен этот рев,
Не чуждо мне природы ликованье, —
Страшней всех наказаний, всех оков
Твое, как лед, холодное молчанье,

Способное луч солнца заслонить
И осушить ручей, журчащий в поле,
Заставить чашу горькую испить,
Наполненную неусыпной болью.

Стою один над пропастью во ржи
И вопрошаю про себя нелепо:
Сумею ли, смогу ли я, скажи,
Дать жизнь словам, что мне откроют небо?

Ирина ШУМЕЙКО

Если женщина не сдается

Рассказ

Женщина никогда не опаздывает — она приходит или не приходит.

Мнение мужчин Франции

Очень взрослая

Ну вот, съела булочку — позитива никакого. И где его искать? Не знаю. Раньше и булочка могла помочь. Да, старость пришла, когда ее не ждали. Противно. И слово-то какое противное. Так-так-так! Взять ошметки самой себя в кулак. Оглянуться по сторонам. Погода сегодня класс! Зима со снегом, чистым, белым, согревает душу. Парадокс, но факт. Все дело в снеге. Нет — в чистоте! Приду домой, выревусь в подушку. И полегчает. Средство верное и проверенное. Что они знают о жизни, эти экранные вещатели? Страшно далеки они от народа. Почему тошно? Потому что обидно? Не тебе досталась конфета с елки? Надо разозлиться на себя, не ныть и не сопливиться. Может, и поможет. Найти позитив в себе, он должен быть, если ты не конченая дура. Если жаба, спасаясь, бьется в молоке — взбивается масло! Вот-вот! Нащупывается. Но это если в молоке, а если в г…? По мордасам себя, по мордасам! Говорят, ничего не проходит бесследно, все что ни делается — все к лучшему. Ну, полегчало? Нет! Пусть даже и в г..., но за долгую-долгую жизнь там должно было произрасти что-то и положительное. Говорят, и эта среда благоприятствует. Вдохни и выдохни, роза алая! Дура!

Не узнаю себя. Спортсменка, комсомолка и, наконец, красавица. Нет, ну было же! И куда все делось. Куда? Туда, куда у всех. Полный стандартный набор к сорока годам: один развод, один ребенок, одна квартира, одно одиночество и море проблем. И проблемами назвать нельзя. Волна за волной. Успевай только вдохнуть. Господи, прости! Кругом все советуют: полюби себя — и все пройдет. Полюбить… Это, конечно, можно постараться. Себя? Зная, сколько у тебя пломб во рту, волос на голове и морщин на лице. Да… Проще кого-нибудь. Загадочного. Кстати, с фантазией до сих пор все в порядке. Как таблетка под язык. Даже странно как-то. Нарисовала себе сказку и помечтала в подушку…

А поутру они проснулись. И обана! Гонки с препятствиями. Самое важное всех накормить. Кота, ребенка и себя любимую. Прибраться. За тебя никто не сделает. Посмотреть в глаза ребенку. Внимательно! Сказать, обязательно, самое главное. Ну? Береги себя. И все у тебя получится! Вот, как-то так. Или… Умница моя и красавица. Поплевать и постучать. Ну, вот теперь с низкого старта бегом марш! А-а-а! В зеркало на себя посмотреть забыла!

Остановка. Впрочем, можно и наискосок, с ветерком наперегонки до метро, если настроение и запас времени позволяют. Погода здесь совсем ни при чем. Классика, которая помогает жить. Впитано, как говорится, с молоком матери. Мы же все хорошо учились. Грустно. Молодые, талантливые и наивные. Может, излишне доверчивые.

Встречаемся теперь по утрам в метро, зрелые, озабоченные и злые. Кто-то робко толкнется, чтобы выбить себе место на пять-десять минут. Поздно. Дядя, не здесь надо было толкаться, чтобы не ездить в общественном транспорте.

Доехали. И слава Богу! Полюбить свою работу как дом родной. Девиз любой уважающей себя фирмы. СП. Совместное предприятие. На каждой стене напоминание о том, как тебе повезло. Усвоили и переварили. Твоя задача: сесть за свой компьютер и включить его за пять минут до начала рабочего дня. Теперь можешь отдышаться и оглядеться. Важное начальство придет, как и положено важному. Здесь не угадаешь. Под настроение. Кесарю кесарево. Кто на что учился — здесь не прокатит. Но топики, топ-менеджеры, постоянно держат под контролем прозрачный коридор, чтобы быть в курсе настроения и климата в коллективе. Но и поздороваться, напомнить о себе. Все надо делать вовремя. Прогиб всегда будет засчитан. С этого начинают все, кто собирается скакать и перескакивать по той самой служебной лестнице. Вероятно, каждый такой прогиб — рубец на сердце. Его помнишь и требуешь этой услуги от других, идущих за тобой.

Не очень взрослая

Что-то нежное и пушистое уткнулось тебе в плечо и мирно посапывает. Глаза не открывать до последней секунды, чтобы продлить это сладкое, сонное состояние. Мамуля все время настойчиво влазит в эти минуты тихими шагами, скрипом дверей и лязгом кастрюль. Раз-два-три! Елочка, зажгись!

Музыка. Что-нибудь бодренькое, но неназойливое. Так, легким фоном. И лучше на английском, чтобы смысл не сверлил мозг. Завтрак по утрам, обязательно полезный и поэтому невкусный, — каждый раз испытание. И это с детского садика. Поэтому уважение к себе просыпается с восходом солнца, когда шаг за шагом наступаешь на личные интересы во имя микроклимата на собственной кухне. Постараться ускользнуть от внимательного, сканирующего маминого взгляда.

Вырвалась! Программирую себя на позитив. Достать сникерс, чтобы заесть завтрак.

Чем ближе подходишь к школе, тем конкретнее в голове вырисовываются проблемы этого дня. Первоклашки, как мурашки, бегут, суетливо шуршат ножками со своими громадными рюкзаками. Торопятся. Чем старше класс, тем тоньше рюкзак. Обратно пропорциональная зависимость. Да и суетиться вовсе ни к чему. Все само успеется. Главное — не потерять лицо. Японцы — гуру в этом.

Последний класс. Немного грустно. Но совсем чуточку. Ведь впереди вся жизнь!

— Громкая!

Это Кристинка догоняет. Вот уж с чем и вправду повезло, так это с фамилией. От папули осталась. Поняла это с детского сада. С первого дня — Полина Громкая. Подарок небес! И зависть однокашек. И в садике, и в школе. Пока привыкли.

Ну, что? Побежали! Первый урок — химия.

Очень взрослая

Скоро Новый год. Люблю этот праздник. А кто его не любит? Не за подарки, нет. Хотя… Чего перед собой рисоваться? Приятно, если неожиданно, от души. Но главное — всех объединяет процесс: действие, время и место. Ночь, елка и ожидание чуда. Нет, занесло тебя, роза алая. Чудо! Три раза ха-ха-ха! Так, у тебя обед. Надо купить что-нибудь съедобное. Полезное. Не забыть о репетиторах. Сегодня надо рассчитаться. И подарки! Дочуре и родителям. Люблю выбирать и дарить. Вот это правда. Больше, чем получать. Главное, угадать что! С родителями проще. Они как дети. Маму радует и согревает внимание и забота, а папа радуется, глядя на нее. У меня прекрасные родители. Спасибо, Господи! Полине угодить — надо крепко постараться. Точнее, это нереально. Поэтому покупаю то, что нравится мне. И иногда попадаю. Правда, иногда…

Нарисовалась Нюрка. Грустная и кислая. Тучи над подругой сгущаются. Интуитивно чувствую это уже пару недель. Надо как-то помочь вырулить. Пока не поздно. Нюрка молодая и красивая. Тридцать лет — тот возраст для женщины, когда можно позволить себе жить в кайф. Если не наделал разрушительных ошибок до этого. В тридцатник ты доруливаешь по мозгам. Можешь спокойно соотносить потребности и возможности. Правильно расставлять приоритеты. Главное, чтобы все устаканилось в голове. Потребность встретилась с возможностью. Самая важная Нюркина потребность ей встретилась. Никита у нее — супер. Деньги лопатой не гребет, но зато умный-добрый-порядочный. За что Нюрке такое счастье? Не знаю… Но знаю точно: нервы никому не грызла, подножки не ставила. Шла себе Нюрка, шла по жизни, пока не уткнулась носом в Никиту. Им бы наследников Бог дал. По этому поводу Нюрка и истерит. Запилила себя. А на работе пошли проколы. Легкие. Но СС ухватилась тут же, забросила петлю и медленно с тонкой ядовитой усмешкой затягивает. Получая от этого процесса изысканное наслаждение. У каждого свои ягодки. СС — Светлана Сергеевна. Наш топик. Или Стерва Стервой.

Стервы… Кто о них говорил лет тридцать назад? Разве что мужики в бане под Новый год. Ну, а сейчас с подачи массмедиа это племя разрастается и размножается. Вскармливая себя гламуром и нацеленностью на успех. Перед ними пасуют даже наши богатыри русские. Топчутся, скукожась, вокруг, боясь посмотреть ей в глаза. Острыми шпильками, стильными брендами разрушается то, чему учила нас двухсотлетняя русская классика. Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет… Мы же все хорошо учились в школе… Самоотречение и жертвенность. Но кто-то вскочил и скачет, не разбирая, что трещит под копытами. Нет, думаю, я не ханжа, зануда и синий чулок. Люблю, когда все тонко, изящно, со вкусом. Но не за чей-то счет. Проглотил — рассчитайся сам. Однако у них-то цель оправдывает средства! А дорога к храму?!.

В кассе очередь. Опять опаздываю… Ух, достали!

Не очень взрослая

Надо успеть отдышаться, пока мамуля не пришла. Чмокнуть в нос кота, чтобы не растерял себя от собственной бесполезности в замкнутом пространстве. Охотник и сердцеед. От кончиков ушей до кончика хвоста. Природа постаралась.

Стряхнуть с себя шелуху школьных проблем. Перезагрузиться и к репетиторам! У нас сегодня инглиш. To be or not to be? Быть. Пусть вопреки. Но надо постараться. А то мама заругает.

Серый… Не выходит из головы. Тряси ее сколько хочешь. Сидит, гад, там и все! Десять лет его знаю как облупленного. Математик — так себе. В этом случае пользы с него никакой. Все у меня слизывает. Но обаятельный. С харизмой. Училок одним взглядом раскалывает на твердые семерки. Казанова. На том стоит. Идет на журналистику в универ. Везунчик. У него без вариантов.

Но почему Кристинка? За ним бегают все девчонки, с пятого по десятый. Выбирай и властвуй! Злыдень! Вносит дуристику в наш трехзвездный союз. На Кристинку смотреть обидно. За нее обидно. Ходит, дуреха, обалдевшая от собственной непредсказуемости. Во что все выльется? Только бы Серега меньше думал о себе любимом, а побольше хотя бы о математике. Надо будет посмотреть ему завтра в глаза повнимательней.

Новый год. Не забыть бы за этим клубком обязанностей и недосказанностей про подарки родным и любимым. Денег бы хватило. Неплохо бы! Надо сэкономить на завтраках.

Не расслабляться и бежать, бежать, бежать!

Очень взрослая

Отогнать от себя все проблемы. Не мутить мозги ни себе, ни близким. Потому что новогодняя сказка начинается! Вечер в кругу семьи, где тебя все безоговорочно любят и не ждут от тебя подвигов. Любят за то, что ты есть. С твоими заморочками и неразберихами. Расслабиться. Наговорить как можно больше приятностей родителям и дочурке. Она у меня — цветочек аленький! Ну-ну-ну, не жалеть, не жалеть себя! А то глаза на мокром месте. Все у меня о’кей. Тьфу, тьфу, тьфу! Постучать можно и по голове.

Корпоратив. Проехали без особых потерь. Не пойти на корпоратив — все равно что изменить Родине. Суеты было много: руководство совещалось по этому поводу десять раз на дню. И все, как всегда, для народа. Кто б сомневался!

Зато появилась возможность увидеть весь президиум нашей фирмы, так сказать, без галстуков. Тех, кем гордимся и на кого равняемся. Удивительно устроены мы, женщины. Любой успешный мужчина для нас априори умница и красавец. Смешно, если бы кого-нибудь из них встретить где-нибудь в троллейбусе, проскользнула бы мимо и не заметила. И вот стоит этот Джеймс Бонд обязательно с сигаретой и бокалом в руке. С легким прищуром во взгляде скользит по соблазнительным силуэтам наших дам. Тренировался перед зеркалом. Герой нашего времени.

Для меня лично самое основное было — не зацепиться глазами, затеряться в толпе соискательниц. Получилось. Что делать, не умею формировать правильное лицо к определенному моменту. Все мысли легко читаются. А это беда! Зато в разведку не гожусь.

Наша Светлана Сергеевна блистала и нарядом, и улыбками. Сладкая, как безе с малиновым джемом в шоколаде. Ее обнаженные плечи и копна рыжих волос постоянно попадали под перекрестные взгляды наших благополучных мужчин. Есть на что посмотреть. И флаг ей в руки!

Нюрок разыгралась, как школьница на переменке. Сбросила груз своих проблем и позволила себе расслабиться. Принимала активное участие и в

играх, и в караоке, и в танцах. Засветилась по полной. Последнее время проколов в работе не было. СС расслабила свою удавку. Старалась эти дни быть на виду у руководства: премии стимулируют к активизации политической деятельности персонала.

И вот, когда СС уже собралась выпить на брудершафт с нашими иностранными партнерами, те и заметили нашу Нюру, яркую блондинку в черном обтягивающем платье. Пришлось нам срочно ретироваться, как двум Золушкам средь шумного бала от греха подальше. Надеюсь, СС простит и забудет. Ведь мы с Нюркой только и пили, что за мир во всем мире!

Двенадцать! Бегом записать пожелания, сжечь, утопить в бокале шампанского пепел и выпить его, пока звучит бой курантов. Все. Успела!

Не очень взрослая

Ну и вот, еще один год прокатился. Я сегодня всех люблю нежно и трепетно. И бабулю с дедулей, и мамулю с котом. Горжусь своей семьей и сама себе завидую. Вот так. Неожиданно и смело для семнадцатилетней дурочки. Стоп. Самокритики поменьше. Потому что — праздник!

Кристинка собирает у себя компанию приятных и не очень друзей и друзей друзей: ее родители улетели поближе к экватору. Вероятно, будет шумно и весело, но я предпочитаю Новый год со своими.

Серый звонил. Что-то мямлил про нежную дружбу. Не поняла. Трудно быть взрослым. Пусть разбирается сам.

Накатила усталость. Каждодневная беготня по репетиторам и отсидки в школе размазали меня в слоеный бутерброд. Нет сил для сопротивления стихиям. Не хотелось бы достаться на ужин Серому Волку. Пусть лучше буду сладким утешением для родных и любимых.

С детства люблю это окно у бабушки. Елка во дворе, широкий проспект, неоновая реклама и много белого снега. Снег медленно кружится, мерцая серебристыми звездочками на фоне темного неба. И тишина.

Позвонил папуля. Конечно, здоровья, счастья и всего-всего. И побольше!

Очень взрослая

Вот иду я после работы: по сумке в обеих руках и одна на плече. Ничего. И вправду, помогает балансировать, чтобы не поскользнуться. Темно, а то пришлось бы все делать еще и грациозно. Не забыть бы полюбить себя. Вот доползу, ужин бегом и начну обязательно… Мужчин надо уметь выбирать, чтобы сумки самой не таскать.

Разбор полетов — любимое занятие нашего дружного коллектива. Новогодняя мишура то и дело возвращает всех в недалекое прошлое. Хихикают в разных углах. Впечатлений хватит до следующего корпоратива.

Не забыла и не простила Светлана Сергеевна яркие эпизоды новогоднего праздника и теперь жаждет крови. Непонятно, Нюркиной или моей. Обе будем растерзаны. Она не захлебнется. Наивно было думать, что все пройдет. Нет, пройдет, конечно. Но судя по скрипу зубов СС, бои будут длительные и кровопролитные. Главное теперь — не расслабляться.

Никогда не могла понять Светлану. Красивая, умная и успешная. Развелась… Но сейчас на три брака — два развода. Одна с квартирой, машиной и карьерой. Воет, небось, по ночам.

Домой и побыстрее. Выбросить из головы рабочий бред. Дома… Внешне вроде бы и неплохо. Тьфу-тьфу-тьфу! И по оценкам у Взрослой порядок. Девятки, реже — восьмерки. И репетиторы хвалят. Но появилась тоска в глазах. Может, усталость? Обязательно надо витаминов побольше!

Странно… Каникулы, но ни Кристина, ни Сережа не появляются. Раньше было не развести по углам. Все время вместе. С детского садика. Да ладно, у каждого свои нюансы. Дети растут…

Полина забилась в угол дивана, отключила мобильник. Кота замучила своими чмоками и сюсюканиями. Казалось бы, ну читает ребенок книги. А что-то все-таки не так… Не так, как должно быть. Спряталась, как черепаха в панцирь.

Надо достучаться. Обязательно достучаться.

Не очень взрослая

Читаю. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Не помогает. Мысли не убегают. Воображение не позволяет забыться. А хотелось бы. Пробую тяжелую артиллерию. «Братья Карамазовы». Недотягиваю. Чувствую космос… Мощно. Закопаюсь и не раскопаюсь. Рука потянулась сама. «Белый клык» Лондона. В детстве зачитывалась. Затянуло и понесло. Вот она дружба. Морозы и метели. Мужчины заняты делом. Если рука в кармане, то там пистолет, а не фига. Морды бьют без предупреждения. Аляска, сэр. Я и оттаяла.

Трудно быть услышанным тем, кто не хочет слышать. Нарисовала себе картинку — и уже в сказке. Кристина после Нового года все время улыбается. Я пробовала заикнуться о Сереге. Будто бы замахнулась на святое. Но что меня полностью встряхнуло — так это ее усмешка и… Одно слово. Завидуешь.

Надо покопаться в себе и честно ответить на все вопросы. Так… Нет, не завидую. Правда, не завидую! Но что-то есть… Как это назвать, не знаю. Может, растерянность? Нет…

Десять лет вместе. Серый скользит по жизни как по маслу. С первого по десятый. Всеобщий любимец! Ну и ладно! Тебе-то что? Пусть любит первых и успешных. Его право, в конце концов. Никогда не промахнется. Но Кристинка — хо-ро-шая!

А если это взаправду те чистые и светлые чувства? Да, все же правильно. Возраст у нас такой. А ты будешь нудить …

Вот кот у меня — прелесть! Люблю и зацелую!

Очень взрослая

Ух и страсти-мордасти! Всегда не понимала, как удается некоторым женщинам плыть по жизни белым лебедем по ровной и гладкой поверхности. Они необязательно успешные, умные и красивые. Скорее, они просто правильные. Даже нет, разумные! Умеют выделять самое важное из череды обыденных дел и событий. А для нас, как ни изобретай, самое-самое это семья.

Меня же постоянно трясет и лихорадит. На работе очередной набор персонала и, как следствие, сокращение. Нам, динозаврам, воспитанным на советских традициях, сложно понять этот новый европейский механизм движения фирмы к успеху. Мы еще помним дружбу, взаимовыручку и отстаивание общих интересов. Все вместе, плечом к плечу, как Брестская крепость.

Фигушки! Оказывается, чтобы добиться большего в бизнесе, надо обязательно кого-то сожрать. Принести в жертву. Для этого надо столкнуть лбами членов коллектива, чтобы они в борьбе за место под солнцем перегрызли друг друга. Предполагается, что в битве за первое место каждый будет «вылезать из штанов», для того, чтобы получить вожделенную конфету. Некоторые вылезают.

Постоянное обновление состава. Молодежь работает по месяцу. Старается. И извините, вы нам не подходите. Без объяснения причин. Но зато корпоративные вечеринки, фуршеты, натянутые улыбки, смокинги и платья в пол. Престиж фирмы. Наверняка, со стороны на все это смотреть очень любопытно. Тем более, если ты являешься кукловодом.

СС придумала занятный водевиль с непредсказуемым финалом. Назначила Нюру лучшей. Хочет посмотреть, как две подружки сцепятся на ринге успеха. По всем показателям я впереди. Нюрка все оценивает верно. Пока мы смеемся и вместе ездим домой. Но ниточки в руках у Светланы Сергеевны. Ух, крыса!

Среди новеньких есть один любопытный и не очень молодой, но мужчина. Не из ярких красавцев, но приятный. И где-то даже очень ничего. Для меня однозначно наличие у мужчины мысли и интеллекта. И чтобы немногословный. И мало танцующий. Что поделать, не люблю плейбоев!

Мы с Нюркой обсудили, похихикали, и все. Оставили его на полное иждивение Светланы Сергеевны. От греха подальше.

Побегу кормить моих родных и любимых. Дочуру с котом. У каждого свои слабости.

Не очень взрослая

Предпоследняя четверть этого длинного марафона. Самая растянутая. Подсчитывание баллов и подведение итогов. Учителя постоянно твердят, что это важный шанс что-нибудь да исправить. Исправить, конечно, можно. Выучить — сложно. А они — учите, учите и учите! Вот Леха пообещал мне помочь исправить химию с твердой семерки на вялую восьмерку. Я ему верю. Леха химиком родился. Повезло. И у нас все получится, если я буду сидеть рядом с Лехой и писать один вариант контрольной. Чудес не бывает! Се ля ви.

Кристинку, по-моему, удовлетворяет мое безразличие к Сереге. Ей теперь все нравится на этой земле. И солнце, и дождь, и снег, и морозы. Она всех любит, всем доверяет. Любит контролеров в троллейбусе, завуча в школе и даже зубного врача. Состояние влюбленного идиотизма. Только бы Серый не подкачал.

Весна напоминает о себе. У меня свои приметы. Мамочка наконец-то начала оглядываться по сторонам и, что гораздо важнее, всматриваться в свое отражение в зеркале. Покрасила волосы и подстриглась. Значит, скоро 23 февраля и 8 Марта.

А вот я себе не нравлюсь. Нет, в зеркале все достаточно неплохо. И Леха внушает мне чувство удовлетворенности своим самопожертвованием.

Я слишком серьезно отношусь к своему «завтра». Закрутила себя на результат. А если расслабиться и хотя бы влюбиться. Наделать глупостей, чтобы не жалеть о себе в тридцать.

Да, мама права. Надо больше кушать витаминов, а то всякая дурь в голову лезет.

Очень взрослая

Мне кажется, мы рождаемся для того, чтобы бороться со своими слабостями. С самого детства тебе нравится сладкое — тебя кормят овсяной кашей, тебе хочется все пощупать своими руками, а тебе говорят — не лезь и не трогай. Как здесь найти себя, когда ты постоянно зависишь от других?! Что скажут тетя, соседка, учительница, начальник? К сорока ты устаешь сопротивляться и начинаешь, в лучшем случае, приспосабливаться.

Слякоть. То дождь, то снег. Солнце проскальзывает сквозь серую облачность. Мимозы у метро охапками. Вся мужская часть населения нашей страны ходит угрюмая, озабоченная и суетливая. Зато веселые продавщицы в универмагах. Их радуют задумчивые и растерянные, судорожно сжимающие свои кожаные портмоне чьи-то мужчины, мужья, настоящие или будущие, реальные или потенциальные.

Любят иностранцы отмечать у нас праздники. Думаю, что им нравятся не только наши цены в плане их валютных возможностей, но самодостаточность каждого в наших глазах. Любим мы иностранцев. Нет, гостеприимство — привлекательная черта любой нации. Но есть в нас что-то заведомо лакейское в отношении гостей.

Приехали наши заграничные партнеры то ли с проверкой, то ли поделиться опытом. Вежливые, воспитанные, деликатные. Каждый из нас на собрании рассказывал о своих личных достижениях и методах работы. Проехали и забыли. Большего не дадут. Опыт — сын ошибок трудных. Времена поменялись. Ошибаться ты не имеешь права. Все жестко.

Новенького нашего зовут Вадим. СС его опекает или вводит в курс дела. Мы ей не мешаем. У Вадима резкая и отрывистая речь, но по делу. Видимо, сам в недалеком прошлом был руководителем. Трудно ему придется. Надо учиться ходить на полусогнутых перед начальством. Иначе заставят пройти эту науку по всем этапам. Раньше поймешь — легче выплывешь.

Нет, постоянно я вляпаюсь во что-нибудь! Еще не знаю, чем это может закончиться. Но догадываюсь! Зачем я только пошла мыть эти чашки? Тощий и долговязый спонсор, вытирая руки бумажным полотенцем, белозубо улыбаясь, вежливо спросил на ломаном русском, не могу ли я показать ему вечером наш прекрасный город. Почему я — понять сложно. Потому что оказалась в нужном месте и в нужное время, роза алая. Было бы совсем неплохо предложить ему в качестве экскурсовода Светлану Сергеевну. Может, зубами скрипела бы потише.

Это же надо, такая напасть! Праздник себе испортила. Теперь буду купаться во внимании коллег, под яркими прожекторами местных софитов, пока не расплавлюсь. Хочется спрятаться, как улитке, и отсидеться. Кто доволен — так это Нюрка. Она еще до сих пор верит в сказку. Дуреха!

Полина на все мои «почему» и «для чего» отвечает или немногословным «так надо», или многозначительным мычанием. Дочура видит цель и не растрачивает себя на размазанные и растянутые сюсюканья. Меня это не радует и где-то даже пугает. Возраст у нее самый легкий. Время свежих впечатлений и легкомысленных поступков.

А может, так и надо. Чем раньше спустишься с облаков, тем быстрее научишься крепче стоять на земле. Но почему-то грустно… Роза алая…

Не очень взрослая

Вырвала у химии еще один балл к аттестату. Леха не подвел. Надо к нему присмотреться. Не заморачивается на мелочи. Конкретен. Не тормозит на поворотах, но аккуратен в словах и поступках. Способен на значительные подвиги. Подарил мне букет тюльпанов. Весь наш класс проглотил эту мизансцену сдержанно и обыденно. Спасибо однокашкам!

Цветы все-таки — лучшая фантазия природы. Нежные и хрупкие. Сиреневые в обрамлении нежных салатовых листьев, радуют и согревают. Скоро лето! Какими красками оно разукрасит мою жизнь, это лето?

Мамуля со своими расспросами по поводу и без. Достает, но в меру.

Серый вертится между девчонками, Фигаро — то тут, то там. Всех одаривает вниманием. Может, это они вертятся вокруг него. В праздники женщин обижать не рекомендуется. Эти моменты запоминаются навсегда.

Чем веселее Серега, тем печальнее Кристинка. Приметы, приметы… Потрясти бы ее, пока не поздно, чтобы вытрясти всю эту розовую чушь, которую она себе нарисовала. Хочется нам, дурочкам, быть счастливыми, как в кино.

Так. Выбросить Леху из головы. Освободить Кристинину от всего романтичного бреда. Пусть даже она и злится. Потом разберемся. Дурища!

Очень взрослая

Почему внешне благополучные люди настораживают? Заставляют присматриваться к себе. Трудно быть счастливым, глядя, к примеру, в глаза бездомной собаки. Больно. Неуютно. А они же могут. Вадим напоминает мне ту самую собаку. Потерянный мужчина, как загнанный зверь. Тупик. Завидую хладнокровию СС. Ее умению манипулировать людьми, изобретательности и целенаправленности. Она не утихомирится и дойдет до конца. Ее хватает и на нас с Нюркой, и на Вадима, и на руководство. Держит нас на коротком поводке и заглядывает в глаза, чтобы удостовериться в своей власти над миром. Взяла шефство над Нюрой и Вадимом. Кормит их из своих рук. Дает заранее благополучные договора. Я нахожусь в стороне, как гордый «Варяг». Столкновение неизбежно. Терпение, терпение и еще раз терпение. А кто сказал, что будет легко?

Приучила себя радоваться по пустякам. Маленькие праздники в середине гонки с препятствиями. Не жду милостей от страны, фирмы и родни. Собственными руками. Главное — настроение! Нет. Но хочется чуть-чуть сказки! Не обманывай себя. Выпрямись. Надень на лицо улыбку. Не забудь про новую кофточку. Поменяй стрижку. Это очень помогает. И под пристальными взглядами, так-этак бодрячком, цокая каблучками. А потом и сама себе поверишь.

Наш милый город не имеет никаких особенных архитектурных излишеств. Его очарование для нас заключается в близких сердцу воспоминаниях. Детство, отрочество, юность. У каждого свои и у всех похожие. Поэтому не стала долго морозить спонсора, накручивая километры по скользким переулкам старого города, вышагивая под тусклыми лучами уличных фонарей. Хотя и обещала клятвенно Нюрке завершить экскурсию в каком-нибудь раскрученном ресторане, но в итоге приземлились в небольшом уютном кафе с чашечкой теплого кофе.

Под неярким освещением, обезоруживающе улыбаясь, мой замерзший иностранный спутник показался мне вдруг беззащитным и потерянным.

Лысоват и худощав. Говорил что-то о великой русской литературе, балете и сложной истории. Стараясь проникнуться нашими традициями, заказал блины с икрой и графинчик водки. А зря… После второй рюмки заговорил о непонятном русском характере, скромной красоте и загадке наших женщин. После третьей — потерял всякое очарование. Быстро и неожиданно даже для меня. Нет, я пыталась его мысленно побрить под типажи голливудских звезд, чтобы дорисовать брутальность и импозантность. Ничего не получилось. Пришлось вызывать такси и слабо стоящего на ногах спонсора отправлять в гостиницу.

А разве что-то могло получиться? Разве могут они понять хотя бы смысл наших слов. Наше «ужасно красиво», «страшно интересно», то, что «скорее да, чем нет», — это уже совсем-совсем «нет». Наши двусмысленности для них как ребусы и головоломки. А они замахнулись на характер! Мозги сломают.

Ох, дура ты, роза алая! Скорее домой. На метро. Расцеловать своих, чтобы согреться. Ах, да, презенты репетиторам. Не забыть бы.

Не очень взрослая

Поздно. Кристинка ревела, растирая кулаками слезы по лицу, со всхлипываниями, до скрежета зубовного. Так мы обычно плакали в детстве, когда теряли любимую игрушку. Пустота и растерянность. Страшно… Обидно… Страшно сделать неверный шаг. Кругом полная неопределенность. Экзамены, выпускной, поступление… А сейчас? Дуреха. В школе уж загудят.

Самое простое — давать умные советы. Где взять смелость на советы, когда от этого шага может поменяться вся обыденная и привычная жизнь. Планы твои. Мечты. Родители будут биться в истерике. Жалко. Всех жалко. Так…

Сейчас главное собраться с мыслями и разобраться в вариантах.

Серый ходит бледный и потерянный. Обходит кругами и Кристинку, и меня. Жалок и напуган. Криво и наигранно улыбается. Клоун! Держит форму. Поздно…

Надо принять единственно верное решение.

Очень взрослая

Грянуло. Неожиданно и болезненно ворвалась чужая боль и перевернула все в душе. Девочки мои. Как-то надо помочь. Еще не знаю как… Позвонить Марине. Мы с ней хорошо общались, когда наши дети были в первых классах. Потом она ушла с головой в бизнес, а я искала свой способ выживания. С чего начать, чтобы не ранить еще глубже? Чтобы мое участие не показалось пошлой насмешкой. Сейчас все может прозвучать очень жестко. Банально. Необходимо подобрать правильные слова.

Узнала внезапно. Тихо вошла, когда не ждали, и застала сцену жуткого рева. Обеих. Кристинка отпросилась у родителей и осталась ночевать у нас. Всю ночь шептались за стенкой. Заснули под утро. Спят, зареванные, уткнувшись носами в подушку. Милые мои, вот она взрослая жизнь.

От моей Взрослой невозможно добиться никаких разъяснений. Только бы не наделали непоправимых ошибок. Здесь надо подключить разумную житейскую философию. Выкопать ее в себе. Должна где-то быть.

В конце концов, это не двадцатый век. Это тогда школьная беременность вызывала волну общественного негодования и вечный позор. Всеобщее бичевание, разборки на партактивах родителей и на комсомольских собраниях в школах.

Боюсь, что и сейчас найдется немало желающих бросить камень. Больнее ударить и посмотреть в заплаканные глаза жертве. Надо выстоять. Осталось два месяца.

Дети, дети… Кристинка, милая, доверчивая фантазерка. Мечтала, мечтала и намечтала. Она должна рассказать все родителям. Шок пройдет, и будут искать выход. Может, в школе никто еще не знает. Хотя, вряд ли. Тяжело. Конечно, тяжело.

Все валится из рук. Еще и на работе вертят и крутят, думая создать ситуацию всеобщей гонки за флажком победителя. Сценарий всем известен. Выигрывает спорт. Нюрка ходит, прибитая двойственностью своей позиции. С одной стороны, Светлана старательно делает из нее лидера, с другой — ставит этим под угрозу наши дружеские отношения. Надеюсь, подруга не подведет. Разберемся.

Весна в этом году ранняя. Теплая и солнечная. Скоро лето.

Не очень взрослая

Наревелись и полегчало. Надо начинать принимать решение.

Моя мамуля отправила нас на переговоры к тете Марине. Хорошо, хоть не говорила, что дети — цветы жизни.

Оказывается, Кристинка Серегу уже терпеть не может. Да, новость дня… Ее родители сбросили с себя паралич нервной системы уже к вечеру. Мы с Кристинкой сидели в ее комнате на диване, уткнув мордочки в коленки. Слезы все высохли. Слышно было, как папа Кристинки ходил из угла в угол, однозначно отвечая на тихий голос ее мамы. Ситуация… Ожидали худшего.

Учителя находятся в счастливом неведении. Если Серега не начнет пиарить себя на фоне этих событий, то в школе еще не узнают.

Забросила всех репетиторов. Обидела Леху равнодушием. В общем, делаю глупости, потому что на подвиги нет сил. В глаза Серого смотреть не хочется.

Смысла нет…

Мама мне в детстве говорила, что мальчишки нужны для того, чтобы девчонки могли крепко-крепко зажмуриться, когда страшно. С Серегой не зажмуришься.

Очень взрослая

Судьба задумала растрясти мои клочки по закоулочкам. Любая неожиданность для меня — нервный стресс и паника.

Наш дружный коллектив парализовало и деморализовало. Вадим в строгом костюме и при галстуке подарил мне красивенный букет при всем честном народе да в разгар рабочего дня. Замечу, без видимых на то оснований. А на стол Светлане Сергеевне положил заявление об увольнении. Это вызвало немой восторг у понимающих и полное оцепенение у подневольных тружеников.

Хочу отметить особо: самое лучшее, что цивилизация придумала для мужчин, — это костюм и галстук. Они мгновенно делают из любого стандартно мыслящего субъекта самодостаточного, ответственного, интеллектуально образованного и располагающего к доверию члена общества. Причем рост и вес значения не имеют. А мы, бабы, попадаем в эту ловушку постоянно.

Со стороны казалось, что это мой триумф. Но я почувствовала сразу, что живой мне отсюда не выползти. Ну, почему я? Сижу тихо, никого не трогаю, в герои не рвусь. Захотелось растаять или испариться.

Он-то ушел, а я осталась. Видно, мне на роду написано постоянно битой быть. Ну до чего же обидно все-таки! И жалко себя…

Вечером позвонила Марина. Поблагодарила за сочувствие и понимание. Они молодцы. Это, в конце концов, не самое страшное. Дети все-таки — цветы нашей жизни. Ее смысл. Долго огорчаться не надо. Все вырулится само собой.

Как показывает практика, все, что представлялось когда-то очень важным или катастрофически обидным, на поверку оказывается второстепенным или милым.

Скоро экзамены и выпускной. Потом вступительные. И это надо пережить. А надо ли?

Кто я: круглая дура или полная пессимистка?

Устала. Очень устала…

Не очень взрослая

Окончилась первая часть сериала под названием «Моя жизнь». Десять лет школы. Каждодневное хождение за знаниями вырисовывается в небольшую бумажку с коротким заголовком «Аттестат». И все мои десять лет сваливаются в кашу из пестрых картинок в памяти: громадные букеты цветов, белые бантики по обе стороны головы, звонки с урока на урок, контрольные, ответы у доски, победы и разочарования. Чего больше?

Мама говорит, что мы все сможем оценить и правильно взвесить только через лет десять и давать всему оценку прямо сейчас бессмысленно и наивно. То, что кажется обидным сегодня, будет смешным завтра, а самое основное, как правило, преобразуется в обыденное или совсем ненужное. Не верю!

Не верю, что наши совместные рыдания с Кристинкой в носовые платки через десять лет покажутся нам смешным анекдотом, но думаю, что моя победа на олимпиаде по английскому, о которой больше месяца гудела учительская, окажется никому ненужной, как тополиный пух после дождя. Нет, конечно, багаж знаний за плечами обязательно поможет нам выстроить свое жизненное пространство в этом мире. Так уверенно обещают нам почти каждый день учителя и репетиторы. Хотелось бы… А то тяжело будет с ним бегать по закоулочкам и переулочкам.

Мою мамочку настораживает и пугает мой скептицизм, ей бы было спокойнее, если бы я волновалась по поводу платья на выпускной. Но так не бывает. Кто-то должен оценивать ситуацию и анализировать дальнейшие действия, чтобы не заблудиться в этом самом жизненном пространстве.

Что-то мне тоскливо… Пойду чмокну кота и съем конфету. Последнее средство для поднятия настроения.

Очень взрослая

Сдали вступительные, и неплохо. Плюю во все стороны, чтобы не сглазить. Я стала пугливая, суеверная и настороженная. Старею. По-моему, Хемингуэй сказал: старость не умна, а осторожна. Умный был мужик. И красивый. И герои у него умные и сильные, несуетливы, многозначительны и без лишней трепологии. Впечатляют.

Сразу выпрямилась, открыла глаза пошире, глубоко вдохнула и почувствовала вкус к жизни. Небо стало синим, солнце — ярким, люди — славными. Не все, конечно, но в большинстве.

Постоянно лезет в память Светлана. Женщина за рулем опаснее мужчины. Кругозор нам необходим на 360 градусов, а тормозить вовремя не умеем.

Последняя часть этой комедии окончилась по заранее спланированному и предсказуемому финалу. СС вызвала меня в переговорную и без всяких объяснений предложила написать заявление на увольнение, что я и сделала сиюминутно, под громкий скрежет ее зубов. Она не увидела растерянности на моем лице, тем более, не услышала просьб о помиловании и попыток «разговорить ситуацию». Зато я увидела лицо человека, который сознательно рубит сук, на котором сидит, полное ненависти и злобы. Почему у нас так получилось? Не знаю… Вероятно, я наступила на ее авторитет.

Она прекрасно понимала, что я делала третью часть плана нашего отдела. Ту часть, за которую ей никогда не надо было беспокоиться. Импортное начальство не будет выслушивать никаких доводов и рассматривать эфемерные расчеты. С моим увольнением Светлана Сергеевна подписала и себе смертный приговор. И это ее не остановило. И она пошла на это, потому что «жаждала крови» и хотела услышать мои предсмертные вопли. Бабы — дуры!

На следующий день и Нюра объявила о своем увольнении: благополучно идет рожать. Нюркино заявление было приятным сюрпризом и для меня, и для СС. Светлана столько сил потратила, стараясь схлестнуть нас с ней в борьбе за выживание, и все зря. Свершилось, наконец-то дождались! Я счастлива и за нее, и за Никиту. Он отправляет подругу в деревню на молоко и блины. Здорово! Нюрок зовет меня с собой. Возможно, махну на все рукой и позволю себе расслабиться.

Народная мудрость гласит: что ни делается — все к лучшему! А народ, в общей своей массе, не ошибается. Хотелось бы…

Дурища я, круглая и беспросветная! Мне звонил Вадим, а я не взяла трубку. Испугалась. Боюсь любых изменений. Хочется спокойствия и только спокойствия, никаких эмоций. Роза алая…

У Взрослой появился определенный интерес в виде серьезного, угрюмого очкарика. Только бы не наделала глупостей. Она во всем слишком категорична. Хочется для нее этого светлого и чистого чувства, о котором так много писали, пишут и будут писать. Но я здесь не спецназ, опыта никакого, одни жалкие потуги.

Зато я знаю ответы на некоторые вопросы:

— Быть или не быть? Обязательно быть. Пусть кувырком и под откос или в стенку лбом, но быть.

— Что делать? Жить. Терпеть, страдать, искать, найти и не сдаваться на откуп искушениям.

— Кто виноват? Никто. Просто, значит, так надо. Неразрешимых ситуаций нет. Все зависит от твоего следующего шага. Это как в сказке: направо, налево, прямо. Испытай себя на «слабо?».

— Что такое «хорошо» и что такое «плохо»? Детский вопрос, а на самом деле — самый трудный. Возможно, «хорошо» — это когда у того, кто рядом, неплохо.

А еще я знаю, что Сократ додумался до того, что он знает, что ничего не знает. Говорят, был далеко не дурак.

Так что выбирайте, что вам больше нравится. И все у вас получится!

Не очень взрослая

Поступила. На бюджет. Не могу сказать, что счастлива или испытываю чувство гордости. Скорее облегчения. Приятно смотреть на маму. Исчезла тревога в ее глазах. Да, год выдался жесткий. Отправить бы ее на каникулы с Нюрой, а то она, выбросив из головы одну проблему, забила ее другой: тактично и аккуратно, но с деликатной настойчивостью расспрашивает меня о Лехе. Не спится ей спокойно.

А Леха — молодец! Поступил в Москву. Химия, биология и генетика. Он не мыслит стандартами. Сказал и сделал. Спокойно и без надрывов. Вообще, Леха — то, что надо! Это понятно даже, когда он молчит. Большое видится на расстоянии. Буду я теперь без него скучать…

Самая счастливая из нас — Кристинка! И мамочка из нее получится самая-самая. Она в детстве в куклы играла до пятого класса. Так что природа постаралась. И родители у нее молодцы: взявшись за руки, втроем перешагнули через все наговоры и уговоры, перешептывания и недосказанности. Пусть говорят, если больше не о чем думать.

И Серега поступил куда-то. Как-то он скромнее стал, пониже ростом. И он выпрямится, даже куда-то допрыгнет. Но без нас…

Все-таки здорово! Глаза распахнулись. Устала смотреть в щелочку и постоянно присматриваться. Груз свалился. Хочется запеть громко и звонко. И смеяться хочется без оглядки на всякие приметы и условности. Просто потому, что хо-ро-шо!

Чего и всем желаю!

P. S. «Если женщина не сдается, она побеждает, если сдается, диктует условия победителю».

К. Чапек

Рагнед МАЛАХОВСКИЙ

Тайный ящик Пандоры

две констанции

мысли с враждебной интонацией
ждали жесткого компромисса
от станции до станции

мы
две констанции
в фейсбуке смайлы принимали
и фактов констатации

не выкарабкаться из кризиса
затуманены головы
просто материал человеческий

обещали себе не привязываться
верили в простые слова
пели о простых вещах
но бывает часто
наступает момент
когда нужно просто взять
и отсечь

мечты

все о чем когда-то мечтали мы
похоронила пена аливарии
оказалась вне системы
навсегда забытой темой

остались друзья и подписчики
внебрачные дети
любовницы
письма к санте
над нарочью ветер

глаза слезами наполнятся

остались папа и мама
почта без спама
грозовое небо
от края до края
а меня возможно ждет
воздушная яма

на прощание
ни о чем не просил
и ты моя любовь
ни о чем меня не проси
на языке чужом пресса
улыбается стюардесса
спряталось шасси

идея

вначале была идея
да никто не сказал ей
что идеальных не бывает
она высокомерная и капризная
пожелает подчинить себе все

встретятся идейные люди
произнесутся высокие слова
с измененной идеи
начнется идеология
и захлебнется
в идеологически правильном
идиотизме

рифма

на кожаном диване
ночного фиолетового клуба
под градусом одичавшего одиночества
пытаюсь зарифмовать слова
что пропитались ароматом живанши
и дрожат в стакане джека дэниелса

они нагло пронизывают тело
и паутиной сигаретного дыма
переплетаются
в бриллиантовых волнах полумрака

музыка
эротика

они родились вместе
на этом диване
они не умрут
пока существует одиночество

образы

черты дождя готические
в воздухе с запахом озона
под тексты старого шансона
образы рисуют эротические

для кого-то это просто вода
капель бесконечные копии
утопает в антиутопии
облаков вечерних слюда

и в глазах твоих было все мрачно
словно кто-то задернул шторы
а я тайный ящик Пандоры
одного прикосновения достаточно

ноль

запомни момент этот
в безлюдном дворе
сожги со стихами все газеты
ребенка из школы забери
и бегите от снайперских пуль
ведь мы частички планеты
которой поставили ноль

нам крыш

год две тысячи шестнадцатый
месяц шел февраль
десятилетие обещало быть злейшим
кроме собственных цепей
терять было нечего
вчера наглотался отравы

устал просыпаться
с мыслями о курсе валюты

болел живот
дрожали губы
чуть не потерял сознание от спазма
такое повторяется стабильно снова и снова
в прошлом году сдавал плазму
в этом ежеквартально
для попытки существования
буду сдавать кровь

и не важно что говорят политики
злые на весь мир критики
диванные аналитики
или собственный внутренний голос
зерном беспомощности
наполнился колос
поэтому в стенах чужой квартиры
от Немана до Припяти
от Буга до Днепра
депра

и мусор некому будет вынести
последний выключит свет
и закроет дверь
обветшают отчеты
указы и другие бумаги
ничего не будет видно
сквозь бесконечный туман и морось
от одиночества повесится мышь
(та что проскользнула через границу)
нам крыш

Перевод с белорусского автора.

О преступлениях и наказаниях

Может ли массовая литература, к коей, вне всякого сомнения, относятся детективы, может ли «криминальное чтиво», как именуют критики подобные книги, состязаться с серьезными романами и повестями, поднимающими проблемы нравственности, моральной оценки совершенных злодеяний и последующей кары за них? Ну, скажем, как это сделал Федор Михайлович Достоевский в своем известном романе.

Может! — отвечу я без тени колебаний. Ибо многие авторы, подвизающиеся на ниве детективной продукции, в обязательном порядке затрагивают тему преступления и наказания, пытаясь, каждый в меру своего таланта, коснуться именно нравственного аспекта совершенного преступления. То есть не просто ***пришел, увидел, убил,*** *а почему убил, каковы высшие оправдательные мотивы совершенного преступления и были ли они вообще. А главное — справедливым ли стало понесенное наказание и того ли настигло, в итоге, неумолимое возмездие.*

И вот два превосходных примера в развитие темы. Два рассказа, написанные разными авторами с разной степенью таланта и известности, но оба об одном и том же. О том, сколь важно докапываться до правды в любом, даже самом зряшном деле, потому что за каждым преступлением следует не только неминуемая расплата, пусть и в форме божьего суда, но и стоят судьбы невинных людей, чью жизнь так легко может сломать поспешное и неумелое правосудие.

Первый рассказ принадлежит перу знаменитой Агаты Кристи. И этим, пожалуй, все сказано. Можно сколько угодно состязаться в метании обвинительных стрел в адрес «королевы детектива», как именуют писательницу ее соотечественники. Упрекать в отсутствии стилистических красот, ставить в укор примитивные диалоги, раздражаться довольно скучным развитием сюжета в большинстве ее романов, и прочее, и прочее. Да, можно придираться, раздражаться, не соглашаться и, тем не менее, продолжать читать и перечитывать произведения талантливой англичанки. Ведь даже недостатки Агаты Кристи, по известному выражению, всего лишь продолжение ее бесспорных достоинств, одно из которых — это создание живых, полнокровных образов героев, имена которых уже давно стали нарицательными. Достаточно вспомнить маленького человечка по имени Эркюль Пуаро или скромную старушку мисс Марпл.

Американцу Томасу Уолшу, автору второго рассказа, по части славы, как прижизненной, так и посмертной, повезло гораздо меньше. Журналист, репортер, сотрудник отдела криминальной хроники. В 30—40-е годы минувшего столетия Уолш активно сотрудничал с известным американским журналом «Черная маска», на страницах которого печатались самые популярные авторы детективного жанра не только из США, но и Европы.

Причем многие из них откровенно бросили вызов модным в те годы салонным детективам с их бесконечной чередой самоучек-следователей из числа аристократов и прочих сливок общества в духе все той же Агаты Кристи, которые заполонили страницы тогдашних журналов и полки книжных лавок. А наилюбимейший автор «Черной маски» Дэниел Хэммет и вовсе позволил себе в пылу полемики высказаться довольно нелицеприятно в адрес королевы жанра: ***«Дедуктивный метод — это, конечно, здорово. Да вот только маленькие серые клеточки плохо помогают против разрывной пули в голову».***

А потому, совсем даже не случайно именно «Черная маска» запустила в обращение термин «крутой детектив», обозначив им книжную продукцию принципиально нового качества, с потоками крови, леденящими душу подробностями, перестрелками, преследованиями, убийствами и неминуемым торжеством справедливости, которой добиваются не какие-то там дилетанты «лорды и милорды», а профессиональные сыщики и полицейские. Недаром Джозеф Т. Шоу, тогдашний главный редактор и владелец литературного

журнала номер один, каким была «Черная маска» в Америке вплоть до самого начала 50-х годов прошлого века, так сформулировал требования к авторам, желающим публиковаться на ее страницах. ***«Честные истории честных парней, вынужденных жить в мире, лишенном честности».***

Новые задачи потребовали и нового стилистического оформления. Тот самый знаменитый репортерский стиль с короткими рублеными фразами, почти полным отсутствием тропов и прочих языковых красот, родоначальником которого многие ошибочно полагают Эрнеста Хемингуэя, на самом деле впервые появился именно на страницах журнала «Черная маска». А один американский критик даже не без ехидства заметил, что «папаша Хэм» не мудрствуя лукаво попросту позаимствовал его у популярных детективщиков тех лет.

Видно, рассказы Уолша тоже как нельзя лучше вписывались в новую стилистику, ибо только за период с 1933 по 1936 годы на страницах «Черной маски» появилось целых шесть его рассказов, а один из них даже был включен в антологию, изданную журналом в 1946 году под многозначительным названием «Сборник крутых детективов».

Впрочем, большинство своих рассказов Томас Уолш публиковал в газетах под псевдонимами, причем разными, что косвенно подтверждает предположение о том, что литературная деятельность все же была для него занятием второстепенным, побочным, так сказать, источником заработка. Да и сюжеты историй он наверняка черпал из богатого опыта репортерской работы. Именно опыт и знание того, о чем он пишет, и сделали рассказы Уолша предельно достоверными, лаконичными и максимально точными, похожими скорее на сухой полицейский отчет, чем на художественное произведение. Но достоверность изложения — это ведь тоже не так уж и мало! Недаром вездесущие голливудские продюсеры, у которых, как известно, особый нюх на хорошие сценарии, воспользовались некоторыми детективными историями Уолша для постановки своих кинофильмов.

Что касается рассказа «Смертный приговор», предлагаемого вниманию читателей ниже, то он тоже был экранизирован в 1953 году, но уже на телевидении. Кстати, за этот рассказ Уолш был удостоен еще и почетной литературной премии в 1949 году. По части «крутизны» рассказ явно уступает той печатной продукции, которую настойчиво популяризировала «Черная маска». Нет перестрелок и погони, крови тоже нет, правда, героями выступают профессиональные сыскари, те самые честные парни, готовые идти до конца в борьбе со злом. Именно они вместе со свидетельницей обвинения ищут и находят настоящего убийцу, спасая тем самым человека, безвинно приговоренного к смертной казни.

Что ж, такое в судебной практике случается. Вопрос в другом. Многие ли сыщики пойдут на признание своих упущений и займутся повторным расследованием во имя спасения невинной жертвы собственной ошибки? Томас Уолш высоко поднимает планку моральных ориентиров, движущих его героями. Они мучаются, страдают, переживают, что не может не вызвать симпатии читателей. Они ведь — честные парни, герои Уолша, а значит, рано или поздно обязательно докопаются до правды. Вот бы и в жизни так было всегда!

Прошли годы. Ушли в прошлое споры о том, кто лучше в качестве героя детектива: неподкупный полицейский или скучающий интеллектуал из великосветской гостиной. Все хороши, скажет читатель. Главное, чтобы это было талантливо и правдиво. Вот и рассказы Агаты Кристи и Томаса Уолша. У них ведь так много общего, причем даже в мелочах. Так, в обеих историях прослеживается некое мистическое совпадение по части цифр. В рассказе Агаты Кристи — четверо подозреваемых, у Томаса Уолша — четыре неоспоримых факта в пользу первоначальной версии, потом четверка свидетелей, подкрепляющих своими показаниями именно эту, как выяснилось позднее, ошибочную версию.

Но цифры цифрами, а мораль обеих историй, написанных, повторюсь, совершенно разными авторами, исповедующими различный подход к детективному жанру, придерживающимися различных литературных концепций по части стиля, мораль однозначна: добро должно побеждать всегда, даже в мире, лишенном честности. Именно для этого и пишутся честные истории о честных парнях. Или о честных старушках из провинциальной Англии.

Зинаида КРАСНЕВСКАЯ

Агата КРИСТИ

Четверо подозреваемых

Рассказ

Разговор за столом зашел о преступлениях, и не просто о преступлениях, а о таких, что остались нераскрытыми. Ведь нераскрытое преступление сулит безнаказанность и тем, кто его совершил. Все присутствующие поочередно высказались по сей животрепещущей теме. Полковник Бантри, его жена, милая пухленькая особа, известная актриса Джейн Хелер, доктор Ллойд и, наконец, мисс Марпл. Единственным, кто не принял участие в развернувшейся дискуссии, был сэр Генри Клитеринг, пожалуй, самый компетентный человек в обсуждаемом вопросе. Бывший комиссар Скотленд-Ярда сидел молча, время от времени небрежно поглаживая усы. Легкая улыбка скользила по губам сэра Генри, словно его забавляли какие-то собственные мысли.

— Сэр Генри, — не выдержала экспансивная хозяйка дома, миссис Бантри, — если вы сейчас же, сию минуту, не скажете хотя бы слово, то я закричу! Отвечайте немедленно: что, так уж много преступлений остается безнаказанными?

— Вы, миссис Бантри, рассуждаете так, словно только что прочитали очередной сенсационный заголовок в утренней газете. Нечто вроде «Очередная неудача Скотленд-Ярда», а ниже прилагается список нераскрытых преступлений.

— Но наверняка их число не так уж и велико, особенно в сопоставлении с общим показателем преступности, — осторожно заметил доктор Ллойд.

— Все так! Ежедневно раскрываются сотни преступлений, и тех, кто совершил их, настигает справедливая кара, но об этом, видите ли, не принято кричать на каждом углу. Журналисты редко пишут хвалебные статьи в адрес правоохранительных органов и почти никогда не славословят тех, кто нашел преступников. Впрочем, не в этом суть. Вот вы завели разговор о нераскрытых делах. А ведь есть еще преступления, о которых вообще никто ничего не знает. Люди даже не подозревают о них. Во всяком случае, те, кто работает в Скотленд-Ярде. Уж мне-то об этом доподлинно известно.

— Не думаю, что таких преступлений много, — возразила миссис Бантри.

— Вы и в самом деле так думаете?

— Но не станете же вы убеждать меня в обратном, сэр Генри!

— Полагаю, сэр Генри прав, — задумчиво обронила мисс Марпл. — Таких преступлений весьма много.

Очаровательная пожилая дама, по-старомодному благовоспитанная и даже несколько церемонная, она произнесла последнюю фразу с каким-то поистине обезоруживающим детским простодушием.

— Но моя дорогая мисс Марпл! — только и нашелся в ответ полковник Бантри.

— О, да! — неторопливо продолжила мисс Марпл свои размышления вслух. — Большинство людей ведь глупы, а глупец рано или поздно выдает себя. Однако встречаются и умные люди, очень умные, пусть редко, но

встречаются. Страшно даже подумать, на что способен по-настоящему умный человек, особенно если он не отягощен избыточными моральными принципами.

— Вот-вот! Именно это я и имел в виду! Хотя кое в чем я с вами не совсем согласен, мисс Марпл. В действительности, неглупых людей не так уж и мало. А в скольких случаях преступление выходит наружу благодаря чистой случайности. И всякий раз, когда такое происходит, невольно задаешься вопросом: кто и когда узнал бы о преступлении, если бы не роковое стечение обстоятельств?

— То, что вы сейчас сказали, Клитеринг, это уже серьезно! — воскликнул полковник Бантри. — Очень серьезно! Или это все же только шутка?

— Никаких шуток, мой дорогой полковник! Вот вы только что рассуждали о том, что преступление может остаться безнаказанным. Не согласен! Да, человек может ускользнуть из рук правосудия, но ведь существуют причинно-следственные связи, которые не всегда укладываются в рамки обычного закона. А потому, как это ни парадоксально, но возмездие заключено уже в самом преступлении. Понимаю, звучит немного пафосно. И тем не менее, это — совершеннейшая правда.

— Возможно-возможно, — согласно кивнул полковник Бантри. — И все же это не меняет, не меняет в корне… — он запнулся, не зная, что сказать.

Сэр Генри улыбнулся.

— Уверяю вас, девяносто девять человек из ста разделяют вашу точку зрения. Но знаете, что самое важное в расследовании преступления? Найти виновного, скажете вы? О, нет! Доказать невиновность человека — вот что действительно важно! Многие, к сожалению, не понимают этого.

— Я точно ничего не смыслю в подобных делах, — вставила словечко Джейн Хелер.

— Зато я прекрасно понимаю сэра Генри, — сказала мисс Марпл. — Помните ту историю с миссис Трент? У нее из сумочки кто-то взял полкроны, и подозрение пало на приходящую служанку, миссис Артур. Разумеется, Тренты с самого начала заподозрили женщину в краже, но люди они добрые. К тому же, они прекрасно знали, что у миссис Артур большая семья, да и муж большой любитель выпить, а потому они решили не прибегать к крайним мерам. Но их отношение к женщине после этого случая кардинально поменялось. Так, уезжая куда-нибудь, они перестали оставлять на нее дом. Служанка сразу же уловила перемену. Да и другие тоже стали относиться к ней с плохо скрываемой подозрительностью. Но, к счастью для бедняжки, все выяснилось. Совершенно случайно, причем. Оказывается, деньги воровала гувернантка. Миссис Трент сама застала ее на месте преступления, увидела в зеркале. Дверь в другую комнату была открыта, и все происходящее отражалось в зеркале. Вот так! Чистая случайность, хотя лично я предпочла бы назвать произошедшее волей Провидения. Поэтому я прекрасно понимаю сэра Генри. Ведь с самого начала всех в доме занимало лишь одно: кто украл деньги. А потом все случилось в полном соответствии с детективными романами. Неожиданно выясняется, что воровкой оказалась женщина, которую вообще невозможно было заподозрить в краже. Пустячное дело, а для бедняжки миссис Артур, которая ни сном ни духом не ведала, кто и зачем украл хозяйские деньги, и которая сама за всю свою жизнь не взяла чужого ни на пенни, вопрос собственной невиновности стал воистину вопросом жизни и смерти. Вы ведь это имели в виду, сэр Генри?

— Именно это, мисс Марпл. Вы все поняли абсолютно правильно. Могу лишь добавить, что бедной служанке еще очень повезло. Ведь ее непричастность к краже, в конце концов, была доказана. Многие же

несчастные вынуждены до самой смерти тащить на себе бремя подозрений в совершении преступления, к которому они на самом деле не причастны.

— У вас есть конкретный пример, сэр Генри? — с присущей ей проницательностью поинтересовалась миссис Бантри.

— В общем-то, да, миссис Бантри. Весьма любопытная история, доложу я вам. То есть, все мы в Скотленд-Ярде знаем, что преступление было совершено, но доказать это практически не представляется возможным.

— Наверное, яд! — воскликнула Джейн. — Что-нибудь такое, что не оставляет следов.

Доктор Ллойд беспокойно заерзал в кресле, предвкушая, что разговор вот-вот свернет на медицинские темы, но сэр Генри лишь отрицательно покачал головой.

— Нет, моя дорогая леди! Никаких таинственных ядов, которыми индейцы из вестернов смазывают наконечники своих стрел. По мне, так уж лучше бы такая экзотика. Увы! — дело, которым нам пришлось заниматься, было гораздо более прозаичным. По правде говоря, оно было настолько заурядным, что нет ни малейшей надежды на то, что заслуженная кара когда-нибудь настигнет убийцу. Просто один старый джентльмен свалился с лестницы и свернул себе шею. Вот такое досадное происшествие, кои повсеместно случаются что ни день.

— А что было на самом деле?

— Бог его знает! — сэр Генри пожал плечами. — Может быть, кто-то умело подтолкнул старика. Или натянул веревку на верхней ступеньке, а потом незаметно ее убрал. Боюсь, мы никогда не узнаем правды.

— Но вы-то… вы ведь прекрасно знаете, что это не был несчастный случай, — вступил в разговор доктор. — Хотя, с другой стороны, почему вы так решили?

— Видите ли, это длинная история, но вы правы: мы в Скотленд-Ярде абсолютно уверены в том, что гибель этого человека не была несчастным случаем. Однако надеяться на то, что убийца понесет справедливое наказание, не приходится. Доказательства слишком хлипкие. Но есть и еще одна сторона дела, моральная, та, о которой я только что говорил. Видите ли, преступление могли совершить четверо. То есть кто-то один из четверых виновен, а остальные трое — нет. И пока мы не докопаемся до истины, эти трое будут постоянно находиться под чудовищной тяжестью вечного подозрения.

— Пожалуйста, сэр Генри, прошу вас, расскажите нам эту историю с самого начала! — взмолилась миссис Бантри.

— Хорошо! Только я изрядно подсокращу свой рассказ. Во всяком случае, постараюсь максимально ужать второстепенные подробности. Речь идет об одном тайном немецком обществе под названием «Черная рука». Нечто наподобие Каморы, террористической организации, которая, если вы помните, существовала в Италии в начале прошлого века. В Германии члены общества занимались такими же неблаговидными делами: шантаж, подрывная деятельность, терроризм. Об этом обществе секретным службам стало известно сразу же после окончания войны. Оно поразительно быстро набрало силу. Жертвами преступной деятельности «Черной руки» стали сотни людей. Полиция была бессильна совладать с террористами, ибо те оказались хорошими конспираторами, а склонить кого-нибудь из членов общества к сотрудничеству с властями было просто невозможно.

Правда, в Англии о «Черной руке» мало наслышаны, но зато в Германии ей удалось на каком-то этапе своего существования почти парализовать жизнь страны. В конце концов организация была разгромлена, а ее члены рассеяны по миру. И удалось это благодаря усилиям одного-един-

ственного человека, доктора Розена, который в свое время был известен как один из самых выдающихся специалистов секретной службы. Так вот, ему удалось стать членом подпольной организации. Более того, он проник в ее руководящее ядро, и я бы сказал, собственными руками уничтожил всю организацию прямо на корню.

Естественно, после случившегося оставаться в Германии ему было небезопасно. Было решено отправить его куда-нибудь за границу. Он выбрал Англию. Предварительно наши службы получили соответствующее уведомление от берлинской полиции. По приезде он имел встречу со мной и произвел впечатление человека чрезвычайно умного и хладнокровного. Доктор Розен не питал никаких иллюзий насчет собственного будущего.

— Рано или поздно они до меня доберутся, сэр Генри. Вот увидите, — сказал мне этот красивый, представительный мужчина с точеным лицом. Он разговаривал густым баритоном, и только немного резковатые интонации выдавали в нем немца. — Расплата неизбежна. Впрочем, для меня все это не имеет ровно никакого значения, я готов к смерти. Ведь я с самого начала знал, на что шел. Но сделал то, что был обязан сделать. «Черная рука» никогда не сможет возродиться снова. Однако многие члены преступной группировки все еще на свободе, и они постараются отомстить мне одним-единственным для них способом — возьмут мою жизнь. Таким образом, моя смерть — всего лишь дело времени, но я постараюсь, чтобы это случилось как можно позже. Дело в том, что я сейчас работаю над рукописью, в которой пытаюсь обобщить все наиболее интересные случаи из своей служебной практики. Так сказать, подвожу жизненный итог. Хотелось бы закончить работу прежде, чем я умру.

Доктор Розен говорил будничным тоном, но в его спокойствии было столько величия и благородства, что я невольно залюбовался им. Я клятвенно заверил Розена, что британская полиция предпримет все необходимые меры, дабы обезопасить его жизнь, но он лишь отмахнулся в ответ.

— Говорю же вам, в один прекрасный день они до меня доберутся. А потому, когда это произойдет, не стоит переживать чересчур сильно. Но я не сомневаюсь, вы сделаете все, что будет в ваших силах.

Потом он перевел разговор на планы о будущем. Они были достаточно просты. Приобрести небольшой домик где-нибудь в деревне и спокойно работать там над книгой. Он остановил свой выбор на небольшой деревушке Кингз-Гнатон в Сомерсете, в семи милях от железнодорожной станции. Очаровательное место, эдакий нетронутый цивилизацией уголок. Розен купил в деревне премилый коттедж, перестроил его на собственный вкус, оборудовал всем необходимым и с большим удовольствием переселился на природу. Вместе с Розеном в доме поселились его племянница Грета, личный секретарь, старая кухарка-немка, прослужившая ему верой и правдой почти сорок лет. Был еще один приходящий работник из местных, который одновременно служил садовником.

— Итак, подозреваемых — четверо, — негромко констатировал доктор Ллойд.

— Точно так, четверо. И еще несколько слов в заключение. Доктор Розен безмятежно прожил в деревушке пять месяцев, а потом, в одно прекрасное утро, случилось то, что случилось. Он упал с лестницы и спустя полчаса был найден мертвым. На момент происшествия Гертруда, так звали служанку, была у себя на кухне. Дверь на кухню была закрыта, и она, по ее словам, ничего не слышала. Фройляйн Грета, опять же с ее слов, возилась в саду с тюльпанами. Садовник Доббс показал, что в это самое время перекусывал в летнем домике, а секретарь был на прогулке, опять же по его

словам, которые никто из посторонних не может подтвердить. Получается, что алиби нет ни у кого. Более того, никто из четверки не может поручиться за достоверность показаний друг друга. Хотя совершенно очевидно, что совершить преступление мог лишь кто-то из домочадцев. Ведь постороннего человека в такой маленькой деревушке сразу бы заметили. И парадная дверь, и дверь с черного входа были заперты, потому что вся четверка имела свои ключи. В итоге круг подозреваемых сузился до этих четверых, но при этом каждый из них был вне подозрений. Грета — дочь родного брата доктора Розена. Гертруда имеет за спиной сорок лет безупречной службы в его доме. Доббс вообще никогда не покидал родную деревню. А Чарльз Темплетон, его секретарь…

— Вот-вот! — воскликнул Бантри. — Лично мне этот секретарь представляется весьма подозрительным субъектом. Что вам известно о нем?

— Вполне достаточно, чтобы сразу же вывести его за скобки. Во всяком случае, так я считал на момент расследования. Дело в том, что Чарльз Темплетон — это один из моих людей.

— Вот как! — растерянно пробормотал полковник.

— Да. Мне ведь нужен был свой человек непосредственно в доме Розена, такой, который бы не вызвал лишних разговоров в деревне. А Розену нужен был секретарь, и я предложил ему мистера Темплетона. Джентльмен, прекрасно владеет немецким, и вообще, очень способный малый.

— И кого же вы подозреваете? — в замешательстве спросила миссис Бантри. — Они все кажутся такими… Нет, это просто невозможно!

— Именно — кажутся. А что, если взглянуть на всю четверку другими глазами? Возьмем, к примеру, фройляйн Грету. Родная племянница погибшего, очаровательная девушка, и прочее, и прочее... Но минувшая война показала, что брат может пойти против брата, сын против отца, а очаровательные и субтильные молодые особы вообще способны на такое! Вот и Грета, кто может поручиться за нее? Далее, Гертруда. Кто знает, какие страсти кипели в душе пожилой женщины? Возможно, свой след оставила какая-то давняя ссора с хозяином, возможно, ей просто надоело прислуживать ему почти полвека. Старухи-простолюдинки порой способны на весьма неожиданные и жесткие поступки, если не сказать больше. А Доббс? Разве его можно исключать из числа подозреваемых только на том основании, что он из местных? За деньги можно устроить что угодно. Его вполне могли подкупить.

Одно не вызывает сомнений: убийца получил приказ извне. В противном случае, почему он пять месяцев бездействовал? Просто все это время агенты тайного общества усиленно работали, проверяли и перепроверяли еще раз все обстоятельства, связанные с ликвидацией организации. Видно, они не были до конца уверены в предательстве Розена. И лишь когда все сомнения в его причастности к делу были развеяны, они направили своему агенту в доме Розена короткий приказ, состоящий из одного слова: «Убей».

— Какая мерзость! — воскликнула Джейн Хелер и зябко передернула плечиками.

— Вопрос лишь в том, как они исхитрились переслать свою депешу. Каким образом приказ дошел до исполнителя? Именно это обстоятельство я и пытался выяснить, понимая, что это — единственный шанс найти преступника. Одному из четверых поступила команда, и тот незамедлительно исполнил ее. Именно незамедлительно, ибо, насколько мне известно, в «Черной руке» не прощают проволочек с выполнением приказов.

Я самым методичным образом перепроверил всех, кто приходил в дом в то злополучное утро. Никого не исключил. Вот их список.

Сэр Генри достал из кармана портмоне, извлек оттуда конверт, порылся в бумажках, а потом зачитал одну из них.

— Мясник, принес кусок говядины, шейная часть. Проверено, соответствует действительности. Продавец из бакалейной лавки. Принес пакет овсяной муки, два фунта сахара, фунт масла и фунт кофе. Проверено, соответствует действительности. Почтальон принес два проспекта для фройляйн Розен, одно письмо с местным штемпелем для Гертруды, три письма для доктора Розена, одно из них — заграничное, и два письма для мистера Темплетона, одно тоже с иностранным штемпелем.

Сэр Генри помолчал, а потом извлек из конверта пачку документов.

— Вот, взгляните сами. Бумаги были переданы мне людьми, проходившими по делу, часть документов мы сами обнаружили в корзинах для бумаг в ходе обыска. Эксперты изучили их вдоль и поперек: на наличие невидимых чернил, и прочее, и прочее. Никаких неожиданностей. Не ждите сенсаций и сейчас.

Все сгрудились вокруг бумаг. Два каталога, один — из садоводческого питомника, а второй — из известного в Лондоне мехового ателье. Два счета, адресованные лично доктору Розену: один из местного садоводства за семена, а второй из лондонской фирмы, торгующей канцелярскими товарами. Что же до письма, адресованного лично Розену, то вот его содержание: *«Мой дорогой Розен, на днях виделась с Умберто Рози. Они вместе с Майклом Перри недавно вернулись из Рабата. Говорю без Искры сомнения: ничего интересного в их путешествии не было. Дай мне знать о себе в ближайшее время. Как я уже говорила, остерегайся одной особы. Ты догадываешься, о ком я, хотя, знаю, по-прежнему не согласен со мной. Твоя Джорджина»*.

— Корреспонденция мистера Темплетона, — продолжил свое повествование сэр Генри, — состояла вот из этого счета от портного и письма, из Германии от какого-то знакомого. Письмо он, к большому сожалению, порвал и выбросил во время прогулки. Нам удалось раздобыть также и письмо, которое пришло на имя Гертруды. Вот оно. *«Дорогая миссис Шварц. Надеемся увидеть Вас в пятницу вечером на приеме у викария. Наш викарий всегда рад видеть всех. Большое спасибо за рецепт ветчины. Я его уже испробовала, и он мне очень понравился. Остаюсь искренне Ваша Эмма Грин»*.

Доктор Ллойд улыбнулся, отметив про себя обилие орфографических ошибок в таком коротеньком послании. Миссис Бантри тоже усмехнулась.

— Полагаю, это письмо вы сразу отмели в сторону?

— Да, я тоже решил, что интереса оно не представляет. Но, тем не менее, все еще и еще раз перепроверил: существует ли на самом деле эта любительница ветчины Эмма Грин, был ли у викария вечер в указанную пятницу и прочее. Сами понимаете, в таком запутанном деле лишняя осмотрительность не помешает.

— Вот и наша дорогая мисс Марпл всегда так говорит, — улыбнулся доктор Ллойд. — Мисс Марпл, дорогая, а вы что думаете обо всем этом? Или вы уже погрузились в послеобеденную дрему?

Мисс Марпл вздрогнула от неожиданности.

— Знаю, это так глупо, но я вот ломаю себе голову над тем, почему Джорджина написала слово «искра» с большой буквы.

— Правда? — удивилась миссис Бантри и выхватила письмо. — И в самом деле, с большой!

— А я была уверена, дорогая, что вы заметили.

— Да, в письме содержится какое-то конкретное предупреждение. Я на это тоже, между прочим, сразу же обратил внимание! — воскликнул пол-

ковник Бантри. — Вопрос лишь в том, о чем предупреждают… и против кого предостерегают.

— Между прочим, с письмом связана одна весьма любопытная деталь, — задумчиво обронил сэр Генри. — По словам Темплетона, доктор Розен вскрыл конверт прямо за завтраком, пробежал письмо глазами, а потом швырнул его секретарю, заметив, что понятия не имеет, что за чудак прислал ему столь странное послание.

— Письмо написано не мужчиной, — тут же подала голос Джейн Хелер. — Подпись: *Джорджина*.

— Кстати, подпись не очень разборчива. Это вполне может быть и Джордж. Хотя, если присмотреться повнимательнее, то скорее смахивает на Джорджину, — согласился доктор Ллойд. — Но вот что мне сразу бросилось в глаза: подписано женщиной, но почерк, почерк — явно мужской.

— Любопытно-любопытно, — пробормотал вполголоса полковник Бантри, словно размышляя вслух. — Розен швыряет письмо через стол… вот так… и говорит, что не знает человека, который его написал. Наверное, он хотел проследить реакцию одного из присутствующих за столом. Но кого? Что именно хотел он прочитать на лице племянницы? Или все же на лице секретаря?

— А может быть, и на лице кухарки, — резонно возразила миссис Бантри. — Она ведь тоже, наверное, была в комнате. Подавала к столу. Но меня больше занимает другое… так странно!

Женщина сосредоточенно нахмурила брови и стала перечитывать письмо. Мисс Марпл подошла к ней и тоже стала читать, водя пальцем по бумаге. Было слышно, как они вполголоса повторяют текст послания.

— А почему секретарь порвал второе письмо, которое пришло на его имя? — вдруг неожиданно спросила Джейн Хелер. — Тоже довольно странно! И с какой стати ему пишут из Германии? Хотя, конечно, если, как вы утверждаете, он вне всяких подозрений, то…

— Сэр Генри ничего не утверждал наверняка, — мисс Марпл оторвалась от разговора с миссис Бантри, который обе дамы вели чуть поодаль от всех остальных. — Он ведь ясно сказал, что подозреваемых — четверо. Следовательно, мистер Темплетон входит в их число. Я правильно вас поняла, сэр Генри?

— Абсолютно верно, мисс Марпл. За свою долгую жизнь я хорошо усвоил одну довольно горькую истину: никогда не говори себе, что кто-то вне подозрений. Только что я привел вам ряд доводов, на основании которых, как это ни парадоксально звучит, виновным в преступлении мог быть каждый из троих, исключив из них Чарльза Темплетона. Но его я исключил только после того, как точно таким же образом перепроверил все, что имело отношение уже непосредственно к нему. Не мне вам говорить о том, что и в армии, и в секретных службах тоже есть свои предатели, немного, но есть, как это ни прискорбно звучит. А посему я самым беспристрастным образом провел дознание и в отношении Чарльза Темплетона. И задал сам себе точно те же вопросы, которые только что задала мне мисс Хелер. Почему он, один-единственный из всех домочадцев, оказался не в состоянии предъявить нам полученное им письмо? И более того, письмо, которое пришло из Германии! С какой стати он должен получать письма из Германии?

Последний вопрос показался мне вполне невинным, а потому я задал его прямо на месте. Ответ был прост. Оказывается, его тетя по матери замужем за немцем. Письмо написала ему немецкая кузина. Вот так я узнал о Темплетоне нечто новое для себя, а именно: у него есть родственники в Германии. Что автоматически включало его в список подозреваемых. Да, он мой человек, я всегда доверял этому парню, и он мне нравился. Но,

руководствуясь соображениями долга, я вынужден был поставить Темплетона на первое место в списке из четверых подозреваемых.

Теперь вы понимаете… даже сам не знаю, как выразиться… Наверное, мне никогда не докопаться до правды в этом деле… Хотя главное для меня — это не наказать убийцу. В сто, в тысячу раз важнее другое: снять тень подозрения с невиновного человека, подозрение, которое может стоить ему карьеры… Ибо при всем моем желании я не осмелюсь заявить, что Темплетон не причастен к убийству, отметая все подозрения против него… вот такая вот штуковина…

Мисс Марпл тихо кашлянула.

— Насколько я поняла, сэр Генри, больше всего вас волнует именно судьба молодого Темплетона?

— В каком-то смысле да. Конечно, теоретически я должен объективно оценивать шансы каждого из четверки. Но на деле все иначе. Судите сами. Возьмем, к примеру, Доббса. Какое значение имеют лично для него мои подозрения о его причастности к убийству? Карьера? Какая может быть карьера у деревенского садовника? К тому же, все в деревне уверены, что смерть старого Розена — это обычный несчастный случай. Теперь Гертруда. Ее положение более уязвимо. Предположим, я сообщу о своих подозрениях на ее счет племяннице доктора Розена. Ясное дело, отношение девушки к старой служанке может существенно измениться, но только и всего. К тому же, вполне возможно, Гертруду вообще мало волнует, как к ней станет относиться молодая хозяйка.

Переходим к Грете Розен. Здесь ситуация меняется кардинально. Начнем с того, что Грета хороша собой, а Чарльз Темплетон — весьма привлекательный молодой человек. И вот пять месяцев молодые люди постоянно проводят в обществе друг друга, никаких помех, так сказать, извне. Разумеется, произошло то, что должно было произойти. Они влюбились друг в друга, хотя вполне возможно, до прямого объяснения дело так и не дошло.

А потом случается эта катастрофа. Кстати, три месяца тому назад, буквально через пару дней после моего возвращения из-за границы, ко мне приходила Грета Розен. Она рассказала, что продала дом и собирается снова вернуться в Германию, так как все дела, связанные с пребыванием дяди в Англии, уже улажены. Она явилась ко мне с частным визитом, ибо знала, что я вышел в отставку. И вопрос у нее был сугубо личным. Вначале она ходила вокруг да около, а потом не выдержала и заговорила о том, что ее действительно волновало. То злополучное письмо из Германии, оно не дает ей покоя. Что я думаю по этому поводу? Конечно, она верит Чарльзу, и все же… и все же... Ах, если бы знать правду! Видите? То же желание, что и у меня. Желание верить и одновременно червячок сомнения где-то в самой глубине души. Я был с ней совершенно откровенен и попросил ее о том же. А потом задал вопрос напрямую: была ли она влюблена в Чарльза, а он в нее.

— Наверное, да, — ответила девушка после некоторых колебаний. — Да, я была влюблена, и мы были так счастливы. Нам было хорошо вместе, и мы оба понимали, что любим друг друга. Но сознательно не торопили ход событий, ведь впереди — целая жизнь. Я была уверена, что в один прекрасный день он признается мне в любви, и тогда я тоже скажу, что люблю его. Ах, если бы мы только знали, что нас ждет! А сейчас все изменилось. Между нами словно черная кошка пробежала: держимся отчужденно, когда встречаемся, не знаем, о чем говорить. Наверное, его тоже терзают сомнения, но уже на мой счет. Словом, каждый из нас мысленно повторяет: «Если бы знать наверняка…» Прошу вас, сэр Генри, умоляю... Вы же не считаете, что убийца моего дяди — это Чарльз Темплетон? Вы ведь так не думаете? Правда?

Я не смог ничего ей сказать. Какое будущее ждет этих двоих? Скорее всего, они расстанутся навсегда, терзаемые сомнениями и подозрениями в отношении друг друга. Ох уж эти подозрения! Они словно злые духи, которые никак не хотят обрести покой в земле.

Сэр Генри откинулся на спинку стула: по его лицу разлилась усталость. Он покачал головой с каким-то обреченным видом.

— Главное — поделать ничего нельзя. Вот если только… — он распрямился, и легкая улыбка снова тронула его губы. — Если только мисс Марпл не согласится прийти к нам на помощь. Как вы смотрите на такое предложение, мисс Марпл? Это письмо о церковно-приходской жизни, оно ведь по вашей части, не так ли? Вам не кажется, что кто-то изо всех сил старался, чтобы все выглядело натурально и предельно просто? Прошу вас! Помогите двум несчастным влюбленным. Ведь молодые люди так мечтают о счастье.

Сэр Генри говорил с такой подкупающей искренностью, а глаза его светились такой надеждой, что не приходилось сомневаться: он действительно высоко ставит интеллектуальные возможности милой старушки, проведшей всю жизнь в одиночестве.

Мисс Марпл откашлялась и слегка поправила кружевной воротничок.

— Это письмо почему-то напомнило мне незабвенную Анни Полтни. Разумеется, нам с миссис Бантри все совершенно ясно. Впрочем, я говорю не о письме с приглашением на церковный вечер. Я имею в виду другое письмо, адресованное доктору Розену. Вы, сэр Генри, всю жизнь прожили в Лондоне и никогда не занимались разведением цветов, а потому, возможно, и не обратили внимания.

— Внимания? На что?

Миссис Бантри взяла каталог, открыла его и стала читать вслух, смакуя каждое слово.

— «Умберто Рози». Сирень сортовая, изумительной красоты гроздья на очень длинных и твердых стеблях. В равной степени годится и для букетов, и для украшения сада. Замечательная новинка. «Майкл Перри». Красивые цветы красно-коричневого цвета, по форме похожие на хризантемы. «Рабат». Декоративное садовое растение с яркими цветами оранжево-красного цвета, цветы долго сохраняются в срезанном виде. «Искра»…

— Заметьте, с большой буквы «И», — подала голос мисс Марпл.

— Крупные цветы очень красивой формы, цветет розовым и белым. — Миссис Бантри отшвырнула от себя каталог и произнесла с особым ударением в голосе: — Новый сорт георгин!

— Итак, начальные буквы перечисленных выше сортов все вместе образуют слово «умри», — пояснила мисс Марпл.

— Да, но ведь письмо пришло доктору Розену, — возразил сэр Генри.

— В этом и заключается вся изюминка дьявольски хитроумного плана. Что сделал бы любой человек на месте доктора Розена, получив письмо, нашпигованное именами людей, которых он в глаза не видел? Конечно, возмутился бы и отбросил его в сторону.

— Тогда выходит, что все же…

— О, нет! — воскликнула мисс Марпл. — Не секретарь! Ведь это же ясно как божий день. Подумайте сами: если бы он был настоящим убийцей, разве он сохранил бы письмо? И потом, зачем ему было уничтожать злосчастное письмо, которое пришло ему из Германии? Нет, его невиновность просто… просто… позвольте употребить мне такое выспреннее слово… она просто вопиет.

— Тогда кто же?

— Господи! Но ведь это же так просто! За столом находилась еще одна особа. И она, что вполне естественно в подобных обстоятельствах, взяла

письмо и тоже прочитала его. И все! Дальше произошло то, что произошло. Кстати, вы не забыли, что в то же утро девушка получила по почте каталог цветов...

— Значит, все же Грета Розен, — медленно проговорил сэр Генри. — Но тогда чего ради она приходила ко мне?

— Ах, мужчине этого никогда не понять. Наверное, в глубине души вы, мужчины, считаете, что мы, женщины, тем более старые женщины, видим и понимаем все не так, как надо. К большому сожалению, приходится признать, что люди иногда плохо понимают даже представителей своего пола. Дело в том, что после смерти Розена между молодыми людьми моментально возникло отчуждение. Темплетон, вполне возможно, чисто инстинктивно, заподозрил что-то неладное и почувствовал какую-то внезапную неприязнь к девушке. Боюсь, он не сумел скрыть своих подозрений. Поэтому я полагаю, что визит девушки к вам — это не более чем акт доносительства с ее стороны. Чувствуя себя в полной безопасности, она, тем не менее, не упустила возможность еще раз повлиять на вас, заставить сконцентрировать внимание именно на бедном мистере Темплетоне. Согласитесь, ведь после разговора с нею у вас снова закрались сомнения относительно молодого человека?

— Да, но она не сказала ничего такого…

— Нет, все же мужчинам никогда не понять женскую логику! — с невозмутимым видом воскликнула мисс Марпл.

— Выходит, эта девчонка… она совершила хладнокровное убийство и вышла сухой из воды!

— Не совсем сухой! Мы с вами, сэр Генри, никогда не поверим в столь счастливую развязку. Вы же сами недавно говорили о том, что возмездие неизбежно. Нет, Грете Розен не избежать наказания за содеянное. Начнем с того, что компания, с которой она водится, все эти шантажисты, террористы, не доведет ее до добра. Однако стоит ли нам тратить время, размышляя о том, что ждет виновную? Ведь, как вы правильно заметили, нас больше должны занимать судьбы невинных людей. Так вот, вернемся к мистеру Темплетону. Скорее всего, он в недалеком будущем женится на своей немецкой кузине. Вся эта история с письмом, которое он порвал, она действительно вызывает подозрения, но подозрения совсем иного рода, нежели те, что терзали вас на протяжении всего расследования. Думаю, здесь мы имеем дело с обычным романтическим приключением. Что, если письмо от кузины было любовным и молодой человек опасался, что Грета может случайно найти его или даже намеренно попросить показать. Что касается Доббса, то у меня с самого начала не возникло никаких сомнений в отношении садовника. Он ведь из числа тех, для кого второй завтрак ровно в одиннадцать — важнее всего на свете. Бедняжка Гертруда! Вот ее мне искренне жаль. Именно ее судьба напомнила мне судьбу несчастной Анни Полтни. Полвека безупречной службы в доме мисс Лэм, а в итоге обвинение в том, что она уничтожила завещание покойной хозяйки. И хотя никаких доказательств представлено не было, подозрения в полном смысле слова разбили бедное сердце служанки. А потом, уже после ее смерти, отыскалось то злополучное завещание, которое мисс Лэм засунула для пущей верности в банку, где обычно хранила чай. Справедливость восторжествовала, но — увы! — слишком поздно для бедняжки Анни.

Вот почему меня так волнует судьба старой служанки доктора Розена. Знаете, когда человек стар, его так легко обидеть. По правде говоря, Гертруду мне жаль даже больше, чем мистера Темплетона. Мистер Темплетон молод, он хорош собой и наверняка пользуется огромным успехом у женщин, а потому все у него образуется, в итоге. Сэр Генри, прошу вас! Обязательно напишите письмо этой женщине. Сообщите, что ее невиновность

полностью доказана. Наверняка она терзается мыслями о том, что ее подозревают в смерти горячо любимого хозяина. Ах, даже подумать страшно, как мучается бедняжка!

— Обещаю вам: я обязательно напишу! — сэр Генри посмотрел на старую даму с нескрываемым изумлением. — Признаюсь, я никогда не понимал вас до конца! Вы ведь совсем не такая, какой кажетесь. И ваш кругозор...

— О, к сожалению, мой кругозор весьма ограничен, то есть, я хочу сказать, что он ограничен деревней Сент-Мери-Мид. Я, знаете ли, редко выбираюсь за пределы родной деревни.

— Что отнюдь не помешало вам распутать преступление международного масштаба. Как ни крути, а преступление раскрыли именно вы.

Мисс Марпл слегка покраснела, а потом сказала с некоторой важностью в голосе:

— Думаю, я получила неплохое образование для своего времени. У нас сестрой была гувернантка-немка, такое сентиментальное, эфемерное создание. Она обучала нас языку цветов. Сегодня это уже почти забытая наука. Прелестное занятие, доложу я вам. Знаете ли вы, например, что желтый тюльпан означает безнадежную любовь, а китайская астра содержит в себе самое настоящее послание: «Я умираю от ревности у твоих ног»? Но вернемся к письму. Оно подписано Джорджиной, а Джорджина по-немецки — георгина. То есть подпись в этом письме прояснила все остальное. Вот только… я никак не могу вспомнить, что означает цветок георгины. Увы! Память моя слабеет, она уже не та, что в былые годы.

— Надеюсь, георгина не означает смерть.

— О, нет! Только не смерть! Ужасно! В мире и без того много горя.

— Как хорошо, когда у человека есть любимые друзья и любимые цветы, не правда ли? — с легкой грустью вздохнула миссис Бантри.

— Помню, у меня был один поклонник, который каждый вечер присылал мне в театр пурпурные орхидеи, — мечтательно проговорила Джейн.

— Он хотел сказать вам: «Жду твоей благосклонности», — живо откликнулась мисс Марпл.

Сэр Генри слегка откашлялся и отвернулся в сторону.

— Вспомнила! — воскликнула мисс Марпл. — Цветок георгины означает предательство и обман.

— Замечательно! — восхитился сэр Генри. — Просто потрясающе!

И почему-то тоже вздохнул.

Томас УОЛШ

Смертный приговор

Рассказ

Итак, что же у них в активе? Факт номер один, пожалуй, самый важный, во всяком случае, самый неопровержимый из всех, — тело убитого, некого Карла Сойера, пожилого аптекаря, добропорядочного, респектабельного джентльмена. Факт номер два, с которым, как правило, сопряжена наибольшая потеря нервных клеток, — привлекательная блондинка, скорее всего, вдова убитого, которую Кочран и Макрейнолдс, прибывшие на место преступления, застали надрывно рыдающей над телом мужа. Факт номер

три, сразу же и бесповоротно прояснивший полицейским всю картину преступления, — разоренный кассовый аппарат. И, наконец, факт номер четыре, настоящая головная боль для любого сыщика, — лавка, до отказа забитая возбужденно галдящими соседями.

Поначалу складывалось впечатление, что все они просто сгорают от нетерпения поделиться с Кочраном крайне важной для следствия информацией. Однако после того как он опросил присутствующих, выяснилось, что лишь четверо смогли сказать что-то определенное. Миссис Сойер и случайная покупательница по имени Элен Морисон находились в лавке в тот самый момент, когда раздались выстрелы. Двое других, супружеская пара, успели заметить, как какой-то неизвестный мужчина выскочил из аптеки и стремглав бросился к машине, припаркованной чуть поодаль в густой тени деревьев. После некоторых препирательств супруги даже сумели прийти к единому мнению касательно внешнего вида машины, сообщив пару важных деталей, могущих облегчить поиск транспортного средства. Что же до четвертой свидетельницы по имени Элен Морисон, то эта стройная темноволосая девушка с умными карими глазами держалась весьма настороженно. Но говорила она взвешенно и довольно подробно обрисовала портрет убийцы.

Девушка рассказала Кочрану, что минут двадцать назад, когда она вошла в аптеку, незнакомец стоял напротив мистера Сойера, чуть левее от кассового аппарата. Мужчины стояли так близко друг к другу, что поначалу покупательница решила, что это какой-то приятель аптекаря, который зашел к нему перекинуться парой слов. Но в этот момент незнакомец резко отвернулся, и девушка увидела, что покупатель чем-то сильно напуган. Он мельком взглянул на нее и тут же дважды выстрелил в мистера Сойера. При этом левой рукой он стал лихорадочно шарить в кассе. По словам свидетельницы, нападавшему не больше тридцати. Худощавый блондин с острым, несколько выступающим вперед подбородком. В первое мгновение девушка просто остолбенела от ужаса, что вполне естественно в подобных обстоятельствах. Но поскольку она запомнила в наружности убийцы пусть и немногое, но именно то, что нужно, Кочран был склонен отнести ее к разряду наиболее важных и надежных свидетелей.

Супруги, которые могли видеть убегавшего незнакомца только сбоку, оказались единственными свидетелями, запомнившими его машину. По их словам, это был черный или темно-синий седан с вмятиной на правом заднем крыле. Жена утверждала, что на мужчине были коричневый костюм и такого же цвета башмаки. По мнению же мужа, незнакомец был облачен в серую спортивную куртку и широкие брюки. Они оба подтвердили слова Элен Морисон: да, действительно, мужчина был без головного убора, и у него светлые волосы.

Между тем Макрейнолдс изо всех сил старался привести миссис Сойер в чувство, а затем допросить ее. Увы! — обе попытки не увенчались успехом. Женщина, судя по выражению ее лица, абсолютно не понимала, кто такой Макрейнолдс и чего он от нее хочет. Она лишь молча трясла головой, тупо уставившись на инспектора полиции в состоянии полнейшей прострации. Кочран велел оставить несчастную в покое. В конце концов, вся информация, необходимая для поиска преступника, у них уже есть. Им известен приблизительный возраст мужчины, они знают особенности его телосложения и внешности. У подозреваемого — недорогой седан с вмятиной на крыле, он вооружен, и скорее всего, у этого типа богатое уголовное прошлое.

Итак, оставалась самая малость — вычислить преступника и задержать его. Для начала они с Макрейнолдсом прошерстили все последние

сводки и полицейские донесения по городу. В результате образовался круг из нескольких потенциальных подозреваемых. Все они были доставлены в полицейский участок, но после подробного собеседования с каждым задержали лишь четверых. А еще через два дня миссис Сойер, истерично рыдая, с первого же взгляда опознала в одном из четверки убийцу мужа.

Супруги согласились с показаниями миссис Сойер, хотя, по мнению Кочрана, они не могли видеть и половины того, на чем так убежденно настаивали. Однако Элен Морисон отказалась поддержать остальных. Собственно, она была единственной свидетельницей из всех, кто тогда, на месте преступления, показался Кочрану не просто вменяемой, но и человеком, словам которого можно доверять. На опознании она заявила, что мужчина, которого ей показали, да, немного похож на того, кто стрелял в аптеке, но не более того. А потому она совсем не готова показать под присягой, что именно этот человек — убийца. Может, да, а может, и нет. Во-первых, тот мужчина был постарше. Да и ростом он был повыше. Этот же… он совсем не такой, заключила она с виноватым видом и неуверенно покачала головой.

Макрейнолдс уже начал терять терпение, слушая пустые разглагольствования девушки. Зато Кочран отлично понимал, почему миссис Сойер так решительно указала на преступника. Да после такого потрясения, когда у тебя на глазах убивают собственного мужа, любой на ее месте с готовностью ткнет пальцем в первого же встречного, предъявленного ему для опознания, с ходу признав в нем убийцу. Вот почему он не спешил с окончательными выводами, продолжив обычную рутинную работу, дотошно проверяя и перепроверяя все имеющиеся в их распоряжении факты.

Факты же были таковы: парень, которого опознала миссис Сойер, угрюмый неразговорчивый увалень по имени Джонни Палика, работал вторым водителем на грузовике. Его ситуацию усугубляло то обстоятельство, что в прошлом у подозреваемого уже случались приводы в полицию. В настоящее время Палика проживал в доме замужней сестры, и у зятя действительно имелся недорогой седан черного цвета, на заднем крыле которого имелось несколько глубоких царапин. В тот злополучный четверг шурин разрешил родственнику воспользоваться машиной, и Джонни укатил из дому рано вечером, а вернулся далеко за полночь. На вопрос Кочрана, где он был и что делал, парень с явной неохотой ответил, что просто катался по городу. Вместе с девушкой. Чем занимались? А чем занимаются, когда в машине девушка? Сами знаете. Тогда зачем спрашиваете?

Подружка Джонни была единственной, кто подтвердил слова Палики. Однако девушка была признана заинтересованным свидетелем, и ей не очень поверили. Зато трое других свидетелей без колебаний опознали в Палике убийцу. Причем двое из этой троицы узнали и седан. Правда, оставалась еще Элен Моррисон. Но она никак не могла определиться с окончательными выводами. Ее показания на суде звучали робко, держалась она неуверенно, все время путалась, сбивалась, а потому не сильно повлияла на мнение судьи. Присяжные признали молодого человека виновным и вынесли ему смертный приговор. После суда Кочран стал по непонятным для себя причинам избегать общения с инспектором Макрейнолдсом, а в один прекрасный день сделал весьма неприятное открытие, которое буквально повергло его в шок. Оказывается, коллега тоже всеми правдами и неправдами старается не встречаться с ним.

Что ж, будучи профессионалами, они оба прекрасно понимали, что далеко не всегда стоит доверять результатам опознания. Тем более когда в нем участвуют свидетели, пребывающие в состоянии сильного нервного возбуждения и стресса. А потому, каждый из них в глубине души знал,

что в деле Джонни Палики не все так безупречно, как может показаться на первый взгляд. Впрочем, в разговорах они старательно обходили столь болезненную тему. В конце концов, приговор и все остальное — это уже не по их части. Говорить — не говорили, но помнили о деле оба. А потому, когда в начале марта, часов около трех дня в кабинете Кочрана раздался звонок, то он ничуть не удивился. Всем своим нутром он чувствовал: рано или поздно такой звонок обязательно последует.

— Ты помнишь ту свидетельницу? Ее фамилия Морисон, — услышал он в трубке спокойный голос Макрейнолдса. Пожалуй, голос был слишком спокоен. — Ну, ту самую, которая все никак не могла определиться со своими показаниями.

— Кого-кого? — переспросил Кочран, хотя на самом деле он, конечно же, прекрасно помнил Элен Морисон. Просто не хотел, чтобы Макрейнолдс думал, что вся эта история с Паликой его по-прежнему волнует. — Ах, да, припоминаю, та девушка… нерешительная такая, — он энергично потер подбородок. — А что стряслось? С ней что-то случилось?

— У меня для тебя потрясающая новость, старина! — флегматично изрек Макрейнолдс. — Девушка только что сообщила мне, что Палика — совсем не тот парень, который прихлопнул аптекаря. Говорит, что сейчас она уверена в этом на все сто. Так что, Рей, давай подтягивайся к нам. Да поживее… Судя по всему, мы с тобой по уши в дерьме.

Кочран поймал такси и помчался в полицейское управление. Он нашел Макрейнолдса в кабинете на втором этаже в обществе Элен Морисон и еще какого-то суетливого молодого человека по фамилии Уилсон. Как выяснилось, он представлял окружную прокуратору. Наверняка какая-то мелкая сошка, решил про себя Кочран, бросив неприязненный взгляд на представителя прокуратуры, который проинформировал его о том, что вчера вечером на Третьей Авеню перед входом в бар под названием «Клеверок» мисс Морисон видела или, во всяком случае, считает, что видела человека, который убил Карла Сойера. Она абсолютно уверена в этом, сухо добавил Уилсон, потому что парень отвернулся и посмотрел на нее точно таким же взглядом, как тогда в аптеке. Мисс Морисон полагает, что он вряд ли узнал ее. Однако когда минут через десять она вернулась в бар в сопровождении полицейского, незнакомца уже и след простыл. Бармен не смог вспомнить о посетителе ничего, что представило бы интерес для следствия. Вот, кажется, и все, завершил свой рассказ Уилсон. В комнате повисло тягостное молчание.

Кочран надеялся, что первым его нарушит Макрейнолдс. Тот был бледен, и вид у него был какой-то пришибленный. Кажется, он тоже надеялся, что первое слово скажет Кочран.

Наконец Кочран не выдержал затянувшейся паузы и вполголоса пробормотал: «И что с того?» Затем уселся на край стола, слегка сдвинув шляпу на затылок. Так он сидел некоторое время, водрузив руки на колени и сосредоточенно покусывая верхнюю губу.

— Вот и я о том же, — с готовностью отреагировал прокурорский клерк, будто Кочран только что изрек нечто весьма глубокомысленное. — Все просто как дважды два. Вчера вечером мисс Морисон случайно встретила мужчину, который показался ей похожим на нашего друга Палику. И тут же…

— Мы ни за что не найдем этот чертов пистолет, — нетерпеливо перебил его Кочран.

— Само собой! О, если б нам так пофартило! Хотя удалось же нам убедить присяжных и без него. Так что не вижу…

— Одну минуту! — загрохотал вдруг возмущенный голос Макрей-

нолдса, и слова полились из него неудержимым потоком. — Кто, в конце концов, несет ответственность за парня? Вы, уважаемый, или мы с Кочраном? Да знали бы вы, сколько нервов стоила мне вся эта тягомотина! Впрочем, черт с ними, с нервами. Не о том речь! Не нравится мне дело Палики, вот что. И с самого начала не нравилось!

Надо же, как разошелся, подумал про себя Кочран, самое время подставить ему плечо. Он убрал правую руку с колена и некоторое время молча разглядывал свою ладонь, а потом решил, что, пожалуй, напряжение можно усилить.

— Мне в свое время приходилось наблюдать, как одна истеричная дамочка, очень похожая, кстати, на миссис Сойер, опознала преступников в двух копах. Ребят посадили на опознании, чтобы заполнить свободные места, а в результате… Супружеская пара, да они просто согласились с потерпевшей. Такие, как они, всегда соглашаются со всем, что скажет первый свидетель. Думаю, Мак прав. Давайте-ка проанализируем все факты еще раз.

Элен Морисон, которая заметно нервничала, но всем своим видом демонстрировала, что отступать от своего она на сей раз не намерена, бросила на него благодарный взгляд и тихо сказала:

— Спасибо. После ваших слов мне стало немного легче. Вы помните, я говорила на суде, что человек, который стрелял в мистера Сойера, именно его я видела вчера вечером на улице возле бара, этот человек старше того, которого вы арестовали. К тому же, он не такой плотный и повыше ростом. Все это я рассказала судье, но мне не поверили, решили, что я сама толком не знаю, о чем говорю. А я просто не была уверена до конца и все время сомневалась: он — не он. Зато сейчас у меня нет и тени сомнения. Я готова хоть сто раз повторить: да, это — тот человек. А потому я настаиваю, я требую, чтобы вы предприняли действенные меры по задержанию преступника.

С лица прокурорского клерка мгновенно сбежало раздражение, и вид у него стал предельно серьезным и сосредоточенным. После короткого обмена мнениями было решено: первое, что они могут сделать, чтобы провести качественное дознание и окончательно определиться по дальнейшей судьбе осужденного на смерть парня, — это дать Элен Морисон возможность еще раз увидеть Джонни Палику. Пусть рассмотрит его как следует, а потом скажет свое веское слово. Позвали лейтенанта, который благоразумно исчез из кабинета на время разговора. Тот, в свою очередь, созвонился с начальством в городе, а начальство дало соответствующие указания капитану Муни.

На следующее утро в половине девятого Кочран с девушкой прибыли в тюрьму, которую он уже мысленно успел окрестить как «это место». Инспектору было явно не по себе от мысли, что с минуты на минуту они окажутся в «этом месте». Капитан Муни уже поджидал их. Мужчины обменялись рукопожатиями и перекинулись парой слов. Муни искоса посмотрел в сторону Элен Морисон, но лицо его было непроницаемым. Из комнаты для посетителей они вместе с капитаном вышли в коридор с огромными зарешеченными окнами.

В сопровождении двух охранников в форме они отправились дальше. Остановились перед стальными дверями, которые оказались незапертыми изнутри, подождали несколько секунд, вошли и оказались перед следующей дверью, такой же массивной и устрашающе огромной. И снова ждали, пока за ними закроют и запрут на замок ту дверь, через которую они только что прошли.

Потом были еще другие двери, множество дверей и множество охранников. Их вели по каким-то длиннющим коридорам, они миновали тюрем-

ный дворик и, наконец, остановились перед корпусом, стоящим несколько на отшибе. Кочрану не надо было объяснять, кого именно содержат в этом здании, и он нервно облизал губы, входя в корпус, предназначенный для смертников. Он даже не взглянул в сторону Элен Морисон. И вообще не сделал ни малейшей попытки заговорить с нею.

Они остановились на пороге комнаты. Она была такой же угрюмой, как и все остальное в этом здании: стены, выкрашенные грязновато-желтой краской, коричневые плинтусы. Дешевый деревянный стол, на котором валялась измазанная чернилами промокашка, рядом пустая пепельница. Два стула, одно окно, слепящий свет откуда-то с потолка. В комнате Кочран явственно ощутил чье-то присутствие: какой-то незримый дух витал в этих стенах, словно поджидая его, Кочрана. Впрочем, он знал, что за духи его караулят здесь. Духи возмездия, вот кто. Ведь, по сути, они упекли за решетку невинного человека и обрекли его на смерть, разве этого мало? Да, это они с Макрейнолдсом во всем виноваты, только они. Он решительно переступил порог комнаты.

Элен Морисон осталась в холле. О том, чтобы девушке разрешили поговорить с Паликой, не могло быть и речи. Ей лишь предоставили возможность посмотреть на него через скрытое отверстие в двери, которое расположено прямо на уровне глаз. Капитан Муни вошел в комнату следом за Кочраном, молча глянул на него и вышел через другую дверь. Оставшись один, Кочран почувствовал себя еще более скверно. Звенящая тишина и резкий свет действовали на нервы. Так прошло несколько минут. Ему они показались целой вечностью. Наконец во внутреннем коридоре послышались шаги. Кочран засунул руки поглубже в карманы и, собравшись с духом, повернулся лицом к двери. По крайней мере, внешне он должен быть готов к встрече.

Вошел Муни.

— Все в порядке, — обронил он будничным тоном и добавил: — Входи, Джонни. Ты ведь помнишь Рея Кочрана, не так ли?

Кочран выпалил первое, что пришло ему на ум.

— Конечно, помнит! — воскликнул он чересчур экспансивно, чувствуя, что губы его стали непослушными и вязкими, как тесто. — С какой стати ему меня забывать? Проходи, приятель! Садись. Ну, как дела?

Он приготовился обменяться рукопожатием с арестованным, но в самый последний момент неловко опустил руку, увидев, что Джонни Палика, судя по всему, не узнал его. Парень начисто забыл о существовании инспектора за месяцы, проведенные в тюрьме. А потому тональность, которую решил избрать Кочран для разговора с осужденным, строго официальная, но доброжелательная и не лишенная приязни, показалась ему страшно глупой и откровенно фальшивой. Да и не нужно было в разговоре с этим человеком, смотревшим на него с видом затравленного животного, держаться с официальной строгостью. Джонни заметно осунулся и сильно нервничал. В нем не осталось и следа от прежнего нагловато-дерзкого увальня. Наконец Палика вспомнил, кто такой Кочран, и тут же стал отчаянно лебезить перед ним. Смотреть на это со стороны было невыносимо больно.

Перед инспектором сидел абсолютно сломленный человек. И виноваты в этом были отнюдь не Муни и не те несколько месяцев, которые Палика просидел в тюрьме. Скорее всего, парня добила сама мысль о том, что люди видят в нем убийцу. Будь оно проклято, то опознание, которое организовали они с Макрейнолдсом! Джонни изобразил на лице жалкое подобие улыбки, а когда увидел, что Кочран никак не отреагировал на его неловкую попытку усмехнуться, стал медленно растягивать губы в широком оскале. Было заметно, каких невероятных усилий это ему стоило.

— У меня все хорошо, мистер Кочран, — быстро проговорил он. — Все о'кей! Я… У вас есть новости?

Он впервые назвал Кочрана мистером. Мелочь, но это нестерпимо резануло слух. Кочран почувствовал, как весь покрылся испариной. Муни предупредил его, что нельзя зря волновать Палику или, тем более, вселять в него какие-то несбыточные надежды. Тот ничего не должен знать об Элен Морисон, пока у них не появятся конкретные факты, позволяющие продолжить следствие по делу. Инспектор глухо пробормотал, что особых новостей у него нет. Пока в деле не наметилось никаких подвижек. Правда, это только пока. В главном полицейском управлении хотят, чтобы он, Джонни Палика, еще раз подробнейшим образом изложил события того злополучного вечера. Если он, конечно, не против.

Джонни был не против. Он с готовностью закивал головой в знак согласия. Кочран задал ему несколько наводящих вопросов, ответы на которые он прекрасно знал. В свое время они с Макрейнолдсом сделали все, что было в их силах, чтобы проверить, насколько эти ответы правдивы. Однако он притворился, что слушает Палику с интересом, и даже изредка кое-что помечал у себя в блокноте, делая вид, что сверяет показания с собственными данными.

— Разумеется, разумеется, — изредка вставлял он невпопад, безотносительно того, о чем в этот момент рассказывал Джонни.

Они с Макрейнолдсом обязательно все проверят и перепроверят еще раз — пообещал он хрипловатым от волнения голосом. Проверят безотлагательно. И с подружкой его встретятся, конечно же. Они снова проанализируют все обстоятельства дела самым тщательным образом. Они…

Он был готов отдать все на свете, только бы поскорее уйти отсюда. Обещать что угодно, только бы не видеть умоляющего взгляда Джонни Палики. Взгляда, взывающего о милосердии и жаждущего сострадания. Эта мольба не была адресована кому-то конкретно. Нет, то был просто взгляд человека, который отчаянно нуждается в помощи, и ничего более. Да, такой вот пустяк, взять и помочь, вдруг неожиданно для самого себя разозлился Кочран. Как только Муни дал знак, что пора заканчивать свидание, он тут же подхватил пальто и, выдавив из себя пару ободряющих слов на прощание, поспешно ретировался. Но за стенами этой проклятой комнаты ему стало еще хуже. Потому что в коридоре его поджидала белая как мел Элен Морисон.

Глаза ее как-то странно блестели, и по всему было видно, что у нее нет ни малейшего желания разговаривать с Кочраном. Впрочем, он тоже не особо горел желанием вести с ней какие-то там разговоры. Девушка лишь молча посмотрела на него и отрицательно покачала головой. Конечно, подумал он с раздражением, она считает, что это мы с Макрейнолдсом упекли за решетку невинного парня. Что мы тут вообще ничего... Он резко отвернулся от нее. Ему не хотелось размышлять над тем, насколько Элен Морисон права в своих претензиях к ним. В глубине души он знал, она права, и от этого на душе у него стало еще муторнее.

Судя по настроению Макрейнолдса, с которым они встретились после обеда, тот тоже был явно не в духе. Он даже не стал обсуждать с Кочраном, что им делать дальше. Он выслушал молча, пару раз кивнул в знак согласия, а в одном месте даже нервно сглотнул слюну. Затем так же молча нахлобучил на голову шляпу, и они вместе отправились к вдове убитого аптекаря.

Миссис Сойер тоже сильно изменилась за прошедшие месяцы. Куда подевалась милая голубоглазая блондиночка с роскошными золотистыми кудрями и кукольно-розовым личиком? Женщина заметно постарела. Стои-

ло им завести разговор об убийстве, как она тут же замкнулась, потом вдруг сорвалась на крик и все время нервничала, снедаемая какими-то внутренними страхами. А под конец вообще закатила им истерику.

Миссис Сойер продолжала упорно стоять на своем: ее мужа убил именно Джонни Палика. Ну вот, подумал про себя Кочран и тяжело вздохнул, ненависть и одиночество сделали свое черное дело, за считанные месяцы превратили цветущую молодую женщину в злобную старуху. Было решено пока не трогать двух других свидетелей. Какой смысл допрашивать их по новой, пока они не вытрясут что-нибудь стоящее из вдовы? Вечером того же дня Макрейнолдс поехал в управление и снова погрузился в изучение старых оперативных сводок, пытаясь найти в них хоть какую-то зацепку, которая помогла бы им установить местонахождение Джонни Палики на момент совершения убийства. И почти в это же самое время Кочран и Элен Морисон заступили на первое совместное ночное дежурство, прямо напротив бара «Клеверок» на Третьей Авеню.

Отныне они коротали на своем посту все вечера до поздней ночи, просиживая по шесть-семь часов в салоне припаркованной под аркой моста машины Кочрана. И так изо дня в день, семь раз в неделю. Все это время над их головами мерно перестукивали колеса проносившихся по мосту поездов подземки. Было холодно и неуютно, неласковый мартовский ветер пронизывал до самых костей, но выбора не было. Надо было ждать. Около двух часов ночи Кочран отвозил девушку домой и, наспех выпив по дороге чашечку кофе, ехал к себе. Он совсем выбился из сна: возможно, виной тому был кофе, а может, что-то другое. В постели он долго ворочался с боку на бок, пытаясь заснуть, потом забывался на какое-то короткое время и тут же подхватывался в полной уверенности, что его кто-то зовет. Голос звучал издалека, но Кочран слышал его отчетливо и ясно. Впрочем, нет, сам голос он не слышал или слышал его каким-то внутренним слухом, не как обычный звук. И тем не менее, Кочран безошибочно знал: это зовут именно его. В конце концов, он так привык к голосу, что стал воспринимать его как некую объективную реальность, неизбежный атрибут своего нынешнего бытия с его бесконечными ночными бдениями.

Он знал, о чем его просит голос. Собственно, он знал это с самого начала, с того момента, как только услышал его впервые. И он ничего не мог сделать. Ровным счетом ничего: ведь ходатайство об освобождении Джонни Палики из-под стражи в связи с прекращением дела могло быть подано только на основании новых свидетельских показаний, а для этого им с Макрейнолдсом был позарез нужен тот, другой человек, которого опознала девушка. Они же не могли его найти. И понятия не имели, где и как его искать. Вначале в их распоряжении было двенадцать недель. Потом недель осталось десять, восемь, и наконец, шесть. И никаких результатов, полный ноль. Ни у Макрейнолдса, перекопавшего все архивы в полицейском управлении, ни у них, несших свою вахту у бара.

Изредка, когда у Макрейнолдса наступал короткий просвет в работе с документами или, наоборот, когда от обилия бумаг уже начинало рябить в глазах, он бросал все и приезжал к ним, чтобы немного развеяться. Просиживал вместе с ними пару часов, и все трое при этом чувствовали себя немного не в своей тарелке. В остальные же вечера Кочран и Элен Морисон дежурили вдвоем. За это время Кочран уже успел как следует рассмотреть девушку и мог описать ее внешность в мельчайших подробностях. Но ничего личного при этом он не испытывал: никаких чувств, никакой эмоциональной приподнятости. Темные волосы, порой ему казалось, что он даже знает, какие они на ощупь, мягко очерченный нежный рот. Такие губки у других девушек ему категорически не нравились. А вот в Элен

Морисон ему нравилось все. Впрочем, он никогда не думал о ней так, как думал о других девушках, с которыми у него случались интрижки. Да и о каком романе со свидетельницей можно было мечтать? На протяжении бесконечных, монотонных вечеров они едва ли перекинулись десятком фраз. Сама ситуация требовала от каждого из них максимальной собранности и предельной концентрации внимания. В таких условиях любой нормальный разговор просто невозможен. И, однако, вопреки всему и вся между ними установилась некая особая близость, что было совершенно ново и необычно для Кочрана в отношении с женщинами. Впрочем, у него не было времени задумываться над подобными пустяками.

Иногда на Элен Морисон нападало нетерпение: вместо того чтобы сидеть себе тихонько и ждать, когда же появится тот, кто им нужен, она начинала допекать Кочрана попытками найти сходство с неизвестным у какого-нибудь случайного посетителя бара. В один прекрасный день, где-то на шестой неделе их дежурств, он не выдержал и постарался как можно спокойнее, чтобы не обидеть девушку, объяснить ей, что в их деле нельзя пороть горячку. Единственное, что им остается, втолковывал он ей, это запастись терпением. Терпение, терпение и еще раз терпение. Нельзя подгонять события. Все приходит вовремя к тому, кто умеет ждать. В конце концов, Элен тоже была вынуждена признать правоту его слов: надо ждать.

Но про себя она не преминула отметить, что сам Кочран не очень-то рассчитывает на то, что терпение им поможет. Судя по всему, он вообще не верил в успех их предприятия. Девушка откинулась на спинку сиденья в своем уголке и внимательно посмотрела на него.

— А я считаю, что его обязательно найдут. Только на сей раз… — она помолчала немного, а потом продолжила: — На сей раз всем придется засучить рукава и работать так, как того требует дело. Не думайте, я вовсе не обескуражена тем, что нам пока не повезло. Просто у меня до сих пор в голове не укладывается, как можно было допустить такую непростительную… такую чудовищную ошибку. Нет, мы обязательно выследим этого подонка! Вот увидите!

— Дай-то Бог, — пробормотал Кочран без особого энтузиазма в голосе. Он глянул на затрапезный вид окружающих домов (что за убогая улочка эта Третья Авеню!), на пустую проезжую часть дороги, обильно поливаемую дождем сверху, на тускло мерцающие лампочки, подсвечивающие вывеску над входом в бар, и надежда совсем покинула его. — Какой-то шанс у нас есть, это точно.

— Вы не правы! — воскликнула девушка с горячностью, поразившей Кочрана. — У нас есть не просто шанс! Нет! Сейчас на карту поставлено много больше. Мы обязаны доказать, что так не должно быть. То есть правосудие не должно совершать такие чудовищные ошибки. В противном случае — зачем мы тут с вами торчим? Зачем пытаемся докопаться до правды?

— Затем и торчим, — вяло согласился он.

— Конечно же, все случившееся — это просто трагическое стечение обстоятельств, я понимаю! — голос девушки звучал удивительно спокойно. — Тем более, нам надо верить, что мы правы и что все это крайне важно. Иначе …

— Что «все»? — впервые у Кочрана появился хоть какой-то интерес к разговору. — Вы расшифруйте это «все». Назовите конкретно пару вещей, чтобы я мог понять, о чем идет речь.

И у них разгорелся жаркий спор. Надо же! Из всех тем для дискуссии была выбрана именно эта, самая заумная и трудная для понимания.

К тому же, в ней никак нельзя было нащупать ту нить, ухватившись за которую можно было выстроить убедительную аргументацию. Каждый из них занимал позицию, абсолютно противоположную мнению оппонента, при том что оба совсем не были искушены в философских дискуссиях, и каждый опирался исключительно на собственные оценки того, что произошло, плюс на личный опыт и интуицию. Кочран был настроен крайне мрачно. Он заявил, что если бы девушка видела хотя бы малую толику того, что видел он, если бы она лицом к лицу столкнулась со всей мерзостью человеческой натуры, какую не раз приходилось лицезреть ему, то она бы не рискнула затевать бесплодные дискуссии насчет того, что позволено, а что — нет. Жизнь есть жизнь, и никто не знает, какой сюрприз может она преподнести. А потому надо воспринимать вещи такими, как они есть. Что случилось, то случилось. И нечего разводить антимонии на пустом месте.

Вначале она совершенно искренне пыталась переубедить его, но постепенно стала терять терпение, и все чаще в ее голосе прорывалось негодование. Впрочем, ей так ни разу и не удалось убедить Кочрана в своей правоте. Единственное, с чем он согласился, в конце концов, и то не вслух, а исключительно про себя, так это с тем, что совсем неплохо, когда есть люди, которые смотрят на мир глазами Элен Морисон и верят в разумный ход вещей. Приятно знать, что кто-то где-то всегда готов прийти на помощь ему, Рею Кочрану, или тому же Джонни Палике.

Как ни странно, от подобных мыслей на душе у него стало теплее. Он даже повеселел и решил, опять же, исключительно про себя, что кое в чем девушка, возможно, права и не стоит с таким упорством цепляться за собственные принципы. Во время очередной дискуссии, вспыхнувшей между ними в ночь дежурства с пятницы на субботу, примерно около одиннадцати вечера, Кочран примирительно заметил, что, возможно, люди были бы гораздо счастливее, если бы они, в отличие от него самого, разделяли взгляды Элен Морисон. Впрочем, с его точки зрения, это опять же ничего не доказывает. Иллюзии, как известно, еще никого не спасли, ибо правда всегда остается правдой, какой бы неприглядной она ни была. А вот если начать…

Прямо перед ними припарковалась машина, и из нее вышел парень, совершенно не похожий на Джонни Палику. Он направился к бару. Кочран мельком взглянул на незнакомца и тут же утратил к нему всякий интерес. Зато Элен Морисон, замолчав на полуслове, вдруг издала какой-то нечленораздельный звук и схватила Кочрана за рукав.

Он медленно вылез из машины, чувствуя, как бешено заколотилось сердце.

— Спокойно! Посидите пока в машине. Не надо, чтобы он сразу же увидел вас. Пойду-ка рассмотрю его как следует. Я скоро…

Он скрылся в баре и через некоторое время вынырнул из него в совершеннейшей растерянности.

Мужчина, в котором Элен Морисон опознала убийцу, был дюйма на четыре выше Джонни Палики. К тому же, он был гораздо старше Джонни и гораздо плотнее его. За исключением светлых волос, между ним и Паликой не было ни малейшего сходства. Что она себе позволяет? — мысленно спросил себя Кочран, стараясь сохранить остатки спокойствия, ибо почувствовал, как на него неудержимо накатывает злоба. Холодная ярость, замешенная на самом что ни есть испепеляющем презрении. Быстрым шагом он направился назад к машине, где его поджидала Элен Морисон.

Она понимает, поинтересовался он хриплым от возмущения голосом, чем, черт возьми, занималась все эти шесть недель? И какую свинью, между прочим, подложила ему и Макрейнолдсу. Это по ее милости они

все это время сами чувствуют себя смертниками, приговоренными к повешению. А она только и делает, что потуже затягивает у них петлю на шее. Вот и вся ее помощь в расследовании. Девушка была очень бледна, но по ее взволнованному лицу было видно, что она совершенно не понимает, почему Кочран вдруг набросился на нее.

— Что случилось? — проговорила она, наконец, срывающимся голосом. — Почему вы не... Это же он, Кочран! Он! Я уверена в этом! Неужели вы думаете, что я могла ...

— Тогда где ошиблись мы? В чем наша ошибка, я вас спрашиваю? — Кочран даже не заметил, что сорвался на крик. Он сжал руку в кулак и со всей силой треснул им по верху машины. — Как можно было принять этого верзилу за Джонни Палику? Вы же нам все время твердили, что они похожи. Словно близнецы-братья. Вот мы и старались, работали в этом направлении, искали похожего на Палику. И что? Что мы имеем в итоге, я вас спрашиваю?

— Но это он! — Она посмотрела на него умоляющим взглядом. — Да, он отрастил усы. Но что это меняет? Вы поэтому его не…

Кочран отпрянул от нее, не в силах более скрывать охватившее его бешенство. Черт! Эта девчонка, она доведет его до сумасшествия! Он молча залез в машину, захлопнул дверцу, вцепился обеими руками в руль и лег на баранку, уткнувшись в нее правой щекой. Так, по крайней мере, он хотя бы не будет видеть ее.

— Между прочим, он за это время сильно подрос, — пробормотал он с откровенной ненавистью. — На целых четыре дюйма! Какие же мы с Макрейнолдсом дураки! Безмозглые идиоты! Вот мы кто! Да окружная прокуратура просто вышвырнула бы вас вон, знай они, что вы на самом деле им приготовили! А мы-то думали, что вы действительно что-то можете... Какие же мы недоумки, что пошли у вас на поводу и согласились на повторное расследование.

Она попыталась вставить слово. Выдавила из себя несколько жалких фраз. Почему он так разговаривает с ней? Разве все эти недели они не вместе выслеживали убийцу? И вот сейчас он наконец-то у них в руках. Кочран молчал. У него в голове крутилась лишь одна мысль. Коль скоро вся версия строилась на том, что подозреваемый похож на Джонни Палику, им надо будет искать свидетеля, который смог бы опровергнуть это сходство. И вообще, им нужен свидетель, который сказал бы им, что именно в этом и состоит их ошибка. Они изначально пошли не по тому следу. Но кто ему поверит? Окружная прокуратура? Ни за что! Тем более что и миссис Сойер, и супружеская чета никогда не согласятся с такими показаниями. А следовательно…

Девушка снова тронула его за плечо.

— Кочран! — прошептала она жалобно. — Пожалуйста, прошу вас, выслушайте меня. Пожалуйста! Говорю же вам… это он!

Незнакомец вышел из бара, уселся в машину, немного повозился с зажиганием (в другое время Кочран вообще бы не обратил внимания на подобные мелочи) и тронулся с места. Машина покатила на север вдоль Третьей Авеню. Кочран выждал несколько мгновений (разве он, черт возьми, не настоящий коп?), включил двигатель и поехал следом. Едва ли он на что-то надеялся, ввязавшись в преследование: скорее всего, просто профессиональная выучка и обычный инстинкт полицейской ищейки, который с годами вырабатывается у многих сыщиков. В нем все еще кипела злость на девушку. Вот ведь как! Вначале она просто спорила с ним, потом почти убедила его в своей правоте и даже — стыдно подумать! — заставила его поверить в то, что он, Рей Кочран, представляет собой нечто более значи-

тельное, чем обычный полицейский детектив, которому просто поручили что-то там дорасследовать и исправить собственную ошибку. А сейчас он готов разорвать себя на мелкие клочки, потому что никак не может справиться с заданием. Всё шуточки шутил, зло подумал про самого себя Кочран. Но в чем шутка? Вот вопрос. Ведь должно же быть какое-то разумное объяснение всей этой несуразице! Должно! Только он такой безмозглый болван, что никак не может найти его. И в этом-то вся его беда. Но если только…

Дважды она пыталась заговорить с ним, и дважды он отмахивался от нее, как от назойливой мухи. Седан свернул на боковую улочку, которая вдруг показалась Кочрану смутно знакомой. Он тоже повернул в переулок. Посреди улочки маячило здание, которое он уже когда-то видел. Но где и когда? Седан припарковался возле дома, и в тот же миг Кочран узнал его. Нет, это уже слишком! У него даже в глазах потемнело.

Чертыхнувшись вполголоса, он проехал мимо, зафиксировав боковым зрением, что незнакомец звонит в парадную дверь, и остановил машину через пару домов. Вся его ненависть к Элен Морисон куда-то испарилась, и он, взглянув на девушку, вдруг с какой-то отрешенностью подумал, что у нее слишком несчастный вид. Она бледна, напугана, и вообще непонятно, что с ней творится. Неужели она и в самом деле решила…

Он вышел из машины и коротко приказал ей, откуда позвонить Макрейнолдсу и что ему сказать. А сам осторожно подошел к седану, за которым следовал от самого бара. Мысли вихрем неслись в его голове, и он снова почувствовал, как глухо забилось сердце. Машина отнюдь не новая, а вот покраска свежая. Конечно, никаких царапин на ней нет. Но ничего! Они с Макрейнолдсом отыщут ту автомастерскую, в которой этому типу заделали вмятину на заднем крыле. Обязательно отыщут, как пить дать! А потом, подумал он с каким-то мрачным злорадством, они пригласят супружескую чету. И уж он-то заставит сладкую парочку опознать машину, даже если для этого придется свернуть им обоим шеи.

Кочран отошел от машины и укрылся в полумраке за домом. Вернулась Элен Морисон, и он жестом приказал ей подойти к нему, не удостоив девушку объяснениями. У него не было времени на слова. Да и вообще сейчас ему было не до нее. Он достал сигареты и жадно затянулся. Через некоторое время на улице показалась патрульная машина. Она медленно ехала вдоль тротуара. Кочран негромко свистнул, и машина остановилась. Из нее вышли Макрейнолдс и несколько полицейских.

Они наскоро обсудили ситуацию. Кочран объяснил Макрейнолдсу, как и почему он оказался здесь, и тот мгновенно уловил суть дела. Полицейские немедля перекрыли черный вход и пожарную лестницу, после чего они с Макрейнолдсом поднялись по ступенькам крыльца и позвонили в домофон, набрав код квартиры на самом верхнем этаже. Они сознательно позвонили в другую квартиру. Два пролета они проскочили за считанные секунды и остановились, запыхавшись, на лестничной площадке. Кочран нажал на кнопку звонка, дверь, словно нехотя, приотворилась. Кочран мгновенно засунул руку в образовавшуюся щель и с силой дернул дверь на себя.

В следующее мгновенье он уже стоял в прихожей и смотрел на блондина со щеголеватыми усиками. Кочран сделал еще шаг и, противно улыбаясь, нанес ему сокрушительный удар. Вроде бы никаких причин для подобной грубости не было. Просто ему так захотелось, после чего настроение у него заметно улучшилось. А в это время Макрейнолдс, как они и договаривались, всецело сосредоточился на миссис Сойер.

Конечно, все мгновенно стало на свои места. Ну почему, в сотый раз спрашивал себя Кочран, они тогда не придали никакого значения словам

Элен Морисон. Разве она не говорила им, что когда вошла в аптеку, то увидела мистера Сойера и задержанного, стоящих прямо друг против друга? Она еще тогда рассказывала, что мужчины беседовали, словно старинные приятели. И разве миссис Сойер не впадала всякий раз в истерику, когда они с Макрейнолдсом заявлялись к ней, чтобы спросить ее еще и еще раз, уверена ли она на все сто в виновности Джонни Палики? Уже нервозность ее поведения должна была бы натолкнуть их на мысль, что она пытается выгородить истинного убийцу, а следовательно, и сама замешана в преступлении.

Сейчас-то ему было ясно, что Элен Морисон своим появлением в аптеке в тот злополучный вечер спутала миссис Сойер и ее любовнику все карты. Они нашли простой, но верный способ отделаться от старого и поднадоевшего мужа, который, к тому же, владел весьма прибыльным бизнесом. Они продумали все до мелочей, полагая, что жена аптекаря станет единственным свидетелем его убийства. А уж она-то постарается описать полиции убийцу таким образом, чтобы его портрет ни в чем не совпадал с реальным прототипом. Но в тот самый момент, когда убийца приготовился выстрелить, в аптеку, как назло, вошла Элен Морисон. Приятель аптекарши здорово испугался. Он перепугался до такой степени, что машинально нажал на курок.

В тот вечер в аптеке миссис Сойер довольно убедительно разыграла перед ними сцену убитой горем вдовы, перенесшей, к тому же, страшный шок. Она даже притворилась, что не понимает вопросов, которые задавал ей Макрейнолдс. Такая уловка понадобилась женщине для того, чтобы немного потянуть время и постараться разузнать, что же из внешности ее любовника запомнила Элен Морисон. Ведь если бы ее собственные показания кардинально отличались от того, о чем рассказала девушка (а ее рассказ был предельно точен), то это могло бы натолкнуть полицейских на мысль, что она сознательно уводит их в сторону. А потому она с готовностью поддержала версию Элен Морисон и так же легко опознала убийцу в Джонни Палике.

Разумеется, лжесвидетельствуя, она не только выгораживала себя, но и пыталась еще больше запутать полицию, заведомо направляя их по ложному следу. А дальше все пошло как по маслу: супружеская пара тоже опознала Джонни Палику, а он не смог предоставить убедительные доказательства своего алиби. Словом, любовники получили возможность перевести дух и даже расслабиться. И все у них складывалось удачно до тех пор, пока приятель миссис Сойер не совершил одну непростительную глупость: заявился к ней домой, в тот самый дом, куда несколько месяцев тому назад приходили и Кочран с Макрейнолдсом, чтобы допросить вдову.

Как только Кочран узнал дом, у него возник вполне естественный вопрос: что общего может быть между такой привлекательной вдовушкой, как миссис Сойер, и этим верзилой. Ответ лежал на поверхности. И ему тут же стало ясно, почему миссис Сойер с такой готовностью опознала Джонни Палику и почему Элен Морисон отказалась сделать это. Одного он не мог понять. Почему, снова и снова спрашивал он себя, почему никому из них не пришла в голову такая простая версия, такой банальный мотив преступления? И когда Макрейнолдс и двое полицейских уводили вдову и ее дружка в патрульную машину, а те упирались, осыпали друг друга обвинениями, кричали, ругались, и потом, когда машина с преступниками уже тронулась по улице, эта мысль продолжала терзать Кочрана. Какие же они дураки! Это же надо сморозить такую глупость!

— Мы ведь всегда в подобных случаях проверяем причастность жены или мужа к совершенному преступлению, — виновато повторял он, словно

оправдываясь, перед Элен Морисон, которая поджидала его возле дома. — Всегда! Понимаете? И сейчас мы обязательно проверили бы миссис Сойер, если бы не вы. Но ее рассказ точно совпал с вашими показаниями. А поскольку все это произошло на ваших глазах, то с какой стати нам было сомневаться? С какой? Не вижу оснований.

— И все же основания были, — устало промолвила Элен Морисон. Вид у нее был подавленный. — Но сейчас, слава Богу, все стало ясно. Эти двое даже не достойны называться людьми. Впрочем, сейчас это не важно. Главное, что все… — у девушки дрогнули губы. — Кочран, пожалуйста, увезите меня поскорее. Я боюсь. Я не хочу ничего больше слышать об этом деле. Я просто хочу побыстрее уехать отсюда.

Элен начал сотрясать мелкий озноб. Кочран попытался успокоить ее. Стал неуклюже шутить. Дескать, у вас есть перспектива для профессионального роста. А что? Со временем из вас получился бы совсем неплохой коп. Главное — вы умеете сохранять хладнокровие, а еще — вы человек неравнодушный. И вообще... Но тут он спохватился и замолчал на полуслове, вспомнив, что еще каких-то пару недель тому назад яростно отстаивал прямо противоположную точку зрения. Да ну его к черту, подумал он вдруг со злостью. Кто ответит на вопрос, почему случаются подобные вещи? И кто знает, почему все случилось именно так, как случилось? Разве кто-нибудь из них хотел этого? Между прочим, они бы сработались с Элен Морисон. Да и потрудились они совсем неплохо. Во всяком случае, они сделали этого подонка! И это главное.

Он как-то не задумывался, что в своих отношениях с Элен Морисон он зашел много дальше, чем обычно позволял себе с представительницами слабого пола. А когда задумался, то решил, что, наверное, во всем, что случилось, есть какой-то особый, пока не очень понятный ему самому смысл. А потому он просто усадил девушку в машину, стал гладить по предплечью, вполголоса уговаривая взять себя в руки и не раскисать. Когда-нибудь в другой раз, подумал он, в другом месте и при других обстоятельствах они продолжат неоконченный философский спор о высоких материях. Но сегодня, сегодня он должен проявить благоразумие и твердость.

И Кочран действительно был очень благоразумен и предельно тверд. Он включил двигатель, и они тронулись с места. Вначале они просто бесцельно колесили по городу, пока девушка не пришла в себя. Потом он отвез ее домой и сразу же поехал к себе. Он проспал четырнадцать часов кряду. Его не разбудил даже шум мусоровозов, не потревожило начавшееся движение транспорта поутру. Он проснулся в преотличнейшем расположении духа и тут же поймал себя на мысли, что не перестает думать об Элен Морисон. Интересно, мелькнуло у него, чтобы все это значило? Впрочем, ответ напрашивался сам собой. Так стоит ли задавать себе вопрос, заранее зная ответ на него?

Перевод с английского Зинаиды КРАСНЕВСКОЙ.

Гурген БАРЕНЦ

Нет родины вне родины моей

Гурген Баренц (Гурген Карапетян) *родился в 1952 г. в Ереване. Поэт, прозаик, переводчик, журналист, литературовед. Кандидат филологических наук. Член Международной академии литературы и искусства. Автор более 2000 публикаций в разных периодических изданиях. Издал однотомник избранных стихотворений «Уроки Дороги» (Ереван, 2010), однотомник «Избранная проза», (Торонто, «Altaspera», 2014). Автор нескольких десятков переводных книг. Произведения переведены на английский, армянский, немецкий, украинский, словацкий, сербский, польский, персидский и другие языки. Лауреат многих международных литературных премий.*

* * *

Мы Высший Разум называем Богом
И прикрываем фиговым листком
Свой трепет, страх, невежество, убогость;
К судьбе взываем — явно иль тайком.

Незащищенность — это обнаженность
Перед величием разверзшихся стихий;
И мы бежим с душою обожженной,
И прячемся в молитвы и стихи.

Всегда и всюду я ищу защиту
Перед капризами природы и людей;
В руках сжимаю веру, словно биту,
И каюсь, как последний блудодей.

Чем больше узнаем об этом мире,
Тем больше он, тем меньше мы пред ним.

А тот, другой, аморфен и эфирен,
Не очень внятен и неизъясним.

Свой трепет, страх, невежество, убогость
В молитву прячем и судьбу клянем;
Есть Высший Разум, он синоним Бога,
Но ничего не знаем мы о нем.

* * *

Мы встретились — десятки лет спустя.
Конечно же, мы оба изменились.
Я отшутился: «Милое дитя!
Ты просто прелесть. Ты — как Божья милость».

С иронией взглянула на меня,
Измерила оценочным прищуром,
А взгляд — непроницаем, как броня:
«Ого! И где же наша шевелюра?»

Ты мне сказала: «Как ты постарел!
Как над тобой поизмывалось время!»
Спросила кстати, как бы между дел,
Нет ли проблем со слухом и со зреньем.

Я все смотрел, как изгалялась ты.
Давай же, смейся! Язычком поцокай.
Тебе не объясню я всей тщеты
Твоих стараний выглядеть жестокой.

Тебе я подыграю от души.
Что нам делить? Мы оба жизнью биты.
Нам жить осталось жалкие гроши,
Так выплесни же старые обиды.

Я этой мести женской только рад.
Злорадствуй и юродствуй на здоровье.
Из предисловья сорок лет назад
Жизнь подошла, как книга, к послесловью.

* * *

И вновь зима испытывает нас;
Считаем дни с промозглыми ночами.
Когда-то мы зимы не замечали
И радовались, если задалась.

Моложе были мы, сильнее были,
И больше был терпения запас.
И брызги от лихих автомобилей
Не жгли и не доканывали нас.

Мы — было время — восхищались снегом.
Сегодня он для нас — клубок проблем.
Снег нам грозит очередным набегом:
Он с нами не считается совсем.

Теперь — другая жизнь, и мы — другие;
Труднее совмещаем смех и снег.
На улицах деревья сплошь нагие.
Ах, этот снег! Его набег — навек…

* * *

Не хочу отвечать за семь бед.
Разве мало одной беды?
Все равно ведь невнятен ответ.
За побитые градом сады,

За разрушенный дом и уклад
Не ответил никто до сих пор,
Кто здесь враг, кто здесь друг,
Кто здесь брат?
И о чем вообще разговор?

Град прошелся по сердцу — вот след.
Смерть растет на деревьях вражды.
Не хочу отвечать за семь бед:
Мне довольно одной беды.

* * *

В принципе, чисто теоретически
Я вполне еще могу стать
Чемпионом мира по шахматам,
Или, скажем,
Очередным президентом Америки.
А самое главное, —
Опять же, чисто теоретически, —
Я могу стать великим поэтом…

Эх, согласитесь,
Замечательная все-таки штука
Эта теория…

* * *

Когда я вижу
Прекрасную
Мечтательную девушку,
Меня так и подмывает подойти к ней,
Вежливо представиться,
А заодно — признаться ей в том,
Что никакой я не принц
И что нет у меня никакого коня,
И уж тем более белого,
Что я — рохля, старый пень и увалень;
Ну, и вообще —
Чтобы она на меня не рассчитывала…

* * *

Весь день напролет
Читал средневековых поэтов Востока.
«Дорогая, принеси мне стакан шербета», —
Сказал я жене.
Она измерила меня
Долгим подозрительным взглядом
И ответила:
«У тебя, по-моему, крыша поехала».
Нет чтоб сказать:
«Слушаю и повинуюсь,
Мой повелитель!»

* * *

Мои мысли способны лететь
Быстрее звука и света.
Но они никуда не летят.
Могут, но не хотят.
Каждый раз
У них находится какая-нибудь отговорка.
Вечно им что-то мешает.
Лежат себе на диване
И плюют в потолок.
То суббота у них,
То нет никакого стимула,
То просто погода нелетная.
В общем, не мысли, а сволочи.
С ними каши не сваришь.

«Ваша взяла», — отвечаю я этим негодникам,
Закрываю глаза
И поворачиваюсь на другой бок.

* * *

Нет, мне здесь нечего ловить:
Поэтам здесь не дышится.
Шаги скрипучих половиц —
Как шелест ветхой книжицы.

Здесь проявить себя не смог, —
На что мне ***там*** рассчитывать?
Я на развилке двух дорог,
С судьбою недочитанной.
Иллюзий нет. Дорога врет.
Но продолжаю пыжиться,
Хотя и знаю наперед:
Поэтам ***там*** не дышится.

* * *

Ищу страну, где я не буду «чуркой»,
Не буду чужеземцем, чужаком;
И где бритоголовые придурки
Не будут угрожать мне кулаком.

Ищу страну, где я не буду пришлым,
Где будет все знакомым и родным;
Где жизнь смешает будущее с прошлым,
Где боль тоски рассеется, как дым.

Ищу страну, где встречу пониманье,
Отзывчивых и ласковых людей;
Где бурю, как в прочитанном романе,
Пожнет синебородый блудодей.

Ищу страну, что станет мне родною,
Что мне заменит родину мою.
Нигде не нахожу Ковчега Ноя —
Но все ищу, искать не устаю.

Несу себя на плаху, как на праздник;
Боль — впереди. Что знаю я о ней?
Искать добра в чужбине — труд напрасный:
Нет родины вне родины моей.

* * *

Люблю заходить в супермаркет
И бродить по его коридорам.
Здесь я могу до отвала
Поглазеть на любую вкуснятину:
На балык и форель,
И на банки с зернистой икрой,
На большущие вырезки мяса,
И на сыр с ветчиной,
И на море колбасных изделий...
Напоследок, насытив
Аппетит разбежавшихся глаз,
Я могу отовариться
Буханкой насущного хлеба.

Люблю заходить в супермаркет...

* * *

Мне понадобилась вся моя жизнь,
Чтобы понять,
Что в человеческом одиночестве
Больше пустоты,
Чем в Пустоте Торричелли.

Геннадий КАРОПА

Жизнь и этика
святого Франциска Ассисзкого

В 1182 году в небольшом городке Ассизи, расположенном в горной провинции Умбрия (Италия), появился на свет Франциск Ассизский — человек, жизнь которого можно охарактеризовать как нравственный подвиг и величайший факт христианской истории. Он вошел в мировую историю выдающимся гуманистом и основателем Ордена нищенствующих монахов (францисканцев). Сегодня его называют Утренней Зарей Возрождения и небесным покровителем экологов всего земного шара. С полным основанием его можно также назвать «отцом» этически ориентированного отношения к природе и современной экологической этики. Во многих странах мира дата рождения Св. Франциска — 4 октября — отмечается как Всемирный день защиты животных.

Вселенская любовь к человеку, животным и растениям, одушевленным и неодушевленным предметам и явлениям выдвинула Франциска Ассизского в первые ряды величайших гуманистов в истории мировой культуры. Учение Франциска Ассизского проникнуто любовью к живой и неживой природе, наполнено чувством единения со всем живым на Земле, освещено стремлением к добру, миру и справедливости. Святой Франциск воспринимал природу как отражение Создателя и видел даже в неодушевленных ее элементах своих братьев и сестер.

* * *

Франциск родился в семье богатого итальянского купца, торговавшего роскошными тканями, Пьетро Бернардоне, человека, по утверждению его современников, грубого, сурового, невежественного и недостаточно религиозного. Напротив, мать — мадонна Пика (Джованна), происходившая из знатного французского рода, была натурой нежной и благородной.

Мальчик родился, когда отец был в отъезде. Мать назвала сына Джованни. Но отец, вернувшись из Франции, не согласился с выбором жены и дал ему другое имя — Франческо (Франциск), что означает «француз».

Согласно древней легенде, мадонна Пика родила сына в нижней части дома, в яслях. В момент рождения младенца рядом с Пикой были вол и ослик. В этом отношении рождение Франциска напоминает рождение Иисуса Христа,

появившегося на свет также в яслях и в окружении домашних животных. В появлении Франциска на свет, равно как и в дальнейшей его мирской и духовной жизни, было очевидное сходство с Иисусом, о рождении которого Священное Писание говорит: «И родила сына Своего первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице» (Лука, 2).

Первые двадцать лет Франциск вел веселую и беззаботную жизнь богатого наследника. Он хорошо учился в элитной школе святого Георгия, демонстрируя особые успехи в изучении древних и иностранных языков. В школе мальчик изучал также народные языки. Особенно легко ему давался французский язык (провансальское наречие), знание которого перешло от матери.

Франциск воспитывался религиозной матерью в любви и уважении к Богу. Мать видела в нем будущего аристократа. Напротив, отец хотел, чтобы сын стал выдающимся военачальником, ведущим доблестных рыцарей в героические сражения. И хотя от рождения Франциск не был человеком крепкого телосложения, отец неизменно пророчил ему военную карьеру.

В детские и юношеские годы Франциск был очень живым, подвижным мальчиком с большой головой, черными глазами и прямым носом, небольшими ушами и длинными ухоженными руками. Одевался он весьма элегантно и проводил почти все свое свободное время в местных тавернах, играя в кости или распевая песни в веселых компаниях. Молодой человек обладал божественной харизмой, обаянием, щедростью и великодушием. От матери Франциск унаследовал нежное сердце и хорошие манеры, а также изысканный вкус ко всему прекрасному и возвышенному, природное изящество, любовь к музыке, танцам и поэзии. Он был утончен и элегантен в мыслях, в одежде, а красоту души ценил гораздо выше, чем красоту вещей. Он понимал, что прекрасное есть жизнь.

В те далекие годы, под влиянием отцовских ожиданий, юный Франциск мечтал о славе отважного рыцаря. Но мать видела в нем что-то необыкновенное и более возвышенное. Иногда она говорила своим соседям о сыне: «Вот увидите, он будет сыном Божьим».

Родители, друзья и горожане любили жизнерадостного юношу, который не без изрядной доли тщеславия и гордого величия заявлял: «Будет время, когда весь мир преклонится предо мною». И мир действительно преклонился, но не государственному мужу и военачальнику, а выдающемуся гуманисту и просветителю.

* * *

Франциск рано стал помогать своему отцу в его купеческих и торговых предприятиях. В юные годы он умел найти подход к любым клиентам и самым требовательным покупателям. Ни один покупатель не уходил из лавки без радостной покупки. Дела в лавке Пьетро Бернардоне шли великолепно, на радость семье и зависть конкурентов.

Однажды, когда юный Франциск трудился в отцовской лавке, туда вошел нищий и попросил подаяния Христа ради. В том грубом и простом обществе не было законов, запрещающих голодному просить пищу, — они возникли в более гуманное время. Занятый сделкой, Франциск раздраженно отмахнулся от нищего и даже на него прикрикнул. Но тут же его пронзила мысль: «Если бы он попросил меня от имени какого-нибудь знатного господина здесь, на земле, я бы никогда не отказал бы ему. Как же я мог так грубо обойтись, когда он попросил меня Христа ради?»

Освещенный этой мыслью Франциск тотчас выбежал за нищим и, догнав, щедро его одарил. В душе же твердо решил, что в будущем никогда не откажет в помощи тем, кто приходит просить ради имени Божьего. Мир, добро и любовь существуют только в Боге. Любовь к Богу без добрых дел ничего не значит.

* * *

В XII—XIII вв. междоусобные войны истощали города и провинции некогда благополучной Италии. В июне 1201 года Перуджа объявила войну Ассизи. Франциску, как и большинству молодых людей его возраста, пришлось расстаться с мирной жизнью и окунуться в военные баталии. Война принесла ему не славу выдающегося рыцаря, а первые в жизни горести, разочарования и поражения.

Известно, что юный Франциск участвовал в битве между Перуджей и Ассизи, которая произошла у селения Понте-Сан-Джованни на берегах Тибра в 1202 году. Он храбро дрался, но был взят в плен, уведен в Перуджу и заточен в тюрьму. Из тюрьмы, в которой он провел около года, юный Франциск был выкуплен своим отцом, отдавшим властям Перуджи большую часть состояния.

Вернувшись в Ассизи, он с головой ушел в отцовские купеческие дела. Внешне это выглядело так, как будто ничего существенного не произошло в душе юного Франциска. Но все же там, в глубине души, происходило нечто чрезвычайно важное, хотя и скрытое от глаз сторонних наблюдателей. После возвращения из Перуджи это был уже другой Франциск. От былой веселости и беззаботности не осталось и следа.

К несчастью, через несколько месяцев после возращения в родной город он оказался прикованным к постели тяжелой болезнью, которой, вероятно, заразился в плену. Болезнь протекала очень тяжело, сопровождаясь жаром и видениями.

Оправившись от болезни, Франциск снова надел дорогие рыцарские доспехи, купленные отцом, собирался отправиться воевать в Пулью. Но в пути его остановил таинственный голос. Согласно легенде, это был голос Бога, повелевший Франциску вернуться в Ассизи. «Вернись домой — в Ассизи». Франциск без душевных колебаний подчинился Богу и повернул назад. Он вернулся в родной Ассизи под смех и издевательства тех, кто считал его трусом и предателем. Но что ему до всего этого, если сны у святых могут быть только вещими. И они знают наперед, что ждет их в конце пути.

По возвращении домой Франциск переживал уныние, замкнутость, уединение, тоску. Глубокий духовный кризис в итоге привел его к неожиданному для окружающих отказу от всех земных благ и телесных удовольствий. В жизни Франциска началась новая историческая эпоха. В то время ему исполнилось двадцать лет.

* * *

Однажды Франциск ехал по безлюдной дороге, погрузившись в глубокие раздумья. Вдруг на его пути появился прокаженный, укрывавший свое обезображенное тело потрепанными одеждами. Душа всадника наполнилась одновременно страхом и состраданием. Соскочив с коня, бросившись к прокаженному, Франциск крепко обнял его и, отдав ему все деньги, какие были в кармане, поехал дальше. Но спустя несколько секунд Франциск оглянул-

ся — дорога была безлюдна. Прокаженного нигде не было! Необъяснимый страх вновь овладел юным Франциском. Он справился со страхом, призвав в помощь Имя Господне, и пошел по пути, начертанному Богом.

* * *

Однажды, когда Франциск молился перед святым распятием, то услышал голос: «Франциск, разве ты не видишь? Мой дом разваливается. Иди, почини его». И он пошел чинить Дом.

Его домом вначале стала церковь Святого Домиана, а потом — вся Христианская Церковь.

Он продал своего коня, а затем и дорогой шелк из лавки своего отца, начертав на шелке крест в знак того, ради чего он продал товар. Вырученные деньги Франциск предложил настоятелю церкви Сан Дамиано, который, впрочем, вначале отказывался их принять.

Отец пришел в бешенство, узнав о поступке сына. Он заковал Франциска в тяжелые цепи и посадил под замок в сырой погреб. В Ассизи так всегда поступали с ворами и грабителями.

Не найдя выхода своему гневу, отец также пожаловался на сына мирским властям, обвинив его в воровстве. Увещевания мирских властей Франциск слушать не стал. Тогда отец пожаловался самому епископу. Епископ вызвал отца и сына на суд и сказал, что хорошие дела с помощью дурных средств не делаются. Но разве дело в средствах, когда знаешь цель, предначертанную Богом? Склонив голову и возвысив голос, Франциск ответил епископу и всем, кто был рядом: «Я звал отцом Пьетро Бернардоне. Теперь я слуга Господень. Я отдам тому, кого звал отцом, все что у меня есть». Сняв одежду, оставаясь в одной власянице, поверх одежды он положил деньги.

Епископ, до слез потрясенный поступком Франциска, благословил молодого человека на добрые дела во славу Христа, набросив на его худые плечи свой роскошный плащ. Поклонившись епископу и собравшемуся народу, Франциск пошел своей дорогой.

Он уходил в доселе неизвестный ему холодный, негостеприимный мир… Мерзлая земля студила босые ноги, а голые сучья старых деревьев больно били по лицу и царапали тело. Он шел по холодному пути и пел свою веселую «птичью» песенку. Это была обычная мирская (народная) песенка, одна из тех, что поют бродячие певцы-трубадуры на юге Франции. Он пел ее по-провансальски.

Почему Франциск пел свою «песенку» по-провансальски? Потому что деятельная жизнь не имеет смысла, если не сопряжена с жизнью созерцательной. Почему его «песенка» была веселой («птичьей»)? Потому что Франциск решился любить то, к чему ранее был равнодушен. Он шел по пути, на котором не страшна ожидающая путника «Сестра Смерть».

В сущности, от природы Франциск был человеком тщеславным. Но его тщеславие было противоположно гордыне и близко к смирению. Он никогда не презирал близких людей, напротив, дорожил их мнением. Молодой человек хотел, чтобы его любили, но отец назвал его вором, горожане считали трусом и изменником. Юноша, видевший себя отважным рыцарем, оказался униженным и отвергнутым отцом и обществом. Теперь у него не было ни отца, ни денег, ни славы, ни ремесла, ни одежды, ни каких-либо планов на будущее. Он погружался в темную яму, которую добродетельные христиане называют юдолью унижения. Эта темная бездонная яма сперва показалась ему сырой, холодной и крайне неприютной. Но позже Фран-

циск отыскал в ней много чудесных цветов, взращенных заботливой рукой Господа. Цветы были восхитительны. Со временем эти необычные цветы превратились в добрые плоды во славу их Создателя.

С веселой «птичьей» песенкой он пошел собирать камни… Франциск просил их у каждого встречного. Он стал тем потрясающим наше воображение нищим, который просил камни вместо хлеба. Многие считали его безумцем. В сущности же он был учтив и благороден. Но люди не возненавидели Франциска, потому что несущего крест Божий Господь хранит.

* * *

В трудах, бедности и молитвах проходили годы. Молодой человек отстраивал старые заброшенные деревенские церкви и воздвигал новые храмы. Церковь всегда можно построить заново, даже если остался только камень. Когда церковь Святого Домиана была отстроена, он принялся за другую сельскую церквушку, построенную в честь апостола Павла, а затем еще за одну, затерянную в горных лесах. Эта церковь была особенно дорога Франциску, ибо построили ее в честь Божьей Матери. Строение было так мало, что люди называли ее Порциункула (частичка, долька). Впоследствии эта церквушка стала главной святыней его ордена. Сам же он поселился в шалаше, ведь, как утверждает Писание, «…Всевышний не в рукотворных храмах живет...» (Деяния, 7), но в каждом сердце, уверовавшем в Христа.

Одевался Франциск в подаренный епископом широкий плащ, опоясанный веревкой. На босых ногах были простые сандалии. Когда он куда-нибудь шел, то всегда брал с собой посох и мешок. В дальнейшем он отказался и от мешка, и от посоха. Нищим человек приходит в холодный мир и нищим из мира уходит. И так ли важно, есть ли мешок у тебя за плечами? Франциск жил так, как учит Евангелие: «Не берите с собой ни золота, ни серебра, ни меди в пояса свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха» (Матфей, 10).

Несмотря на невзгоды, Франциск никогда не унывал: всегда был бодр, весел и радостен. Вначале он был один. Но вскоре их стало трое. Первым его последователем стал богатый гражданин из города Ассизи Бернардо де Квинтавалле, продавший по евангельскому завету свое имущество и раздавший все вырученные деньги беднякам. Затем к ним присоединился Пьетро — почтенный священник, который поступился духовной властью и последовал за молодым чудаком, которого многие считали умалишенным. День 16 мая 1209 года, когда их стало трое, считается днем основания Ордена францисканцев.

Эти три странных человека построили лачугу, в которой беседовали, собравшись вместе после тяжелого труда. Они были отшельниками, но не монахами. Они были святыми, но не нищими. Они были богаты духом. Радость, бедность и молитва жили вместе с ними в их маленькой обители. Францисканцы называли друг друга братцами. Было у них одно общее сердце и одна душа. Их последователи именовали себя миноритами, то есть вторыми.

«Поэтому мы и называемся миноритами, — говорил Франциск, — чтобы никогда не возвышаться. Господь призвал нас не столько для нашего спасения, сколько для спасения других. Нет большой заслуги в том, чтобы любить того, кто и так вас любит. Любите того, кто вас презирает и ненавидит. Учитесь смирению и безмолвию у камней. Будьте вежливы и будьте друг другу как мать для сына!»

Когда число братьев возросло до семи, Франциск разослал учеников своих проповедовать по всему миру, сказав: «Идите же по двое по раз-

ным странам земли, проповедуя мир людям и покаяние. Вот в чем наше призвание: ухаживать за больными и ранеными, утешать пораженных горем и возвращать на путь истины заблудших. Будьте терпеливы в горе, смиренно отвечайте тем, кто станет вопрошать вас, благословляйте тех, кто будет преследовать вас, благодарите тех, кто станет поносить вас, — и царствие Божие уготовано вам».

Собственно говоря, братья-минориты были не отшельниками, а своего рода утонченными нищими. Они искали поношения и презрения из любви к Христу, предпочитая их мирской славе. Они странствовали по миру как пилигримы, ничего не имея с собой, кроме распятого Христа в сердце своем.

Пилигримы возвышались в унижении и укреплялись духом, ослабляя плоть. Франциск говорил, обращаясь к одному из своих учеников: «Хочешь знать, почему все идут за мной? Потому что очи Бога Всевышнего не увидели среди грешников более низкого, более недостойного, более грешного, чем я. И для свершения тех чудесных деяний, которые Он замыслил совершить, Господь выбрал именно меня, дабы смутились знатность, величие, сила, красота и мудрость мира, и дабы знали люди, что всякая добродетель и всякое благо от Него, а не от твари». И люди шли за Франциском, скорее чувствуя его Любовь, нежели понимая смысл его Деяний.

Франциск прекрасно проповедовал, ибо был образован, одарен как поэт и актер. Эти божественные дарования породили в нем то красноречие, которое выражается не только в словах, но и в глазах, в звучании голоса, в движениях лица и тела. Он всегда был готов к проповеди, говорил с тысячей людей так, как разговаривал с одним-единственным братом. И с одним человеком он говорил так же вдохновенно, как проповедовал тысячам. Люди приходили к нему и следовали за ним.

Основатель ордена требовал много от человеческой природы. Но требовал не потому, что ее презирал, а потому, что доверял ей. Он ждал многого от необычных людей, последовавших за ним. Еще больше он ждал от людей обычных, к которым посылал своих учеников. Сам же Франциск считал себя обычным, простым человеком, ибо только простой человек способен пожертвовать своей жизнью ради ближнего.

Постепенно братцы-минориты выработали свой Устав, то есть своеобразный кодекс этических правил и проповедуемых нравственных принципов. Эти правила и принципы, не претерпевшие существенных изменений до наших дней, по-прежнему продолжают провозглашать бедность условием для достижения христианской чистоты и смирения.

* * *

«У множества уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее… Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду» (Деяния, 4). Так жил Святой Франциск Ассизский… И так жили его ученики — братцы, минориты, францисканцы.

Число учеников и последователей Франциска быстро возрастало. Учение францисканцев овладевало умами и душами европейских народов, приходя в противоречие с догмами официального католицизма.

В 1209 году Святой Франциск в сопровождении верных учеников отправился в Рим просить у Папы утверждения составленного им для сво-

его братства Устава. Лицом к лицу встретились представители двух очень разных мировоззрений, берущих свое начало из одного христианского истока. С одной стороны — в царском блеске, владыка мира, наместник Бога на Земле — Папа Иннокентий III, с другой стороны — нищий, босоногий, в простой одежде — Франциск из небольшого городка Ассизи. Иннокентий — блюститель абсолютного авторитета и олицетворение беспредельной власти над человеком и природой. Франциск — проповедник беспредельной любви и уважения к человеку и всем творениям Бога.

Существует несколько легенд о том, как происходила эта встреча. Согласно первой легенде, Иннокентий внимательно выслушал Устав «божьего человека» Франциска, но, обратив свое внимание на его плохую одежду, длинную бороду и нечесаные волосы, сказал:

— Ступай, брат мой, поищи свиней. С ними у тебя, кажется, больше общего, чем с людьми. Поваляйся в грязи, передай свиньям твой Устав и поупражняйся на них в святых проповедях.

Услышав эти слова, Франциск низко склонил голову, вышел на улицу и, найдя стадо свиней, буквально вывалялся с ними в одной луже. Покрытый грязью с головы до ног, он вернулся и обратился к Папе:

— Господин, я исполнил твое приказание; услышь теперь и ты мою просьбу.

Иннокентий, до глубины души растроганный невероятным смирением «божьего человека», огорченный тем, что отнесся к нему с презрением и гордыней, великодушно исполнил просьбу Франциска и утвердил Устав.

Согласно второй версии, Иннокентий гулял по террасе своего дворца, обдумывая судьбоносные решения, когда перед ним внезапно возник человек в лохмотьях, которого он вначале принял за нищего пастуха. Папа постарался избавиться от него поскорее, возможно, решив, что пастух безумен. Во всяком случае, он больше о нем старался не думать. Ночью же Иннокентий увидел страшный сон: большой древний храм, на чьих просторных террасах он гулял в безопасности, «сильно накренился и вот-вот обвалится, словно все его башни и купола раскачиваются перед землетрясением». И вдруг он заметил, что, словно могучий Атлант, храм держит тот оборванный пастух, от которого он отвернулся. Иннокентий велел разыскать Франциска и привести к себе.

Иннокентий принял Франциска и его братцев на службу церкви, благословив на добрые дела во имя Отца, Сына и Святого Духа. Обращаясь к францисканцам, он сказал: «С миром ступайте, дети мои! Проповедуйте миру покаяние, как внушит вам Господь. И когда Господь умножит вас числом и возвеличит благодатью, то я признаю вас достойным более важных поручений и полномочий».

И францисканцы пошли в мир творить добро и приумножать славу Господа. Со временем они умножились числом, потому что их делами была Любовь. И Господь возвеличил их Благодатью.

* * *

В 1219 году Франциск Ассизский отправился в Святую Землю, чтобы обратить в христианство султана Аль-Камиля. Обращением «неверных мусульман» в благонравных христиан Франциск хотел положить конец крестовым походам, завершить и прекратить их, но не силой, а словом. Он свято верил в то, что лучше создавать христиан, чем убивать мусульман.

«Очевидцы» рассказывают, что Аль-Камиль был очарован Святым Франциском и не обратился в христианство только потому, что боялся потерять трон.

Годы, проведенные в юдоли, приносили телесные страдания. Здоровье Святого ухудшалось, а приступы глазной болезни сделали его полуслепым. В те годы Франциск считал, что Евангелие следует проповедовать, в первую очередь, крестоносцам, а только потом — сарацинам. «Невозможное человекам возможно Богу» (Лука, 18). Следуя голосу Господа, Франциск вернулся в Ассизи.

* * *

Древнее предание гласит, что после того, как к юному Франциску явился Всевышний, он отказался от всех земных благ, раздал по христианскому обычаю свое имущество и стал странствующим монахом-проповедником. Проповедовал любовь ко всему живому на земле, милосердие, смирение, надежду на Бога. Он научился говорить на языке птиц и зверей, а также исцелять людей от душевных и телесных болезней.

У Франциска любовь к природе вытекает из любви к Богу. Этика Святого Франциска носит *телеологический* характер. «Кто любит главу, — утверждал святой, — тот не может не любить членов, составляющих единое тело». Франциск любил людей, животных, деревья и «всякие травы» потому, что любил Бога, почитая его Творцом всего сущего, всей живой и неживой природы. Он любил не человечество вообще, а конкретных людей. Любил не христианство, а самого Христа. Любовь его носила действенный характер и была всегда чиста, благородна, возвышенна.

Святой Франциск Ассизский первым в европейской культурной традиции стал проповедовать *духовное равноправие человека с природой*, любовь и сострадание ко всему живому.

Он пытался заменить господствующую в общественном сознании утилитарную идею безграничного господства человека над природой этической идеей равноправия всех живых существ, включая человека.

Святой Франциск воспринимал природу как отражение Создателя и именовал зверей, птиц, Луну, звезды, воду и огонь своими «братьями» и «сестрами». И только Землю он величал Матерью. Ко всем живым существам он обращался как к своим близким друзьям и родственникам. Учил, что все формы и проявления жизни следует любить и уважать из-за родственной связи между ними и их Создателем. Расширение этого мировоззрения до всего сущего стало проявлением выдающегося европейского гуманизма. Франциск никогда не убивал животных, хотя строгим вегетарианцем никогда и не считался. Он выступал в защиту зверей в неволе, заботился о них, выкупал птиц у торговцев и выпускал их на волю.

Народная память хранит историю о том, как Святой Франциск однажды воскликнул: «Если бы я только мог предстать перед Императором, я умолял бы его, ради любви к Богу, издать указ, запрещающий ловить и лишать свободы моих сестер-жаворонков».

Любовь Франциска к живым существам всегда имела отношение к Творцу. Цветы напоминали ему тот чудесный цветок, который вырос, по словам пророка, из корня Давида и благоухание которого пробудило тысячи душ от смерти. Пчел Франциск кормил зимою медом и вином, ибо их искусная работа ассоциировалась с работой Создателя.

В народных легендах и преданиях Франциск поднимает червяков, ползущих по дороге, и относит их в сторону. Этот естественный порыв сострадания он объясняет ссылками на Священное Писание. «Из тех, которых Ты мне дал, Я не погубил никого» (Иоанн, 18).

Особенную заботу он проявляет к ягненку, благодаря его символическому библейскому значению. Чтобы освободить ягненка, которого ведут на бойню, Франциск отдает свою одежду. В другой раз, когда у него самого ничего не было, он убедил проезжего торговца выкупить для него ягненка, пасущегося одиноко без матери в «неподходящем обществе» коз и баранов. Отдает ягненка на воспитание монахиням. Через несколько лет монахини прислали Франциску рясу, сделанную из шерсти этого ягненка.

Однажды, идя своей дорогой, святой Франциск поднял глаза к небу и увидел дерево, на котором расселось огромное количество многоголосых птиц. Весьма удивленный великолепным зрелищем дикой природы, он сказал своим ученикам: «Подождите меня здесь. Я пойду проповедовать Священное Писание моим сестричкам птицам». И, выйдя на поле, начал проповедовать птицам. Все птицы, со слов «очевидцев», расселись вокруг него, приумолкли и внимательно слушали проповедь Святого Франциска.

Они не улетели, пока Франциск не дал им своего благословения. Проповедуя, Святой ходил между ними и даже прикасался к ним полами своей одежды. И ни одна из птиц не испугалась, не улетела.

Главными словами проповеди были: «Мои сестрички птицы, один у нас с вами Отец — на небесах, и один Учитель — Христос. Мои сестрички птицы, вы принадлежите Господу, вашему Создателю. И вы должны воспевать ему хвалу всегда и везде, ибо Он дал вам свободу летать повсюду. И хотя вы не ткете и не шьете, Он дал вам вдвое и втрое, одевая вас и ваших деток. Две породы из всех вас Он послал в Ковчег Ноев, чтобы вы не исчезли из мира навсегда. Кроме того, Господь питает вас, хотя вы никогда не сеете и не пашете. Он дал вам чистые источники и широкие реки, дабы утолить вашу жажду, высокие горы и глубокие долины, дабы дать вам убежища, и зеленые деревья, на которых вы строите свои гнезда. Он сделал вас благородными среди земных тварей, указав вам жилище в чистоте воздуха… Ваш создатель любит вас, одаряя вас с такой щедростью. Опасайтесь, сестрички мои, греха неблагодарности и всегда стремитесь воздавать хвалу Богу».

Когда он сказал эти слова, все птицы от удивления открыли клювы, вытянули шеи, раскрыли крылья и склонили головы низко к земле, стремясь своими грациозными движениями выразить свою любовь к Создателю. Святой возрадовался вместе с ними. Он был восхищен, видя такое множество разумных созданий, очарован их красотой, величием, вниманием и доброжелательностью, за что он и возблагодарил Творца. Закончив проповедь, Святой Франциск благословил птиц и, осенив их крестным знамением, позволил улететь. Все птицы взмыли в воздух, сладостно распевая веселые песенки.

Закончив проповедь, Франциск упрекнул себя за то, что раньше не проповедовал птицам и не призывал их «славить и любить Творца».

Однажды какой-то юноша поймал много диких голубей на продажу. И вот, когда он продавал их, это увидел Святой Франциск, который всегда сочувствовал кротким и беззащитным созданиям. С жалостью глядя на голубей, он сказал юноше: «О, добрый человек! Я молю тебя отдать мне этих безобидных птичек, дабы не попали они в жестокие руки и не постигла бы их смерть». И юноша, вдохновленный словами Святого, отдал всех своих птиц. Франциск укрыл их на своей груди и нежно заговорил с ними: «О, мои маленькие сестрички голубки, такие наивные, такие невинные и целомудренные! Как же вы позволили себя поймать? Я спасу вас от смерти и сделаю теплые гнезда, дабы вы плодились и размножались, как повелел Господь». Затем Франциск сделал для них уютные гнезда. Птицы стали охотно откладывать в них яйца и высиживать птенцов. Голуби были крот-

ки, доверчивы и послушны, как домашние куры. И не улетели прочь, пока Святой Франциск не дал им своего благословения.

Древняя легенда повествует о том, что однажды Святой Франциск пришел проповедовать в небольшое местечко Алвиано, что затерялось в верховьях Тибра. Он стал на возвышении и попросил соблюдать тишину. Все замолкли. И только ласточки тревожными голосами нарушали тишину и мешали людям слушать Франциска. Тогда Святой обратился к птицам со словами: «Сестрицы мои ласточки! Пора теперь и мне говорить. Вы уже довольно наговорились. Послушайте Слово Божие. Будьте внимательны и смиренны, пока я не закончу свою речь». Ласточки, к изумлению всех присутствующих, тотчас же притихли и «сидели смирно», пока Святой проповедовал…

«…Всякое естество зверей и птиц, пресмыкающихся и морских животных укрощается и укрощено естеством человеческим» (Соборное Послание св. Апостола Иакова, 3).

Жители небольшого городка Губбио жили в постоянной опасности, так как свирепый волк совершал на них набеги, терзая бедных людей и убивая домашних животных. Люди оставались в безопасности, лишь плотно затворив за собой высокие городские ворота. Франциск чувствовал глубокое сострадание к несчастным людям. Он решил заключить договор с волком, взяв с него клятву не причинять людям зла в обмен на то, что люди будут его исправно кормить и заботиться о нем.

Франциск вышел за городскую ограду. Навстречу ему в ярости бросился волк, но Франциск остановил его движением руки, мирно сказал:

— Брат волк, ты скверно поступаешь, убивая людей и животных. Я знаю, что тебя на это толкает голод, но с сегодняшнего дня мы все устроим иначе. Ты войдешь со мной в город и будешь ходить по городу, никому не причиняя вреда. А люди позаботятся о твоем пропитании. Брат волк, ты согласен?

Волк, послушный, как ягненок, протянул Франциску лапу в знак согласия. Жители города не могли прийти в себя от изумления. Волк стал мирно жить среди людей. Он ходил по домам из двери в дверь, никого не обижая и не терпя никакой нужды. Когда же волк важно расхаживал по улицам, ни одна собака на него не лаяла. Жители Губбио с великим удовольствием кормили его, а он играл с их ребятишками. Волк долго жил среди людей и умер от старости, о чем граждане сильно горевали, ибо, глядя на то, как волк прохаживался по городу, они чаще вспоминали о своих грехах и добродетелях. В память об этом неслыханном событии жители Губбио воздвигли небольшую церковь.

Если Франциск видел, что город или селение раздирают бедствия и несчастья, то он искал их причину, прежде всего, в греховном поведении людей. Так, прежде чем усмирить свирепого волка, он умолял жителей Губбио покаяться в грехах. В другом селении, Греччо, также измученном стаями голодных волков и раздираемом бурями, он пообещал именем Божьим, что беды прекратятся, если люди искренне покаются в грехах и станут жить по-христиански. Слова его были услышаны Богом и людьми. Волки исчезли из города, а бурь больше не случалось. Гуманное отношение Франциска Ассизского к живой природе не имеет аналогов в истории европейской культуры.

Святой Франциск просил Императора издать указ о праздничном кормлении домашних ослов и быков накануне Рождества. Он также собирался идти к Императору с просьбой защитить от гибели всего лишь нескольких птичек.

В любой жизненной форме он видел элементы святости. Созерцая цветок, Франциск ощущал свою связь с Создателем. Он просил садовников оставлять в садах немного места для диких трав, дабы красота луговых цветов могла свидетельствовать о гениальности Творца.

Франциск был особенно жалостлив и сострадателен к молодым животным. Зайчонка, пойманного в сети и доставленного ему ловкими охотниками, он прячет за пазуху, нежно гладит и приговаривает: «Бедный зайчик, как же это ты дал себя обмануть!» Конечно, Франциск выпустил его на волю. И зайчик, как собачонка, следовал за ним шаг за шагом до соседнего леса. Животные доверяли ему. И он всегда отвечал им любовью и заботой.

Основатель ордена любил и уважал не только живую, но и неживую природу, так как и первая, и вторая — суть одно — творения Бога. Он старался не наступать на воду и почитал скалы. Он называл Ветер и Луну своими братьями. Он расширил свою этическую парадигму до каждого одушевленного и неодушевленного объекта или явления во Вселенной.

Под конец своей жизни, больной и почти ослепший, Франциск сочинил «Гимн брату Солнцу, песнь хвалы и благодарности Богу за все им сотворенное». Вот этот гимн:

Всевышний, Всемогущий, благий Господи,
Тебе слава и хвала, честь и всякое благословение
Тебе единому да будут возданы,
И никто из человеков не достоин именовать Тебя!
Хвала Тебе, Господи мой, за все Твои творения,
Особливо же за достостославного брата нашего Солнце,
Что день зачинает и светом нас освещает,
В лучах блистает и в лепоте великой,
И Твое, Господи, являет знаменование.
Хвала Господу моему и за сестру Луну
И за звезды небесные, ясные и утешные.
Хвала Господу моему за брата Ветра,
За воздух и Тучи, за Вёдро и Ненастье,
Коими Он всякому дыханию пропитание промышляет.
Хвала Господу моему за сестру Воду,
Ибо она весьма полезна, любезна, смиренна и стыдлива.
Хвала Господу моему за брата Огня,
Что светит в ночи:
Он ясен и бодр, неодолим и рдян.
Хвала Господу моему за матерь нашу Землю,
Что всех нас носит и питает,
Всяческие злаки произращает, цветы и травы на свет являет.
Хвала Тебе, Господи мой, за тех,
Что ради Тебя обиды прощают,
Горечь и скорбь с терпением сносят.
Блаженны с миром до конца претерпевшие,
Ибо от Тебя, Господи, венца сподобятся.
Хвала Тебе, Господи мой, за сестру нашу Смерть,
Ее же никто из живущих не минует;
Но горе почиющим во грехе смертном!
Блажен, кто обретает себя в час свой последний
Верный святому Твоему изволению:
Смерть вторая повредить ему не возможет.
Славьте и хвалите Господа моего, величайте Его,
Да служит Ему всякое дыхание с великим смирением! Аминь!

Народная память хранит историю о том, как Святой Франциск просил Господа остановить Дождь. Однажды поднялся сильный ветер, принесший проливной дождь, способный разрушить дом нищих францисканцев и натворить много других недобрых дел. И тогда Франциск обратился к Богу со следующей просьбой: «Господи! Дождь прекрасен! Дождь умывает и освежает, а наши дома непрочны, они сделаны из кирпича и грязи. Господи! Поговори с Дождем! Господи! Спасибо за то, что говоришь с Дождем». Дождь, к всеобщей радости, вскоре прекратился.

Франциск верил, что природа имеет ценность. Она самоценна потому, что создана Богом. Природа не зависит от той ценности, которую приписывает ей человек.

Франциск Ассизский, таким образом, предвосхитил главную идею *экологической этики нашего времени* — идею о внутренней самоценности дикой природы.

По мнению Франциска, отношения человека с природой должны носить характер взаимной любви и ответственности. Природа значима благодаря не рациональной пользе для людей, но благодаря многочисленным формам выражения благожелательного присутствия Бога.

Франциск подчеркивал присутствие Бога в разнообразии всех живых существ. Люди должны радоваться этому разнообразию и прославлять Бога за ошеломляющее разнообразие Жизни. Он считал, что восхваление Бога должно выражаться действиями, а не просто соблюдением некоторых правил воздержания от причинения вреда (зла) живой природе.

«Ибо как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва» (Соборное Послание св. Апостола Иакова, 2).

По мнению Святого, со всеми живыми созданиями следует обращаться как можно более мягко, бережно и отзывчиво. В многочисленных легендах и преданиях Франциск спасает не душу ягненка, а самого ягненка, он печется о самом волке, а не о спасении его души. Новшеством, введенным Франциском, стало проповедование Священного Евангелия не только людям, но и растениям, животным. Он читал Библию цветам, рыбам, птицам и зверям. Франциск полагал, что не живые существа должны служить человеку, а человек должен служить живой природе. Святой настаивал на изначальном добре. Он считал животных и людей одной семьей, созданной Творцом. Все творения Господа, по мнению Франциска, одинаково прекрасны и заслуживают любви и уважения. В них он видел Бога.

* * *

Некто состоятельный граф Орландо в знак глубокого уважения подарил нищему Франциску гору Альверна, что находится в верховьях реки Арно. Здесь прошли последние дни Святого. Годы лишений и страданий давали знать о себе, проявляясь в многочисленных болезнях, терзавших тело Франциска. Но душа Святого устремлена к Богу и мужает с каждым прожитым днем.

Франциск называл болезни своими сестрами, приближающими его к Богу. Но Господь посылал ему болезни, которые превосходили его физические силы. И чем слабее становилась плоть, тем более возвышался дух. Жить и умереть Святому было «одинаково сладко».

Отсутствие принципиальных различий между жизнью и смертью — характерная черта философии Франциска Ассизского. Он неизменно славил жизнь и приближающуюся смерть. «Слава Господу за сестру нашу Землю, — восклицал Франциск, — что родит траву и плоды, и пестрые цветочки. И слава Господу за сестру нашу Смерть». Он никогда не просил Бога о своем телесном выздоровлении. Ведь тот, кто поклонится здоровью, не останется здоровым. И если человек стремится идти прямо, то дорога его оказывается кривой.

Кузнечик, стрекотавший на высоком дереве, близ его кельи, откликался на тихий зов Франциска и сходил к нему на руку. «Пой, брат мой, — говорил ему Святой, — хвали Господа своим радостным пением».

На горе Альверна к Святому Франциску прилетали птицы. Особенно часто его навещал сокол, у которого было гнездо рядом с кельей Святого. Рассказывают, что каждое утро, на рассвете, сокол пел и стучал крыльями в дверь его кельи. Так он будил Франциска. А когда Сятой чувствовал себя плохо или же просто спал, сокол будил его позже, словно знал, что ему необходим более продолжительный отдых. Так живые существа помогали человеку, получившему от Господа величайший знак любви к жизни.

Именно здесь, на вершине горы Альверна, за два года до смерти, в День Воздвижения Святого Креста, 14 сентября 1224 года, Франциску Ассизскому было чудесное видение, после которого на его теле, руках и ногах, по преданию, остались «божественные стигматы», то есть раны распятого Христа. Он получил их как знак величайшей любви самого Господа. Всепоглощающая любовь к Христу сделала не только его душу, но и тело тождественными душе и телу Возлюбленного. Человек есть то, что любит, и он преобразуется в того, кого любит, потому что Бог есть Любовь.

* * *

«Ибо для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение» (К филиппийцам, 21).

Сестра смерть была на пороге его кельи. Но он по-прежнему славил жизнь, оставаясь бодр и весел. Он не просил Бога вернуть ему здоровье, потому что не был уверен в том, что это полезно для души.

3 октября 1226 года Франциск умер. Говорят, что в момент его смерти стая жаворонков взлетела, чтобы сопровождать дух Святого на небо.

Караульные дремали неподалеку от кельи Франциска. Вдруг один из них заметил:

— Слышите, птицы щебечут? Как на рассвете.

— Жаворонки, — отозвался другой.

— Какие жаворонки в этот час? В полдень поднимаются они высоко в небо и поют солнцу. Жаворонки — это ведь не совы и не филины.

И все же над хижиной Святого действительно кружила стайка жаворонков, щебеча не то радостно, не то печально. Эти маленькие звонкоголосые птички, которым он всегда радовался как вестницам добра и света, первыми праздновали его переход к жизни вечной, сопровождая его душу на небеса.

Спустя два года, в 1228-м, Франциск Ассизский был канонизирован. Память о Святом Франциске Ассизском христианская церковь отмечает 4 октября. Сегодня его имя носит один из красивейших городов мира — Сан-Франциско (США, Калифорния). В его честь названа крупная река в Южной Америке — Сан-Франциско (Бразилия).

Ежегодно в день рождения Франциска Ассизского — 4 октября — во многих странах мира отмечается Всемирный день защиты животных. Решение о праздновании этого дня было принято в 1931 году на Международном конгрессе сторонников движения в защиту живой природы, проходившем во Флоренции (Италия).

В 1979 году Папа Иоанн Павел II официально признал Франциска Ассизского небесным покровителем всех, кто занимается экологией и охраной природы.

В 1986 году представители пяти мировых религий (христианство, буддизм, ислам, индуизм, иудаизм) встретились в г. Ассизи (Италия) и образовали «Альянс религии и защиты природы» — международную сеть религиозных и экологических организаций, цель которой — привлечение

верующих к деятельности в сфере охраны живой природы. В принятой Альянсом «Ассизской Декларации» говорится о необходимости включения молитвы о благополучии всех живых существ в церковные проповеди и наставления. Несколько позже к Декларации присоединились бахаи (1987 г.), синкхи (1989 г.) и джайнисты (1991 г.). Идеи Святого Франциска прочно вошли в экологическое сознание современного общества.

* * *

В XX веке идеи Франциска Ассизского получили дальнейшее развитие в этике благоговения перед жизнью Альберта Швейцера. В начале XXI века этика Святого Франциска Ассизского и этика благоговения перед жизнью А. Швейцера формируют новую парадигму ответственного отношения человека к окружающей природной среде.

Этика Альберта Швейцера — это универсальная этика любви, позволяющая установить духовную связь людей со всеми другими живыми существами нашей планеты. Мысля категориями этики благоговения перед жизнью, разумный (мыслящий) человек, по А. Швейцеру, может избежать причинения необдуманного зла другим живым существам и помочь им там и тогда, где и когда эта помощь потребуется.

Философия А. Швейцера (как и этика Святого Франциска) носит смиренный, религиозный и мироутверждающий характер. «Только человек, прошедший через смирение, — писал А. Швейцер, — способен к мироутверждению». Человек, исповедующий и практикующий мироутверждение, является «элементарно верующим».

В одной из своих автобиографических работ А. Швейцер писал: «Я не могу понять, — это было еще до того, как пошел в школу, — почему я в своей вечерней молитве должен упоминать только людей. Поэтому, когда матушка, помолившись вместе со мной и поцеловав меня на сон грядущий, уходила, я тайно произносил еще одну, придуманную мной самим молитву обо всех живых существах. Вот она: «Отец небесный, защити и благослови всякое дыхание, сохрани его от зла и позволь ему спокойно спать».

«Я не могу не сопереживать всему тому страданию, — писал А. Швейцер, — которое вижу вокруг себя, бедствиям не только людей, но и всех вообще живых созданий. Никогда не пытался избежать этого сострадания. Мне всегда казалось само собой разумеющимся, что мы все вместе должны нести груз испытаний, предназначенных миру».

Два переживания, по признанию самого А. Швейцера, всегда омрачали его жизнь. «Первое состоит в понимании того, что мир предстает необъяснимо таинственным и полным страдания; второе — в том, что я родился в период духовного упадка человечества. С обоими мне помогла справиться мысль, приведшая меня… к благоговению перед жизнью. В нем нашла моя жизнь точку опоры и направление».

По Швейцеру, этика вырастает из того же корня, что и миро- и жизнеутверждение. Ибо и этика — не что иное, как благоговение перед жизнью. «Благоговение перед жизнью внушает мне основной принцип нравственного, заключающийся в том, что добро состоит в сохранении жизни, ее стимулировании и усилении, а зло — в уничтожении жизни, нанесении ей ущерба и создании препятствий на ее пути. Утверждение мира, то есть утверждение воли к жизни, проявляющейся вокруг меня, возможно только благодаря тому, что я самого себя посвящаю другой жизни. По внутреннему побуждению, не понимая смысла мироздания, я действую в мире и воздействую на него, создавая ценности и исповедуя нормы этики. Ибо

в миро- и жизнеутверждении и в этике я исполняю волю универсальной воли к жизни, проявляющейся во мне. Я проживаю свою жизнь в Боге, в таинственной этической божественной личности, которую не могу познать в мире, а лишь переживаю в самом себе как некую таинственную волю».

Человек, по мнению А. Швейцера, станет этичным только тогда, когда жизнь как таковая, жизнь животных и растений, будет для него так же священна, как и жизнь человека. Осознавая этот принцип, человек посвящает себя жизни, находящейся в бедствии.

Как деятельное существо, человек вступает в духовные отношения к миру, проживая свою жизнь не для себя, но вместе со всей жизнью, которая его окружает, чувствуя себя единым целым с нею, соучаствуя в ней и помогая ей насколько может. Человек ощущает подобное содействие жизни, ее спасению и сохранению как глубочайшее счастье, к которому он может оказаться причастен.

В этом и заключается суть современной экологической этики, основной принцип которой звучит так: «Я — жизнь, которая хочет жить, я — жизнь среди жизни, которая хочет жить».

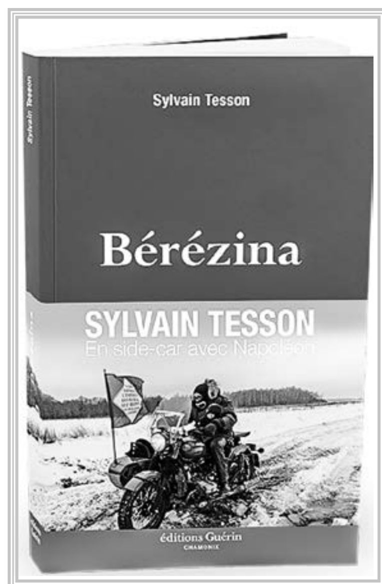
По Швейцеру, только мощное этическое движение может вывести современное общество из того тотального бескультурья и невежества, в котором оно сейчас находится. Зародиться же этическое движение способно лишь в индивиде.

* * *

Святой Франциск Ассизский предлагает современному христианскому миру пример самого настоящего и искреннего уважения к целостности жизни. Друг бедных, любимый творениями Божьими, он призывает всех — людей, животных, растения, природные силы, а также «братца Солнце и сестрицу Луну» — воздать почести и восхвалять Господа. В лице Франциска Ассизского аскетический идеал эпохи Раннего Возрождения принимает гуманистический характер и протягивает руку экологической этике XXI века.

Nota bene

BÉRÉZINA de Sylvain Tesson
Editions Guerin, 2015



В этом романе описывается заключительная стадия русской кампании Наполеона в 1812 году, и прежде всего бегство французской армии из России.

Оказавшийся в ловушке в горящей Москве в октябре 1812 года, Наполеон отдает своим войскам приказ оставить Москву. Начинается отступление, быстро переходящее в беспорядочное бегство от смерти. Это одна из наиболее трагических страниц истории Франции.

Роман насыщен историческими фактами и опирается на богатый материал, собранный автором за многие годы исследований. Достаточно сказать, что в романе постоянно приводятся отрывки из мемуаров ближайших сподвижников Наполеона.

Читатель погружается в описание важных моментов истории Франции, нередко весьма непривлекательных, иногда буквально леденящих душу.

Автор описывает повторение — через 200 лет — маршрута остатков агонизирующей армии из 400 000 человек, кавалеристов без давно съеденных лошадей, одетых в лохмотья и превратившихся в скелеты пехотинцев. В реконструкции событий того времени участвуют географ Цедрик Гра, фотограф Томас Гуаск и двое русских, Василий и Виталий. На мотоциклах с коляской «Урал» герои проделывают зимой маршрут длиной в четыре тысячи километров от Москвы до Парижа, куда Наполеон прибыл 15 декабря 1812 года, бросив жалкие остатки своей Великой армии. Выживших насчитывалось всего около 20 000. По сведениям Ф. Меринга, через Восточную Пруссию прошло почти 40 тысяч уцелевших солдат и офицеров, а также 255 генералов…

В романе действие то и дело перескакивает с событий 1812 года на современность. Облегчает восприятие этой двойственности наличие двух карт — 1812 и 2012 годов.

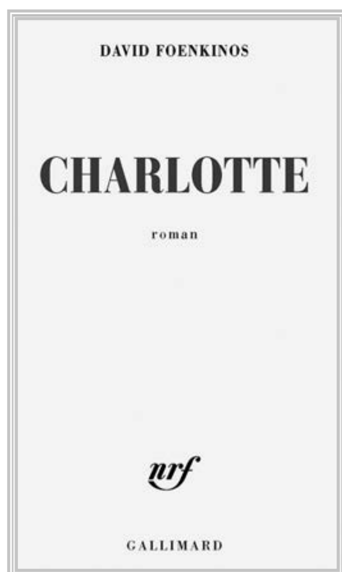
Характерен нетрадиционный взгляд автора на исторические события, для которых существует стандартная интерпретация, давно вошедшая в учебники, и ничто не удерживает его от постановки весьма некорректных, с точки зрения историков, вопросов. Так, например, читателю предоставляется право самому ответить на вопрос: кем был Наполеон — порождением дьявола, ввергнувшим Европу в бездну страданий, или гениальным визионером, единственной ошибкой которого было убеждение, что для победы достаточно только желания победить? Как следует рассматривать финал русской кампании Наполеона: как страшный разгром, невероятную военную катастрофу или как событие, близкое, в долгосрочном плане, к важной в геополитическом отношении победе?

Эти метафизические проблемы не оставляют героев романа ни днем, когда они на вынужденных остановках листают грязными от смазки руками мемуары генерала Коленкура, ни ночью, когда они пытаются с помощью водки изгнать фантомов прошлого.

***Сильвен Тэссон** — знаменитый французский путешественник, журналист, писатель. По образованию учитель географии. Еще будучи студентом, он в 1991 году отправился в свое первое путешествие в Исландию. В 1993 году совместно с Александром Пуссеном совершил кругосветку на велосипеде. Потом ряд путешествий он совершил по странам бывшего Советского Союза. Сначала путешественник-авантюрист проехал верхом на лошади по степям Центральной Азии, затем прошел пешком из Сибири в Индию, следуя маршруту, описанному в книге беглеца из ГУЛАГа Славомира Равича «Длинный путь». Все свои поездки Сильвен оплачивает сам. В путешествиях он никогда не использует современные технические средства и передвигается абсолютно автономно. Деньги на путешествия он получает от гонораров за документальные фильмы о его экспедициях, за конференции, которые он проводит, а также от продаж своих книг с рассказами об экспедициях.*

Помимо путевых заметок, Сильвен Тессон пишет стихи и юмористические рассказы. Как правило, действия всех его произведений разворачиваются в тех странах, где проходил маршрут его путешествий, то есть в России, Казахстане, Узбекистане, Индии и т. д. Он также пишет литературные рецензии, ведет ежемесячную колонку в парижском журнале «Гран Репортаж». Он написал несколько сценариев к документальным фильмам для телеканала «FR-5». Кроме того, Сильвен Тэссон является председателем организации «Европейская гильдия путешествий» и «Французского общества путешественников».

Сильвен Тэссон опубликовал более десятка путевых заметок и эссе о своих путешествиях (Гималаи, азиатские степи, Байкал и др.) и три романа: «Новеллы Востока» (2002), «Сады Аллаха» (2004) и «Жизнь под открытым небом» (2009). Последний роман отмечен Гонкуровской премией в 2009 году. «Березина» — четвертый роман Тэссона. Несколько мрачный стиль романа обусловлен тем, что Тэссон начал писать его после похорон матери. А в тот день, когда рукопись была отдана в редакцию, Тэссон чудом остался в живых, сорвавшись с отвесной стены (это у него такое хобби — лазать по скалам…).



CHARLOTTE
de David Foenkinos
Editions Gallimard, 2014

Он совсем короткий, этот роман Давида Фонкиноса, удостоенный сразу двух престижных премий — Ренодо и Гонкуровской лицеистов. Автор рассказывает о жизни героини, юной художницы, мягко, с нежностью, он восхищается своей героиней и не пытается скрывать этого.

Книга посвящена не столько жизни в концентрационном лагере, сколько существованию беглецов, лиц, оказавшихся изгоями, то есть Шарлотты и членов ее семьи.

Давид Фонкинос встретился с картинами Шарлотты на выставке в Гамбурге. «Ощущение, что я нашел то, что искал, было мгновенным». Охватившее его восхищение

побудило заняться историей этого неизвестного таланта. Жизнь Шарлотты превратилась у него в наваждение, он почувствовал, что должен начать расследование, и побывал в местах, где жила девушка.

Ему удалось выяснить не так уж много. Он узнал, что Шарлотта родилась в 1917 году в семье евреев, живших в Берлине. У девочки, рано лишившейся матери, детство было трудным и во многом драматичным. Читатель переживает вместе с героиней кошмар жизни евреев в Берлине в конце тридцатых годов. Шарлотта существует в окружении близких родственников — отца, известного врача, пытающегося укрыться от окружающих его ужасов в медицинских исследованиях, и мачехи, лирической певицы, выброшенной из артистического мира. Рано заинтересовавшись живописью, Шарлотта, талантливая художница, не может открыто заниматься любимым делом. Как многие в подростковом возрасте, она влюблена; эта влюбленность сопровождает и определяет всю ее короткую жизнь.

После так называемой «ночи хрустальных ножей» ее отправили во Францию, и она поселилась у родителей отца в Виллефранш-сюр-Мер неподалеку от Ниццы. Здесь в 1940—1942 годах она написала десятки картин, объединенных под названием «Жизнь? Или театр?». Она воссоздает всю свою короткую жизнь в картинах и рукописях, которые едва успевает передать своему другу незадолго до внезапного ареста и депортации… Сегодня их можно увидеть в еврейском музее в Амстердаме.

После ареста она попала в Аушвитц, где и погибла в газовой камере в возрасте 26 лет.

Множество мелких деталей, подробное описание сцен, сложность обрисовки характеров создают у читателя ощущение, что описанные в романе события действительно имели место и что автор был лично знаком с действующими героями.

***Давид Фонкинос** — французский писатель и сценарист.*

Родился 24 октября 1974 года в Париже. Окончил Сорбонну, где изучал филологию. Учился в парижской джазовой школе, основал собственную группу. На сегодняшний день это один из наиболее популярных французских романистов поколения тридцатилетних. Пишет сценарии для таких французских режиссеров, как Седрик Клапиш и Жак Дуйон. Согласно газете «Фигаро», вошел в пятерку самых продаваемых авторов-романистов 2011 года. В конце этого года по мотивам его романа «Нежность» был экранизирован фильм. Режиссерами фильма являются Давид и Стефан Фонкиносы. На русском языке из десятка с лишним романов Фонкиноса опубликовано три: «Эротический потенциал моей жены», «Идиотизм наизнанку» и «Нежность».

Недавно Фонкинос побывал в Минске, где общался с переводчиками, преподавателями французского языка и студентами.

Игорь НАЙДЕНКОВ

Микола МИКУЛИЧ

Историю создают личности…

Двадцать лет миновало с тех пор, как ушел из жизни великий белорусский поэт, общественный и государственный деятель Максим Танк (Евгений Иванович Скурко). Это была уникальная личность не только в истории белорусской литературы, но и во всем общественно-культурном развитии Беларуси. М. Танк обладал чрезвычайно редкими душевно-человеческими качествами: его отличали искренность и добродушие, благородство и скромность, честность и ответственность.

Творческие люди — писатели, художники, композиторы, актеры — личности амбициозные. Как правило, они придерживаются высокого мнения о своих способностях, результатах своего труда. Максим Танк здесь выглядел большим, славным, милым исключением. Сколько раз он мне говорил о том, что хочет переписать поэму «Нарочь», потому что она ему не удалась, переделать многие свои стихи, так как они слабые. И это при том, что поэму «Нарочь» давно высоко оценили отечественная и зарубежная критика и литературоведение, а о таких «слабых» стихах могли бы только мечтать многие современные белорусские поэты. Евгений Иванович неоднократно отмечал, что я перехвалил его в своей монографии «Максим Танк и современная белорусская лирика». И это в то время, когда книгу в целом весьма доброжелательно, без особых критических замечаний приняли наши специалисты. А чего стоит оценка поэтом своего западнобелорусского творчества, данная им в дневниковых заметках «Листки календаря». «С ужасом осмотрелся, что мне миновало 27 лет! — записал он 29 сентября 1939 года. — А у меня только несколько сборников стихов, среди которых 75 процентов слабых, 20 процентов — средних и только 5 процентов — хороших. Нечем хвастаться».

Найдите сегодня хотя бы одного белорусского литератора с такими или близкими к ним мыслями о себе.

Мы знаем, что М. Танк отказывался от всех должностей, которые ему предлагали: и от должности председателя правления Союза писателей, и от должности председателя Верховного Совета БССР, и от должности вице-президента Академии наук республики. Отказывался потому, что хотел сосредоточиться на

творческой работе, которая приносила ему огромное моральное удовлетворение. Как свидетельствуют родные поэта, каждому своему удачному стихотворению, каждой художественной находке он радовался, как ребенок. Однако скромность, честность и ответственность Танка высоко ценило республиканское руководство, и ему в большинстве случаев удавалось убедить поэта в необходимости согласиться с тем или иным кадровым предложением, а фактически — с решением сверху.

Будучи главным редактором журнала «Полымя», М. Танк неизменно вычеркивал свое имя в материалах, где оно фигурировало в контексте похвалы и комплиментов. Считал, что печатать их в таком виде — не совсем корректно для руководителя издания. Свои стихи в журнале поэт помещал не чаще, чем один раз в год.

Представьте себе, М. Танк стеснялся носить свои государственные награды, стеснялся того, что их у него много. Как известно, поэт был награжден четырьмя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Красного Знамени, двумя орденами Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Дружбы народов и многими медалями, а также офицерским крестом Возрождения Польши, орденами Заслуги Польской Народной Республики. Никто никогда не слышал от М. Танка, что он является Героем Социалистического Труда, академиком Академии наук Беларуси, почетным гражданином города Минска, народным поэтом БССР. «Он был такой, — признавался во время одной из наших бесед сын художника Максим Евгеньевич, — что никогда вперед не полезет, никогда сам где-то в президиуме не сядет. Это только когда обстоятельства требуют, когда пронумерованы места, с указанием фамилий конкретных личностей…»

Сегодня в это трудно поверить, но, оказывается, М. Танк, председатель правления Союза писателей БССР и председатель Верховного Совета БССР, платил своему шоферу за каждую поездку на дачу...

Поэт неоднократно советовал мне писать не так о нем, как о некоторых других литераторах бывшей Западной Беларуси, в частности, о Валентине Тавлае, Сергее Кривце, Ганне Новик, которых, на его взгляд, несправедливо забыли, об участниках народно-освободительного движения, людях талантливых, честных и жертвенных. Евгений Иванович искренне заботился о тех, с кем когда-то вместе входил в литературу, с кем плечо к плечу работал в коммунистическом подполье. О западнобелорусских подпольщиках М. Танк всегда говорил тепло, прочувствованно, даже как-то сентиментально. Было видно (да он и не скрывал этого), что они для поэта — очень дорогие люди.

Безусловно, показателем удивительной скромности М. Танка является тот факт, что он завещал похоронить его не в Минске, а на Мядельщине, на Слабодском кладбище, где похоронены родные и близкие, рядом с отцом и матерью. В завещании поэт просил хоронить его без орденов, музыки и речей, как можно более скромно, «как хоронили и хоронят испокон веку у нас всех», не ставить на могиле памятник, не присваивать его имени учреждениям и памятным местам. Как известно, к нему не прислушались, но это уже другая тема…

В Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства хранятся многие сотни писем к М. Танку от жителей Беларуси (и не только) с просьбами помочь, заступиться, защитить и т. д. И фактически ни одно из них не осталось без ответа. Профессор Петр Кузюкович, близкий родственник художника, в своих воспоминаниях «Просто хороший человек» подчеркивает: «Восхищала чрезвычайная простота и доброта прославленного поэта, что позволяло многим людям из разных районов Беларуси обращаться к нему лично и письменно с просьбами о помощи и защите. И я не знаю случая, когда бы он кому отказал в этом». М. Танк не разделял людей на хороших и плохих и помогал всем, кто к нему обращался.

Жизненная биография — это творческая судьба писателя, во всяком случае, поэта. Ей принадлежит определяющая роль в становлении и развитии его художественной индивидуальности.

Евгений Скурко, будущий белорусский поэт Максим Танк, родился, по новому стилю, 17 сентября 1912 года в деревне Пильковщина Вилейского уезда Виленской губернии, в царской России. Отправившись вместе с родителями во время Первой мировой войны в беженство, он с 1917 по 1922 год жил в Советской России, в Москве. А когда вернулся на Родину, оказался в Польше, поскольку его родные места находились в составе Западной Беларуси, которая в соответствии с Рижским мирным договором 1921 года отошла к этому государству. После воссоединения Беларуси в 1939 году Танк жил в Советском Союзе, а умер уже в независимой Республике Беларусь.

В школу Евгений Скурко пошел в беженстве в Москве. Изучая русский язык и литературу, полюбил произведения Пушкина, Некрасова, Гоголя, Горького, Маяковского, некоторых других писателей. Вернувшись из беженства, продолжил учебу в польских школах: вначале в деревне Шклениково, потом в Сватках. Здесь он приобщился к польской классике — к Мицкевичу, Сенкевичу, Ожешко, Конопницкой…

Белорусская книга впервые попала в руки Евгению Скурко лишь в 1925 году. Это был белорусский календарь, в котором внимание подростка привлекли социально и патриотически заангажированные стихи Янки Купалы.

То, что М. Танк познакомился вначале с русской литературой, затем с польской и только потом с белорусской, обострило в нем чувство национального, которое впоследствии привело его в ряды активных участников народно-освободительного движения в Западной Беларуси, борцов против угнетения и неравенства. Молодой Евгений Скурко учился в четырех гимназиях, однако ни одной из них не окончил: Вилейскую русскую закрыли польские власти, из Радошковичской белорусской и Виленской белорусской он был отчислен за неподчинение администрации и участие в забастовочном движении протеста, а во время учебы в Виленской русской начинающего поэта непосредственно в классе арестовала польская полиция и бросила в тюрьму «Лукишки».

Удивительные антиномы и парадоксы жизненной судьбы Максима Танка заключаются в том, что он был народным поэтом БССР, академиком Академии наук Беларуси, однако не только не имел высшего образования, но и законченного среднего. В своей карточке персонального учета члена Союза писателей в графе «Образование» поэт указал, что в 1954 году окончил Вечерний университет марксизма-ленинизма при Минском горкоме КПБ.

М. Танк работал инструктором ЦК комсомола Западной Беларуси, в легальных и нелегальных периодических изданиях, неоднократно арестовывался польской дефензивой и заключался в тюрьму. Всего на Лукишках поэт отсидел около трех лет. В годы войны он служил во фронтовой печати, в газете «За Советскую Беларусь» (Брянский фронт), ускоренно адаптировался к новым для него советским общественно-социальным условиям и порядкам. Кстати, в конце 1930-х годов были репрессированы, высланы в Сибирь тети поэта по отцовской линии Соня и Поля с семьями, которые жили в Советском Союзе, а в годы войны при не установленных обстоятельствах от рук партизан погибла младшая сестра Вера со своим двухлетним сыном.

В послевоенный период М. Танк длительное время работал на ответственных государственных должностях. В течение 18 лет (с 1948 по 1966) поэт руководил ведущим белорусским литературно-художественным журналом «Полымя», в течение 24 лет (с 1966 по 1990) возглавлял тогда весьма авторитетную, социально значимую и влиятельную организацию — Союз писателей Беларуси, 20 лет (с 1966 по 1986) являлся секретарем правления Союза писателей СССР. 24 года (с 1947 по 1971) он был депутатом Верховного Совета БССР, 20 лет (с 1969 по

1989) — депутатом Верховного Совета СССР. М. Танк работал председателем Верховного Совета БССР VI и VII созывов (1963—1971).

Такой богатой, насыщенной, сложной жизненной биографии не имеет ни один писатель в истории новой белорусской литературы.

Как представляется, синтез редкого человеческого характера и яркого художественного таланта, а также уникальной жизненной биографии обусловил стремительное творческое развитие и большие поэтические приобретения Максима Танка.

Как личность и поэт М. Танк рос и воспитывался, в первую очередь и главным образом, на белорусских духовно-социальных и литературных традициях и ценностях. Истоки его художественного слова — в белорусском фольклоре, средоточии мудрости и высокой нравственности, морально-этических норм и принципов, эстетики и оптимизма. Философия и поэтика устного народного творчества оказали большое влияние на становление личности, художественного стиля М. Танка, выработку основ литературного мастерства. Анализ произведений поэта показывает наличие в них многочисленных народных тем и мотивов, мифологических образов, традиционных эпитетов, метафор, сравнений, средств и приемов сказочно-романтической условности, архитектоники народной лирики и др.

В 1930-е годы и несколько позже он ориентировался на богатое проблемно-тематическое содержание, особенности образного строя, поэтику и стилистику творчества Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича, некоторых других белорусских писателей. Поэзия Я. Купалы привлекала молодого М. Танка своим романтически-возвышенным пафосом, эмоциональной сконденсированностью мысли, афористической емкостью. Я. Колас влиял на него объективизированно-правдивым показом проблем общественно-социальной жизни, глубоким выявлением «диалектики души» современника, психологически точными красками и оттенками, пластикой, о чем свидетельствует тематически-образная, стилевая перекличка конкретных произведений. В творчестве М.Богдановича поэта впечатляли особенности духовно-эстетического идеала, его философско-аналитическая парадигма, подчеркнутая гуманистическая заангажированность, индивидуализированность мироощущения лирического героя, богатство и разнообразие жанрово-стилевого содержания.

Огромное влияние на становление творческой индивидуальности Максима Танка оказала русская литература, особенно произведения М. Горького и В. Маяковского. Как известно, первая часть псевдонима белорусского поэта — Максим — возникла в результате его восхищения личностью и творчеством М. Горького. Что касается идейно-эстетических поисков В. Маяковского, то они буквально пленили молодого М. Танка, это было ошеломляющее открытие. Такая волшебная и манящая магия центробежного притяжения и мощного благотворного влияния, пожалуй, никем из писателей на него тогда не проецировалась. О первом знакомстве с творчеством В. Маяковского в переводе на польский язык М. Танк вспоминал следующее: «Я встретил поэта, который сказал мне не только о том, «как делать стихи», но и о чем писать, встретил поэта, который раскрыл перед моими глазами бескрайние перспективы». Во многом показательной и характеристичной также является дневниковая запись белорусского поэта. Получив в подарок от своей будущей жены однотомник стихотворений В. Маяковского на русском языке, 12 декабря 1936 года в «Листках календаря» он пометил: «Как жаль, что книга не попала ко мне на несколько лет раньше. Читаю и многие вещи начинаю видеть в другом свете. Дело — не в подражании, не в повторении Маяковского. Ощущая его крепкое плечо, мне теперь будет легче подняться на ноги, освободиться из плена многих отживших свое время авторитетов и монополистов красоты и правды».

Необходимо отметить, что у В. Маяковского и М. Танка очень близкой была сама мировоззренческая установка, исходная программная концепция-интер-

претация художественного творчества, в частности, поэзии, понимание ее идейно-эстетической сущности и предназначения, путей развития. Время, в которое жили и творили поэты, было таким, что оба они большое значение придавали выразительному гражданскому звучанию, социальности своих произведений. «Тенета красоты», «мистическая философия формализма», «издержки авангардистского оригинальничанья» (В. Колесник) отталкивали их обоих. Основания для такого суждения дает нам сравнительно-типологический анализ конкретных произведений, например, таких, как «Наш марш», «Ода революции», «Поэт рабочий», «Приказ по армии искусства», «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче», «Левый марш» В. Маяковского, и ряда программных танковских стихотворений середины 1930-х годов — «В марше», «Акт первый», «Начало оды», «Из дневника» и др.

В. Маяковский, как известно, творил поэзию «не из одного своего чистого духа, но главным образом из революционной действительности» (Б. П. Гончаров). Всем, по его словам, «футуристикам, имажинистикам, акмеистикам, запутавшимся в паутине рифм», щекочущих своими стихами «мещанские вкусы», поэт предлагал плюнуть «и на рифмы, и на арии, и на розовый куст, и на прочие мелехлюндии из арсеналов искусств».

Кому это интересно,
что — «Ах, вот бедненький!
Как он любил
и каким он был несчастным…»?
Мастера,
а не длинноволосые проповедники
нужны сейчас нам.

Что касается М. Танка, то он всячески противостоял стремлению «деликатно миновать саму идею и мерять произведения ассонансами и слуцкими поясами» В стихотворении «Каждый об Отчизне пишет строки…» западнобелорусский поэт выявляет свое неприятие канонов «чистого искусства» в типологически подобном В. Маяковскому проблемно-тематическом и образно-ассоциативном ракурсе, с характерной для русского поэта идейно-нравственной отмобилизованностью и выношенной убедительностью мысли и чувства. «Аж недоумеваешь: откуда они берутся у народа, жизнь которого полна трагедий», — отмечает художник в дневнике 19 января 1936 года относительно произведений-«пасторалек» представителей «чистого искусства». М. Танка глубоко возмущают их «мистерные и волшебные стилевые орнаменты», «поэтизация небытия и уютного затворничества», пугливая боязнь суровых западнобелорусских реалий. Поэт хорошо понимал, как справедливо отмечал исследователь его творчества В. Колесник, «тщетность словесного жонглерства, химерность чистой красоты», «модернистского фокусничества» в литературе.

Каждый об Отчизне пишет строки.
Но ведь есть такие рифмачи,
Что за соль, за хлеб, за взлет высокий
Жаждут лишь стихами заплатить.

И начнут строчить… Закатят очи:
«Ах и ох, люблю я этот край…»
Пару звезд припомнят, лунность ночи,
И выходит — просто каравай.

(Пер. с белорусского А. Аврутина)

В стихотворении «От шумных зазывов…» М. Танк решительно отмежевывается от «снобов тупых», «окололитературных фразеров», «виршеплетов придворных», которые «над долей отчизны тужить Умеют доходно, живут осторожно». А в стихотворении «Отрывок» поэт подвергает беспощадной критике «певцов

глухих», «Что век свой прожили в тиши», которые его «в теплый уголок, Как прочих, грязною тропой Вести хотели за собой», — всех тех, кто мешал ему, чтоб он «не мог Направить взор свой на восток», для кого «Волнующийся жизнью стих Звучит, как диссонанс».

Главный герой, которого утверждал М. Танк, гражданин и патриот своего отечества, непосредственный участник национально-освободительного движения в Западной Беларуси, — личность во всех отношениях неординарная, самобытная. Это человек, с одной стороны, радикальных взглядов и устремлений, решительных поступков и действий, мужественного духа, мобильный, а с другой — романтически-мечтательный, наделенный тонкой впечатлительностью, чрезвычайно восприимчивый и ранимый. Как заметил В. Колесник, «Максим Танк в середине 30-х годов укрепил новый для поэзии Западной Беларуси взгляд на человека, новый тип гуманизма». Чтобы убедительно обрисовать его облик, глубоко раскрыть внутреннюю сущность, содержательность натуры, тесные связи с окружающей жизнью и напряженным временем, необходимо было выявить его душевную чуткость, предельную взволнованность и возбужденность, все богатство эмоционально-чувственного мира. Естественно, это требовало усовершенствования имеющихся средств художественной выразительности, поиска новых структурно-стилевых форм.

Поэзия М. Танка середины 1930-х годов, целиком подчиненная идее национального возрождения, делу объединения белорусов в едином государстве, активно утверждает главную установку творчества В. Маяковского, как представляется, довольно метко засвидетельствованную литературоведом В. Кожиновым: «В целом поэзия Маяковского предстает как диалог с временем, с миром, в котором совершается целенаправленная перестройка. Поэтически осваивая этот мир, он всегда непосредственно обращается к нему, непосредственно включается своим словом, своим деянием поэта во всеобщее историческое деяние».

В. Маяковский подчеркивал: «Надо всегда иметь перед глазами аудиторию, к которой этот стих обращен. В особенности важно это сейчас, когда главный способ общения с массой — это эстрада, голос, непосредственная речь». В результате, с самого начала работы над произведением, как художественным целым, в нем все неизменно подчинялось отмеченной важной идее. Она естественно обусловливала возникновение стихотворения необычного, пафосно-ораторского по характеру, как монолог актера, обязательно рассчитанного на «показ» зрителю и слушателю, на восприятие коллектива, массы, их понимание и, как результат, на непосредственную ответную реакцию. Поэт никогда не сомневался в том, что новому «огромному содержанию» революционной действительности должна соответствовать новая форма. «Весь тот вулкан и взрыв, который принесла с собой Октябрьская революция, требует новых форм и в искусстве. Каждую минуту нашей агитации нам приходится говорить: где же художественные формы?» — говорил он, выступая 3 января 1921 года на диспуте «Художник в современном театре». «В данном случае, — справедливо замечает исследователь творчества В. Маяковского Б. П. Гончаров, — «новая форма» воспринималась поэтом не в узко стиховом плане, а прежде всего как новое художественное мироощущение, поэтическое осмысление действительности (новая концепция человека и т. д.), вплоть до особенностей стиха».

«Маяковский, — пишет Б. П. Гончаров, — не мог для создания новой художественной формы использовать средства старого стиха, так как в нем преобладало фразовое построение. По ходу переживания, которое ложилось в основу произведения, он вводил формы совместного использования силлабо-тонического и тонического стиха, тем самым обогащая каждый из них. Ему характерна интонационно-синтаксическая конструкция стиха со словами-фразами, восклицательными и вопросительными резко эмоциональными предложениями. Даже когда фраза Маяковского более или менее сложна, она распадается на отдельные

слова-фразы, которые создают конкретный языковой облик предельно взволнованного человека. Отсюда известная ступенчатость его стихов, расположение слова в отдельную строку, самостоятельное фразовое произношение почти каждого слова». Есть все основания полагать, такая концепция стиха импонировала М. Танку, была ему необходима, она давала возможность белорусскому поэту раскрыть свои жизненные наблюдения, выявить особенности лирического «я». «Закончил «Акт первый», — помечает он в дневнике 15 ноября 1935 года. — Пробую освободиться из старых поэтических канонов, из плена певучести, традиционной образной системы… Ощущение кризиса архаических форм еще ничего не дает. К новому трудно найти ключи. Может, их и не найду, потому что новое само по себе не существует. Его каждый художник должен создать».

М. Танку импонировали многие грани таланта В. Маяковского. Например, он стремился воплощать в своем творчестве один из главных составных элементов художественного стиля русского поэта — ораторский пафос. Это обстоятельство невольно заставляет вспомнить интересную мысль Гегеля: «Пафос образует подлинное средоточие, подлинное царство искусства; его воплощение является главным как в произведении искусства, так и в восприятии последнего зрителем. Ибо пафос затрагивает струну, находящую отклик в каждом человеческом сердце. Каждый знает ценное и разумное начало, заключенное в содержании подлинного пафоса, и поэтому он признает его. Пафос волнует, потому что в себе и для себя он является могущественной силой человеческого существования».

Хватит!
Не штука дудеть на кларнете,
С клавиш горстями сыпать аккорды,
Шастая по вертепам,
Теша сальные морды.

(Пер. с белорусского В. Корчагина)

Энергию этой строфы, пожалуй, только условно можно назвать сконденсированной и уплотненной. Как видим, у поэта наблюдается склонность одновременно и к мечтательной окрыленности, символической отвлеченности рисунка и, вместе с тем, к раскованности художественного мышления, раскрепощенности стихотворной строки. При всем этом, своей интонационно-синтаксической ударностью, достаточно резким эмоциональным пафосом она не может не напомнить нам В. Маяковского. Так же как и характерным зажигательным оптимизмом, нерушимой верой автора в правдивость и непоколебимость своих нравственных и творческих принципов, наконец, чувством превосходства над оппонентами.

Лирический герой стихотворения «Акт первый» делает, кажется, все для того, чтобы его услышали и поняли. Все произведение от начала и до конца — это сплошной клич, призыв, обращенный ко всем и каждому, к миллионам. Силой отчаянного гнева и хлесткой решительностью произношения поэт заставляет слушателя задуматься над громовыми общественными процессами, акцентирует внимание на самом существенном и волнующем в них, призывает к объединению своих единомышленников, все свободолюбивые силы.

Улицы, площади загудят,
Взяв этот ритм накаленный.
Взрыв — в каждом стяге,
Бунт — в каждом шаге.
Сколько нас?
Миллионы.

Как нам кажется, характерным в этом отношении является замечание В. Кожинова по поводу создания стихотворения В. Маяковского «Сергею Есенину»: «Содержание явно рождается в самом процессе создания формы, в процессе

сотворения ритмической и словесной материи строки». Развивая свою мысль, критик утверждает, что «работа над формой есть в то же время работа над содержанием, и наоборот. Поэт не творит и не может творить форму и содержание «по отдельности». Он создает произведение, в котором содержание и форма — это две стороны одного-единого целого; точнее говоря, содержание или форма предстают перед нами в зависимости от того, с какой стороны — «внутренней» или «внешней» — мы рассматриваем это целое».

Поэтике М. Танка 1930-х годов характерна такая особенность, как «эмфотичность слова». Вместе с тем в отношении творчества западнобелорусского поэта это понятие следует понимать широко. Мы здесь, в первую очередь и главным образом, имеем в виду высокую эмоциональную насыщенность стихотворения, экспрессивность строки, повышенную смысловую нагруженность слова, тонкую звуковую инструментовку и др.

Развитие стихотворения М. Танка в этом плане продолжалось, усовершенствовались его ораторские возможности и потенции. Однако чем дальше, тем чаще у поэта появляются такие произведения, в которых напряженно-зажигательный, полемический пафос как бы отходит на второй план, в которых доминирует и акцентируется относительно «тихое», спокойное, даже довольно приглушенное чувственное наполнение. Смысловой, эмоциональный строй стиха изменяется, произведение приобретает доверительную прочувствованность интонации, насыщается особенным внутренним драматизмом. В одних случаях, как, например, в стихотворении «Мы не умрем» это приводит к характерной авторской сосредоточенности, мучительно-болезненной рассудительности, философской углубленности, в других — к активизации насмешливо-прочувствованного, возвышенно-романтического, колкого, критически-едкого аспектов нравственно-эстетического содержания («Как мы пишем?..», «К штурму», «Еще не поднялся наш критик…» и др.).

Есть еще одна особенность, сближающая поэзию М. Танка и творчество В. Маяковского. Оба поэта были тесно связаны с действительностью, ее злободневными проблемами и противоречиями, жизненными буднями широких народных масс, что в той или иной степени не могло не отразиться на характере их стиха. В. Маяковский большое значение придавал уличному «неумолкающему эху». С целью сделать свой стих «понятным для массы, для своего времени, перешел к простому языку», — писал он. Поэт стремился ввести в язык произведения «язык улицы», «язык масс» и писать так, «чтобы было понятно, не снижая темы, — тем языком, на котором говорит масса». Концептуально относительно этого аспекта он высказался, вспоминая свою работу в «Окнах РОСТА»: «Для меня эта книга большого словесного значения, работа, очищавшая наш язык от поэтической шелухи на темах, не допускающих многословия».

Что касается М. Танка, то хотя влияние «языка борьбы», языка, охваченной революционным порывом народной громады, на стихотворение поэта было значительным и результативным, чрезвычайно важной для него являлась связь с фольклорной стихией. Читая его стихотворения «Под острожной стеной», «Жать идет батрачка рано…», «За песни и сосонки…» и др., невольно обращаешь внимание на их многочисленные народно-песенные мотивы и образы, композиционные приемы, ритмико-интонационные особенности и т. д.

Сегодня особенно выразительно видно, что идейно-эстетический опыт В. Маяковского был чрезвычайно полезен для М. Танка. Великий русский поэт подсказывал своему молодому западнобелорусскому коллеге потенциально перспективные пути развития стиха, ориентировал на неустанные поиски элементов «напряженного письма», наиболее оптимальных и эффективных способов творческих контактов с читателем — в зависимости от характера материала и целевых установок самого автора. «В. Маяковский стал для него поэтом, — совершенно обоснованно подчеркивал В. Колесник, — расширившим эстетические пределы

поэзии, новатором, сумевшим ввести в поэзию героя, мыслящего категориями мировой политики, подчинившим поэзии новые тематические и проблемные сферы, считавшиеся непоэтичными».

М. Танк в своем творчестве продолжал и развивал лучшие традиции польской литературы, ориентируясь на опыт как представителей старших поколений поэтов, так и более молодых, современников, — В. Броневского, Б. Ясенского, Ю. Тувима и др. Большое влияние на становление его творческой индивидуальности оказали духовно-эстетические поиски П. Неруды, П. Элюара, В. Незвала, Н. Хикмета, некоторых других талантливых представителей национальных литератур Европы и Америки.

Под воздействием своих учителей и предшественников, в результате активных идейно-эстетических поисков и вдохновенного труда талантливый белорусский поэт постепенно пришел к подчеркнутой духовно-моральной насыщенности творчества, ассоциативно-метафорической многомерности, поэтико-стилевым новациям.

Выход первого сборника стихотворений под символическим названием «На этапах» (1936), кстати, сразу же конфискованного польской полицией, сделал М. Танка звездой первой величины на небосклоне литературы Западной Беларуси. Духовно-художественое сознание поэта активизировалось мыслью о лишенном свободы родном крае, истерзанном отечестве, угнетенном и униженном белорусском народе. Глубоким и проникновенным ощущением героики времени, возвышенностью драматического переживания, патриотической жертвенностью дышали многие его строки:

Нарочь, как море, шумит, бьется в берег, волной нарастая,
Дымится туман над тоскою болот и лугов.
С ветром взлетает и кружится чаек крикливая стая,
Вспугнутых скрипом обозов и звоном оков…

Слышно — гуси на юг пролетают родной стороною,
И прощальный их крик над равниной печален и слаб…
И скрипят по изрытому щебню колеса и ноют,
По широкой дороге понуро бредет наш этап.

(«Нарочь, как море, шумит…»,
пер. с белорусского Б. Иринина)

Что мы видим в этом стихотворении? Просторы Западной Беларуси. Закованных в железные цепи, измученных и уставших, но непокоренных политзаключенных под конвоем гонят по этапу. Первая строфа — обыкновенный, типичный для белорусской поэзии лирико-повествовательный этюд, а далее: «Слышно — гуси на юг пролетают родной стороною, И прощальный их крик над равниной печален и слаб…». Сколько здесь тяжелой жизненной правды и драматизма, сколько высокой эстетики человеческого духа и жертвенности, сколько щемящей тоски и печали, и как об этом глубоко и проникновенно сказано поэтом! От тяжелых дум и усталости лирический герой не может поднять глаза — гусей он не видит, а слышит. Естественно, образ перелетных птиц, теплых краев символизирует здесь надежду, веру в светлое начало. В стихотворении выявились определяющие черты белорусского национального менталитета, особенности исторического пейзажа Беларуси. Кажется, и у тебя самого болит душа от того, как на бесконечном мядельском тракте «скрипят по изрытому щебню колеса и ноют».

Такой культуре переживания и мышления невозможно научиться. Ее необходимо выстрадать. М. Танк выстрадал!

Идейно-эстетические поиски молодого М. Танка впечатляли свежестью и остротой, экспрессивностью мироощущения, характерным романтизированным выявлением сурового реализма действительности.

С Иваном Шамякиным.
Фото Ю. Иванова.

Танковские стихотворения «Нарочь, как море, шумит…» и «Свидание» я всегда читаю с характерным терпким комом в горле, с каким-то особым душевным трепетом, и это не проходит с годами. Вспоминается печальный рассказ поэта о том, как плакала мама Домна Ивановна, когда его, юного подпольщика, арестовывала на родном пильковском хуторе польская полиция. Удивлялась, что ее сын-подросток так опасен для государства, пробовала поцеловать руку полицейскому и просила не бить парня…

Поэзия М. Танка 1930-х годов — это поэзия черных взрезов, шершавых ладоней, неисцеленных ран, поэзия смелого вызова, гнева и протеста. Она основывалась на тонкой наблюдательности, эмоционально-психологической проникновенности лирического героя, восславлении высоких проявлений света и красоты в природном мире, общественной среде и душе человека. Легкая мечтательность, душевное благородство сочетались в ней с внутренней отмобилизованностью, наступательной бескомпромиссностью, революционной закалкой. Стихотворения поэта «На косогоре», «Как мы пишем?», «Черные взрезы», «Акт первый», «Свидание» и другие несли в себе горькое размышление, грустную исповедь, доверчивое признание, но чаще — утешение и поддержку, бодрость и веру, горячий призыв, свидетельствовали о прочной связи с беспредельным миром народной стойкости и мужества. «Максим Танк — это очень молодая, но сильная творчеством индивидуальность, — писала в 1936 году газета «Наша воля». — Его творчество выросло в острогах и, вырвавшись из тюрьмы, залило Зап. Беларусь. Произведения Танка — это лавина, это бурная волна, которая порывает всех, трясет всем и ломает все. Танк может стать великим певцом Беларуси, если не забудет о наиважнейшем условии — сгущать как можно больше мысль на полотне образа…»

Поэт создал романтически-идеализированный образ лирического героя, целиком обращенного к высокому духовно-эстетическому идеалу, в будущее родного края. Это образ подпольщика-революционера, прекрасного своей благородной жертвенностью борца за интересы широкой народной громады. Он подвергал сомнению нравственно-правовую практику, социально-экономические основы западнобелорусской действительности, ставил цель преобразовать ее в соответствии с социалистическими идейными принципами и ценностями.

Большое место в творчестве М. Танка досентябрьского периода занимали такие емкие социально-нравственные категории, как материнская песня, родные загоны, колосистое горе, этапные дороги, звон цепей, тюрьмы и решетки, весна-победа и др. Они воплощали характерные черты общественной жизни Западной

Беларуси, духовно-социального сознания народа. Эти категории раскрывали определяющие особенности белорусской национальной судьбы.

Книги М. Танка «На этапах», «Журавиновый цвет» (1937), «Нарочь» (1937) и «Под мачтой» (1938), стихотворения и поэмы явились лучшими в западнобелорусской литературе. Творчество поэта свидетельствовало о жизнестойкости белорусской нации, оно утверждало терпение, мощь и силу народа, который жил идеями объединения, социальной и национальной свободы, достойного упорядочения и благоустройства своей Родины, выявляло величие и красоту его благородной души.

Но на полную силу творческая индивидуальность Максима Танка раскрылась в послевоенный период.

В 1960—1980-е годы поэт утвердил в белорусской литературе такие идейно-художественные направления, как поэтизация исконных земных основ народной жизни, духовно-нравственных ценностей трудовой среды, работы хлебороба, пахаря, сеятеля, философско-аналитическое осмысление сложной и противоречивой диалектики частных явлений и исторических процессов, многообразной причинно-следственной связи личности и общества, раскрепощенность художественного мышления, приближение языка поэзии к языку прозы, условно-ассоциативная образность и др.

Сборники стихотворений М. Танка «Мой хлеб насущный» (1962), «Глоток воды» (1964), «Переписка с землей» (1967), «Да будет свет!» (1972), «Дорога, убаюканная рожью» (1976), «Испытание верности» (1979), «За моим столом» (1982) и другие характеризуются органическим сочетанием масштабности исторического мышления, широты духовно-социальных горизонтов и пластики предметного анализа, частной конкретики явлений и предметов. В них философско-аналитическая медитация соседствует с гражданственно-патриотическим характером художественного дискурса, ораторско-публицистический пафос дополняется тонкой иронией и сокрушительной сатирой.

Сборник стихотворений поэта «Чтоб ведали» был удостоен Государственной премии СССР (1948), сборник «Мой хлеб насущный» — Государственной премии БССР имени Янки Купалы (1966), а книга поэзии «Нарочанские сосны» (Москва, 1977) — Ленинской премии (1978).

М. Танк оставил после себя десятки оригинальных поэтических книг, каждая из которых является этапной в истории белорусской литературы XX века. Поэту принадлежат произведения удивительной красоты и чрезвычайной эмоциональной силы воздействия: «Свидание», «Послушайте, весна идет…», «Песня куликов», «Ответ», «Три песни», «Родное слово», «Чтоб ведали», «Люциан Таполя», «Антон Небаба», «Руки матери», «Станция Княгинино», «Ave Maria», «Мне кажется», «Коль горькой печалью наполнено сердце...» и другие. Без никаких сомнений, они стали бы гордостью любой национальной культуры мира, украсили бы любую, самую элитарную, антологию.

17 сентября 1994 года, в последний раз отмечая день своего рождения, М. Танк написал глубоко исповедательное стихотворение «Коль горькой печалью наполнено сердце...». Его невозможно читать с внутренним спокойствием, как-то отстраненно-индифферентно анализировать в соответствии с устоявшимися литературоведческими критериями, нормами и приемами — замысел произведения, лирический герой, характер образности и т. д. Вспомнишь стихотворение — и перехватывает дыхание, душу охватывают боль и печаль. Сколько в нем глубинной жизненной философии и смысла, чего-то до конца не высказанного, подсознательного, того, что неизменно присутствует в биологической и социальной природе и всегда будет привлекать в личности человека, его внутреннем мире, поведении и поступках.

Чуть не впритык приблизился жизненный кругозор, как никогда низким и мрачным стало небо над головой и безразлично-равнодушным осенний день.

В душе настойчиво плещутся тоска и горечь… Свое драматическое жизненное состояние, незавидные перспективы будущего поэт проецировал на судьбу одинокой нарочанской сосны:

Коль горькой печалью
наполнено сердце
И жить, и дышать невозможно, поверьте,
Всегда вспоминаю
сосну
над обрывом,
Подкошенную нарочанским приливом.
Сосну, что держалась подмытым кореньем
За землю,
а кроной своею устало
Тянулась в простор,
где птушиное пенье,
И черные тучи над бездной смиряла.

(Пер. с белорусского А. Аврутина)

Мы знаем, в самые тяжелые и скорбные времена М. Танк всегда обращался к образам Родины, народа, нарочанского края, матери, хлеба, песни. А еще — к образу сосны, который в его сознании был духовно приближен к предыдущим, символизировал Отечество, ее внутреннюю стойкость перед невзгодами и испытаниями и сдержанную внешнюю красоту. Эти образы исцеляли его сердце, помогали выстоять, преодолеть трудности, заряжали идеями жизнеутверждения и оптимизма, вдохновляли на творчество.

Ощущая на себе холодное дыхание смертельной тони, омута, из последних сил держась «подмытым кореньем за землю», сосна, тем не менее, стремится вознести свою крону к солнцу, к щедрой лучезарной выси. Образ чрезвычайной содержательной емкости и силы художественного воздействия! Будущее сосны предопределено, дерево медленно, но неуклонно погибает, силы оставляют его, жизнь трагически надломлена. Заключительная строка стихотворения — «И черные тучи над бездной смиряла» — как заключительный аккорд в каком-нибудь высокохудожественном музыкальном произведении. Она вселяет в душу отчаяние, разочарование и в то же время восхищение, тревогу, сострадание и одновременно радость. А в первую очередь, конечно, размышление — сосредоточенное размышление над жизнью, ее логикой и смыслом, скоротечностью и вечностью, и над собой в ней.

Жизнь — это еще один сквозной, ключевой, стратегический образ в творчестве М. Танка.

Стихотворение «Коль горькой печалью наполнено сердце...» необходимо воспринимать как своеобразный вертикальный срез человеческого бытия. Жизнь — это начало и конец, духовное и материальное, малое и великое, светлое и темное, высокое и низкое… Это корни и крона, земля, смертельная тонь, омут, бездна и высота, поднебесный простор, «птушиное пенье»… Стержневые образы стихотворения — сердце, жить, сосна, корни, земля, простор, черные тучи, бездна — своеобразные знаковые коды человеческого существования на земле.

С самого начала своей литературной деятельности М. Танк переводил произведения полюбившихся ему русских авторов на белорусский язык. Это были стихотворения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, несколько позже — М. Исаковского, А. Прокофьева, А. Суркова, А. Твардовского, М. Светлова, Н. Тихонова, В. Рождественского и др. Переводы стихотворений русских поэтов составили основу одиннадцатого тома Собрания сочинений М. Танка в 13 томах, вышедшего в Минске в 2012 году к столетию со дня рождения выдающегося белорусского художника слова.

Необходимо отметить, что поэзия М. Танка пользовалась и пользуется огромным спросом как у белорусскоязычного, так и у русскоязычного читателя.

После войны его книги в переводе на русский язык издавались в Беларуси и России чуть ли не каждый год, а то и по несколько в год. Интересен и во многом показателен тот факт, что уже на первый сборник поэта на русском языке «Стихотворения», который вышел в Москве в 1940 году, в российских периодических изданиях появилось около двух десятков положительных рецензий. Причем на его выход отозвались такие авторитетные газеты и журналы, как «Правда», «Известия», «Ленинград», «Октябрь», «Смена», «Знамя», «Литературное обозрение» и другие.

На сборник белорусского поэта «Мой хлеб насущный» (1964) в российской печати появилось уже около тридцати рецензий. Кстати, книга вышла тиражом в сто тысяч экземпляров. Факты небывалые по меркам сегодняшней литературной практики Беларуси.

В 1981 году у М. Танка вышло целых пять книг в переводе на русский язык: одна в Минске — «Веточка и воробей» и четыре в Москве — «Пройти сквозь верность: стихотворения и поэмы», «Прочитай и передай другому: стихи и поэмы», «Стихи» и «Стороны света: стихи». Всего белорусский поэт издал в России в переводе на русский язык около трех десятков книг. В Москве и Ленинграде неоднократно выходили его книги избранного, а также собрания сочинений. Самое полное из них — собрание сочинений в трех томах увидело свет в издательстве «Художественная литература» в 1985—1986 годах. И все эти книги неизменно находили своего читателя — без всяких специальных рекламных акций, презентаций и пр.

Переводили М. Танка на русский язык десятки переводчиков со всех концов необъятной России. В трехтомник поэта вошли переводы 52 авторов, в том числе таких известных и авторитетных, как А. Прокофьев, О. Берггольц, И. Сельвинский, П. Кобзаревский. Несколько книг М. Танка на русский язык перевел Я. Хелемский, в том числе сборник «Нарочанские сосны» (1977), удостоенный Ленинской премии. Стоит отметить, что, переводя М. Танка, они не только знакомили широкую русскоязычную публику с лучшими достижениями белорусской национальной поэзии, но и расширяли и углубляли свой художественный кругозор, развивали представление об идейно-эстетических возможностях талантливого художественного слова, повышали творческое мастерство. А. Прокофьев, думается, во многом обоснованно подчеркивал: «Максим Танк — замечательный человек и великолепный поэт. Его поэзия пронизана большим гражданским чувством и прекрасным лиризмом. Она светла. Она верно служит народу, преданность которому Максим Танк доказал и утверждает всей своей жизнью поэта и гражданина. Я много переводил стихов Максима Танка. Должен сказать, что стихи его обогащают мой духовный мир, мне радостно браться за такой труд».

М. Танк поддерживал близкие дружеские отношения с С. Михалковым, Н. Тихоновым, Е. Исаевым, Я. Хелемским, многими другими русскими литераторами.

Любовь к великой русской литературе поэт пронес через всю свою жизнь. До самых последних дней он не только создавал собственные произведения, но и переводил на белорусский язык стихи многих русских собратьев по перу.

Творчество Максима Танка оказало и оказывает большое влияние на развитие белорусской литературы, в частности, поэзии. Под его благотворным воздействием возросло стремление нашей лирики послевоенного периода к ширине и яркости художественного мышления, пластической выразительности и просторности. Это засвидетельствовали идейно-эстетические поиски А. Велюгина, М. Аврамчика, некоторых других поэтов. В 1960-е годы преемниками традиций выдающегося белорусского мастера слова выступили представители так называемого «филологического» поколения, близкие к нему характером лирического «я», художественно-стилевыми основами творчества. Насыщенная

изобразительность, романтически-экспрессивная образность, историзм мышления объединяют с танковскими ранние произведения В. Короткевича, пластической выразительностью, «зрительной ощутимостью и трогательностью вещей», многоуровневым соотнесением явлений типологически приближены к М. Танку Р. Бородулин, Я. Сипаков, П. Макаль и др. Поэзия М. Танка, в частности, формотворчество художника, стилистические открытия оказали значительное влияние на поиски белорусской лирики в области поэтики, на характер архитектоники, разработку неметрических размеров. Начиная примерно с 1960-х годов в ней развиваются тенденции, связанные со стремлением к разговорной интонации, раскрепощенности ритморяда и в целом поэтической формы. Конвенционный стих дополняется дольником, тактовиком, разными модификациями верлибра, каждая из которых, будучи типологически приближенной к танковской, в то же время свидетельствует об индивидуальном своеобразии автора.

Многие белорусские поэты воспринимают М. Танка как законодателя в плане социально-мировоззренческого, философского осмысления процессов действительности. Опираясь на богатый опыт выдающегося художника, о чем свидетельствует перекличка конкретных стихотворений, они ведут активные поиски в направлении расширения интеллектуальных кругозоров творчества, развития многомерной условности, историзма мышления и др. Подчеркнутая логизированность мироощущения, гражданская иносказательность, подтекстовая насыщенность, типологически близкие к танковскому восприятию жизни, определяют произведения А. Вертинского, А. Рязанова, А. Сыса. Творчество М. Танка рассматривается многими белорусскими поэтами как ориентир в поиске ответов на вопросы, которые ставит время, его духовно-гуманистические противоречия, обусловленные общественно-социальными изменениями и сдвигами. С обращением к танковскому опыту во многом связано усиление в белорусской поэзии конца XX — начала XXI вв. гуманистического начала, гражданственности и патриотизма, стремления к углубленному осмыслению духовных ценностей человека, поэтизации народного самосознания, земных первооснов жизни и др.

Максим Танк как поэт, личность, безусловно, являлся государственным человеком. Но его художественный талант был настолько мощным, ярким и многогранным, что не укладывался в тогдашнюю государственно-идеологическую систему и политику. Он не очень поддавался ограничениям, регламентации и унификации, так как изначально развивался под эгидой высокой духовности и морали, доброты и человечности, правды и справедливости, красоты и гармонии. М. Танк хотя и являлся искренним и преданным коммунистом, членом ЦК КПБ, однако не сильно стремился к утверждению и реализации коммунистических идеологем, принципов и норм жизнедеятельности, не столько поэтизировал их, сколько манифестировал или констатировал. Коммунистические идеи и убеждения органично сочетались в его духовном сознании с национально-патриотическими, более того — основывались на последних. В этой связи можно смело отметить: М. Танк в первую очередь был белорусом, а потом коммунистом, он, как никто иной, прекрасно знал роль и место народно-патриотических традиций и ценностей. Во время одной из наших последних бесед летом 1995 года поэт рассуждал: «Идея беларусчины… Я хочу вкрепить ее в свои произведения, чтобы она была как витамины в еде: не так вылезала со своими ушами, но чтобы действовала… Раньше писали какие-нибудь слабенькие стихи, но, если в конце вспоминали Сталина, они шли на первых страницах. Вот что самое опасное — чтобы мы наше святое слово не затерли… Я боюсь, чтобы не стало разменным то, за что боремся. От частого употребления, бездумного, легкого. Уже если вспомнил, то вспомни, чтобы оно осталось в памяти не только твоей…»

Что здесь можно добавить или уточнить…

Осмыслению жизни и творчества Максима Танка посвящены тысячи научно-исследовательских работ, в том числе двенадцать монографий (некоторые из них уже вышли вторым изданием). Это больше, чем кого-либо другого из деятелей литературы и искусства Беларуси. Причем изучением творческого пути поэта занимались и занимаются наши самые известные и авторитетные критики и литературоведы — В. Колесник, Р. Березкин, Д. Бугаев, В. Рагойша, М. Арочко, А. Лис, О. Лойко, В. Гниломедов и др.

Необычайные впечатления остались от наших встреч и общения. Максим Танк, кажется, никаких особых идейных и жизненных принципов не раскрывал и не защищал, ни на чем категорически не настаивал, никого особенно не хвалил, но никого сильно и не осуждал. Он не стремился произвести впечатление, не хотел удивить меня ни знанием редких событий и фактов, ни глубиной и оригинальностью анализа общественно-культурных процессов, ни безупречной точностью их характеристик и оценок. Евгений Иванович ни на что не жаловался, ни о чем не жалел и никого ни о чем не просил. А были это чрезвычайно сложные 1990-е годы… Все, о чем он рассказывал, основывалось на какой-то удивительной диалектике соприродности и было направлено не на обособленность, а на объединение. Оно несло магнетическую энергетику теплоты, добра и мудрости и осталось в моей душе навсегда. Это были размышления человека, прошедшего «сквозь огонь, и воду, и медные трубы...» (стихотворение «Я спросил человека»). К тому времени поэт уже потерял сестру Людмилу Ивановну, дочь Веру и жену Любовь Андреевну, а также всех своих основных и верных друзей и товарищей. От него веяло антологическим спокойствием и самодостаточностью, жизненной стойкостью и надежностью, величием народного духа и воли.

Максим Танк — классик белорусской литературы, выдающийся европейский поэт. По силе и размаху природного дара, яркости и неординарности идейно-художественного мышления, утверждению исконных основ народной жизни, по особому качеству и самобытности реализации в слове высокой эстетики человеческого духа Максим Танк не имеет себе равных в белорусской поэзии. По этим особенностям он превосходит многих на сегодня культовых западных авторов. М. Танк — самый уважаемый и авторитетный белорусский поэт послевоенного времени в среде европейских литературно-художественных элит, о чем свидетельствуют, например, высказывания Чеслава Милоша, Кароля Войтылы (Яна Павла II), Марка Шагала, которые знали его лично.

Это был дар от Бога. Уникальный человек, неповторимый поэт, талантливый организатор литературно-художественного процесса, колоритная, государственная личность. Он жил самыми светлыми мыслями и идеями, которыми может жить человек, и оставил яркий след в душах и сердцах своих соотечественников, в истории родной Беларуси.

В плане увековечения памяти Народного поэта Беларуси, лауреата Ленинской премии, Героя Социалистического Труда, академика Максима Танка у нас многое сделано. Однако многое еще и предстоит сделать: необходимо открыть музей поэта — пока окончательно не растерялись редкие материалы, вещи и предметы, связанные с его жизнью и творчеством, необходимо установить в Минске памятник выдающемуся художнику слова и гражданину, патриоту родной земли, который бы соответствовал глубине и масштабности его личности, огромному вкладу в государственно-культурное строительство Беларуси, а также издать многотомное собрание сочинений на русском языке, чтобы его поэзия пошла к самому широкому читателю, в том числе и посредством дальнейших переводов на ведущие языки мира.

Петр ВОЛКОДАЕВ

Записки партизана

Состоят из общей тетради и блокнота. Общая тетрадь с надписью на обложке перьевой ручкой «Записки партизана» 1941—1944 гг. Текст написан простым карандашом, листы вложены россыпью, значительная часть их утеряна, что усложняло расчитывание и нумерацию страниц. Вторая часть «Записок партизана» в «Кнізе ўчота грашовых даходаў і іх размеркавання» размером 18,5 на 13 см. Написана карандашом на бумаге голубого цвета. Содержит записи за 1944 год. Почерк расчитывался тяжело, поэтому могут быть отдельные неточности в именах собственных и географических названиях.

Ф. № 74, о. 1.

Волкодаев Петр Иванович родился 9 ноября 1911 года в д. Кожемяки Бугурусланского уезда Самарской губернии в бедной крестьянской семье.

С 1918 по 1922 годы учился в Кожемякинской начальной школе. С 1922 по 1929 годы работал в сельском хозяйстве. С октября 1929 по май 1930 был курсантом-трактористом при Кинель-Черкасской МТС. С мая 1930 по сентябрь 1930 работал трактористом в колхозе «Путь Ленина» Кинель-Черкасского района.

В сентябре 1930 года поступил на рабфак в г. Мелекессе, где учился до сентября 1932 года.

С 1932 по 1936 годы — студент литературно-лингвистического факультета Куйбышевского государственного педагогического института.

С мая 1936 по декабрь 1939 работал учителем Кинель-Черкасской НСШ № 3.

С декабря 1939 по сентябрь 1941 года — в рядах Красной Армии, инструктор-литератор дивизионной газеты «Новый путь». С сентября 1941 года по апрель 1942 года лечился после контузии в д. Зав-Слобода Могилевской области в семье колхозницы-патриотки. С апреля 1942 по июнь 1943 был связным партизанского отряда № 122 на территории Могилевской области, а с июня 1943 по июнь 1944 был партизаном того же отряда.

С июля 1944 года до февраля 1946 года работал заведующим военным отделом редакции газеты «Советская Белоруссия», которая издавалась тогда в Ново-Белице.

В феврале 1946 года перешел на работу в редакцию «Настаўніцкай газеты» на должность заведующего отделом высшей школы, где служил до ноября 1947 года.

С ноября 1947 по май 1948 лечился в санаториях в связи с осложнением после контузии, как инвалид II группы.

С мая 1948 по ноябрь 1949 — заведующий отделом культуры редакции газеты «Сталинская молодежь», с ноября 1949 по декабрь 1952 — литконсультант, а с декабря 1952 по май 1958 года снова заведующий Отделом культуры редакции той же газеты.

С мая 1953 года по май 1954 работал собственным корреспондентом «Литературной газеты» по Белорусской ССР.

С мая по август 1954 лечился в больнице и санатории.

С августа 1954 по март 1972 работал литконсультантом газеты «Знамя юности».

Член КПСС с 1940 г. П. И. Волкодаев был награжден орденом Красной Звезды и медалями «Партизану Отечественной войны» и «За Победу над Германией». Член Союза писателей СССР с 1949 года.

Умер П. И. Волкодаев 4 ноября 1973 года.

Писал на русском языке. Первый сборник стихов «Родная сторона» вышел в 1950 году. Затем были изданы книги: поэма «Чандра» (1952), сборники стихотворений «Зеленая пристань» (1960), «Ливень» (1967), а также книги прозы: повесть «Разлив» (1958), книга рассказов для детей «Егоркины рапорты» (1958), повесть «Чей мальчишка?» (1961).

Документы П. И. Волкодаева поступили в Центральный государственный архив-музей литературы и искусства БССР от вдовы писателя Волкодаевой Антонины Петровны. Первое поступление — 3 декабря 1975 года, второе — 6 апреля 1977 года. После научно-технической обработки было сформировано 897 дел.

Ф. 74, о. 1, д. 281.
1941 г.

Утром

Война!!! В субботу вечером я пошел к редактору нашей дивизионной газеты. […] Ужинали, пили немного вина, немного пива. После беседовали на различные темы, играли на патефоне. Пришел к себе в редакцию в два часа ночи. Разделся и только уснул, как послышался страшный шум, грохот, взрывы, звон разбитых стекол. Я открыл глаза и, ничего не понимая, лежу. Вбегает дневальный […], будит всех. Кричит мне:

— Замполитрук! Вставайте! Война!! Немецкие танки уже перешли границу и идут на Цехановец.

Я уже оделся. Хватаю что попало в руки и бегу в редакцию. Три пикирующих бомбардировщика с визгом пронеслись над самой крышей штаба дивизии и начали кидать бомбы на землянки наших саперов. Как-то дико было смотреть и не верилось, что это вражеские самолеты осмелились над нашей землей летать, но черные кресты на крыльях и разрывы бомб глубоко и грубо убеждали в этом. Возле штаба бегают взволнованные, с бледными лицами люди. Снаряды с визгом пролетают над нами и рвутся за рекой в самой середине Цехановца.

Осколками снарядов издырявило весь автобус, но мы все целы. Бросили машины, собрались все, сколько нас было (а люди были здесь — остатки разбитых трех дивизий […]) и пошли на прорыв. Много полегло в том бою. Малая часть прорвалась. Мы отошли назад. Еще раз — и опять не можем прорваться. Идем к Ружанам и там не можем прорваться. Осталось нас мало. Кто убит, кто ранен. Николай Гвоздиков контужен. Я его положил в автомашину, а сам пошел на прорыв… Долго мы мучались, но прорваться не могли… Начали спасаться кто как может.

Встреча в лесу

Я остался один. Встретил в лесу еще машинистку штаба нашей дивизии Аню. Ночь. Сели под кустами и сидим. Кругом рвутся снаряды. Ракеты.

[…] Но вот одна вдова согласилась взять меня, сказав:

— Чаму ж, пабудзь нямнога.

Налила нам с Негуляевым молока и поставила вареной картошки.

На другой день и Негуляев устроился к старой вдове Наталье Марковне. Пристроился и Лейнадт. У моей хозяйки трое пацанов. Пошли мы уже на рабо-

ту. Меня уже зовут — примак. Болотница — это мою хозяйку дразнят. Болотница, ибо ее маленькая хатка стоит возле самого болота. И Негуляева, и меня уже зовут примаками.

С командиром партизанского отряда. 1946 год.

Так мы прожили девятнадцать дней. Ходили работать, молотили хлеб. Лейнадту уже негде жить, его прогоняют хозяева, и тогда он стал уговаривать нас идти в Киев к его сестрам. Зачем мы пойдем? Мы решили с Негуляевым жить здесь и работать на пользу Родины, работать с населением, с молодежью, разбивать фашистские сплетни, разоблачать врага, читать людям советскую литературу, найти своих людей и работать подпольно, пока придет Красная Армия. О создании партизанских отрядов мы тогда еще ничего не знали и не думали, ибо не получали никаких слухов из-за фронта.

Решили взять в свои руки молодежь, чтоб они не поддавались на удочку фашистов. С Лейнадтом оба мы разругались, и на девятнадцатый день он ушел, подговорив себе в попутчики какого-то пленного, который тоже жил в нашей деревне.

Враги

Много людей, которые сочувствуют нашим. Но вот Марлахов Герасим. Все время кричит о преимуществах вражеской техники, что колхозы — ярмо, что советской власти здесь больше не будет, что немцы победят большевиков! Он махровый кулак, контрреволюционер. И обидным кажется то, что вот этот негодяй жил при советской власти в колхозе и пользовался теми же правами, как и все колхозники. Удивляемся, как органы НКВД не могли нащупать этого гада. Но тогда по-другому пел! Вот его брат Стась — такой же тип, Семенчик Мельников, Мысов — самые ярые враги советской власти. Они подговаривают всех граждан, чтоб нас отправить к немцам в лагерь пленных. Этим негодяям помогал Никита Гарбуз. Приезжают часто немцы в эти деревни, то из Досовичей, то из […], даже из Могилева. Мы прячемся с Негуляевым и просим, чтоб население нас не выдавало. Моя хозяйка боится меня держать, но я ее убеждаю, что я, дескать, не коммунист и т. д. Вскоре Матлахова Герасима назначили бургомистром Хоновской волости. Вот теперь держись! Мы начали ему засорять мозги, говорить, что мы заключенные, дескать, что мы пострадали от Советской власти. Он — хитрый черт и не верит нам!

При смерти

Утром уже не мог встать — температура под 40°. Болит в груди, не могу дышать — я понял, что воспаление легких. Потерял сознание. Сколько дней лежал без сознания — не знаю. Долго болел. Страшно ослаб. Негуляев и моя хозяйка возили меня к доктору. Тот прежде поинтересовался, что ему привезли в подарок, а тогда стал прослушивать меня. Воспаление легких в тяжелой форме (крупозное). Заплатили ему мало, и он, старый черт, почти не дал лекарств.

Лежу, брежу… Временами прихожу в сознание. На печке кричат котята, пацаны лепечут на своем белорусском языке, в хате тесно, душно, грязно — избенка маленькая — три оконца… В открытую дверь вижу клен, что стоит под соседней хатой. Желтые листья клена падают на землю…

— На халеры мне чужое гора, — ворчит хозяйка, — свайго поўна гора.

Конечно, она права, ей надо помогать ребятам, а она еще сама отрывается от работы, ухаживая за мною.

Негуляев женился

Пока я лежал, болел, Негуляева Наталья Марковна выгнала, так как он не хотел спать с этой старой девой. Тогда он не растерялся. Уже успел познакомиться с двумя девушками и вечером то одной, то другой наигрывал на мандолине и покорял их сердца.

Веселый, боевой парень, красивое лицо — девушки полюбили его. Пошел проситься в примы к одной — не взяла, тогда он пошел к другой — согласилась. И теперь его зовут — Зеньков зять. Зенька — это тот самый старик, который в первый день нашего прихода не дал нам покушать. Жаднюга страшный! Он не хотел брать Негуляева, но в хате — три дочери, и они вершат дела! Как решили, так и сделали — одну свою сестру женили…

Матлах

Бургомистр Герасим Матлах (Митлахов) начал рьяно служить немцам. Создал уже привилегии кулакам и антисоветским элементам, издевался над советскими гражданами. К нему добровольно пошел на службу в волость Кухарев Клим (Тихонов) в качестве стражника волости, он же и полицейский. Как только пришли эти антисоветские элементы к власти, так начали вылавливать евреев и отправлять их в город на расстрел.

Взялись и за нас, за пленных. Всех отправляют в лагерь военнопленных. Я еще не могу ходить, не выздоровел еще, а за мной уже подогнали подводу отправлять в лагерь. Начали их упрашивать женщины, чтоб меня, больного, оставили… Оставили меня, кое-как упросился и Негуляев. Оставили и его. Ну, в общем, немало девки Зеньковы перенесли подарков Матлаху!

Сапожник Феликс

Матлах и Клим Тихонов уничтожили по волости все еврейские семьи. Их имущество перевезли, перетащили к себе. Поставили в своих хатах дорогие кровати, шкафы, перины! Оставил Матлах только одну семью сапожника Феликса. Этого Феликса бургомистр с Климом заставили на них работать день и ночь под страхом смерти. […] Мы с Негуляевым убеждали Феликса, чтоб он скрылся, ибо рано или поздно Матлах его сдаст немцам на растерзание. Но сапожник питал еще какие-то надежды на этих извергов.

Так оно и получилось. В феврале 1942 года Матлах расправился с сапожником. Вечером мы с Негуляевым узнали про сапожника. Завтра рано утром Феликса с семьей отправят в город. Сообщили об этом ему. Он прибежал к бургомистру на квартиру. Но тот успокоил его:

— Живи, браток, не бойся.

А утром на двух подводах уже везли их в город в сопровождении конной полиции. Клим тоже помогал. Феликс крикнул женщинам:

— Помирать едем!..

В санях сидели детишки. Их было семеро. Все плачут.

Моя жизнь

Я выздоравливаю. Хозяйка моя Ульяна — женщина лет тридцати пяти — еще довольно молодая и энергичная, но крайне нервная, — ухаживает за мной. Она

думает, что вот я выздоровею и буду с нею жить. У нее нет мужа, ей нужен хозяин. Пацаны озорные, и она на них матерится — жутко слушать. А клянет:

— Каб з вас коўбы павылезлi!

Начинаем осторожно беседовать с молодежью. Молодые парни, но некоторые пошли на удочку фашизма. С некоторыми опасно разговаривать. Таков, например, сын Стася, сын Мишки Сымонова — Александр и другие. Но вот Павлов Антон, Коля Архипов, Витька Михеев — это замечательные ребята. Они ненавидят немцев, и на них можно в любую минуту опереться. Установили с ними тесную дружбу.

По вечерам, когда горят на камине смолянки и когда завывает метелица за окнами моей дряхлой приземистой хаты, моя хозяйка Ульяна прядет куделю и поет свои белорусские песни. Мне понравилась старинная песня этого народа, которую часто поет Ульяна, «Шэрая зязюля». Смысл песни таков: выходит замуж дочь на чужую сторону и заказали приходить домой. Бедная уснула, но домой ей нельзя идти… Превратилась в зязюлю и полетела в родные края, но в саду зязюлю брат этой горемыки убивает из ружья.

Я без убежища

Февраль 1942 года. Матлах-бургомистр еще больше стал относиться к нам недоброжелательно. Есть слухи, что скоро он […]

Я жив.

22 февраля начали всех ловить и отправлять в лагерь военнопленных. Мы трое убежали в лес и скрывались три дня. Нас искали.

Ненадежные товарищи

21 февраля мы тайно узнали, что Матлах нас всех завтра отправит в лагерь военнопленных. Мысль об этом жутком месте приводила нас в ужас. Мы знали, что в лагере Могилева уже 19 тысяч наших братьев погибло от голода, холода и побоев. Каждое утро немцы на санях и машинах вывозят из лагеря сотни трупов и сваливают где-то за городом в овраге.

Нас в деревне собралось чужих 4 человека, да на Будовле 3, и в других деревнях есть чужаки.

Мы собрались вечером, пришли к нам ребята наши с Будовли. Я начал говорить:

— Неужели мы, товарищи, дадим себя в руки немцам! Лучше погибнем где-нибудь в лесу, но не в лагере. Давайте искать оружие!.. И будем пробиваться за Друть, ведь там в лесах где-то живут партизаны…

Ребята согласились со мной, но как пробраться за Друть? Кругом враги, полицаи, немцы, а дорога нам неизвестна, зима, холодно. Будовлянцы пообещали где-то достать две винтовки. Договорились: достанут они оружие, нет ли — все равно приходят в […] лес, где мы будем их ожидать.

У нас с Негуляевым еще закопаны три ствола от винтовок у Зенька в саду, но снег, земля мерзлая, и за нами следят. Откопать нельзя. Стволы с затворами, с магазинами, только ложу — и стреляй.

Володя Натальин вечером проболтался пацанам:

— Лучше за Друть пойдем, чем в лагерь!

Донесли Матлаху. Надо удирать. Убежали ночью втроем в лес. Я в лаптишках, холодно. Будовлянцы не пришли. Прошел день — нету, прошла ночь… Забрались мы в гумно, в солому — ноги мерзнут… Мои друзья упали духом. Я их зову за Друть, но вижу, что они уже раздумали. Пришел вечер, и они вылезли из гумна и пошли по домам. А наутро Матлах с урядником Прокопом Евменовым пришел, арестовал их и повели в город. Там же были и будовлянцы. Я скрываюсь то в […] лесу, то в Сосновке, Негуляева вторую неделю не вижу, он тоже где-то прячется от Матлаха и полицейских.

Мы остались двое

Пропала надежда организовать группу. Связались теснее с местной молодежью. С Негуляевым решили готовить Матлаху подарок к 1мая. Решили убить его и Клима, по-возможности и Прокопа, и уйти за Друть вдвоем. Достали две гранаты. Перед Пасхой Матлах заболел и умер. Одним врагом стало меньше. Заболел и Негуляев. Я стал ждать, пока он вылечится. Хожу в Дашковскую волость помогать работать красноармейке Лизавете (семья у нее большая, 7 детей). Ульяниной родне и […] с тем распространяю советские листовки, и сам даже писал. Негуляева увезли в город на операцию — язва желудка.

Весна

Весной в 1942 году установили связь с партизанами. Они нам помогают, мы им. Теперь мы уже смелее живем! Павкового Антона насильно забрали служить в полицию в Гуслищи. Не пойдешь — сожгут дом, уничтожат семью. В декабре Антон под нашим давлением ушел к партизанам. Отец Антона поехал утром и заявил полиции, что его сына схватили партизаны и, наверно, убили. Хорошо придумано!

Связь с марусовцами и османовцами летом

Весна. Глухо доносятся до нас события, происходящие на фронтах и […] Советского Союза. Немецкая газета безбожно врет о своих успехах на фронтах. Газета эта «Новый путь» издается в Могилеве, редактор Сенкевич. Но мы знаем по советским листовкам, которые сбрасывают советские самолеты по ночам, что Красная Армия взяла инициативу в свои руки. Как только загудят ночью самолеты, так я выхожу из хаты, смотрю и думаю:

— Может быть, мой брат Иван летает здесь и не знает, что вот в этой маленькой белорусской хатенке с тремя оконцами, что стоит недалеко от леса, живу и томлюсь я, укрываясь от полиции, организовываю молодежь на борьбу с фашизмом. Стихают самолеты, и я опять захожу в свою халупу без сеней, вросшую в землю по самые окна, и ложусь на кровать, в которой много клопов.

— Чаго ты не спіш? — спрашивает Ульяна меня. — Клапы, мусіць, кусаюць?

— Да, кусают, — отвечаю я.

— Заўтра я іх кіпенем ашпару, — успокаивает меня Ульяна.

Лежу, вздыхаю. Думаю о Волге, о родных, обо всем, что дорого мне.

— А ты не нудзіся аб родных, — угадала мои мысли Ульяна. — Скажу я табе — цяпер-ка беражы сваю галаву, нямала ж такіх, як ты, немцы загубілі…

— Я ничего и не думаю…

— Я табе даўно хацела, Пецька, сказаць. Я табе не вораг, бо я цябе хавала ад немцаў, даглядала за табой […]

Июнь 1942 года

Группа 20 человек — ветврач-пограничник возглавлял группу (Ковалев Иван. Ковалев Гаврила, Арестов Михаил, Акуленок, Ковалев Илья Свиридович). Имели два ручных пулемета, у каждого гранаты, наганы у каждого, винтовка у каждого. В начале августа приходили для связи из Никольевской группы Николая Николаевича и из группы Комарова. Договорились сжечь Добросневический мост. Немцы начали блокировку Щеглянского леса. Мы наблюдали днем, а ночью пошли и сожгли мост (деревянный).

Убили тогда Абрамова, командир группы Асмоловцев. Сбор в лесу на ночь, а жили по деревням. Комаровцы расположились было в Дубинском лесу (лагерь). В сентябре месяце кто-то донес немцам, и они напали (немцы и народники) на деревню Моссальщину и поймали 16 человек из нашей группы. Николаевцы ушли дальше в лес под Храпелев, потому что сообщили из города, что будут

блокировать лес. […] Ковалев Илья им сообщил, и они ушли дальше. Группа Абрамова разбилась на группы. Ковалева связали с Голушкиным из Шараевки. Ковалев жил в Дубинке. […] Полиция оцепила Михалев, и поймали двух Ковалевых, привезли в Песчанку, избили, возили в Княжичи, обратно в Михалев. Поймали Арестова, но он веревки порвал и убежал в кусты, в реку и сидел в воде 8 часов. Одного Ковалева убили.

Полиция по ночам делает засады, партизаны отходят за Друть.

Иду днем, несу ребенка, появились незнакомцы, вооруженные. Я спрятался в пшеницу. Это были партизаны. Минич показал документы о сдаче медали на хранение в УККА, удостоверение о переходе фронта, о сдаче партбилета на хранение. […] Стали просить связать с Быховским районом. Я сказал, что трудно связаться с Друтью. Находимся в Михайловском лесу. На третий день они ушли за Друть. Передали бургомистру Музыкантову, что я имею связь с партизанами. Я об этом узнал. Приехала полиция из Княжичей, но я удрал в лес. Допрашивали жену. […] Приезжали второй раз, побили окна и все забрали. Я с женой ушел в лес. А потом уже в партизаны в конце октября 1942 года (в Тарасовский отряд за Друть). Третий раз приехала полиция и сожгли дом. Просили меня остаться для связи, но я не мог.

До связи с Миничем приходила полиция под видом партизан в Дубинку (просили сказать, где партизаны).

Когда жали рожь, в лесу ночью стреляли, приехали народники и немцы, в том числе был […].

В начале сентября приходит в лес к 6 человекам дочь Музыкантова и начинает говорить, […] всякую всячину, и говорит, чтоб дали ей наган, она пойдет в город и убьет отца. Но я пришел и сказал, что в субботу (получил связь) приедут блокировать этот лес и что она пришла шпионить. Ее убили партизаны, а сами ушли из этого леса, а назавтра явились немцы и народники

К Музыкантову приходили сколько раз партизаны и предлагали ему работать на пользу советской власти, но он удрал в город. Однажды, когда пришли к жене из Николаевки […] начал стрелять из окна из нагана.

Это было в декабре 1942 года.

Однажды вечером я пришел к Негуляеву. В хате, где он жил, заметил незнакомую девушку. Она сидела на табуретке возле печи и плакала. Сели возле столика у окна, завешенного соломенным матом, и начал мне Негуляев рассказывать. В хате полусвет. Где-то в углу горит пузырек-лампочка.

— Это дочь того самого Архипа, — начал Негуляев, — который в Османовский отряд ушел и куда мы скоро с тобой уйдем… Жили они, ты уже, кажется, знаешь, в […]. Налетела полиция, схватила среднюю дочь Архипа Машу и увезли в Белыничи. Мать пошла туда выручать свою дочь, но полиция узнала, что это жена партизана, и расстреляли женщину. И теперь эта девушка Вера осталась одна в доме. Машу увезли в Могилев и, наверно, скоро отправят в Германию. Находится она в лагере военнопленных. Может быть, мы сумеем ее оттуда выручить?

Начали по этому поводу толковать. Договорились: Негуляев, чтоб не было заметно для наших местных властей — полицейских и урядников — едет со старостой Лоцмановым Николаем в город будто бы в больницу и по дороге, обработав старосту, пробирается с ним в лагерь. Поехали. Негуляев подъехал там прямо к воротам лагеря. Людей за проволокой томится много. Стал спрашивать Машу. Вскоре одна девушка привела ее откуда-то. Негуляев объяснил Маше, кто он. Говорить долго некогда. Надо как-то выручать. Часовой у ворот. Часовой разговорился с прохожими. Негуляев накинул старый армяк на плечи Маши и толкнул ее к женщинам, которые шли мимо ворот. Пошла!.. Раздумывать некогда… Могут сейчас самого схватить — и за проволоку. Сел на сани и айда! А лошадь старосты хорошая. Догнал Машу, та вскочила в сани. И ускакали…

Вечером я пришел к Негуляеву. Маша уже сидела в хате. Она была худа, измучена — видно, немало ей пришлось пережить в немецком лагере. Зимой — жить в сараях и кушать два раза в день по кружке несоленой баланды!..

Недавно я узнал, что погиб Архип. Нарвался на немцев, и те убили его. Остались эти девушки сиротами.

Теперь, когда мы бываем за Друтью, обязательно заходим или заезжаем на Осмоловский поселок к Маше. Они, эти девушки, гостеприимно нас встречают. Особенно Маша. Угощает всегда горелкой. Много раз мы у нее в хатке ночевали. Они живут в маленькой хатенке, а прежний дом их сожжен немцами.

Декабрь 1943 года

Наш взвод часто ездит на задание за шоссе и даже за железку. Пробираемся ночью в такие деревни, где еще ни разу не бывали партизаны. Кругом гарнизоны, засады. И вот мы пробрались в одну деревню (Купёлы, кажется). Рядом, в километре, гарнизон врага. Но мы смело расхаживаем по деревне, ночью конечно. Забрали коров, хлеба, одежду, обувь — все, что необходимо для партизан. Подошли к одному дому. Негуляев стучит в окно, а из хаты отвечают:

— Здесь живет священник, просим дать покоя! — думают, что это полиция.

— Откройте! — настойчиво говорит Негуляев.

Открыли, зашли. Увидели, что это партизаны. Трепещут, боятся. Негуляеву дали они белья, простыни, и все, что ни спросит, дают. Искать самому не пришлось. Увидел пальто с каракулевым воротником. Отрезал каракулевый воротник и пошел. Поп с показным удивлением проводил. И вот теперь он пошил уже кубанку их этого воротника.

Рожденный под пулями

Началась февральская блокада 1944 года. Враги вышли из трех направлений: из Могилева, Белыничей и Чечевичей. С фронта на Быховском направлении было снято, кажется, около двух дивизий. Продвигался противник быстро. Разведка отряда едва успевала следить за появлением противника. Враг шел с трех сторон на леса (Синайловский, Усанинский и Кличевский), в которых укрывались партизанские отряды. По пути враг забирал с собой молодежь в деревнях (мужчин, девушек) для угона в рабство. Забирали скот, хлеб, фураж. Убивали людей, сжигали дома, насиловали девушек.

Партизаны устраивали засады на врага, вступали в неравный бой. Но враг шел все ближе к лесам. Тогда в штабе решили, пока есть ворота на запад — надо выходить отрядам из лесу. Самолеты уже каждый день бомбят лес и обстреливают. А наземные силы уже вошли в лес. И тогда в ночь хлынули отряды к реке Березине. Но там враг поставил сильные заслоны. [...] Двинулись общей массой. Шли всю ночь, а утром обнаружили самолеты, начали бомбить и обстреливать. Ранило нашего Минкина и убило Османа. Отряды после короткой дневки в лесу начали ночью прорываться через Березину, но нельзя — вернулись и, разделившись, начали самостоятельно маневрировать по болотам. Враг шел по пятам. Ночью, по болотам, мимо врага уходили тайно обратно. Не курили, даже не разговаривали вслух.

А враг уже прошел наши леса возле Друти, взорвал и сжег землянки почти каждого отряда и ринулся вслед. Хотел прижать отряды возле Березины и уничтожить. Вот они уже в Дулебах… Но когда пришли ближе к реке Ольса — притоку Березины — партизан не оказалось. Враг подумал, что партизаны ушли тайными тропами за Березину на Минщину. Но отряды уже пробирались в тыл прочесывающим частям. Но положение было трудное: в каждой деревне стояли гарнизоны врага.

Вот в это трудное время и произошло необычайное. Жена командира Шестаковского отряда была беременная. Налетели самолеты, начали обстреливать и

кидать бомбы малого калибра. У этой женщины начались роды. Родила прямо под открытым небом на санях, но так как надо было укрываться от противника и нельзя было оставаться на дороге — схватили ребенка, завернули его в шубу и бежали с этим новорожденным километров шесть по болоту. Роженице тоже помогли укрыться. После всё партизаны смеялись:

— Только родился и уже попал под блокаду… Сразу в пекло…

Записки за 43—44 гг.

Командир разведки Евтеев

Боевой, умный парень. Много он перетаскал живьем врагов в отряд. Однажды он со своими молодцами ворвался во вражеский гарнизон в деревню Хатки. Схватил там трех немцев: (сержанта, ефрейтора и еще какого-то чина) и четвертого русского обозника из плеяды изменников. Взял он этих немцев без единого выстрела. Пока в гарнизоне опомнились, как говорят, то Евтеева и след простыл. Буквальным образом украл и все тут.

Однажды возле деревни Толпечицы Евтеева заметили немцы и полиция. У Евтеева горстка храбрецов, а у противника в несколько раз превосходство в численности. Евтеевцы поскакали в лес, что возле Толпечиц. Что делать? Лес небольшой. На противоположной стороне леса вражеский гарнизон. А вправо от леса и впереди к шоссе чуть ли не в каждой деревне гарнизон.

Но этим временем противник почти уже взял в кольцо ту часть леса, в которой укрывались евтеевцы. Они стояли почти на опушке. Немцы и полицаи уже близко, развернувшись цепью, подходили к лесу.

— Сдавайтесь, бандиты! — кричат изменники.

— Ну что, ребята, напугались? Нет? — шутливо сказал Евтеев, а у самого лицо вовсе не выражало шутливую мимику. Оно было нахмуренным и озабоченным. — Надо прорываться, иначе нас здесь придушат всех, как цыплят. Пусть убьют двух-трех человек, но мы прорвемся!

Пули лопались совсем рядом, задевая за ветки елей.

— Разрывными, сволочи, бьют!

Выдвинулись совсем на край леса.

— Не отставать!

Рванулись кони врассыпную (развернутым фронтом на вражескую цепь). Затрещали винтовочные выстрелы, заработали вражеские пулеметы. Евтеевцы скакали на вражескую цепь и стреляли из автоматов и винтовок. Горячей струей обдавали пролетающие пули вражеских пулеметов. Вот уже близко враги — в 30, 20, 10 шагах. Некоторые уже бросили стрелять и убегают, давая дорогу конникам. Несколько прыжков — и всадники уже мчались позади цепи. Мчались по снежному полю к деревне Селищи.

Враги опомнились, но было поздно. Уже Евтеев со своими ребятами скакал в лощине, и пули врага уже не были опасными.

Когда скрылись из виду противника, Евтеев спешился, окинул своих бойцов взглядом и, увидев, что все прорвались и все живы, сказал:

— Ну как, товарищи?

— Все в порядке, командир.

— Ну, нажмем еще немного, а там перекурим, — он кивнул головой в ту сторону, где синей косматой стеной выступал лес.

Во время февральской блокады этот боевой командир разведки побывал у немцев в плену. А произошло это вот как. Это было в Усакинском лесу, когда отряд вернулся тайными тропами из-под вражеских гарнизонов на реке Березине. Евтеев и нач. штаба Салтыказин вдвоем поехали в разведку по лесной тропе на выстрелы, которые были слышны где-то далеко на дороге, ведущей к Кинеев-

ским лесам. На повороте совершенно почти, как говорят, нос в нос столкнулись с немецкой разведкой. Евтеев ехал первым. Навел автомат — получился одиночный выстрел (автомат стоял на одиночном). Немцы начали стрелять. Раздумывать некогда. Надо поворачивать назад.

Пока он повернул, Салтыказин один уже скакал назад к заснеженным шалашам, где находились партизаны. Евтеев гикнул на коня. Пешие разведчики врага не могли б догнать, но злая пуля прожгла тело. Пуля попала в бок, прошла через грудную клетку над позвоночником, вышла в шею, пробив раковину уха, нигде не задев кости и не потревожив систему кровеносных сосудов. Евтеев потерял сознание, свалился с коня. А когда пришел в сознание, то лежал уже на санях. Рядом и сзади шли полицейские и немцы. Было видно только движение сбоку. Закрыли чем-то. Но он слышал, что их движется много. Скрип саней, людские шаги.

Привезли его в местечко Погост. Наутро привели в штаб. Начался допрос. Евтеев заранее обдумал, как ему держаться. На допрос он еле пришел при помощи двух сопровождающих, хотя чувствовал, что может сам идти.

В штабе посадили на стул. Перед ним за столом стоял высокий белокурый немец в офицерском френче.

— Кто вы такой? — спросил офицер. — Партизан? Командир?

— Нет, десантник.

— Давно высажены десантники?

— Недавно.

— А знаете, где находятся местные отряды партизан?

— Нет. Потому что мы еще не успели с ними связаться. Мы спущены всего только три дня тому назад.

— Так… — неопределенно протянул офицер. — А какая цель вашего десанта?

— Наблюдать за отступлением противника, за путями его отхода.

— Сколько вас?

— Сто человек.

— Чем вы вооружены?

— Автоматами и пистолетами.

— Понимаю… — Пауза. — Мы вас отправим лечиться в госпиталь.

Впереди шел полицейский, а рядом с Евтеевым старик-крестьянин. Старик нес в руке железную лопату. Евтеев понял, в какой госпиталь его ведут. Пригляделся к полицейскому — тот вооружен только одним наганом, да и тот находится в кобуре. Враги настолько уверены в том, что Евтеев потерял от ранения все силы и не может убежать, поэтому и оружие даже не держат наготове. И Евтеев еще тяжелее стал шагать, как будто совсем изнемог.

— Расстреливать тебя будут, — шепчет старик, не поворачиваясь, — беги!

«Беги… — думает Евтеев, — но сколько я могу пробежать, ведь я и на самом деле плохо себя чувствую, вот немного прошел, а уже голова закружилась, в глазах темно, наверно, много крови потерял. Да, надо бежать. Хватит силы — счастье мое. Упаду — все равно погибну».

И вот уже идут по кустарнику, а там за ним видны какие-то постройки, а дальше лес… Лес — ты родная стихия! Ты спасение и приют партизан. Но раздумывать некогда. Старик догадался. Не поворачиваясь, на ходу жмет руку Евтееву и шепчет:

— Беги, бедняга… Прощай… Сын у меня такой же, как ты… Летчиком…

Но Евтеев уже не слышал последних слов старика. Он рванулся к постройкам, собрав все силы. Вот они уже близко… Сейчас он скроется за сараи. Сзади послышался револьверный выстрел, за ним последовал второй, третий… Но Евтеев и выстрелы даже плохо слышал. В голове шумело, мелькали предметы в глазах. Миновал уже постройки. Впереди, метрах в двухстах, лес.

— Лес… Лес… — шептал, задыхаясь, Евтеев. — Добегу, добегу!

Вот уже первые ели стоят, помахивая ветками, как бы говоря:

— Скорей, бедняга, скорей. Мы здесь не дадим тебя врагам на растерзание.

Евтеев на секунду остановился, сбросил валенки и оглянулся назад. Вслед за ним по снегу бежал полицейский… Евтеев бросился вглубь леса…

Вышел к какому-то поселку. Обернул ноги соломой и пошел дальше. Прошел еще лесом. Деревня. Зашел в крайнюю хату, залез на печку и не слезал до утра. Утром в деревне появились вооруженные люди. Евтеев узнал, что это партизаны, рассказал им, кто он такой, попросил их помочь. Они привезли его окружно в отряд.

Когда налетели самолеты, я шел с товарищами за подводой. На санях стоял среди пулеметов, вещей и снаряжения большой чугун с вареной картошкой. Мы шли торопливым шагом и, хватая их чугуна горячую картошку, жрали ее, хотя она и была несоленая — вкусно!

— Самолеты!

Мы позабыли про картошку. Укрыться негде. Открытое поле. Легли на дороге. Евтеев дал ракету вверх. Самолет врага в заблуждении. Полетел назад. Но вот он летит назад, и еще летят, летят… Догнали нас и начали строчить. Вот он летит один прямо низко-низко над шляхом. Вот он надо мной скоро будет… Как сыпанул разрывными метрах в двух-трех от нас…

Мы поднялись — и с дороги на поле бежим, а он повернул и опять…

…Подошли мы, поздоровались с ним. Светило солнце из-за вершин елей и сосен, склоняясь к вечеру. Евтеев взял граммов 200 тола, вставил капсюль и, выбрав более глубокое место (рыбное), бросил в воду, заполовинив шнур. Взрыв, столб воды поднялся выше берега. На поверхность воды начала всплывать оглушенная рыба. Ниже по течению на бревнах переправы сидели евтеевцы, и если подплывала к ним оглушенная рыба, они ее хватали руками. Один высокий парень встал на бревно, оно перевернулось, и он полетел в Друть. Вылез весь мокрый.

Недавно, дня три тому назад, Евтеев из-за шоссе пригнал машину и привел с собой одного фрица. Это было в деревне Речки, куда этот немец с двумя народниками приезжал за частями к трактору. Евтеевцы (днем) окружили деревню и схватили (стреляли поверху) двух, а один убежал. Шофера везли, но и шофер удрал…

— Ну, тов. Евтеев, желаем успеха вам, — прощаясь, говорили мы. — Приезжайте еще на немецкой машине.

Все засмеялись.

— Теперь уже приеду на танке, — шутя, ответил Евтеев.

Когда Евтеев ехал на немецкой машине уже по нашему району, возле Закутья были белоусовские партизаны. Услышав гул машины, белоусовцы все ушли в лес — думали, едут немцы.

Январь 1944 г.

Старая Водва

Во второй половине января наступила оттепель. Дни стояли тихие и солнечные — как в мае месяце. В один из таких пригожих дней мы мчались на конях, запряженных в белорусские розвальни. Мчались по заснеженной дороге сквозь густой ельник. Дорога петляла, и на поворотах сани поминутно задевали за старые пни и колючие ветви елей. Впереди на вороном коне мчался наш комвзвода. Мы торопились к Старой Водве.

Уже близко опушка леса, где-то там впереди уже маячили соломенные крыши избенок Старой Водвы.

На опушке леса спешились. Разговаривали тихо. Выслали вперед разведку, а сами тоже стали тихо продвигаться вперед. Въехали в деревню, возле домов и сараев поставили подводы и сами торопливым шагом пошли в другой конец деревни, туда — за церковь, где, по словам разведки, должна быть небольшая группа немцев. Пока мы пришли туда — немцев уже не было.

Не дойдя до мостика, мы заметили две подводы, которые ехали от леса в деревню. Все мы попрятались за изгороди и дома. Подводы ближе и ближе. Вот они въехали в поселок, который расположился по ту сторону лощины.

Едут по улице, мелькают мимо домов. Все мы увидели, что это едет неприятель. Мы засели за углами домов. Две подводы с немцами едут уже через лощину к мостику. А сзади, возле самого леса, показалась еще одна подвода. Не успели они подъехать к мостику, как затараторил скороговоркой автомат, затрещали винтовочные выстрелы.

И вот неприятели соскакивают с саней и падают на сырой снег, поднимаются и, слабо отстреливаясь, убегают. Пулеметчик залег возле саней, чтоб поддерживать немцев огнем. Кто-то из наших ребят стреляет в неприятельского пулеметчика, и тот, бросив пулемет, убегает. Комвзвода и другие наши ребята бросились вперед. А мы с Сашкой Кухалевым, когда началась стрельба, били по задней подводе, которая ехала от леса, — это шла третья вражеская подвода. Потом Сашка выскочил из-за угла на улицу и крикнул: «Вперед!» Он побежал вниз к мостику, а я за ним. Трофимыч с Колей Богдановым и Витькой […] бежали уже по лощине, отрезая путь отхода раненым. Враги, бросив оружие, уже убегали через лощину и тащили своих раненых.

Поднялась вверх одна и вторая ракета о помощи. Вдруг из поселка затараторил немецкий пулемет — это пришла третья подвода.

Трофимов, Коля и Витька залегли у бункера. Но по неприятельскому пулемету ударили наш пулемет и несколько винтовок. Он замолчал. Ткачев уже ехал по лощине на трофейной лошади.

Кончился короткий бой. Мы возвращались по улице к своим подводам. Светило солнце. На дороге были лужи воды. Мы везли трофейный пулемет, патроны и две винтовки. Сели на сани и поехали с песнями в лес.

Да, товарищи, я и забыл написать, что когда враг кинул винтовку, то Негуляев бежал за ним. Но был тяжело одет и обут и не мог схватить винтовку. Его обогнал один человек из других и схватил. Тогда Негуляев остановился, положил винтовку на яблоню и два раза выстрелил по неприятельскому пулеметчику.

Февраль 1944 г.

8 февраля

Началась блокада. Ростепель, сыро. Мы из своих районов ушли за Н-скую реку в леса. Уходили окольными путями.

10-го нас в лесу обстреляла «стрекоза» или, как ее называют наши ребята, «кочерга». Мы ушли дальше в лес.

Сегодня — 12-го — снова эти проклятые «стрекозы» кружатся над лесом и обстреливают. Кружатся с самого утра. Но мы плюем на это дело и преспокойно варим себе мясо и кушаем.

Негуляев поваром, своим кинжалом выскабливает котел. Комвзвода принес еще несколько луковиц, сейчас он будет готовить обед, а потом «холодное».

23 февраля

Продолжается блокада лесов, в которых мы жили. Костров нельзя разжигать. Холодно в лесу под елью. 16 февраля мы покинули эти леса и направились к реке Б., через которую хотели переправиться и уйти в М-ну.

На другой день нашего похода, рано утром, нас обнаружила «кочерга» и вызвала себе на помощь еще четыре самолета, и начали нас обстреливать и бомбить. Есть среди нас потери.

Через Б. не удалось нам переправиться. Повсюду на берегу усиленные вражеские заслоны. Убит во время налета на нас вражеских самолетов выдающийся наш человек — Османс. Это был гроза вражеской своры. В течение двух лет он действовал под городом. Сколько его партизаны истребили врагов! Враги обещали большую сумму денег тому, кто доставит его голову. И вот теперь он погиб. Последняя его крупная боевая операция — разгром вражеского гарнизона в Голвинце. Незадолго до смерти ему присвоили звание Героя Советского Союза. Его отряд — орлы, отчаянные, смелые ребята. Сколько они натворили бед врагам! Об этом знают сами враги.

Как несли его мертвого по болоту…

Сейчас мы ходим за врагом вослед. Враг уйдет из деревни, а мы приходим в нее и отдыхаем. Вчера беседовал с крестьянами одной лесной деревушки. Они говорят, что вражеские солдаты, которые участвуют в блокаде, голодные, как шакалы. Заходят в хату, хватают из печи еще недоваренную бульбу и едят. Зарезали в той же деревне одного коня и съели. Есть с ними изменники нашего народа.

А сейчас действуем в […]. Думаем переправиться через Д. в наш район. Стоят большие морозы, а мы четвертые сутки спали на снегу. Но все себя чувствуют бодро, никто не хнычет. Герои все, одним словом…

Говорят, что Красная Армия прорвала фронт на Быховском направлении. Но это пока еще только разговорчики, и достоверных сведений мы пока еще не получили. Ребята, мои товарищи, сейчас кто играет в карты, кто пьет кипяток, а остальные спят. Рады, что за столько дней впервые попали в хату.

День солнечный, а самолетов вражеских не видать. В нескольких километрах сейчас стоят в деревне немцы. Куда они держат путь и какая их задача, об этом мы сегодня разведаем.

25 февраля

Вчера мы дневали в Д-х. Топили баню. Налетело штук 9 вражеских бомбардировщиков. Но, никого не обнаружив, деревню не тронули. Помылись в бане, перебрались в поселок ближе к лесу. Перед вечером зажгли две деревни и двинулись на нашу деревню. Не успели мы отойти в лес, как они уже в Д-х. Нарвались наши ребята, шли с поста вслед за нами.

Сегодня мы отдыхаем в деревне Б-ки. Позавтракали, поставили себе варить обед, как вдруг разведчики докладывают, что сюда идут враги. Только мы успели уйти в лес, а сзади уже стреляют из автоматов и два выстрела из миномета. Зажгли и эту деревню, и быстро смотались они на М-е шоссе. Нарвались на них в лесу наши два конника. Одного убили. Если бы у нас были боеприпасы, мы бы вступили с ними в бой в этом лесу, хотя их двигалось очень много.

Ушли мы на отдых в деревню Загрошевье. Встретили гришенцев-разведчиков. Они нам сказали, что приняли по радио сводку: заняты Рогачев и Н. Быхов. Близко фронт, близко Красная Армия.

27 февраля

Сегодня поехала наша разведка к реке Друть. Говорят, что по ту сторону немцев нет.

29 февраля

Говорят, что 27-го снята блокада, но отдельные вражеские группы продолжают бродить по нашему району. Курсируют с Минской шоссейки на Б. Подготовили себе переправы на реке Д. Через наши переправы боятся ездить.

С журналистами дивизионной газеты 86-й Краснознаменной пограничной дивизии. 1941 год, г. Цехановец.

Шатаются с немцами полицаи и народники — они-то и отличаются жестокостью. Это — заклятые враги советской власти, никогда их нельзя простить. Если им попадается живым партизан, то они его режут по кускам. Это о полиции и […].

Март 1944 г.

4 марта

Наш взвод направлен в глубокую разведку и на хоз. операцию.

5-го вечером переправились через Д. по льду против У. Лошадь распрягли, положили на сани и перевозили по весеннему льду. На середине, в опасном месте, вожжи порвались, и сани с лошадью чуть не пошли ко дну под лед.

Перебрались 7-го через шоссе, передневали в Т. и в ночь переправились в деревню Купелы через Оршанскую ж. д. Коней оставили в У-ве, а сами осторожно переползли через ж. д., ибо там охрана, патрули и бункера. Запрягли коней, набрали коров сами в к-х и грянули на переезд. Коровы ревут, кони ржут, ночь лунная. Все это опасно для нас.

Только первая подвода нашего обоза вошла на полотно ж. д. — застрочил вражеский пулемет. У каждого из нас мелькнула мысль: «Засада!» Первую лошадь убило, корову тоже. Остальные подводы загородили дорогу.

А немцы начали стрелять энергичнее и ближе. Уже слышна трескотня автоматов. Пули ложатся возле нас. Бьют разрывными. Мы залегли и начали отстреливаться. Короткими очередями бьет наш пулемет, который мы отняли у немцев в Старой Водве. Ранена одна, вторая <коровы> — нас видно как на ладони. Успели проскочить наши три подводы и шесть коров. Две подводы и пять коров остались на переезде.

Мы отходим, ибо немцы уже бьют из миномета.

Брали мы лошадей и коров в тех местах, где живут полицаи и близко немецкие гарнизоны. Все равно немцы забрали б и этот скот.

10 марта

Возвращаемся в свой район из разведки. Перебрались через шоссе возле партизанской глухой дороги. Хорошо, что не поехали на Е., хотя наша дорога проходит всего в полутора километрах от гарнизона.

На М-не снова нас обстреляли. Стреляли из Е. Потерь у нас нет.

Приехали к себе на место дневки в П. П. Комвзвода с пулеметчиками остался, а мы поехали в ту деревню (Б-к), где я когда-то был больной и лечился. Приехали туда на рассвете, затопили баню. Помылись в бане, выпили самогонки и поскакали на Т-ку за Д.

В деревне Б-к были тоже немцы, даже кроме обоза танки. Брали хлеб, фураж. Население все цело — прятались в лесу.

Пару слов о дикостях немцев и французов: в деревне Т-ка ловили девчат и насиловали. Зашли в одну хату вечером. Отца заставили зажечь лучину и светить, мать подносила воду дочери, а дочь лежала на полу, и ее насиловали человек 9 французов из добровольческого легиона.

Недавно б-ок Матяжа из отряда Гришина сделал засаду на передвигавшегося врага где-то возле М. шоссе. Разбили вражеский обоз. Враги бросили свой обоз и оружие. Матяж взял трофеи: несколько пулеметов, 2 миномета и много ящиков патронов. А самое главное — два мешка битых кошек. По-видимому, в этом обозе было много французов, а о них ходит слава, что едят кошек. Бедная Белоруссия: даже кошек твоих враг решил пожрать.

Враги в наших местах брали скот, хлеб, фураж и людей — мужчин и молодежь обоего пола. Это для угона в немецкое рабство.

12 марта

Сегодня у меня бесконечная радость — ночью принесли мне сразу семь писем — письма из Советского Союза от родных и знакомых. Сегодня, т. е. 13-го, я их читаю и перечитываю, как раз есть свободное время.

Я не имел возможности установить связь с родными, ибо они по ту сторону фронта, а я здесь в тылу врага. Брат мой Иван, оказывается, уже капитан, летчик-орденоносец. Взволнованное письмо от жены и от матери. Эх, скорее бы соединиться с Красной Армией да побывать у себя на родине — на Волге.

Изобище

Это было осенью 1943 года. Неподалеку от этой деревни партизаны напали на немецкую машину. Было убито сколько-то немцев. На другой день в эту деревню явился отряд карателей на машинах. Они ехали по деревне и, не вылезая из машины, бросали в окна домов гранаты и стреляли из автоматов. В белорусских хатенках поднялись стоны, вопли. Выбегали на улицу раненые дети, женщины, старики.

Из одной хаты вышел дряхлый старик. Он нес на руках девочку, у которой была окровавлена нога. Короткая очередь немецкого автомата, и старик упал мертвым на мерзлую землю.

Потом немцы начали сгонять жителей в конец деревни и, отобрав подозрительных, расстреливать. А некоторых начали водить в школу на допрос. При допросе участвовал старшина этой деревни. Он указывал немцам на тех людей, которые имеют связь с партизанами или, как говорят фашисты, со «сталинскими бандитами». Среди немцев был комендант Белыничей.

Привели одного беженца, кажется, родом из Смоленска, и одного молодого парня из местных жителей. О них староста сказал, что они держат связь с партизанами. Немцы били этих несчастных двух парней и допрашивали. Допрашивали и били! Истязание продолжалось долго. Потом повели два немца этих парней за деревню, дали им в руки лопаты и заставили копать яму. Один немец был вооружен винтовкой, второй пистолетом. Парни копали яму, немцы стояли возле них. Мгновенно, одним взмахом, беженец ударил немца, что был с винтовкой, железной лопатой по голове. Немец упал. Парни бросились бежать. Второй немец побежал за ними в погоню, стреляя на бегу из пистолета. Беженец поскользнулся и упал (он был в галошах). Немец под-

бежал и застрелил его. Но парень-белорус убежал и на третий день пришел в партизанский отряд.

Далее, в заключение, немцы сделали следующее: взяли шестерых мужчин, босых и раздетых, подвели их к остаткам разбитой и сгоревшей машины и заставили взять на руки и нести по дороге. Так на себе эти шесть бедняг несли вплоть до города остатки этой сгоревшей машины, а немцы били их прикладами.

Зажгли деревню и поехали…

17 марта

Мог-я немецкая школа направила в наши районы несколько сот шпионов-диверсантов. Их цель — убивать командный и рядовой состав партизанских отрядов, узнавать места расположения партизан, производить террор и диверсии. Приняли меры предосторожности и вообще — контрмеры… Дураки! Блокадами не смогли уничтожить партизан, так решили путем террористических актов уничтожить!.. Но это укус комара…

20 марта

Я с другими товарищами в засаде, в лесу. Сижу на дереве (на ветвях невысокой сосны) и наблюдаю за появлением противника на N-ской дороге. Ребята в стороне, в молодом сосняке развели небольшой костер и балагурят, громко смеются. По-видимому, кто-то рассказывает какую-то смешную историю. Я им со своей «наблюдательной вышки» передаю: «Тише!» Они смолкают. Я сижу, покачиваясь на ветвях сосны, гляжу вдаль — туда, где коричневыми пятнами на зеленом фоне виднеются ольшаник и березняк и откуда, как змея, выползает уже немного почерневшая дорога, потому что оттепель и появились первые проталины.

Я сижу и думаю о далеких прошедших днях, о студенческих годах, о Волге, о любимой женщине… Но это было давно…

Я думаю о родном крае, о тихой зеленой волжской весне, о родных и знакомых, о пацанах-сыновьях, которые сейчас уже за 4 года стали большими. А еще думаю о том, что придет тот день, когда не будет войны, исчезнет опасность для жизни людей и в розовое утро я буду сидеть с ружьем в камышах на берегу озера и ждать, когда приплывут утки… Но сейчас война… И я гляжу в ту сторону, откуда может появиться противник…

13 апреля

Я заехал к доктору Дашкевичу в деревню Тишновку. Мне кажется, что у меня больные легкие, ибо я совсем плохо себя чувствую. Что он скажет? […] Туда по шляху из Кучина каждый день приезжают немцы за фуражом и хлебом. На Полевом поселке убили двух партизан, кажется, из нашего отряда.

Друг мой, Захар Терпинский

Он был в начале войны лесником.

Узнал я его в начале 42 года. Жил он тогда в деревне Заболоть, был лесником. Он ходил по лесу, находил оружие и прятал его там же в лесу. Но об этом тогда никто не знал, ибо кругом были полицаи. А он запрятал в Незовском лесу даже ящик снарядов.

Имел связь с нашими ребятами. Полиция за ним следила.

Весной 42 года, когда после болезни я начал выздоравливать, но еще слабо себя чувствовал, пошел со своей хозяйкой в лес — отрезать от ели две колодки на жорна. (Хозяйка моя знала в казенном лесу толстые кряжи, спиленные и просохшие.) Жорна (ручную мельницу) я решил сделать сам. Конечно, предварительно сходил несколько раз к «мастерам-белорусам», которые делали жорна,

и ознакомился с хитростями этой работы. И вот мы пришли в лес. Зелень кругом трепетала. Солнце, тепло. На лядах (полянах) копали землю какие-то женщины — это готовили почву для посева проса.

Мы нашли подходящий кряж, отмерил я, и начали отпиливать чурбаки для мельницы.

Вдруг появляется человек в белой рубашке. Он шел по кустам, и иногда был виден за ветками только синий верх его фуражки. Он шел прямо к нам.

Бревно было толстое, а пила тупая. Я устал, да и хозяйка моя тоже устала. Мы сидели на бревне и отдыхали. Подошел красивый рослый парень лет тридцати пяти.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Кто вам разрешил такие кряжи портить? Ведь мне за них надо отчитаться. Дайте вашу пилу.

Взял и пошел.

Тут заголосила моя хозяйка:

— Дзядзюлечка, братулечка родненькі, а аддай жа ж ты нам пілу! Бо піла чужая, у суседа ўзялі…

Тот остановился, повернулся и засмеялся. Потом подошел к нам и сказал:

— Так вы на жорны хотите вырезать? Идите вон туда, за лощину, к березняку. Там есть подходящие кряжи — отпилите себе.

Мы пошли к березняку, а этот красивый парень пошел к женщинам на лядо. Среди зеленых кучеров мелькала его белая рубаха.

С тех пор я его не видал, и только слухи доносились о нем. Вскоре разнесся слух: схватила его полиция, связали ему руки. Он рванулся, порвал веревку, сбил с ног одного полицая, ударил прикладом второго и бросился бежать из Заболотья к лесу. Выскочили из хаты остальные полицаи. Они начали по нему стрелять, бить из пулемета. Пуля попала ему в шею и прошла сквозь левую щеку. Он упал и пополз за стог прошлогоднего сена. На минуту потерял сознание. Потом поднялся и побежал в ближайшие кусты. Полицейские думали, что он убит. Но он ушел в лес и в чаще под выворотом лег.

И вот началась жизнь, полная опасностей, тяжелая, одинокая, волчья жизнь без надежды на помощь. Первое, что он сделал, — это убежище для себя. А убежище было вот какое: раненый, голодный (но инстинкт самосохранения давал себя знать), — выкопал эту яму, настелил туда папоротника, веток, оставил очень малое отверстие, чтобы только самому пролезть. Залез туда, а сверху приладил гнилой пень-корч, все заделал мхом — и трудно было найти такое убежище.

Три раза ходили полицаи по этому лесу, шагах в десяти были от него, но не нашли Захара. Он сидел в своей «квартире» и все, конечно, слышал.

Но долго сидеть в этом убежище было невозможно. Болезнь и голод заставляли его выйти, но смертельная угроза (в деревне полиция) не выпускали его из лесу.

На щеке его висел кусок кожи — такая рана не любит зарастать. Он взял бритву, которая хранилась у него в кармане, срезал этот кусок и перевязал своей белой рубахой, которую изорвал на куски. Отполз от своего убежища метров на тридцать поближе к дороге и лежал там с самого утра. Вот скрипят колеса. Кто-то едет. Из-за кустов показалась лошадь, а на телеге сидел знакомый мужчина из деревни Борок. Захар его хорошо знал. Подполз ближе. Окликнул. Тот испуганно посмотрел вокруг. Увидел, слез, подошел. И увидев Захара, испугался. Захар сказал ему, чтоб тот привез или прислал ему хлеба. Тот мужик дал слово, что сделает. Захар ждал долго. Мужик этот уже давно приехал из лесу с дровами, но нести хлеб побоялся. Мол, дескать, увидят полицаи и убьют его.

Напрасно Захар ждал его. Прошло несколько дней, а хлеба не было. Но появилась надежда…

В ране завелись черви. Что делать? Пропадать, погибать без помощи и приюта…

Но вот однажды он услышал шорох неподалеку от своего убежища. Насторожился, начал наблюдать. Заметил, что по кустом с топором шел тот самый пленный из деревни, который лечился там зимой и у которого Захар отобрал пилу.

— Неужели выдаст? — подумал Захар. — Не должен, ведь о нем говорили, что он директор средней школы и, наверно, свой человек. Как его зовут?

— Эй, братишка!

Павел подошел к Захару, когда тот уже сидел возле пня.

— Здравствуйте, господин лесник, — улыбаясь, сказал Павел. — Вот теперь я понимаю, что вы лесник.

Он протянул ему узелок. Захар попробовал улыбнуться, но боль помешала.

— А я третий день ищу вас по лесу. Как только утро — беру топор на плечо и иду в лес. Прошел слух, что вы живы, и я решил вас найти.

— Спасибо, — сказал Захар. — Как вас зовут?

— Павел.

— Так вот, Павел, скажу я тебе, что никому не верю… Боюсь я после того, как выдал меня мой двоюродный брат.

Ночью Павел со своим другом пришли в одну деревню, где жил врач. Взяли его, завязали ему глаза и повели в лес к Захару. Перевязал он рану Захару, врача отвели назад с завязанными глазами. Павел и Г. начали каждый день навещать Захара.

Однажды утром пришел Павел и принес с собой две винтовки. Он их осторожно поставил возле убежища, а затем, улыбаясь, вынул из кармана брюк новый парабеллум.

— Ну, дружище, — сказал он, — для начала неплохо, правда? Г. должен сегодня ночью достать автомат и две гранаты. Скорее выздоравливай, и начнем воевать.

— Ну, у меня немного больше есть, — улыбнулся Захар.

Договорились о вербовке в свою группу ребят. Павел сказал, сколько у него есть на примете людей. Захар назвал имена своих и сказал, через кого можно с ними связаться. Поговорили еще кое о чем, и Павел ушел, засунув в брюки парабеллум. Их стало девятнадцать. Началась боевая жизнь.

Захар поправился, но шрам на левой щеке изуродовал лицо. И казался этот шрам на красивом лице Захара совсем неуместным.

Г. — веселый гитарист, смелый, хитрый разведчик. Павел дал в его распоряжение трех человек.

Уходили из деревни — Павел и Г. — с музыкой. […]

Однажды утром, когда Павел пришел в лес, заметил на тропинке необычайное. Он приостановился, приподнялся на цыпочки, вытянул шею, насторожился. Впереди, метрах в пятидесяти, на зеленой траве возле старого осинового пня сидел Захар. Он сидел, облокотившись на траву.

Она сидела подле, — в белой повязочке, в синей фланелевой юбке, и глядела на Захара.

27 апреля

Бывает такое странное состояние души, когда ничего не хочется делать, все для тебя кажется безразличным. Никаких желаний и стремлений. В такие минуты вспоминается прошлое… Что-то настроение пессимистическое.

Наступила весна. Но не радует она, ибо с ее приходом все ночи надо жить более ярко, а тут война — гибнут люди, разрушаются города, уничтожаются селенья. Грусть необыкновенная. Ужасно, как надоела эта война!

Где ты, Волга, моя родная река?! Пятый год я не был на твоих зеленых берегах. Третий год скитаюсь я с винтовкой в руках по белорусским лесам — надоело. Хочу домой, на Волгу, на родину.

Но война! Когда же она кончится! Проклятые враги! Нарушили вы наше спокойное житье!

Блокада (февраль) — с трех сторон: с Могилева, Белыничей и Чечевичей.[…]
1. Роды во время блокады (жена командира).
2. Как Евтеев раненый попал к немцам.
3. Евтеев — Хатки.
Майская блокада — сжимали кольцо и теснили партизан к реке.

Ольса
2 дня вели бой, а потом начали мелкими группами прорываться.

В этой блокаде погиб командный состав отряда: командир Тарасов, комиссар Барбиков.

Блокада 15 дней. Скитались по болоту, ели прошлогоднюю клюкву и заячью капусту. Страшно хотелось кушать.

Девушка рассказала, как она зашла с […] в бункер, и начали агитировать немцев и русских изменников за советскую власть. Руководствуясь принципами войны, они их угостили гранатами. Мы ей посоветовали, что когда зайдешь еще, не агитируй, а сама первая кидай гранату.

Липский Анатолий Иванович — в прошлом чекист.

Кручинин — раненый, лечился в деревне […]

Липа
Девушка Липа — подпольная работа — переводила через шоссе людей. Условились: пропуск — пароль «12», отзыв — «7». Вот она стоит в конце деревни возле шоссе, ломает молодые ветки березы и вяжет веники. Она, не обращая внимания на него, как бы про себя говорит: «Двенадцать». Прохожий отвечает: «Неделя имеет семь дней». Липа идет в кусты. Человек следует за нею. Раздается двойной свист, и навстречу выходят вооруженные люди в гражданских костюмах с красными ленточками на головных уборах. Трудно было Липе научиться свистеть…

Ночью, на лесной глухой тропинке,
На засаду пробирались мы.
Били мы за Родину, за все,
Что дорого нам и нашим отцам.
Родина наша — это дом и семья,
Деревня, и пруд, и луга, и поля,
И сад, и черемуха у плетня,
И песнь петуха в начале дня.
Те луга, где коров я малый пас,
Где бегал я босиком по утрам,
И школа та, где я за партой сидел.
И тот учитель, что за шалости меня бранил.

За всех друзей замученных

[название стихотворения заштриховано карандашом]

Когда меня в землянку принесли,
Оглушенного грохотом металла,
При мне медсестры писем не нашли,
Ведь ты мне их с июля не писала.

На белый стол сочился ровный свет.
Хирург на мне разрезал гимнастерку,
И из кармана выпал твой портрет,
Пробитый выше карточки осколком.

Три ночи врач меня не покидал,
Не отходил минуты ни единой.
Он надо мною молча колдовал,
Вступив со смертью в страшный поединок.

Перехитрил он старую каргу.
Она сдалась *[текст стерт]*
Пробитый твой портрет я берегу,
Как память об атаке под Муриллой.

6 мая 1944 года

При нашем отряде создана группа художественной самодеятельности. В этой группе актер Могилевского драмтеатра Игнатьев и его жена, две девушки-партизанки, музыканты — 5 человек. Полубаян, скрипка, две гитары, мандолина. Я вошел в эту группу как поэт. Пишу марши, песенки, стихи. Сам выступаю с чтением своих стихов. На каждом выступлении нашего ансамбля читаю «Беларусь» — это трогательное стихотворение, но только я неважно его читаю.

Выступали 1 мая в лесу. Наш ансамбль представлял свое искусство партизанским отрядам, нашей опергруппе. Первое выступление было в лесу. Сделана была сцена из досок. Обещали нам премию: форму, автоматы, патроны и т. д. На другой день выступали в штабе отряда. Все в штабе теперь напевают: «А калі ж памрэш ты, мой дзядок?» — юмористическую белорусскую народную песню. Исполняли под аккомпанемент баяна Игнатьев и Мерисова Лиза.

На вечере в штабе полка (в землянке, в лесу) выступал с песнями подвыпивший Старосотников. Этот старик, до войны директор МТС, в гражданскую войну командовал партизанским полком. Теперь вот опять в партизанах. Пел: «Еду, еду, еду к ней, еду к любушке своей». А Дерябин все передразнивал его. Старосотников большой, а Дерябин маленький. И вот Дерябин подходит к тому, становится рядом, складывает руки на груди и фальцетом поет: «Еду, еду, еду к ней». Все хохочут.

Вчера мы выступали перед гражданами Техтинова [?]. Монтаж и мое стихотворение вызвали у многих женщин, да и мужчин слезы. В монтаж вошли все песни про войну. […]

1944 год. Июнь

Ночью тихо, без ракет и сигналов, они подошли с двух сторон к деревне Хонов, начали жечь дома, сараи. Люди, конечно, спали. Почему враг выбрал себе жертвой именно эту деревню — непонятно. Мы стояли на краю деревни […], а за железкой, в полутора километрах — Хонов. Жутко было смотреть на эти огромные пожары, которые сразу вспыхнули в 4 местах. Кричали женщины, дети. Видно было, как среди пожарища бегали люди, бегали и немцы, стреляли. К рассвету пожар усилился, ехали, видно, по шляху и жгли дома, вплоть до Бокоровки. Стреляли из минометов, слышны были разрывы гранат. Рассветало. Мы с Негуляевым осторожно пробрались мимо Дядков лесом к железке, перебежали ее и пошли прямо на Борок, сели на коней в этой деревне и поскакали на Будовлю. А Борок в полуверсте от Хотова, но немцы в Борок не заходили, ночью мимо прошли…

Недавно немцы жгли Залесье, […] и другие деревни. Говорят, что уничтожали людей, особенно партизанские семьи.

1944 г. Июнь

Почти три года жили мы, скитались вместе с Негуляевым. И вот вчера мы с ним расстались. Его назначили политруком 7-й роты. Всегда мы с ним были вместе и в боях, и в опасных местах, и в блокаду — как-то нам везло: куда один уходил, туда и другого направляли.

Создалась агитбригада при отряде. Меня взяли туда как поэта, журналиста, а его — как музыканта. И опять мы с ним были вместе. Распрощались просто,

не показывали виду, что неприятно расставаться. Он ушел в роту, а мы поехали в Кличевский район, к партизанам кличевской опергруппы — турне порядочное, верст за шестьдесят.

Первым долгом мы должны пойти в обком. Но адрес обкома крайне сложный. Не так просто в лесах, в непроходимых болотах найти обком, да если еще кто плохо знает все лесные партизанские тропинки. Вечером кого-либо из партизан спрашиваем:

— Далеко еще до обкома?

— Нет, верст десять осталось, езжайте направо, потом налево и опять направо. Будет большое болото, от него опять поверните…

Встречаем еще…

— Много еще до обкома ехать?

— Да верст двенадцать будет!

Смех! Сколько мы едем, а версты прибавляются.

Наконец-то приехали в обком. Наша серая лошадка еле дотянула телегу. Дали вечером концерт. Я опять читал «Фрица и Гаврилу». Встретили нас тепло. Познакомился я с белорусским поэтом Яблонским. Он сейчас редактор белорусской партизанской газеты. Начальник пропаганды Крысовец дал нам несколько брошюр: Шолохов «Наука ненависти», Тихонов Н., стихи Симонова и др. Яблонский дал мне немного бумаги, и мы поехали к кличевцам, в боевой, прославленный отряд.

Хенде хох!

Вечер. Всюду стоит зловещая тишина. Не слыхать веселых голосов белорусской молодежи. Она укрывается от дикого произвола фашистов в тайных убежищах.

Тихо, осторожно пробираются евтеевцы. Под ногами скрипит январский снег. По лощине подкрались к деревне Хатки. Впереди послышался собачий лай. Остановились. Евтеев выслал в разведку мальчика Мишу. Миша подкрался по огороду к намеченному дому, со двора заглянул в окно и увидел в избе за столом трех немцев. Они пили шнапс и весело о чем-то разговаривали. Мальчик, крадучись, пошел назад, но услыхав шаги на улице, остановился. Мимо дома по улице шел немецкий патруль. Когда патруль удалился, Миша побежал к Евтееву и рассказал, что он разведал.

Объяснив обязанности каждому партизану, Евтеев повел свою группу к дому, где пили шнапс немцы.

Партизанка Люся постучала в дверь.

— Войдите, — послышался женский голос из хаты.

Люся дернула за ручку, и дверь распахнулась настежь. Евтеев ворвался в хату первым, а за ним три бойца.

— Хенде хох! — крикнул Евтеев, направив ствол автомата на захмелевших фрицев.

Немцы не поняли, в чем дело, и начали шутить и смеяться.

— Шнапс ист анс (вина нет), — сказал, улыбаясь, ефрейтор. — Бите плиц (пожалуйста, садитесь).

— Хенде хох! — настойчиво повторил Евтеев.

— Вас ист лёс? (Что случилось?)

— Я партизан! — крикнул Евтеев.

Услыхав слово «партизан», немцы побледнели от страха. Пугливо глядели на ствол евтеевского автомата и поднимали вверх дрожащие руки. Партизаны забрали оружие фрицев, которое находилось в доме, захватили со стола и бутылку шнапса.

На улице послышался условный сигнал.

— Выходи! — скомандовал Евтеев.

Партизаны повели фрицев из квартиры. Толстый рыжий фриц упал в обморок.

— Нихт ферштейн, нихт ферштейн, — лепетал он.

— Ну, ты, не придуривайся! — грозно крикнул партизан. — Некогда нам тебе валерьянки подносить. И вытащил его, как мешок, из хаты.

— Бегом! — тихо, но внушительно скомандовал Евтеев.

И фрицы бежали с поднятыми вверх руками, а сзади, держа оружие наизготове, бежали евтеевцы. Прибежали евтеевцы к лощине, где уже стояли запряженные лошади.

— Комрад, битте плаце! — сказал, усмехаясь, Евтеев совсем обезумевшим фрицам.

Все партизаны громко засмеялись. Слова Евтеева и взрыв смеха окончательно обескуражили гитлеровских вояк.

Усадили немцев в сани, гикнули на коней ездовые, и снежная пыль закружилась позади саней…

28 июня 1944 г.

Вот оно началось, чего ожидал я три года, да и все такие, как я… О, нас много…

Мы ожидали момента соединиться с Красной Армией! Уже есть приказы из оперуезда и опергруппы.

Наш отряд ушел в Синайловский лес, с нами много гражданских… А мимо нас в 4—5 километрах лесными дорогами отступают в панике немецкие войска. Машина за машиной. Испортилась машина — сжигают ее и дальше. Наши самолеты целый день обстреливают их в районе Городища, где немцы переправляются через Друть…

Мы сидим в лесу. Ревут коровы. Немцам некогда гонять нас, как раньше.

С каждым часом поступают все новые сведения из штаба о успехах Красной Армии.

Бегут, сволочи! Душа радуется!

День-два — и мы встретимся с Красной Армией.

P. S. Пишу здесь, прямо в лесу, пьесу «Партизанская тропа». Спешу, чтобы наш партизан, актер и режиссер драмтеатра смог успеть прочитать и поставить мою пьесу при встрече с Красной Армией.

Чувства и мысли сейчас невыразимые. Нельзя передать словами. Три года были оторваны от большой родной советской земли!!!

Полина — наша радистка — бегает от группы к группе и кричит:

— Могилев взяли! Быхов, Шклов, к Друти идут!

29 июня 1944 г.

Вот они! Пришли вплотную к Друти. Бьет артиллерия оттуда по немцам, которые на этой стороне реки. Кто говорит, что уже в Пельничах красные, кто говорит, что в Техтине — столице красных партизан — советские танки.

Известно одно — наши вот они, рукой подать! За Друтью — к Могилеву — весь угол уже занят красными. В наших углах, где мы партизанили, уже красные. Наш отряд на засадах. Бегут через леса немцы, если малые группы — наши партизаны бьют их. Уже сегодня подбили танкетку, мотоцикл. Убили 6 немцев. Поймали одного изменника, провели его после допроса из штаба к нашему лагерю и там где-то в кустах шлепнули. Кто-то из партизан сказал:

— Пал смертью подлых!

Все смеются.

Нам здесь, в лесу, слышен грохот. «Это, — говорят наши разведчики, — где-то между Городищем и Пельничами идет танковый бой».

Уже наша разведка встретилась с разведкой Красной Армии. Наверно, мы завтра пойдем из нашего леса на соединение. […]

Подготовка к публикации и комментарии Александра ВАЩЕНКО.

Павел МЕЛЬНИКОВ

Война ожидалась легкая

Павел Артемьевич Мельников попал на фронт в первые дни войны. Потом были окружение, партизанский отряд, который сам и создавал, регулярная армия. За мужество и отвагу награжден орденом Красного Знамени, многочисленными медалями. Воспоминания участника Великой Отечественной принесла в редакцию его дочь Генриетта Павловна. Что же ценного в них? Ведь сегодня существует множество серьезных исследований, научных работ, посвященных той войне. Ценность — в передаче атмосферы первых дней войны, партизанской жизни, в оценке тех событий непосредственным их участником.

ОТ РЕДАКЦИИ

С большим трудом удалось сесть на поезд до Москвы. Настроение было хорошее, война ожидалась легкая. В выступлениях руководство страны говорило, что наша армия сильная. Мы собирались воевать на территории противника. Приехали на Белорусский вокзал. Никаких билетов нет. Все поезда идут на фронт. Я узнал, что санитарный поезд отходит на Смоленск.

С чемоданом на перрон не пускала охрана.

Конечно, чемодан бросил и вышел на перрон. Поезд должен вот-вот отправиться. Около вагонов на дверях стояли врачи, которые пропускали в вагон только своих. Я подошел.

— Кто вы такой?

Ответил, что я работник Смоленского обкома, надо попасть в Смоленск.

— Поезд идет в вашем направлении. Но он специальный, только для работников санчасти.

Ну, я решил, как только поезд тронется — запрыгну в вагон. Так и сделал. Доехали, конечно, с большими остановками, до Вязьмы.

В Вязьме остановились, нам сказали, что поезд дальше не пойдет. Всех посторонних просят покинуть вагоны. Вышли из вагонов, а на площадке требуют документы, пропуск. Очень серьезно проверяли.

Паника была настоящая. С большим трудом нам удалось узнать, что второй секретарь обкома, некий Вальтеров, находится в горкоме и является представителем обкома (Вязьма относится к Смоленской области).

Три человека (я и еще двое работников смоленских учреждений) пошли в горком.

Я сказал, что являюсь работником обкома города Смоленска, и меня пропустили к Вальтерову.

— В чем дело? Чего хотите?

— Нам надо во что бы то ни стало доехать до Смоленска. Нужна помощь.

Вальтеров говорит:

— Никакой помощи я вам не окажу. В Смоленск нечего ехать, так как он, по всей вероятности, занят немецкими войсками.

— Ну, хорошо. До линии фронта нас могут подбросить? Вы можете связаться с войсками, чтобы нас пропустили до линии фронта?

Он, может быть, и мог что-то сделать, но сказал, что не имеет никаких полномочий вмешиваться в дела военных.

— Поэтому, если сумеете сами устроиться, пожалуйста, я не возражаю, а я этими вопросами заниматься не буду.

Ну что ж, решили выйти на шоссе и дожидаться свободного транспорта. Ждать недолго пришлось. Едет машина, останавливаем. Шофер гражданский.

— Еду до Смоленска.

Согласился подвезти. Подъезжаем к Смоленску. Везде все горит. Поджигают и провокаторы. А Смоленск, конечно, горел по-настоящему. Ночные бомбардировщики бросали зажигательные снаряды.

Прибыли в Смоленск.

Я работал в Красноармейском райкоме партии заведующим агитацией. Там паника. Женщины в истерике. А ночь наступает, что делать?

В райкоме партии ни с кем не удалось поговорить. Почти все разбежались, а кто остался, боялись разговаривать, чтобы не обвинили в упаднических настроениях. Ведь если что — расстрел тут же на месте. Пошел на квартиру. Там уже никого нет. Куда уехали? Опять пошел в райком. Потом съездил на квартиру к Римме. И там никого.

Райком не работает, никто ничего не делает. Я пошел в военкомат. Там дали направление на ускоренные курсы переподготовки. Поучился на политработника. А потом — на фронт, в армию. Штаб армии располагался в Вязьме.

Оттуда нас направили по воинским частям, сразу на фронт. Меня и еще одного из Смоленска — в 152-ю стрелковую дивизию. Его — комиссаром, меня — старшим политруком полка. Дивизия держала оборону под городом Ярцево. Поздно ночью нас привезли в месторасположение дивизии. Погода стояла отвратительная, осень, дождь. Дали провожатого в полк. Часам к двенадцати добрались до домика лесника, где располагалась санчасть полка. Там раненые, медперсонал. Деваться некуда. Дали провожатого к командиру полка.

Подошли к землянке командира полка. Открываем: накурено, керосинка горит, дым столбом. На столе бутылки, закуска. Сидят несколько женщин из медперсонала, офицеры, командир 1-го дивизиона (он исполнял обязанности командира полка). Все пьяненькие. Посидели, покурили.

— Кто вы такие?

Мы ответили, что прибыли на пополнение. Разговор не получился. Командир дивизиона был настолько накачан водкой, что не соображал, что делает. Дает распоряжение связисту соединить с батареей. Соединяют. Он приказывает нане-

сти огонь по такой-то безымянной высоте. Ему говорят, что там расположены наши передовые части пехоты.

— Что вы? Я лучше знаю.

Десятка два снарядов выпустили. На следующий день, вернувшись в санчасть, мы узнали, что на той высоте действительно располагались подразделения нашей дивизии. Было несколько убитых и несколько раненых.

— Командование об этом узнало. Командира дивизиона мы больше не видели. По всей вероятности, его отдали под трибунал.

Огонь с обеих сторон был плотный, раненые и убитые поступали ежедневно. В конце концов нас сменила другая часть. Нашу дивизию отправили на переформирование. Но отдохнуть не удалось. Вскоре мы получили приказ срочно выдвинуться на передовую. Немцы прорвали оборону. Началось поспешное отступление наших войск.

Командование полка без разведки ехало впереди и попало в плен к немцам. После этого в полку началась паника. А через несколько дней мы узнали, что несколько армий, в том числе наша дивизия и полк, попали в окружение. Мы метались туда-сюда. Выйдешь на возвышенность, посмотришь: одни части идут в западном направлении, другие — в восточном. Управление войсками было потеряно. Наша дивизия прорывалась самостоятельно. Мы очутились недалеко от Вязьмы. Надо было совершить прорыв на юго-восток, в километрах пяти-семи правее города. Планировалось ночью провести разведку, а утром совершить прорыв. Наш артиллерийский полк получил распоряжение в назначенное время открыть огонь по таким-то целям. Причем точные цели не указывались. Мы расчищали проход для пехотных полков. Сначала должны пройти они, а потом мы на конной тяге и частично на тракторах. Немцы стреляли из орудий, минометов, пулеметов; трассирующие пули как пчелы летали. Поле боя покрылось лошадиными и человеческими телами. Когда пехота скрылась в лесу, наши части снялись с позиций и двинулись. Стрелковые части прошли, а наш полк остался в западне. Мы стали прорываться, неся огромные потери. Поле покрыто телами, раненые кричат, помощи просят, стонут. Ко мне подъехал адъютант командира полка. Говорит:

— Товарищ старший политрук, комполка убит, вот его партбилет. Я вам вручаю.

— Оставайся при мне.

— Там меня ждут.

Он уехал. Неподалеку разорвался снаряд. Меня ранило осколком. Я крикнул, что ранен. А кто обращает внимание? Каждый спасается, как может. Через некоторое время поле опустело. Только слышны стоны умирающих. Я чувствовал себя неплохо, но передвигаться не мог. Кустики рядом — заполз в них. Нащупал пальцем осколок. Думаю, надо достать его. А как? Просить не у кого. Посмотрел, поковырял. Потом стал цеплять его и тянуть — больно очень. Но решил: больно не больно — надо рвануть. Чуть не потерял сознание.

Лег. Слышу немецкую речь, отдельные выстрелы. Приподнял голову, вижу: немцы парами ходят. Раненый крикнет — подойдут, посмотрят, добьют… И направляются в мою сторону. А деваться некуда. Я запаниковал. Потом увидел недалеко от меня окоп, а около него двух убитых солдат. А немцы уже вот-вот до меня дойдут. Подполз к окопу и солдата убитого положил на себя. Лежу, не дышу. Страшно, колотить начинает, а немцы все ближе. Подошли к окопу, посмотрели, что-то сказали. Выстрелили — пуля попала в мертвого солдата, под которым я спрятался. Минут пятнадцать-двадцать еще полежал. Тишина, не слышно никого. Вылез из окопа, огляделся. До леса, в который наша дивизия отходила, километра четыре. Надо идти в этом направлении. К вечеру добрался. Там много наших из разных частей. Немцы из минометов постреливают. А впереди огромный лес,

но до него не добраться. Река Вязьма путь преграждает. Уже были морозы, река подмерзла, но ледок слабенький. Человек пройти не сможет, провалится. Это было 16 октября 1941 года. Собралось из нашего полка несколько человек: офицеры, солдаты. Я по званию самый старший. Стали думать, как перебраться на ту сторону. А тут появляется полковник (начальник штаба нашего дивизиона), раненый. Подхожу к нему:

— Товарищ полковник, разрешите обратиться?

— Пожалуйста. Что хотите?

— Я из такого-то полка, со мной несколько человек. У нас ни карты, ни компаса, ничего нет, и никаких распоряжений. Что нам делать?

А он:

— Видите, в каком я положении? Так вот, решайте сами. Ищите выход.

Я вернулся к своим. Мол, вот, хлопцы, такое дело. А вокруг телеги стоят, орудия брошенные, кузова, брезент. Придумали: взяли кузов, подвели брезент, накрыли; нашли длинную веревку, связали. Принесли к речке, положили на воду. Вроде держится, вода не проступает через брезент. Сели втроем, я впереди, ломаю лед. С большим трудом, но переплыли. Речка глубокая. Соорудили паром. Переправлялись всю ночь. Перебравшиеся собирались в небольшие группки, пытались выйти из окружения. Ну а я с больной ногой остался в лесу. Там были большие землянки, в которых размещался госпиталь какой-то части. В них оставалось много раненых, больных. Нашел своих однополчан — Иванова и Абрамова. Договорились вместе выходить из окружения. Ну, они-то здоровые, а я передвигаюсь еще плохо. Нога опухла. Я им предлагал подождать, не согласились.

Ночью выпало много снега. А утром вокруг леса ездили немцы и кричали в громкоговорители:

— Товарищи солдаты, офицеры; выходите добровольно. Мы вам найдем жилье. Не беспокойтесь. А если вас удерживают коммунисты, бейте их и уходите.

Несколько раз проехали, но никто не вышел.

Не прошло и часа, как по лесу с южной стороны пошла цепь немцев, прочесывали. Мы втроем договорились, что если кто-то из нас попадется, то знать друг друга не знаем. Двинулись на север. А немцы все ближе. Кричат, стреляют. Прошли около километра. Что делать? Западня настоящая. Выйти из леса? Там оцепление. А на снегу наши следы хорошо видно. Дошли до полянки, поросшей ельником. Решили на елки залезть. А куда мне? Нога-то больная. Я сломал веточку, следы за собой замел. Залез под елку, примостился, тряхнул ветку. Меня полностью снегом и засыпало. Лежу, слышу: фашисты все ближе, ближе перекликаются. Потом уже вижу: цепь идет, плотная, метров пятнадцать-двадцать друг от друга. Дошли до ельника, а лезть в него никому не хочется. Сомкнулись и стали обходить. Я лежу без движения. Немцы обошли и дальше двинулись. Думаю: все хорошо. Стал подниматься, смотрю, а сзади офицер идет. Заметил меня, вытащил парабеллум и выстрелил. Пуля прошла мимо. Но я не шевелился.

Он решил, что попал, обошел ельник и скрылся. Я подождал некоторое время, слышу, уже где-то далеко разговаривают. Вылез, товарищи мои тоже с елок спустились. Решили конины сварить, поесть. Ведро есть, снег есть. Только разожгли костер, слышим — идут обратно. Мы огонь погасили, засыпали лапником. Куда спрятаться? Товарищи мои хорошо замаскировались на елке. Думаю, и я туда. Залез на ветку, привязал себя, сижу. Жутко. Немцы группами обратно шли, ельник стороной обходили. Идут, шумят, стреляют.

В лесу стало тихо, спокойно. Мы слезли, сварили мясо. Потом пошли к землянкам. Их сожгли вместе с людьми.

Что делать?! Карты нет, ничего нет. Ориентировались по солнцу. Целый день брели. А нога болит. Чем больше ходишь, тем больше она пухнет.

Видим — лошади ходят. Поймали и поехали. На третий день добрались до какого-то леса, нашли там землянку. А недалеко деревня. Я измучился окончательно. Говорю: «Знаете что, хлопцы, я останусь в землянке, пока нога не заживет, а вы как хотите. Хотите, идите сами, узнайте, есть ли в деревне немцы». Они ушли. Когда вернулись, рассказали, что в деревне немцев нет. Крестьяне хорошо встретили. Но староста запретил принимать военных. Однако, если есть мастеровые, сапожники, портные, то готовы взять. А я раньше учился сапожному делу. Пойдем.

На окраине деревни зашли в дом.

— Можно у вас остановиться?

Хозяйка говорит:

— Дадите лошадей — оставайтесь.

Отдали…

Как-то приходит сосед и спрашивает:

— Кто из вас может сапоги подремонтировать? Подметки подбить?

Говорю:

— Я могу, только инструмента нет.

— У меня дома есть.

Я часа за три подбил подметки. Сосед остался доволен. Говорит:

— У меня есть новый материал, пошейте моей дочке сапоги.

Сложно было, конечно. Кое-где испортил, но сделал сапоги. Красивые получились, даже сам удивился. А хозяин поставил сапоги на полати. Мол, смотрите, какой у меня мастер живет! Стали меня и другие люди звать. Мужики спрашивали, кто я, откуда. Всем отвечал, что белобилетник, во время войны мобилизовали на работы, окопы рыть.

А как-то хозяин признался:

— Я пострадал от советской власти. Если бы сейчас мне попался жид или коммунист, собственными руками задушил бы.

Думаю: «Вот ты какой, хозяин». Сделал вид, что не слышу. Но через некоторое время перешел в другой дом жить. Тут-то и познакомился с двумя лейтенантами: Гусевым и Саратовским. Я за работу часто плату куревом брал. Ну и приходили ко мне покурить те, кто в деревне, как и я, остался. Вот и договорились мы с этими лейтенантами организовать партизанский отряд. Вскоре еще человек двадцать к нам присоединилось. Решили вести борьбу с полицаями, немцами, пробираться поближе к фронту.

Стали мы собирать боеприпасы, оружие. Время от времени уходили в лес, как будто прогуляться. Человек десять убили, в том числе четырех полицаев. Но организованного отряда пока не было.

Через деревню к фронту проходило много окруженцев. Заходили ко мне. Я не рассказывал про отряд, но отправлял то в одну деревню, то в другую. Мол, там есть люди, с которыми можно договориться. Таким образом в окрестных деревнях организовывались небольшие группки. А в декабре 1941 года в этом районе был сброшен десант. Мы принимали их. Командир, который приземлился вблизи нашей деревни, увидев нас, выхватил пистолет: «Не подходи!» Говорим: «Мы свои». Потом расспросил, видели ли мы, где парашютисты спускались. Затем мы все собрались в деревне. Выбирали командование партизанского отряда. Выдвигали мою кандидатуру, как старшего по званию. Но я предложил назначить командиром отряда лейтенанта Саратовского, начальником штаба Гусева, а меня — комиссаром. На этом порешили и направились к деревне Иваники, что в километрах семи от нашей. Там располагался штаб 8-й воздушно-десантной бригады. Явились

к командованию. Начальник бригады — полковник Онуфриев, комиссар — Гаспопов. Мы представились, поговорили и решили, что наш отряд будет действовать совместно с воздушно-десантной бригадой. С этого момента начались наши боевые действия.

Вскоре пришлось впервые принимать участие в ночной атаке. Это было в деревне Дяглево. С вечера совершили марш, к часу ночи добрались до деревни, вышли на исходные позиции. Наш отряд наступал с западной стороны. В назначенное время пошли в атаку. Немцы нас заметили и зажгли несколько сараев, чтобы местность осветить. Трассирующие пули сыпались перед нами. Сражались за каждый дом, за каждый участок. Атака продолжалась около двух часов. Много погибло и немцев, и наших. В этом бою был убит и командир нашего отряда. В этой деревне мы задержались, через нее проходил большак. Нашему отряду была поставлена задача держать в напряжении фашистов, разместившихся в д. Семлево. Там находился крупный немецкий отряд.

У нас не хватало теплого обмундирования. А приходилось постоянно находиться на улице. И спали, и кушали под кустами, деревьями. К тому же не прекращался артиллерийский, минометный обстрел. Потери несли ежедневно.

Однажды ночью немцы напали на деревню и вытеснили нас. В Дяглево немцы, в Семлево немцы, а посередине мы. Собралось командование бригады и нашего отряда, решили ночью пробираться между деревнями. Выждали, пока все затихнет в деревнях, и выдвинулись. Снег по пояс. Каждые двадцать метров отдыхать останавливались. Я как комиссар старался идти впереди, дорогу прокладывать. Вспотел, промок весь, несмотря на сильный мороз. Отступил в сторону, думаю, полежу, передохну. И уснул. Сколько проспал — не знаю. Проснулся — никого. В какую сторону идти? Где отряд? Но как-то сориентировался и где-то через час догнал отряд. Когда проходили мимо деревни, попали под очень сильный обстрел. Только к вечеру удалось соединиться с частями корпуса Белова, мы стали подразделением в его составе.

Наш отряд участвовал во многих операциях. Вместе с отрядом Жабо и 8-й воздушной бригадой мы разгромили крупное соединение немцев, захватив много пленных, большое количество вооружения, боеприпасов, парашютов, несколько машин... Интересно, что делали с пленными? Ими занималась разведка бригады. На самолетах их не отправляли. Куда девались, не знаю.

Меня и полковника Шмелева назначили командовать партизанским полком имени 24-й годовщины РККА. Этот полк оборонял круговую линию фронта протяженностью восемьдесят пять километров. Район внутри называли «Малая земля». Там находилось несколько партизанских полков, 8-й десантный корпус и 1-й гвардейский кавалерийский корпус.

В апреле 1942 года в районе Ельни немцы организовали наступление на 1-й конный батальон этого полка и захватили несколько деревень. Нам было приказано освободить их. Мы провели подготовку и в течение суток выбили немцев из четырех деревень, восстановив фронт по прежней линии.

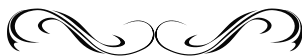
Вскоре после этих событий была получена шифровка с приказом десантникам и корпусу Белова выйти к основным войскам. Нам идти не разрешали. Мы получили задачу прикрывать отход этих частей.

Но немцы организовали наступление на наш полк. Третий и второй батальоны подверглись губительному артиллерийскому обстрелу. Потом пошли танки. Началась настоящая мясорубка. На пятый день от нашего партизанского полка осталась лишь небольшая часть. Пока я ездил в штаб дивизии за новыми указаниями, второй и третий батальоны были уничтожены полностью. А нам было приказано во что бы то ни стало удержать большак Ельня — Дорогобуж. Мы про-

держались сутки. Полегли почти все. Оставшиеся в живых решили прорываться на прежнее место дислокации. Лесами, балками просочились мимо передовых частей немецких войск. Но былой партизанский край уже полностью оккупировали немцы.

Связь с Большой землей была потеряна. Решили идти к линии фронта. Нас оставалось человек тридцать-сорок. День идем, второй… Запасы продовольствия закончились. Люди на ходу падали. На третьи сутки еле передвигались. Подошли к какой-то речке, переплыть хотели, но сил уже не осталось. А до фронта добираться еще минимум трое суток. И мы решили возвращаться обратно в мазурские болота. Там встретили командира полка с небольшой группой людей. Стали решать, что делать. Людей осталось мало, в деревнях показываться опасно. Даже крестьяне по-другому к нам относиться стали. Мол, кормили, поили вас, а вы ушли, оставив нас на растерзание немцам и полицаям. Партизанам стало жить гораздо труднее. Еды не хватало: кору березовую ели, смолу с елок, листья, лошадей откапывали, которых зимой захоронили. Люди от цинги мучились, пухли, умирали.

Наконец нам удалось раздобыть передатчик и связаться с регулярной армией. С Большой земли самолетом прислали провизию. Положение немного улучшилось, но все очень ослабли. Вскоре на трех самолетах нам прислали замену, а меня, командира и начальника особого отдела переправили за линию фронта. На этом и закончилась моя партизанская жизнь.



Алесь МАРТИНОВИЧ

Звон бубенцов издалёка

Среди читателей, интересующихся исторической тематикой, особенно тех, кто принадлежит к старшему поколению, для которого книга в свое время была все, поскольку телевизор еще только завоевывал у аудитории свои права, вряд ли найдется человек, не читавший повести В. Яна «Чингисхан». Да и многие, не задумываясь, могут назвать и другие произведения этого, кстати, очень популярного и по сегодняшний день писателя, лауреата Сталинской премии первой степени: «Батый», «Юность полководца», «Спартак», «Огни на курганах»… Между прочим, далеко не все почитатели таланта этого замечательного мастера художественного слова знают, что В. Ян — это литературный псевдоним, настоящая его фамилия — Янчевецкий.

Правда, досужие читатели, предвижу, готовы задать вопрос: «А какое отношение имеет В. Ян к Беларуси?» В самом деле, как будто никакого, ибо родился он 4 января 1875 года в Киеве (Украина). Однако я не случайно написал «как будто». Если быть точным, то В. Ян породнен с нашей землей благодаря своей жене: Ольга Янчевецкая родилась в 1890 году городе Бресте. Конечно, в то время она была не Янчевецкая, а Виноградова. Судьба же свела ее с Василием Григорьевичем в Петербурге.

Здесь, однако, правомерен вопрос: «Чем таким жена В. Яна примечательна, чтобы нам, белорусам, обращать на нее пристальное внимание?» Да тем, что Ольга Янчевецкая — известная исполнительница русских романсов и народных песен. Настолько известная, что в Югославии, с которой она связала свою жизнь, ее с восхищением называли «королевой романса». Югославии, как известно, уже нет, как и нет в живых и О. Янчевецкой, а те, кто живет на постюгославском пространстве, Ольгу Петровну по-прежнему воспринимают именно так, как и при ее жизни. И это при том, что, к сожалению, по сегодняшний день в Беларуси о ней знают очень мало. А знать-то следует, ибо певицей такого яркого дарования — меццо-сопрано — грешно не гордиться. Так перевернем же наиболее значимые страницы биографии той, которая романсом, песней покоряла сердца и королей, и видных коммунистов, и рядовых слушателей.

Похищение с согласия невесты

Происходила Ольга Виноградова из семьи военных. Дед ее, Иван Иговский, молодым офицером принял активное участие в русско-турецкой войне 1877—1878 годов. Той самой, во время которой еще один наш выдающийся земляк, генерал Иосиф Гурко, в суровых зимних условиях преодолел практически непроходимый в это время Чурьякский перевал и, по сути, без боя взял Софию. Этот переход сродни тому, который совершил, преодолевая Альпы, Александр Суворов. Отличился Гурко и под Плевной. Под Плевной, кстати, отличился и Иговский.

Во время одной из вылазок конной разведки Иван Иговский спас от неминуемого плена русского генерала. Которого из них — доподлинно не известно. В этой же русско-турецкой войне кроме Гурко прославились и другие видные российские военачальники. Этот генерал не забыл о своем спасителе, и после успешного завершения русско-турецкой кампании, благодаря его поддержке, протекции, Иван Иванович быстро преодолевал ступеньку за ступенькой военной карьеры. Вскоре Иговский стал полковником и командовал двумя батальонами Виленского полка, которые размещались в Пинске.

Адъютантом Иговского был бравый штабс-капитан Петр Виноградов. Отношения у них сложились настолько хорошие, что полковник вне служебной обстановки иногда позволял себе называть его просто Петей. Такое отношение Виноградову нравилось, поскольку и сам он в своем командире души не чаял. Да кроме всего, сближала их и склонность к любовным авантюрам. Правда, у полковника все это было в прошлом. Однако Петр Михайлович не мог не восхищаться Иговским, мысленно сравнивая себя с ним, когда тот был еще молод, до того времени, когда полковник остепенился.

Ни для кого в полку не являлось секретом, что Иван Иванович, проходя службу в Ярославле, влюбился в дочку богатых купцов Лопатиных. Елизавета ответила ему взаимностью. Сложность ситуации, правда, заключалась в том, что ее родители хотели иметь своим зятем совсем не его. Тогда Иговский, получив согласие невесты, недолго раздумывая, похитил ее.

Практически так же поступил и Виноградов, влюбившись в дочь-красавицу самого Иговского. Поскольку Наталья была в семье полковника любимицей, у Петра Михайловича не было уверенности, что Иговский отдаст свою дочь замуж именно за него. Как говорится, дружба дружбой, а создание новой семьи — дело серьезное. Поэтому Виноградов рисковать не стал. Вернее, рискнул с пользой для себя. Как когда-то Иговский уговорил Елизавету без родительского согласия выйти за него замуж, так он теперь заручился согласием Натальи. Хотя похищать ее не стал. Просто молодые люди поженились, заранее это не афишируя и ничего не сообщая об этом родителям Натальи.

Но Иговский, поставленный перед фактом, не только не возмутился, а отнесся ко всему как истинный и заботливый отец, который, желая счастья своей дочери, понимает и принимает ее выбор. Чтобы создать молодой семье хорошие условия для жизни, он сразу отвел Ольге и Петру один из своих домов. Одного не мог предвидеть: командовать батальонами Виленского полка ему оставалось недолго.

На службе у Ивана Ивановича возникли сложности, связанные с некими финансовыми растратами. Но, видимо, особой вины Иговского не было, потому что, хотя и отправили его в отставку, при этом сохранили воинское звание, да еще и дали должное пенсионное обеспечение. Поэтому сразу по выходе в отставку он смог купить имение неподалеку от Янова-Полесского, нынешнего райцентра Иваново Брестской области.

Виноградов же, наоборот, получил повышение по службе. Его перевели в Брест-Литовск, где он начал служить в таможне местной крепости. Как и следо-

вало ожидать, был решен и жилищный вопрос: в крепостной стене ему предоставили квартиру. Правда, небольшую, ко всему сырую, темную. Да в тесноте — не в обиде. Особенно тогда, когда любишь, думаешь о счастливом будущем. А оптимизма стало больше, когда в 1890 году в молодой семье родился первый ребенок, дочка, будущая певица Ольга Янчевецкая. Всего же у счастливых родителей появилось на свет пятеро детей: еще две дочери — Наталья и Анна, а также сыновья Николай и Сергей.

Жили Виноградовы в дружбе и согласии, как и полагается в истинно православной семье. Были в чести там вечные христианские ценности. Младшие слушались старших, старшие уважали младших. Всегда по выходным дням всей семьей спешили в церковь. Упоение в общении с Богом находили и в православные праздники, которые всегда отмечали торжественно. Для детей же они превращались в настоящие праздники. Особенно любили девчонки и мальчишки Рождество, с которым было связано столько таинственного и загадочного. С нетерпением ждали они подарков. Никто заранее не знал, что получит он, и это делало ожидание каким-то особенным. Каждый высказывал разные предположения, но и каждый знал, что не будет обделен вниманием.

Нет худа без добра

Да ничто не вечно на этой грешной земле. Была радость — не стало радости. Нежданно-негаданно в семью Виноградовых пришла беда. Любую из бед трудно перенести, но есть такие беды, которые непоправимы. То, что было, уже никогда не возвратится.

На рубеже нового столетия случилось это. Когда только и думали о том, что же принесет он с собой, век двадцатый, чем порадует, обнадежит. Думали-гадали насчет этого и Виноградовы. Но вскоре не до этого им стало: в 1900 году умер Петр Михайлович.

По рассказам близких, произошло это тогда, когда он находился в командировке в Варшаве. Ничто не предвещало беды, как вдруг заболел некой болезнью. Какой конкретно, врачи, как ни старались установить, не смогли. Да и не успели. Болезнь прогрессировала так стремительно, что через неделю больного не стало.

Есть, однако, и другая версия. Якобы Петр Михайлович и не в таможне служил, а командовал ротой разведчиков гарнизона крепости. Во время военных учений он повредил себе позвоночник. Это, якобы, и стоило Виноградову жизни. Предстал перед Богом, не дожив и до сорока.

Какая из версий соответствует истине, трудно сказать. Да это и не меняет сути. Существенно то, что, внезапно став вдовой, Наталья Ивановна одна должна была поставить на ноги пятерых детей. Туго пришлось ей, но еще тяжелее было бы, если бы с пониманием ко всему не отнесся ее отец, да и другие родственники. Это внимание, по сути, и предопределило судьбу Ольги Виноградовой. Пожив некоторое время в Бресте у одной из своих теток, совсем юная Оля очутилась в северной столице России. Судьба, конечно, уготовила ей много жизненных испытаний. Но, как известно, то, что должно хорошо окончиться, благодаря промыслу Божиему хорошо и заканчивается. К месту вспомнить и известное изречение: через тернии — к звездам.

Правда, о том, как после смерти отца поначалу складывалась ее жизнь, существуют разные мнения. Есть утверждение, что Иван Иванович, используя свои давние связи, устроил дочь на учебу в одну из престижных столичных гимназий. Ольга не только успешно училась, но и, имея от природы хороший голос, охотно участвовала в благотворительных концертах, исполняла сентиментальные романсы. Гимназию окончила на «отлично». Но как быть в таком случае

с утверждением самой Ольги Петровны: «Приехав в Петербург, остановилась у другой тетки. Вскоре устроилась в портновский цех. В 1907 году перешла работать в типографию»?

Югославский журналист Коста Дмитриевич посвятил Янчевецкой книгу, которую так и назвал — «Королева русского романса». Естественно, не единожды встречался со своей героиней, тщательно записывал беседы с нею. Ольга Петровна, в свою очередь, старалась быть с ним как можно более откровенной. Она понимала, что тем самым составляет свою биографию… Конечно, для потомков. Какой бы скромной ни была, не могла не понимать, что сделанное ею многое значит. Ничто само по себе не возникает. Поэтому для нее очень важным было сказать о себе, насколько возможно, всю правду. Ту правду, которая сквозь раскрытие сложных жизненных перипетий лишний раз подтвердит: это ее жизнь, поэтому ничего не надо приукрашивать, а следует стремиться к объективности.

На всю жизнь запомнила, как при устройстве на работу в типографию с ней «беседовал серьезный и красивый мужчина с примерной манерой держать себя». Оказывается, сюда она пришла не сама, а по чьей-то рекомендации. По чьей — не сообщает. То ли со временем забыла, то ли не посчитала нужным называть того, кто взялся помочь ей. Этот мужчина окинул ее «быстрым взглядом и представился: Василий Григорьевич Янчевецкий, редактор», при этом говорил с ней «сухо, по-деловому». Следовательно, только о самом главном, а главное заключалось в том, какую работу предложить совсем еще юной посетительнице.

— А что вы умеете делать? — спросил он.

Видимо, от смущения, хотя об этом ничто не говорит в воспоминаниях, Оля растерялась, сказала то, что его очень удивило:

— Ничего.

Янчевецкий призадумался, после задал еще один вопрос:

— А знаете ли вы грамматику?

— Да, — поспешила ответить Виноградова.

— Тогда можете работать корректором…

Она впервые услышала это слово, следовательно, не знала, что оно означает, но понимала, что надо соглашаться, иначе можно получить от ворот поворот, поэтому, не раздумывая, согласилась.

— Хорошо.

— Ну, вот и договорились, — ответил он.

Оба и представить себе не могли, какие изменения в их жизнь принесет эта, по их представлению, в чем-то случайная встреча. Приходит время — и обязательно дает о себе знать Его Величество Случай. Тот самый случай, который гениальный Бальзак как-то назвал самым великим романистом в мире.

На самом деле все что ни делается в мире происходит благодаря промыслу Божиему. Это сам Господь побеспокоился о том, чтобы Виноградовой дали рекомендацию именно в эту типографию. И не без его участия Ольгу встретил именно Янчевецкий. Могла же она повстречать и кого-либо другого, и он, пожалуй, решил бы ее вопрос положительно, поскольку просьба была и не такая сложная: взять на работу. Однако и в таком случае ее пути с Василием Григорьевичем обязательно скрестились бы, ибо так дано было свыше. Ольга все равно встретила бы его. Пусть себе и не в первый день. И точно так, как и теперь, прощаясь с Янчевецким, подумала бы, какой он красивый, стройный. Отметила бы и то, как умеет держаться, а решая важный вопрос, с уважением относится к собеседнику, остается открытым, доступным, готовым внимательно выслушать, а если нужно, то и помочь.

Когда уже немного освоилась на работе, поняла, что же представляет собой работа корректора, без его помощи, и правда, не обходилось. Обращаться к Василию Григорьевичу не нужно было. Только возникнет у нее вопрос, как правильно написать то или иное слово, где ударение поставить, а где вместо запятой —

точку с запятой, он тут как тут. Словно какой-то внутренний импульс срабатывал и моментально от нее передавался Янчевецкому. Позже поняли, что обоим это и нужно было обязательно. Какая-то неведомая сила постоянно вела их навстречу друг другу, чтобы они, рано или поздно, но обязательно могли соединить свои судьбы.

Так и произошло через несколько лет, когда Василий Григорьевич овдовел, остался один с приемной дочерью. Когда боль утраты стихла, он понял, что, несмотря ни на что, нужно продолжать жить. Тогда-то и вспомнил о голубоглазой красавице, с которой постоянно виделся на работе. И тридцатидвухлетний вдовец, немало повидавший в жизни, осмелился сделать предложение ей, как сама вспоминала позже, «девчонке с двумя косами до пола».

В том, что Ольга согласится стать его женой, конечно, полностью не был уверен. Не столько разница в возрасте тревожила, сколько то, что у него приемная дочь. Не оттолкнет ли это Виноградову? Да и воспримет ли Женя ее своей. Но действовал не столько наверняка, сколько по принципу: смелость города берет. Ко всему, как не однажды мысленно признавался себе, очень любил это чудо с двумя косами. Теперь как раз и возник такой момент, когда нужно не упустить его, чудо это, добиться того, чтобы Ольга постоянно была рядом.

Ожидая ответа, волновался, как мальчишка. Точнее, как гимназист, спешащий на свое первое в жизни свидание с маленьким букетиком первых подснежников. Когда же произнес то, что осмелился сказать, совсем растерялся. Уже и не гимназистом видел сам себя, а словно нашкодившим мальчишкой: как будто и ничего особенного не случилось, да сомневался в том, следовало ли это делать.

Она же, его избранница, когда сделал ей предложение, так смутилась, что ему даже как-то не по себе стало. Подумал, что, может быть, поспешил, надо было еще год-другой подождать. Но как только подумал это, сразу и прогнал такую мысль прочь. Понимал, а в этот момент еще больше, что медлить нельзя. Такую красавицу прямо из-под носа и увести могут. Хорошо, что еще этого не произошло. Поэтому, несмотря на смущение Ольги, повторил только что сказанное, правда, находя более ласковые слова:

— Так ты согласна, Оленька? — и не удержался, приблизился, чтобы обнять ее, благо никого рядом не было.

Она от неожиданности немного отстранилась, однако, вместе с тем, и произнесла то, что ему так не терпелось услышать:

— Согласна…

Прозвучало это совсем тихо, но убедило его, что правильно сделал, предлагая ей стать его женой.

Загадочная Елена Рок

Была Ольга Виноградова, стала Ольга Янчевецкая. С замужества, по сути, и началась ее музыкальная карьера. Безусловно, задатки таланта сами по себе много значат, однако очень важно, чтобы они своевременно совершенствовались, а это невозможно без определенной творческой атмосферы. Выйдя замуж, Ольга сразу же окунулась в нее. Как оказалось, Василий Григорьевич любил музыку, имел немало друзей среди деятелей искусства, которые часто бывали у него в гостях. Среди них была и артистка Малого театра Валентина Миронова. Услышав, как чудесно поет Ольга под аккомпанемент мужа, она с восхищением воскликнула:

— Боже, какой голос! Какой голос!

Это прозвучало настолько искренне, что следовало ожидать продолжения. Им стало предложение Мироновой:

— Приходите на ближайшую встречу.

— К вам? — удивилась Ольга.

— Ко мне, милая Оленька, ко мне. Слушайте внимательно…

Приглашала ее Миронова, правда, не к себе домой, хотя позже Ольге довелось участвовать и в выступлениях, которые она организовывала у себя на квартире. Однако на этот раз нужно было выступить на благотворительном вечере, организованном Мироновой в пользу сирот и калек. Честь, оказанная ею, по сути, никому не известной певице, была очень высока. На этот вечер приглашалась самая избранная петербургская публика — те, кто знал цену настоящему искусству, да и мог не пожалеть денег за концерт, что, ввиду его благотворительности, было очень важно.

От такого заманчивого приглашения Ольга, конечно, не могла отказаться. Что поступила правильно, еще больше убедилась, когда началась подготовка программы. А после выступления — тем более. Хотя и очень волновалась, сразу обратила на себя внимание. И благодаря удачно подобранным номерам. И благодаря замечательному голосу. Да и тому, что партию рояля исполнял сам Федот Григорьев — маэстро, которого в артистических кругах ценили как признанного виртуоза своего дела.

Однако для самой Виноградовой много значило и то, что на этом вечере присутствовал директор цирка «Модерн». Кстати, он был большим приятелем Василия Григорьевича. Безусловно, учитывая это, еще пристальнее следил за ее выступлением. Однако и по другой причине. В последнее время он подбирал новые номера для своего цирка. После представления, подозвав к себе Ольгу, предложил ей выступить на манеже в маске под именем таинственной графини Елены Рок.

Это предложение было куда заманчивее, чем приглашение Мироновой. Как не согласиться?! Поэтому с воодушевлением стала ходить на репетиции. Занявшие несколько дней, они пролетели как одно мгновенье. Наступила долгожданная премьера. Волнительная для Ольги Петровны, но вместе с тем и желанная. Как говорится: пан или пропал. Но отступать-то некуда: завороженная публика уже застыла в ожидании действа, в центре которого она… Нет, не она, а графиня Елена Рок. И вместе с тем она, Ольга Янчевецкая. В белом атласном платье. На голове — шляпа с широкими полями и страусовыми перьями, а черная бархатная полумаска закрывает лицо, придавая ей еще большую загадочность.

Как только карета, запряженная вороными, начала выезжать на манеж, раздались дружные аплодисменты заждавшихся зрителей. Публика немного присмотрелась и восторженно стала кричать: «Браво! Браво!» Ее легко можно было понять, ибо действие начало разворачиваться завораживающее. Запряженные в карету лошади сверкали белыми сбруями. Кучер и лакеи своим сосредоточенным видом еще больше подчеркивали, что ожидается нечто невероятное. Еще мгновенье — и цирковой оркестр на высокой ноте заиграл одну из популярных тогда мелодий.

Это вызвало у зрителей еще больший восторг, а когда музыка немного приутихла, из кареты раздался голос той, встречи с которой все ожидали с таким нетерпением. Вскоре Янчевецкая буквально всех покорила своим мастерством. Перевоплотившись в графиню Рок, она начала исполнять романс за романсом. Они шли как бы чередой. Не успел отзвучать один, как сразу же начинался второй. Перебивкой между отдельными романсами был шквал аплодисментов, которыми зрители осыпали Ольгу Петровну, да те же выкрики: «Браво! Браво!» И так продолжалось до того времени, пока не был исполнен последний романс. То, что Янчевецкая имела ошеломляющий успех, на следующий день подтвердили газеты, оперативно и внимательно отслеживавшие театральную и культурную жизнь Петербурга. Их оценки выступления «графини Елены Рок» сводились к одному и тому же: «Родилась новая звезда, затмившая всех певиц».

Сорвали с места война и революция

Дебют Янчевецкой в цирке стал настолько потрясающим, что публика после этого начала ходить именно на выступления несравненной Елены Рок. Конечно, после первого представления, тем более теперь уже ни для кого не являлось секретом, кто выступает под этим псевдонимом, но «графиня Елена Рок» по-прежнему звучало куда таинственнее и загадочней. Но и сама Ольга, и Василий Григорьевич прекрасно понимали, что первые успехи нужно закрепить. Только на номере с участием «графини Елены Рок» все время «выезжать» не получится.

Оставалось одно: совершенствовать вокальное мастерство. И не только на арене. Нужно было получать и соответствующее образование. Поэтому по настоянию мужа Ольга Петровна поступила в оперную школу, уроки вокала в которой ей давала знаменитый профессор Вирджиния Домелья, в прошлом звезда итальянской оперы. Домелья настолько была влюблена в этот вид искусства, что и мысли не допускала, чтобы ее ученица захотела еще заниматься и чем-то другим. Сама же Янчевецкая мечтала исполнять и песни, петь романсы, чего Домелья категорически не принимала, неизменно заявляя:

— Береги голос, это твой инструмент, а он у тебя золотой. Будешь меня слушать и хорошо учиться — и ты покоришь весь свет…

Но по признанию Ольги Петровны, «тайно от нее я училась петь и романсы у знаменитого Михаила Истомина, и у Тоскина. Пела я в театре миниатюр…».

Заниматься в оперной школе было не так и легко. Однако не только из-за того, что Домелья являлась очень требовательным преподавателем. Да и не из-за того, что ученица ее была не слишком усердной. Наоборот, Ольга старалась как могла, понимая, что от успешного завершения учебы зависит ее сценичное будущее. Трудности были и иного плана, если можно так сказать — бытового. У Янчевецких в 1911 году родился сын, которого назвали Мишей. Безусловно, он требовал особого ухода, внимания.

Ольга Петровна, правда, не сетовала на это, поскольку понимала, что настоящее счастье женщины не только в получении образования, карьере, но и в личной жизни. Нет, пожалуй, в мире большей радости, чем ежедневно видеть глаза улыбающегося ребенка, который радуется твоему появлению. Да и Василий Григорьевич в ее отсутствие смотрел за сыном. На некоторое время в Петербург приезжала мать Ольги, жившая на то время в Севастополе. Если становилось особенно трудно, нанимали няню. Хоть в особой роскоши и не жили, для Миши ничего не жалели.

Но вскоре Янчевецкому со столицей пришлось расстаться: когда в 1914 году началась война, вошедшая в историю как Первая мировая, его направили в Турцию корреспондентом Российского телеграфного агентства. По сути, должна была с ним ехать и жена. Но все оказалось не так просто: Ольга Петровна, успешно окончив оперную школу, часто выезжала на гастроли. Следовательно, с мужем ехать она не могла. Мишу брать с собой также не могла.

Взвесив все «за» и «против», Василий Григорьевич принял, на его взгляд, единственное правильное решение: маленького Мишу он взял с собой.

К такому решению, безусловно, можно отнестись по-разному. Легко увидеть «творческий эгоизм» Янчевецкой, отдавшей предпочтение концертам, а не воспитанию сына. Можно упрекнуть в необдуманности поступка и ее мужа. Оно-то так. Да ехал-то Василий Григорьевич туда, где боевые действия еще не велись. Ко всему, был уверен, что найдет на месте няню, которая поможет ему воспитывать Мишу. Все было бы ничего, если бы…

Увы, ни сам он, ни тем более Ольга Петровна и предвидеть не могли, что в России начнется революция, за ней — вторая, а страна очутится в хаосе.

Однако это будет потом. Пока же Янчевецкая провожала мужа и сына на перроне Витебского вокзала. Втроем ожидали отправления поезда «Петербург—Одесса», чтобы уже из Одессы морем отправиться в Турцию.

В следующий раз они увидятся только в 1918 году, но не в России, а вдали от нее. За это время Ольга Петровна еще завоюет большее признание взыскательной публики. Одновременно закончит в Петербурге Драматическую школу артиста Императорского театра Павла Петровского, в которую поступила в 1915 году. Совершенствовала свое певческое мастерство как у самого Павла Андреевича, так и у мужа известной артистки Полевицкой — Шмидта.

Учитывая ее большие вокальные способности, учителя посоветовали Янчевецкой перейти на оперное отделение. Кроме того, вместе со всеми она обучалась бальным танцам, изучала историю искусства и театра. Преподавателями также обращалось внимание и на умение артистов вести себя в обществе. А что уже говорить о посещении театра?! Да не абы-какого, пусть себе и высокопрофессионального, а того, в котором пел сам Федор Шаляпин. Попасть туда было не так и просто. Обычно билеты на лучшие места были проданы на несколько лет вперед. Кое-кто, с особым весом в обществе и являясь истинным меломаном, имел даже собственные места, а некоторые заранее выкупали ложи. Но Ольга Петровна все же ухитрялась попасть туда, где на сцене царствовал сам Шаляпин. С особым упоением слушала в его исполнении партию Мельника в опере «Русалка».

А после окончания учебы снова начались гастроли. В 1917 году ее приняли в студию театра музыкальной драмы. Осенью должна была начать работать в опере. Определилась и с первой ролью — предстояло выступать в «Кармен». Но произошла Октябрьская революция, принесшая с собой хаос и неразбериху. Из голодного Петербурга Янчевецкая снова поехала к матери в Севастополь. Когда же в 1918 году распалась Австро-Венгерская империя, очутилась на территории Румынии, приобретшей самостоятельность.

В Румынии, наконец, снова смогла увидеть мужа и сына. Встал вопрос: как быть дальше? Муж заявил, что едет в Москву. Она же возвращаться на Родину не решилась: большевистскую Россию признавать не хотела. Василий Григорьевич не настаивал на том, чтобы она изменила свое решение. Только с кем останется Миша? Опять-таки, как и в предыдущий раз, с матерью ему было бы лучше. Однако теперь в пользу того, что он должен все же остаться с отцом, появился весьма веский аргумент: сын очень привязался к отцу, по сути, вырос у него на руках. Поэтому со слезами на глазах Ольга Петровна согласилась, чтобы муж забрал Мишу с собой в Москву, а сама решила ехать Югославию.

Чем не транспорт — осел

Тогда это было Королевство сербов, хорватов и словенцев, образованное в Белграде 1 декабря 1918 года после распада Австро- Венгерской империи, а официально Югославией страна стала называться с 1929 года. Количество русских эмигрантов, приехавших сюда, измерялось сотнями тысяч. На одном из пароходов приплыла и Янчевецкая. На берегу прибывших встречали толпы жителей, радостно приветствуя их. Раздавались возгласы:

— Да здравствует мать-Россия!

— Не оставим русских в беде!

— Дружба навеки!

Однако, хотя дружба и хорошо, одною ею сыт не будешь. Надо было думать о хлебе насущном. Денег же у Ольги Петровны не было, все «богатство» ее состав-

лял лишь сценический наряд, лежавший в саквояже. Но Янчевецкая, как и другие артисты-эмигранты, все же была богата: она имела бесценный дар — свой талант. Его и нужно было умело использовать так, чтобы и самой с голоду не умереть, и другим принести пользу. Выход артисты-эмигранты нашли в том, чтобы создать свой музыкальный театр. В нем Ольге Петровне, кстати, отводилась особая роль. Учитывая ее замечательные музыкальные данные, красоту, номера с участием Янчевецкой должны были стать «гвоздем программы».

Когда театр сформировался, предпочтение отдали гастрольным выступлениям. Организовывали их летом, плавая на утлом суденышке по Адриатическому морю от острова к острову. Все бы ничего, но Ольгу Петровну страшно укачивало. Поначалу она с этим как-то мирилась и по прибытии быстро приходила в форму. Однако постепенно совсем ослабла. При одной мысли, что снова придется перенести эту пытку, становилось не по себе. Только долгие уговоры товарищей заставляли все-таки снова подняться на палубу. Но перед последним концертом и уговоры ничего не дали.

— Выступайте без меня! — заявила она категорически.

— Ольга Петровна, миленькая, — продолжали настаивать на своем ее товарищи по сцене. — Своим отказом вы срываете концерт!

— Поймите же, наконец, — она заплакала. — Мне плохо, очень плохо. Я больше не выдержу этой пытки, — она имела в виду плавание на суденышке.

Ситуация возникла аховая. Никто и не знал, где выход. Но тут его подсказал один из местных жителей:

— До места выступления можно добраться на лошади, — сказал он.

Как сами не додумались? Приплыли-то не к очередному острову, а к полуострову. Правда, по суше получится немного дольше, чем по морю, огибая берега полуострова, чтобы добраться до нужного места. Однако, как этот житель неожиданно обрадовал всех, подсказав выход, так сразу же и озадачил:

— Но коня у нас нет.

Вот тебе и на. Хочешь — смейся, хочешь — плачь. Правда, сразу же и опять обнадежил:

— Зато у нас сколько угодно ослов.

— Так веди быстрее одного из них!

— Да все в том, что ни одна наша женщина на осла не сядет.

— При чем ваша женщина? — режиссер начал сердиться. — Разговор идет о нашей певице, без которой концерт не состоится.

Все с надеждой посмотрели на Янчевецкую. Ольга Петровна в ужасе воскликнула:

— Сесть на осла? Упаси бог!

Понять ее можно было. Об этом животном и так нелестно отзываются, а она, как-никак, солистка Петербургского Императорского музыкального театра. Пусть себе и бывшая солистка. И вдруг сесть на осла!

Но коллегам ничего не оставалось, как продолжать упрашивать ее:

— На вас вся надежда.

— Голубушка, ради искусства согласитесь.

Кто-то даже позволил себе пошутить:

— Осел-то, Ольга Петровна, ни в чем не виноват…

— Ладно, — наконец сдалась она.

Янчевецкая вскарабкалась на осла, который, к счастью, стоял послушно.

— Поехали, — со смехом сказала она, с трудом удерживая равновесие. Животное засеменило по тропе, следуя за проводником. Остальные артисты в это время сели на суденышко. Все они к месту выступления подоспели вовремя. Почти одновременно с ними прибыла и Янчевецкая. Оказалось, осел все же удобный вид транспорта. Особенно, когда ничего другого нет.

Есть кого любить

Через некоторое время Ольга Петровна начала и свою сольную карьеру. Место для выступлений было, может быть, не самое лучшее — ресторан в Загребе. Непросто было решиться на это. Только иного выбора не было. Да и не однажды видела, что некоторые русские генералы, оказавшиеся в эмиграции, чтобы заработать себе на кусок хлеба, трудились курьерами. Она же, в сравнении с ними, находилась даже в куда более выгодном положении, поскольку могла заниматься тем, к чему лежала ее душа.

Непрестанно думала о том, что с мужем и сыном. Хотелось надеяться на лучшее. И надеялась, пока ей не сообщили, что они погибли, были расстреляны большевиками. Эта весть стала для нее тяжелым ударом. Будто внезапно лишилась надежной опоры. Сколько бессонных ночей проплакала, одной ей известно. Как укоряла себя, что не уговорила мужа эмигрировать вместе.

Что они выжили, узнала только через полвека. Да и то случайно. Знакомые как-то прислали ей в письме вырезку из газеты «Известия». Прочла ее и упала в обморок посреди комнаты. Было от чего! Из вырезки узнала, что сын известного советского писателя, лауреата Сталинской премии Василия Янчевецкого, известного под псевдонимом В. Ян, Михаил Васильевич, благодарит всех, кто выказал ему соболезнования в связи со смертью отца 5 августа 1954 года. Потом, когда они встретятся, Миша — уже давно Михаил Васильевич — бросится навстречу к ней с объятиями и прошепчет:

— Теперь я верю, что Бог есть.

В этом не сомневалась и Ольга Петровна. Еще до этой встречи не сомневалась, в чем не единожды убеждалась, что только благодаря промыслу Божьему преодолевает все препятствия и выживает там, где, казалось бы, выжить невозможно. Когда нашла сына, в этом убедилась еще больше.

Тогда же, когда пришла к ней трагическая весть, смирилась с мыслью, что уже никогда не увидит ни Василия, ни Мишу. Надо было думать об устройстве личной жизни. Все-таки еще совсем молода. Да и почитателей у нее хватало. И не только тех, кто восхищался ее талантом. Едва не ежедневно получала предложения руки и сердца. Но в таких случаях обычно показывала в сторону своего аккомпаниатора Юрия Азбукина. Однако для одного влюбленного в нее это не стало аргументом. То ли в любовном угаре, то ли в пьяном, а скорее всего, сочеталось и первое, и второе, он не нашел ничего лучшего, как выстрелить в красавицу, не отвечавшую ему взаимностью. К счастью, промахнулся, а охрана ресторана его тут же скрутила. Обслуга же позже, убирая помещение, нашла эту пулю и подарила ее Янчевецкой. Кстати, Ольга Петровна берегла эту пулю, считая ее своим амулетом.

С Юрочкой, а именно так она называла Азбукина, и связала свою жизнь. Обратила внимание на него еще тогда, когда вместе плыли на пароходе в эту страну. Немного позже Азбукин признался, что влюбился в нее с первого взгляда. Юрочка также понравился ей сразу: веселый, общительный. Такой человек и нужен рядом, тем паче в трудные минуты, когда одолевает тоска, от которой не знаешь куда деться.

Поэтому и полюбила романс «Ямщик, не гони лошадей», который своим содержанием был так близок ее тогдашнему душевному состоянию. Сначала исполняла его только для себя да для Юрочки, уединившись в своей тесной комнатушке. Когда же в 1925 году не стало первой исполнительницы этого романса Агриппины Гранской, включила его в свой репертуар. Будто наизнанку душу выворачивала, исполняя его. Да и душу слушателей:

Так грустно, туманно вокруг,
Тосклив, безотраден мой путь,
А прошлое кажется сном,
Томит наболевшую грудь.

Ямщик, не гони лошадей,
Мне некуда больше спешить,
Мне некого больше любить.
Ямщик не гони лошадей.

С той только разницей, что ей было кого любить. Конечно же, своего мужа Юрия Азбукина.

Петь для врагов? Никогда!

Жизнь постепенно налаживалась, и казалось, все невзгоды навсегда миновали. Однако ошиблась. Голову поднял немецкий фашизм, а потом война пришла и в Югославию. Началась фашистская оккупация. Снова голод, неуверенность в завтрашнем дне. Для того, чтобы выжить, пришлось продать все драгоценности. Хотя, если бы пошла на сделку с совестью, можно было бы обойтись и без этого.

Гитлеровцы вскоре узнали, насколько прекрасно исполняет она романсы. То, что это романсы страны, с которой они воевали, их нисколько не смущало. Впрочем, своему желанию они находили вроде бы и логическое оправдание. Мол, война идет против Советского Союза, против большевиков, а то, что звучит в исполнении Янчевецкой, родилось еще до появления как самого Советского Союза, так и большевиков.

Ольга Петровна рассуждала иначе. Для нее немецкие фашисты являлись не только оккупантами земли, где она в это время проживала, но и той земли, где родилась. Для Янчевецкой не так и важно было, как эта земля называлась — Советский Союз или Россия. Это была ее Родина, и этим все сказано. В понимании же Ольги Петровны петь для тех, кто пытался ее поставить на колени, было предательством. Поэтому на подобный шаг она никогда пойти не могла. Даже тогда, когда за выступления ей стали предлагать баснословные гонорары. Отказывалась от концертов, находила самые разные предлоги. Но «заказчики» отступать не собирались.

Дошло до того, что на квартиру к ней пришел некий представитель оккупационной администрации. Назвавшись — кто он был, Янчевецкая не запомнила, да и запоминать не было смысла, поскольку это для нее значения не имело, — нежданный гость объяснил цель своего визита. Так и так, мол, вы должны выступить с концертом перед высокопоставленными немецкими офицерами. Ольга Петровна понимала, что если категорически отказываться, все для нее может окончиться плачевно. Уговаривать до бесконечности не будут. Поэтому быстро сориентировалась, как поступить. Откашлявшись, ответила тихо, чтобы все выглядело правдоподобно:

— Я бы и рада, но…

При этом тяжело вздохнула.

«Гость», пожалуй, все воспринял серьезно, поэтому с тревогой в голосе спросил:

— Что-нибудь случилось? — и посмотрел на нее даже сочувственно: чего-чего, а этого от него она не ожидала.

— Разве не замечаете? — посмотрела на «гостя» так, словно искала у него поддержку.

— А что я должен заметить?

— Понимаете, я же голос потеряла.

— Как?!

— Чего не знаю, того не знаю, — пояснила Янчевецкая.

— И надолго?

— Врачи ничего определенного не говорят.

Она продолжала говорить как можно убедительнее. Хотела, чтобы пришедший ни в чем не заметил подвоха, а еще больше хотелось, чтобы он быстрее ушел. Кажется, тот поверил, что у нее и в самом деле проблемы с голосом.

— Будем надеяться, что все уладится, — сказал он, направляясь к выходу.

— Будем надеяться, — сухо ответила Ольга Петровна.

Облегченно вздохнула, закрывая за ним дверь. После этого даже перекрестилась, что все обошлось.

Так поступила еще и по той причине, что с юношеских лет старалась не влезать в политику. Кстати, этого принципа она неизменно придерживалась всю свою жизнь. Однако это вовсе не значило, что она была беспринципной. Свидетельство тому — и отказ выступать с концертом перед оккупантами. Вместе с тем для нее главным оставалась песня. Песня, романс были смыслом ее жизни. Остальное, по сути, являлось второстепенным. Поэтому к Ольге Петровне и было соответствующее отношение. Янчевецкую любили и уважали как официальные власти, так и те, кто власти давно не имел. Так же относилась к ним и она. Вот только несколько наиболее красноречивых примеров, свидетельствующих об этом.

Пенсия от фабрики хрусталя?

Очень любил слушать «королеву романса» и Президент Социалистической Федеративной Республики Югославии, он же председатель Союза коммунистов Югославии, Иосип Броз Тито. Неоднократно посещал ее концерты, имел грампластинки с ее записями. А однажды ему захотелось услышать голос Ольги Петровны вживую, в непринужденной обстановке.

Никого не предупредив, он направился в белградский ресторан «Скадарлия», в котором Янчевецкая выступала по вечерам, выбрав своим местожительством столицу Югославии. Когда Тито без охраны появился в этом увеселительном заведении, метрдотель сначала подумал, что обознался. Не может же главный коммунист страны один прийти в ресторан. Но присмотревшись повнимательнее, понял, что никакой ошибки нет: в «Скадарлии» собственной персоной находился Тито.

— Прекратить музыку! — испуганно закричал метрдотель и для пущей убедительности добавил: — Тишина!

Но его чрезмерная услужливость имела вовсе не ту реакцию, на которую он рассчитывал.

— Продолжайте играть! — сердито приказал Тито. — Я специально пришел послушать Ольгу Янчевецкую.

Все с облегчением вздохнули и тут же освободили ему один из столиков, находящихся ближе к эстраде. Тито с большим удовольствием слушал романсы в исполнении той, ради которой появился в ресторане инкогнито. Начиная с этого вечера, он довольно часто наведывался в «Скадарлию». Конечно, как и в первый раз, не для того, чтобы отужинать, приходил, а специально шел на «королеву романса».

Да что Тито! Ольга Петровна давно покорила всех, даже официантов. Когда она начинала петь, обслуживание посетителей обычно прекращалось. Да и сами они в это время забывали о такой «мелочи», как сделать заказ. Перед началом выступления Янчевецкой устанавливалась тишина. Некоторые мужчины, особенно в предвоенные годы, когда у многих есть очень сильная тоска по оставленной России, плакали навзрыд.

— Душу рвет! — признавался кто-то из них сквозь слезы.

Когда же звучал не романс, наводящий печаль и грусть, а удало-залихватская песня, находились и те, кто мог раскрошить дорогой хрустальный фужер.

Директор ресторана как-то пошутил:

— Да фабрика хрусталя, Ольга Петровна, должна назначить вам пенсию.

— В каком смысле?

— Благодаря вам ее продукция так хорошо расходится.

Когда в 1973 году у Янчевецкой гостил ее сын, для него организовали ознакомительную поездку по Югославии. Конечно, вместе с матерью. Побывали они и там, где находится усыпальница югославских королей. Ольга Петровна, попросив книгу отзывов, долго писала, какие замечательные люди нашли здесь свой вечный покой. Князь Андрей Горденин, потом хранитель архива певицы, сопровождавший мать и сына в этой поездке, предостерег Янчевецкую:

— Ольга Петровна, что вы делаете?

— Я что-то не так делаю? — удивилась она.

— Вы разве забыли, что теперь у власти коммунисты?

— Так вот вы о чем? — засмеялась она. — Одно другого не отменяет. Я была лично знакома с королем Петром Карагеоргиевичем. Особенно ценю, что его сын, король Александр, в свое время так тепло встретил у себя на Родине нас, эмигрантов.

Манящий запах черемухи

Любила она и романсы, написанные Петром Ильичом Чайковским на стихи загадочного «К. Р.». Впрочем, загадочным был только для тех, кто слабо знал поэзию. Но только не для нее, любившей провести свободное время с томиком стихов или находившей душевную отраду в знакомых публикациях, разбросанных в старых журналах. Она-то и знала, что «К. Р.» — один из представителей царского рода — дома Романовых — внук Николая I, племянник и крестник Александра II — Константин Константинович Романов.

А еще, как заметила Ольга Петровна, романсы «К. Р.» примечательны тем, что они какие-то очень личные. Конечно, в них все, как это и характерно для истинной поэзии, пропущено через восприятие лирического героя. Поскольку чувства и переживания его очень близки тебе, являются словно частицей твоего внутреннего «я», лучше все приобщаться к тому, что высказал поэт, да и к тому, чему композитор придал в какой-то степени новое наполнение, дал второе дыхание, наедине с собой.

Исходя из этого, Янчевецкая романсы Чайковского на слова «К. Р.» любила исполнять, когда начинали одолевать ее непростые мысли. Нет, она полностью не исключала эти романсы и из своего богатого репертуара, но эти произведения в ее публичном исполнении звучали куда реже, чем остальные. Можно сказать, от случая к случаю. Зато для себя, для души пела их постоянно, не зная даже, какому романсу отдать предпочтение, ибо все они были близки ей своим содержанием, а поэтому дороги: «***Повеяло черемухой…», «Сирень», «***О, дитя, под окошком твоим…».

Все же чаще всего исполняла первый из этих романсов, который оживлял столько приятных воспоминаний, связанных с годами ее детства, да и начала юности, когда еще был жив отец, а будущее казалось таким безмятежным, радужным, верилось, что на жизненном горизонте никогда не будет туч. По весне же это настроение радости и обновления приобретало особую наполненность, как бы касаясь каждой клеточки души, а запах черемухи, слегка дурманящий, еще больше усиливал романтическое восприятие действительности. При первых же трелях соловья будто что-то обрывалось внутри: умеет же эта маленькая птичка так замечательно петь.

Повеяло черемухой,
Проснулся соловей,
Уж песнью заливается
Он в зелени ветвей.
Учи меня, соловушко,
Искусству твоему!
Пусть песнь свою волшебную
Прочувствую, пойму.
Пусть раздается песнь моя,
Могуча и сильна,
Пусть людям в душу просится,
Пусть их живит она;
И пусть все им становится
Дороже и милей,
Как первая черемуха,
Как первый соловей!

Но было у Янчевецкой и еще одно стихотворение, которому она придавала особое значение из того, что было написано «К. Р.». Да и как же иначе, если эти, казалось бы, бесхитростные строки будто каждый раз произносились ею самой:

Когда креста нести нет мочи,
Когда тоски не побороть,
Мы к небесам возводим очи,
Чтобы помиловал Господь.

Но если вслед за огорченьем
Нам улыбнется счастье вновь,
Благодарим ли с умиленьем,
От всей души, всем помышленьем
Мы Божью милость и любовь?

Всегда старалась, насколько возможно было, «благодарить… от всей души, всем помышленьем… Божью милость и любовь». Давала благотворительные концерты, постоянно поддерживала одну из русских церквей в Белграде. Также постоянно находила слова утешения для тех, кто в этом нуждался. А так бывает, когда человеку весь белый свет не мил, тогда обязательно хочется найти того, кто тебя внимательно выслушает, поддержит добрым словом, обнадежит. «Королева русского романса» была как раз из тех, кто способен был чужую беду воспринять как свою собственную.

* * *

Янчевецкая прожила долгую жизнь. Забрал Всевышний Ольгу Петровну к себе, когда ей шел уже 89-й год — через десять лет после того, как она навсегда распрощалась со своим Юрочкой. Но с песней, романсом не расставалась, по сути, до последних дней своих, вела активную творческую жизнь. Не только давала концерты, но и выступала по радио, телевидению — такой неиссякаемый запас энергии имела.

Однако это уже было и как бы подведением итогов, которое закономерно, особенно тогда, когда много прожито и немало передумано. Однако чем больше думала она о том, что пришлось испытать на своем пути, тем больше приходила к мысли, что жизнь ее — это, говоря названием трилогии Алексея Николаевича Толстого, «хождение по мукам» и, если можно так выразиться, обретение самой себя на этих распутьях, утверждение как творческой личности.

Уходя в вечность, сама побеспокоилась о том, чтобы по мере возможности оказать помощь тем, кто в этом нуждался. Чтобы никого не обидеть, заранее разделила свои сбережения на три части. Конечно же, не забыла о церкви, с которой постоянно поддерживала связь. Позаботилась и об одной из детских организаций Югославии, с которой ее связывала долгая дружба. Наведываясь к детям, не только исполняла для них песни, но и дарила им ласку, которую так и не успела подарить своему Мишеньке, поскольку судьба разлучила их на много десятилетий. Теперь же и ему завещала часть сбережений. Безусловно, не в деньгах счастье. Но и без денег — увы, такова жизнь — не обойтись. Так пусть ему будет какая-то помощь от матери.

Михаил Васильевич приехал, чтобы проводить ее в последний путь. Кстати, он прожил еще больше, чем она, — 93 года. Его сердце остановилось во сне 17 августа 2004 года. Ему также была уготована нелегкая жизнь. В годы Великой Отечественной войны был на фронте, потом случилось так, что пришлось отбывать срок в одном из лагерей ГУЛАГа. Однако в людях не разуверился. Вернувшись в Москву, жил вместе с отцом. А после его смерти был председателем комиссии Академии наук по литературному наследию В. Яна.

Кто знает, возможно, перед тем, как засыпал своим последним сном, Михаилу Васильевичу вспомнился романс «Бубенцы». В исполнении матери, его он очень любил, поэтому часто слушал эту запись на пластинке, подаренной ею:

Сердце будто проснулось пугливо,
Пережитого стало мне жаль,
Пусть же кони с распущенной гривой
С бубенцами умчат меня вдаль.

Слышен звон бубенцов издалёка —
Это тройки знакомый разбег,
А вокруг расстелился широко
Белым саваном искристый снег!

Слышен, образно говоря, звон бубенцов «издалёка» всем, кто любит этот романс, и поныне. И не только благодаря новым исполнителям, поскольку он притягивает внимание и молодых певцов. До наших дней дошел живой голос корифеев этого жанра, в том числе и Ольги Янчевецкой.

Зоя ЛЫСЕНКО

Найти среди знакомых незнакомку

Поклонникам музыкального театра, в частности, жанра оперетты, присуща одна особенность: сколько бы ни ставили все тех же Штрауса, Легара, Кальмана, они будут идти на них снова и снова, с радостью ожидая новой встречи с давно знакомыми «Летучей мышью», «Веселой вдовой», «Принцессой цирка» и, конечно же, с «Сильвой» и «Марицей»… Чем больше на слуху название той или иной оперетты, тем с большей охотой идет на нее зритель, даже не задумываясь над тем, почему их перечень у нас довольно ограниченный.

Опереточный репертуар на постсоветском пространстве до сих пор остается примерно таким же, каким он был и в период становления этого жанра в СССР. Из большого перечня произведений корифеев оперетты тогда отбирались лишь такие, которые можно было как-то адаптировать к восприятию советского зрителя и «примирить» его с классовым подходом к буржуазному образу жизни. С этой целью сокращался и переделывался даже музыкальный материал известных всему миру произведений, не говоря уже о либретто, которые почти заново переписывались и где более-менее нетронутой оставалась лишь мелодраматическая линия, а всех князей и графов нарочито выставляли чуть ли не карикатурными типажами отжившей эпохи.

К примеру, даже тем поклонникам творчества Кальмана, которые наизусть знали арии, дуэты и монологи любимых героев из допущенных на советскую сцену произведений этого автора, не известна была его оперетта «Герцогиня из Чикаго», премьера которой состоялась в 1928 году в Вене. Что в первую очередь притягивало наших зрителей в его произведениях? Конечно же — неповторимое сочетание венгерского чардаша и венского вальса. А в «Герцогине из Чикаго» Кальман отошел от венгерско-венских ритмов и интонаций — здесь чардаш и вальс потеснились, уступив место фокстроту и чарльстону, что красноречиво говорило о приверженности автора к джазу. Но, как мы помним, в контексте противодействия западной культуре в целом в нашей стране особой критике подвергался именно джаз. «Сегодня он играет джаз, а завтра родину продаст», — известная советская поговорка…

По идеологическим соображениям в СССР почти не было известно имя, например, и такого венгерского композитора, как Пал Абрахам. Много его оперетт, так и не переведенных на русский язык, с большим успехом шло в Европе. В 1930 году в Будапеште состоялась премьера «Виктории» — одной из наиболее известных оперетт Абрахама, сразу же привлекшей внимание немецких театральных агентов, по настоянию которых композитор переезжает в Берлин — театральную столицу Европы тех лет. Здесь с ним сразу же связываются Альфред Грюнвальд и Фритц Лёнер-Беда — либреттисты Легара и Кальмана, которые в спешном порядке переводят венгерское либретто «Виктории» на немецкий язык. На берлинской премьере за дирижерским пультом стоял сам Абрахам, а назавтра в прессе его назвали кронпринцем оперетты, намекая на появление наследника у ее королей — Легара и Кальмана. В 1931 году в содружестве с теми же либреттистами Абрахам создает еще одну, быстро ставшую популярной оперетту «Цветок

Всегда довольный собой Трэоли (Виктор Циркунович) в окружении поклонниц.

Гавайев», а в 1932 году — свой последний хит «Бал в Савойе». После берлинской премьеры эта оперетта вскоре была поставлена в Лондоне, а затем и по всей Европе.

В момент своего создания «Бал в Савойе» считался новаторским произведением даже на Западе. Так же, как и написанная четырьмя годами ранее «Герцогиня из Чикаго» Кальмана, он содержал в себе одновременно черты и оперетты, и мюзикла. И так же, как «Герцогиня из Чикаго», оказался очень танцевальным. В нем удивительным образом сочетаются классический венский вальс и набиравшие в то время популярность фокстроты, танго, зажигательные латиноамериканские ритмы, которые кажутся даже богаче и разнообразнее мелодий… Поэтому «Бал в Савойе» называют одновременно и последней опереттой, и первым европейским мюзиклом.

Как ни странно, но в 1940-х годах это произведение было поставлено в Ленинградском театре музыкальной комедии, а в 1950-х и в Московском театре оперетты. О той московской постановке ходят различные легенды: будто бы вокруг нее был такой ажиотаж, что в дни, когда шел этот спектакль, к зданию театра вызывали конную милицию. Ведь «Бал в Савойе» выходил за рамки привычного представления об оперетте, и всем хотелось услышать джаз и увидеть, как танцуют фокстроты, зажигательные латинос и прочие новомодные западные танцы, оказывающие «тлетворное влияние» на советскую молодежь… В «Правде» тогда вышла разгромная статья, руководство театра обвинили в идеологической близорукости, а спектакль, естественно, сняли с репертуара. Отдаленным эхом тех давних постановок остался оригинальный номер «Танголита», с которым многие солистки оперетты стали выступать в концертах:

В тот миг, когда танцует Танголита,
Все мысли кружит любовный бриз.
Для тех, кого целует Танголита,
Законом служит ее каприз…

Однако значительно позднее это произведение у нас даже вышло на экран. В 1978 году на Центральном телевидении был выпущен телеспектакль «Мелодии одной оперетты», где звучали все музыкальные номера из «Бала в Савойе» (и где особенно запомнилась солистка цыганского театра «Ромэн» Ирэна Морозова с ее экспрессивной «Танголитой»). А в 1985 году на киностудии «Таллинфильм» был снят двухсерийный музыкальный фильм «Бал в Савойе», сценарий которого основан на оригинальном либретто этой оперетты. Однако на театральные подмостки это произведение стало возвращаться сравнительно недавно, уже в XXI веке.

В 2013 году (спустя почти 60 лет) «Бал в Савойе» обрел новую жизнь на сцене Московской оперетты. В основе этой постановки лежит все тот же музыкальный материал, но либретто Владимира Михайлова и Дмитрия Толмачева, использованное в спектакле, значительно отличается от оригинального. Видимо, его создатели в свое время решили, что старый драматургический прием, отвечающий опереточным традициям, слишком шаблонный, и осовременили его. Действительно, фабула и основной сюжетный ход в оригинальном либретто «Бала в Савойе» явно перекликались с либретто «Летучей мыши» Штрауса, когда муж, собираясь на бал, нещадно врет жене, которая вслед за ним сама отправляется инкогнито на тот же бал, где неверный муж начинает с ней флиртовать… В либретто новой московской постановки сохранены практически все основные герои оригинального либретто, но мотивировка их поступков и обстоятельства, в которых они действуют, совсем иные. Персонажи второго плана тоже иные. И хотя местом действия остается тот же гранд-отель «Савой», но события уже развиваются не как цепь забавных недоразумений, когда муж собирается изменить жене, а на фоне венецианского карнавала, где главные герои поначалу даже не знакомы друг с другом. Вследствие этого отпала необходимость в таком ярко характерном персонаже, как Танголита. Ее в новой московской постановке нет. Хотя в оригинальном либретто именно она, королева танго, приглашает главного героя на бал в отель «Савой», где им есть что вспомнить. Однако яркий музыкальный номер «Танголита» в московской постановке сохранен — его исполняет главная героиня.

Так случилось, что постановка «Бала в Савойе» в Московской оперетте послужила толчком для постановки этого спектакля в Белорусском музыкальном театре, премьера которого состоялась в апреле текущего года. Партитуры этого произведения наш театр не имел — ее приобрели в Московской оперетте с правом проката на пять лет. Так что музыкальный материал в московской и минской постановках, в принципе, один и тот же, чего нельзя сказать о либретто. Режиссер-постановщик нашего спектакля Анна Моторная по существу написала новую пьесу, в основу которой, опять-таки, легло не оригинальное либретто Альфреда Грюнвальда и Фритца Лёнер-Беды, а нынешняя московская версия либретто Владимира Михайлова и Дмитрия Толмачева. Главные герои в тексте Анны Моторной в основном те же, что и в предыдущих либретто, никуда не исчезла и королева танго (правда, здесь она фигурирует под другим именем), но события развиваются уже на фоне кинофестиваля, куда съезжаются знаменитости со всего мира. Поэтому смена сцен в спектакле порой напоминает калейдоскоп самых разных колоритов и стилей.

— Мы сделали свою литературно-сценическую и музыкальную редакцию этого произведения, — говорит Анна Моторная. — «Бал в Савойе» был написан в те годы, когда оперетта уступала место мюзиклу, когда на смену Велико-

му немому пришло звуковое кино, поэтому мы перенесли действие спектакля на кинофестиваль. Неважно, где он проходит — в Италии или во Франции, в Венеции или в Ницце… Будем считать, что где-то на Лазурном Побережье, куда ежегодно, как стаи перелетных птиц, мигрируют со всех континентов кинозвезды и режиссеры, продюсеры и шоумены, акулы пера и просто респектабельная публика, жаждущая ярких впечатлений. А разве может кинофестиваль обойтись без сенсаций, скандальных историй и интриг? Их хитросплетения и составляют сюжетную канву спектакля. Но все завершается торжеством возвышенных романтических отношений и любви, которые зарождаются в этом невероятном круговороте событий.

Над редакцией музыкального материала пришлось потрудиться дирижеру-постановщику Николаю Макаревичу. Это тот дирижер, который сам делает аранжировки, но в данном случае ему нужно было поработать над акустической адаптацией оркестровки, сделанной его московским коллегой.

— Уже при знакомстве с партитурой в Москве я понимал, что именно нужно в ней отредактировать с учетом акустических особенностей нашего зала, — говорит Николай Макаревич. — Например, какой-то номер у нас будет звучать слишком громко и мощно, и если этот аккорд я не перестрою, если мы сыграем его так, как он написан, то зал не услышит солистов. Некоторые номера пришлось переделать кардинально, некоторые фрагментарно, а некоторые вообще не нуждались ни в какой переделке. Концептуально оркестровку я не менял. И если вносил какие-то изменения, то старался сделать это так, чтобы не нарушить общий стиль оркестровки и сохранить всю функциональность и все взаимоотношения фактуры. Это образно можно сравнить с хрупкой конструкцией карточного домика, когда нужно осторожно вынуть одно, вместо него еще более осторожно вставить другое и при этом сохранить целостной всю конструкцию. Добиваясь прозрачного звучания оркестра, нельзя было допустить, чтобы оно стало беднее и менее красочным. Приходилось что-то варьировать, искать приемлемые варианты. Например, в финале первого акта должны были играть медные духовые, а это никогда не будет настолько тихо, чтобы можно было спокойно слышать солистов даже в гарнитуру. Значит, медные приходилось вычеркивать, частично заменяя их деревянными духовыми, частично струнными… К тому же, потребовалась еще и сценическая адаптация оркестровки, потому что по задумке режиссера внутри музыкальных номеров появилась масса мелодекламаций, речитативов, диалогов, которые также должны быть хорошо слышны в зале.

— А пришлось ли вам делать какие-то купюры, чтобы тем самым придать больше динамики самому сценическому действию?

— Да, мы немножко подсократили партитуру, так как в ней было много оркестровых мелодрам на материале арии главной героини Мадлен.

— Насколько усложняла работу особенность этой партитуры, где соединены не только разные музыкальные стили, но можно сказать, разные жанры; трудно ли было постоянно переключаться?

— Трудно было не только переключаться, но даже выучить такой материал. Это и не оперетта, и не мюзикл… И когда я начинал знакомиться с партитурой, то поначалу садился и просто играл на рояле, потому что по-другому выучить это невозможно. Хорошо, что у нас оказался изданный клавир этого произведения, что помогало мне на первоначальном этапе. Обычно, сталкиваясь с новой партитурой, находишь в ней что-то интересное для себя или в музыкальном языке, или в гармоническом, или в оркестровке. А здесь нужно было приложить усилия, чтобы просто разобраться в ней. Приходилось даже брать в руки учебник гармонии, чтобы понять, насколько нужно быть осторожным с расположением в оркестре усложненных джазовых аккордов и насколько тонко нужно знать правила их соединения с другими аккордами. Так что, работая с этим материалом, я очень много почерпнул для себя в джазовой аккордике.

Главные герои спектакля Аристид (Сергей Сутько) и Мадлен (Наталья Дементьева).

— Интересно, что при таком миксе различных музыкальных стилей и направлений, ритмических и гармонических моделей, где с вальсом соседствует фокстрот, произведение не воспринимается как некое механистическое соединение разнородных элементов, более того, в нем ощущается некая целостность и завершенность. За счет чего это происходит?

— Уникальность «Бала в Савойе» заключается в том, что композитор старался и мелодическим, и гармоническим языком весь этот микс «причесать», чтобы получилось единое целое для акустического восприятия. И еще очень большую роль здесь играет своеобразная оркестровка.

— Но все же визитной карточкой этой постановки является классический европейский вальс с его красивой и сразу запоминающейся мелодией…

— Этот вальс лейтмотивом проходит через все произведение по принципу сквозного развития, нанизывая на себя другие темы. Даже вступление интонационно построено на теме этого вальса. А потом само вступление и приводит нас в эту тему. Мелодический язык этого вальса адаптирован под наше европейское ухо, но если проанализировать аккордику, на которой он построен, то обнаруживается новаторский композиторский прием: с точки зрения гармонического анализа в нем уже присутствуют джазовые гармонии.

В зависимости от характера музыки в спектакле определяются и характеры персонажей. Так, главные герои Аристид (Сергей Сутько) и Мадлен (Наталья Дементьева) — классическая опереточная пара. Их дуэты, мелодически очень красивые, по своей форме и гармоническому языку также чисто опереточные. И способ их существования на сцене тоже опереточный. Особенно это ярко выражено у Мадлен — от внешнего облика до нюансов в движениях, пластике и даже в манере подавать реплику. Наталья Дементьева в этой роли в целом выглядит очень эффектно: красавица с точеной фигуркой, которая выгодно подчеркивается хорошо продуманными стильными костюмами. Особенно всех поразил ее фантастический наряд во время исполнения сольного номера на балу, где должное нужно отдать художнику по костюмам Любови Сидельниковой. Этот музыкальный номер — «Танголита», — самый эффектный в спектакле по постановке, получился также очень выразительным и по исполнению: тонкость нюансировки, высокая культура голосоведения вкупе с тембровыми красками просто тешили слух. Чувствовалось, насколько тщательной была работа солистки с дирижером-постановщиком. А вот в разговорных сценах артистка была не столь выразительной — ей явно легче передать гамму эмоций и чувств посредством музыки, чем диалога.

Напомним, что, согласно новой версии либретто, Мадлен и Аристид — вовсе не молодые супруги, которые из своей роскошной виллы в Ницце отправляются на бал в «Савой» (муж спешил туда на встречу с Танголитой, а жена — чтобы проследить за ним). В постановке Анны Моторной этих двух персонажей сталкивает стихия кинофестиваля. Она — певица, восходящая звезда, он — известный кинорежиссер, сценарист и писатель. Сергей Сутько в роли Аристида — достойный партнер Натальи Дементьевой, и у них, как уже отмечалось, получился органичный опереточный дуэт. Но в то же время образ Аристида в спектакле немного осовременен, к тому же он приобретает некоторые черты характерного персонажа. Например, по ходу спектакля Аристид находит хитрый способ проникновения в номер Мадлен: переодевается в форму администратора отеля и приносит ей «нечаянно» оброненный с балкона палантин. С этого момента и начинается череда недоразумений, связанных с переодеваниями и подменой персонажей. По логике вещей, в этой комической линии основная драматургическая нагрузка должна была выпасть на долю Аристида, потому что именно он изначально пытался выдать себя за другого. Да, ему пришлось вводить Мадлен в заблуждение, выкручиваться и врать, но все это происходило в основном на словах, без соответствующих действенных сцен, поэтому наметившаяся интрига превратилась в вялотекущий конфликт.

А настоящие недоразумения и смешные эпизоды, влияющие на ход сюжета, начали происходить с ничего не затевавшим Померолем, администратором отеля (Денис Немцов), которого стали принимать за известного режиссера, то есть за Аристида. Нужно сказать, что в оригинальном либретто роль Помероля, пусть и ярко характерная, но небольшая: там он — просто официант в «Савойе», и появляется в спектакле лишь во втором действии, когда Аристид уединяется в отдельном кабинете с Танголитой, а Мадлен, чтобы отомстить ему, заманивает в соседний кабинет молодого адвоката. При этом Помероль, обслуживая и тех и других, мечется между ними не без выгоды для себя. В нашем же спектакле Померолю отведена куда более значительная роль: как администратор гранд-отеля он появляется в действии с самого начала, рассказывая зрителю о начавшемся фестивальном сезоне и характеризуя прибывающих в «Савой» знаменитостей, с которыми он уже знаком лично (поэтому Аристид так бесцеремонно и стягивает с него форму). А далее этот персонаж вовлекается в более действенные сцены и таким образом проходит через весь спектакль, поддерживая сквозное действие. И по мере развития событий сцены с его участием приобретают все больше гротеска и комичности. Назначение Дениса Немцова на эту роль было ожидаемо: зритель с удовольствием принимает актера в подобном амплуа и с интересом следит, какие же метаморфозы будут происходить с его персонажем дальше…

А дальше внезапно появившаяся в отеле строптивая американка Дэзи (Наталья Глух) принимает Помероля за известного режиссера и проникает вместе с ним на бал, куда ее никто не приглашал. Она пишет джазовую музыку под псевдонимом Хосе Пасодобль и прилетела на кинофестиваль с твердой целью открыть свое настоящее имя — чтобы в Европе знали, на что способны эмансипированные американские женщины. Так что поначалу как бы складывается креативная парочка двух ярко характерных персонажей, причем если Дэзи изначально выступает как однозначный типаж — продвинутая и напористая эмансипи, то Помероль демонстрирует, с одной стороны, свое вживание в роль известного режиссера, а с другой — на ходу проникается американским духом и стилем. Сцены с участием этих персонажей вносят в спектакль много живости и настоящей комедийности, а их музыкальные номера — уже чисто мюзикловые, даже с элементами акробатического танца. (В московской постановке среди прочих танцевальных номеров есть еще и степ. Жаль, что в нашем спектакле такого выразительного номера нет, хотя исполнитель роли Помероля владеет техникой степа и демонстрирует это в других спектаклях, музыкальный материал которых не столь соответствует данной стилистике.)

В конце концов выясняется, кто есть кто, и разоблаченный Помероль остается в гордом одиночестве, выглядя при этом как-то странно переодетым, вернее — почти раздетым, потому что Дэзи срочно понадобилось хоть во что-то облачиться… Дело в том, что с ней самой произошла сцена совсем неожиданного стриптиза: страстно желая проявить себя, она рвалась к оркестру вместо дирижера, который, чтобы не допустить этого, элегантно наступил на пышный подол ее бального платья, и она тут же осталась без оного. Однако мгновенно облачившись в снятый с Помероля фрак (другие части его костюма ей не подошли), Дэзи прорвалась к заветной цели и добилась триумфа. Роль дирижера в данном случае выпала на долю самого дирижера — Николая Макаревича, который на некоторое время превратился в актера, поднявшись из оркестровой ямы на сцену.

Добившись творческого признания, удачливой американке удалось здесь же найти и свое личное счастье. С момента своего появления в отеле она не упускала из виду колоритного Мустафу (Сергей Спруть), который, чтобы впечатлить ее, небрежно уронил на пол последнюю, притом одолженную, стодолларовую купюру (видимо, во французской Ницце о своих франках на тот момент как-то забыли). В оригинальном либретто Мустафа Бей — атташе турецкого посольства и лучший друг Аристида, который помогает ему обманывать жену: придумывает версию про композитора Хосе Пасодобля, с которым им необходимо встретиться на балу. В либретто Анны Моторной Мустафа Бей аль Стамбул выступает уже в качестве продюсера Аристида. Здесь вроде и обманывать никого уже не нужно, но выдуманный композитор каким-то загадочным фантомом встает между турком и американкой, явно тяготеющими друг к другу: Дези просит Мустафу познакомить ее с Хосе Пасодоблем…Череда забавных недоразумений между этими персонажами приводит к тому, что многоженец Мустафа с радостью соглашается на моногамный брак с Дэзи, тем более что по ходу действия выясняется, что она — дочь миллионера. И здесь нужно отдать должное Анне Моторной как режиссеру: она иронично-остроумно подчеркнула актуальную на то время тему равноправия полов и очень ярко изобразила типаж ярой феминистки, которой удалось обуздать восточного мужчину со всеми его понятиями о браке и семье.

Сергей Спруть в образе Мустафы предстал очень оригинальным и стильным: восточный мужчина с замашками и манерами западного шоумена. Пожалуй, это его лучшая роль, притом неоднозначная и трудная. Кажущаяся легкость исполнения говорит о большом труде, вложенном в сложный рисунок роли. И музыкальный язык этого персонажа тоже неоднозначный: построенный на колорите восточных гармоний, но исполняемый в стилистике бродвейских мюзиклов.

Восходящая звезда Мадлен тоже прибыла на фестиваль не одна, а со своим импресарио Трэоли (Виктор Циркунович), который убежден, что именно талантливое продвижение участника гарантирует ему победу: «Чтоб стать звездой, не надо ей родиться!» И при этом ведет себя так, будто здесь на нем свет клином сошелся, потому и окружен толпой поклонниц больше, чем все звезды вместе взятые. Виктор Циркунович рисует этот образ яркими крупными мазками, заостряя характерные черты своего персонажа. Как всегда, артист очень хорош в музыкальных номерах, где кроме сильного вокала в очередной раз продемонстрировал хорошую хореографическую подготовку. И в разговорных сценах он тоже очень силен, умеет подать реплику не хуже драматического актера, что присуще не всем солистам-вокалистам.

На эту же роль назначен и начинающий артист Дмитрий Климович. Сдача спектакля для него была первым выходом на профессиональную сцену и вообще на публику. Однако, не зная этого, трудно было определить в нем новичка. Конечно, бросающейся в глаза самоуверенности в нем не было, однако не было и того волнения и зажатости, без чего практически никогда не обходится сценический дебют. Рисунок роли у него более мягкий, но достаточно выразительный: образ

Денис Немцов в роли Помероля.

импресарио получился также ярко характерным и цельным — этакий милый и обаятельный весельчак, у которого все получается как бы само собой. А если говорить обобщенно, то Дмитрий Климович в своей первой роли показался вполне органичным, по крайней мере, все выразительные средства в обрисовке его персонажа были уравновешены, и нельзя сказать, что в чем-то он недотягивал.

Вообще, спонсоров, продюсеров и импресарио на кинофестивале было чуть ли не больше, чем звезд, к тому же они попутно занимались продвижением каких-то товаров, конкурируя в этом деле между собой. То есть, режиссер стремилась как можно полнее отобразить эпоху зарождения шоу-бизнеса и рекламы, проводя какие-то параллели и с днем сегодняшним. Но такие разветвления действия, не влияющие на развитие основного сюжета и тем более на поступки главных героев, как бы рассеивали внимание зрителя.

Однако публика сразу оживлялась, когда на сцене появлялись истинные виновники торжества. Например, в спектакле есть пусть и небольшая, но запоминающаяся роль мадам Вуазье, почетной гостьи фестиваля, которую исполняет Наталья Гайда. Зная, что в этом произведении, в отличие от классической оперетты, нет возрастной характерной роли на нее, Наталья Викторовна была удивлена, когда режиссер предложила ей участвовать в постановке. И здесь снова нужно отдать должное Анне Моторной: роль почетной гостьи она выстроила специально под Наталью Гайду, чтобы вовлечь ее в спектакль и подарить зрителю новую встречу с примадонной. Первое появление мадам Вуазье на сцене выглядит как очень эффектный музыкальный номер с испанским колоритом, на восприятие которого влияет и тщательно продуманный оригинальный наряд, выполненный в красно-черной гамме.

Немного особняком, но с высоко поднятой головой, стоит в этом спектакле королева танго Розита ля Торрес (Лидия Кузьмицкая). Визитной карточкой этой героини была не «Танголита», а вставной номер — «Букет цветов из Ниццы» другого венгерского композитора. Бывшая возлюбленная Аристида, она, все еще купаясь в лучах былой славы, прибыла на фестиваль, чтобы закрепить свою репутацию звезды. А этого ой как нелегко добиться, поэтому все средства будут хороши… Нелегко также казаться успешной, и главное, по-прежнему неотразимой — теперь на это уходит вдвое больше времени. Особую характерность подчеркивает также стильный и тщательно продуманный в деталях наряд Розиты — еще одно меткое попадание в образ художника по костюмам. Эта роль, пусть и не очень большая, вся наполнена драматизмом. И Лидия Кузьмицкая мастерски показала все нюансы душевного состояния своей героини. Особенно сильна артистка была в момент триумфа королевы танго, все-таки сумевшей получить главный приз фестиваля, что вызвало небывалый скандал; и не истинная радость переполняла ее душу, а состояние, близкое к истерике, в котором угадывалось так много жизненной правды.

В постановке задействовано и много других персонажей, призванных, по задумке режиссера, иллюстрировать жизненную атмосферу того времени в

целом и обстановку в «Савойе» в частности. Спектакль многонаселенный: кроме названных героев в нем есть и загадочный спонсор кинофестиваля Диффенбах (Антон Заянчковский), одетый как персидский падишах; и американский миллионер мистер Дарлингтон (Александр Осипец) — продюсер и, как оказалось, отец Дэзи; и портье грант-отеля (Василий Сердюков) вместе с многочисленными официантами и службой заведения… К тому же в спектакле много массовых сцен, в которых заняты артисты хора и балета.

Режиссеры действительно нередко берутся за кардинальную переделку либретто. И результат иногда бывает таким: привнесенное новое настолько вытесняет старое, что теряется основная идея произведения. А если при этом еще переделывать и музыкальный материал, то вообще может потеряться единство между музыкальной драматургией и драматургией пьесы. Стремясь привнести что-то новое, например, в классическую оперетту, обычно ссылаются на ее заштампованность и банальную развлекательность. И в результате в ней могут возникнуть коллизии, не соответствующие художественному замыслу этого произведения. (Например, вряд ли Кальман в одной из своих известных оперетт старался отобразить все художественное направление модерна, как это пытался сделать режиссер в постановке данного произведения в нашем театре, ссылаясь на то, что оно было написано именно в эпоху модерна. С этой целью в музыкальную канву кальмановской оперетты был даже внесен номер из «Бала в Савойе», созданного Абрахамом чуть ли не двадцатью годами позже.) Так что, берясь что-то переделывать, всегда нужно помнить об основном законе художественного произведения — единстве содержания и формы.

А что касается такой составляющей музыкально-сценического произведения, как либретто, то при его написании или переделке нужно если не в совершенстве владеть этим ремеслом, то хотя бы придерживаться основных законов драматургии. Классические пьесы отличаются почти математической выверенностью композиции, в них нет обилия ответвляющихся тем и множества персонажей.

В основу всегда закладывается та или иная идея, из которой вытекает конкретный конфликт, а уже сюжет строится на разрешении этого конфликта, где обязательно присутствуют завязка, кульминация и развязка. По таким же законам строится и либретто, но от пьесы оно отличается своей краткостью и отсутствием развернутых диалогов и монологов, потому что в разрешении конфликта произведения большая нагрузка ложится на музыкальную драматургию.

Московскую версию либретто критики расценили как «рвущуюся на мелкие составные части фабулу, в которой так и не случилось внятной истории…». К сожалению, слова о рвущейся фабуле можно отнести и к минской версии. И внятную историю в постановке также трудно проследить по причине множества сюжетных ходов и обилия действующих лиц. Режиссер делала упор на создании как можно более реалистичного фона происходящего действия — отсюда такое углубление в детализацию. Но принцип реализма в художественном произведении основан не на подражании действительности, а на обобщении, на создании типичных характеров в типичных обстоятельствах. С типичностью обстоятельств в постановке вообще большой вопрос, а что касается характеров главных героев, то в условиях прерывающегося действия они не получают должного раскрытия, по крайней мере, мотивацию их поступков уловить удается не всегда. Потому что развитие сюжета часто обусловливалось не сценическим действием, а словами персонажей, которые как бы рассказывают о том, что с ними происходит. К тому же диалоги порой были затянутыми, иногда даже встречались формы деепричастных оборотов, как будто они велись не в разговорном, а в официально-деловом стиле. Но при этом гораздо более удачно раскрылись характеры иных действующих лиц — Помероля, Дэзи, Мустафы…

Стремясь осовременить постановку и заострить внимание именно на киношной тематике, в речи персонажей не раз вспоминалось имя Федерико Феллини,

который не осчастливил фестиваль своим присутствием. По всей вероятности, в спектакле проводятся параллели с Венецианским кинофестивалем, который был основан в 1932 году. Как раз в том же году был написан и «Бал в Савойе». Композитор Пал Абрахам имел отношение к кинематографу постольку, поскольку некоторые его оперетты экранизировались в то время в Германии и Австрии, скорее всего, он знал и об открытии Венецианского кинофестиваля. Но Абрахам был и оставался композитором, пишущим для театра. Что же касается Феллини, то он действительно получил главный приз Венецианского кинофестиваля за свой фильм «Дорога», но это произошло в 1954 году. А в 1932-м ему было 12 лет. Конечно же, режиссеру эти факты известны, неизвестно только, ради какой сверхидеи была сделана их трансформация.

В отличие от содержательной части, постановочная часть спектакля выглядит сильной. Во многом цельность ему придает единый стиль постановки, невзирая на разностилевой характер музыки. А этого можно было добиться лишь благодаря целостной постановочной концепции. При всем обилии выразительных средств, используемых в спектакле, они, дополняя друг друга, мастерски уравновешены между собой.

Как всегда, значительное место в постановке отводится артистам хора, которые не только исполняют хоровые партии и ансамблевые номера, но и являются участниками массовых сцен, где им приходится и танцевать, и решать различные актерские задачи. Учитывая непростой характер музыки, хормейстеру-постановщику Светлане Петровой пришлось провести большую работу сначала по изучению этого музыкального материала, его интонационному, ритмическому рисунку, после чего уже совместно с дирижером-постановщиком определяться по темповой корректировке. В партитуре есть такие места, когда хору сложно сразу схватить нужный темп и требуется повышенное внимание к указаниям дирижера. А ведь работа в спектакле — не статичное концертное исполнение какого-то хорового произведения. Так что кажущаяся легкость артистов хора на сцене свидетельствует об их высоком профессионализме и о большой предварительной работе.

Очень весомой оказалась и балетная часть спектакля, которую осуществила хореограф-постановщик Наталья Москвичева, специально приглашенная из Екатеринбурга (это ее вторая работа в нашем театре). Работая с артистами балета оперетты и мюзикла, ей пришлось ставить самые разнообразные номера и по хореографическому рисунку, и по стилю — в зависимости от характера музыки. И это явно не дивертисментная хореография. Кроме исполнения танцевальных номеров артисты балета, так же как и артисты хора, являются участниками действенных сцен и зачастую попутно выполняют различные актерские задачи: выступают в ролях артистов кабаре, официантов, других служб отеля, изображают гарем главного спонсора фестиваля и даже мраморные статуи…

Сценография спектакля, осуществленная художником-постановщиком Андреем Меренковым, выполнена в стиле модерн и немого кино. Сценограф предпочитает не статичные, двигающиеся декорации, и при помощи легких кружевных конструкций ему удалось отобразить и роскошные интерьеры отеля, и обстановку кабаре, и атмосферу бала. А художник по свету Сергей Озеран привнес в сценографию особый цветовой колорит, изысканность и утонченность.

И в завершение нельзя не отметить работу звукорежиссера Александра Шкута, сумевшего очень грамотно выстроить звук, сочетающий акустическое звучание с микрофонным усилением. Для спектаклей, не аутентичных по звуку, очень важным является удачный тандем дирижера и звукорежиссера, что мы и наблюдаем в данной постановке и что способствует еще более красочному и стильному звучанию оркестра.

Фото Сергея ЧИГИРЯ.

С точки зрения рецензента

Генерал Победы

Дайнес В. О. Генерал Антонов / Владимир Дайнес. — М.: Вече, 2015. — 352 с.: ил. (Кавалеры ордена «Победа»).

Алексей Иннокентьевич Антонов — генерал армии, один из самых знаменитых военачальников Советского Союза, человек, которого по праву называют архитектором Великой Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Потомок старинного дворянского рода обрусевших татар и польских шляхтичей, он успел поучаствовать в Первой мировой войне (окончил Павловское военное училище в феврале 1917 года, боевое крещение получил в ходе июльского наступления русской армии. В бою проявил храбрость, был ранен и награжден орденом Святой Анны IV степени с надписью «За храбрость»). С 1 мая 1918 года — в запасе. Работал в продовольственном комитете Петрограда. В апреле 1919 года был призван в Красную Армию. Офицера с боевым опытом назначили помощником начальника штаба 3-й бригады 1-й Московской рабочей дивизии Южного фронта. В боях за Луганск соединение понесло большие потери. Остатки дивизии были влиты в состав 15-й Инзенской стрелковой дивизии. В ее составе Антонов, временно исполнявший обязанности начальника штаба бригады, участвовал в контрнаступлении войск Южного фронта. В июне 1920 года А. И. Антонов возглавляет штаб 45-й стрелковой бригады. В августе 1928 года наш земляк (родился будущий генерал армии в Гродно в 1896 году) становится слушателем основного (командного) факультета Военной Академии РККА имени М. В. Фрунзе…

Судьбе легендарного военачальника, чей дар стратега ярко проявился в Великую Отечественную войну, и посвящена книга Владимира Оттовича Дайнеса «Генерал Антонов». Нельзя сказать, что раньше роль А. Антонова, его военно-стратегический талант оставались без внимания военных историков, журналистов, писателей. Существенным исследованием является книга И. И. Гаглова «Генерал армии А. И. Антонов» (второе издание увидело свет в 1987 году). Об Алексее Иннокентьевиче — многие страницы мемуаров маршалов А. Василевского, Г. Жукова, И. Баграмяна, Г. Гречко, К. Москаленко, К. Рокоссовского, других видных военачальников. И все же целостного, широкого исторического портрета начальника Генерального штаба Вооруженных сил Советского Союза на завершающем этапе Великой Отечественной войны не было. Владимир Оттович Дайнес своим историко-документальным повествованием ликвидирует данный пробел.

Сама структура книги выстроена таким образом, что портрет А. И. Антонова наиболее детально выписан в период войны. Из семи глав — только две показывают военачальника за рамками Великой Отечественной: «Отличный оперативно-штабной работник» и «После войны». В остальных разделах — «Начальник штаба фронта», «Представи-

тель Ставки», «Курская битва», «Десять сталинских ударов», «Кавалер ордена «Победа» — полный подробностей рассказ о генерале как инициативном, грамотном разработчике самых важных операций Великой Отечественной, в результате успешной реализации которых Красная Армия одерживала победы, наносила сокрушительные удары по немецко-фашистским войскам.

Исследователь очень много цитирует документальных, архивных источников, тем самым приводит убедительные свидетельства инициативности, таланта А. И. Антонова принимать обоснованные и оперативные решения. Безусловно, из многих цитат видно, насколько ответственными, продуманными были те или иные предложения опытного штабного, оперативного работника, которые затем осмысливал и утверждал Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин.

Многие страницы работы В. Дайнеса — о степени доверия Сталина к генералу Антонову, в том числе — и как к военному политику. В феврале 1945 года Алексей Иннокентьевич возглавил группу советских военных экспертов на Крымской (Ялтинской) конференции. Вот какие слова генерала С. М. Штеменко по этому поводу приводит автор книг: «Сталин знал, кого брать. Алексей Иннокентьевич в то время был, пожалуй, наиболее подготовленным для этой цели военным руководителем. Он был в курсе событий на всех фронтах, ему были хорошо известны планы советского командования и в пределах возможного — намерения союзников и все вопросы взаимодействия с ними. Помимо этого, как уже сказано, Антонов был очень точный человек, хорошо излагал мысли устно и письменно, обладал даром мало говорить, а больше слушать, что представляет несомненное достоинство при всяких переговорах. В общем, он как нельзя лучше подходил для этой цели».

История Великой Отечественной войны немыслима без подробного изложения биографии, без подробного жизнеописания нашего земляка. В книге «Генерал Антонов» совсем немного — о личной жизни Алексея Иннокентьевича, о его втором браке с великой артисткой балета Ольгой Васильевной Лепешинской, которую называли «Богиней времени». Нет, безусловно, это не является просчетом исследователя. Задача у В. Дайнеса была другая — показать всю силу, мощь оперативно-стратегического мышления военачальника, очертить его настоящее место, его роль в далеких военных событиях. Возможно, об Антонове будут написаны еще и другие книги. Возможно, кто-то из писателей или журналистов покажет через художественно-публицистическое повествование Алексея Иннокентьевича как человека многогранного, в его отношениях с близкими людьми. Может быть, будет дан и обстоятельный ответ на вопросы, почему Антонов не стал Маршалом Советского Союза (хотя и был награжден высшим полководческим орденом «Победа»), почему Генералу армии не было присвоено звание Героя Советского Союза. Некоторый свет на это проливает цитата из книги Д. А. Волкогонова «Сталин. Политический портрет»: «…Берии была нужна опора в армии. Он видел быстрое старение «вождя», и уже в конце войны у него могли появиться далекоидущие честолюбивые планы, которые без поддержки армии в системе, где демократия лишь фикция, реализовать невозможно. Попытки Берии установить особые отношения с Антоновым ни к чему не привели. Генерал был сух и официален. Тогда, как это обычно делал Берия, он стал исподволь компрометировать Антонова. Несмотря на то, что Сталин в глубине души, видимо, не очень верил нашептываниям Монстра, тем не менее, он не стал присваивать Антонову, начальнику Генерального штаба Вооруженных сил СССР, маршальское звание, хотя и планировал сделать это по случаю Победы». Может быть, все так и было…

Умер А. Антонов в 1962 году. Конечно же, очень рано. Память о военачальнике сохранилась в Советском Союзе, а после распада — в России и Беларуси. Имя А. Антонова носит Санкт-Петербургское высшее военно-топографическое командное училище. На доме, где Алексей Иннокентьевич родился, — в Гродно — установлена мемориальная доска. Его имя носит улица в Москве, СШ № 11 и улица в Гродно.

В сентябре 2016-го — 120-летие со дня рождения генерала армии А. И. Антонова. Может быть, эта дата станет поводом для проведения в Минске научно-практической конференции в честь военачальника-земляка? Где, конечно же, будет идти речь и об участии Генерала армии в разработке Белорусской наступательной операции в 1944 году. А в Гродно могли бы пройти и историко-краеведческие чтения, посвященные и А. И. Антонову, и другим землякам-военачальникам.

Кирилл ЛАДУТЬКО

Литературное содружество

Единство устремлений

Два далеких друг от друга уголка, два разных народа, две разные литературы... Или, может быть, в чем-то и похожие, одинаково устремленные к утверждению гуманистических идеалов?.. Давайте не будем спешить с ответом, а соберем вместе хотя бы немногие факты, объединяющие белорусов и народ коми. Соединяющие через слово художественные и реальные миры...

В Белорусской энциклопедии в статье «Коми, Республика Коми» есть подраздел — «Литература». Речь идет о литературе, первые памятники которой появились на свет в XIV—XVI столетиях. Точнее: к тому времени относятся первые памятники письменности. Основатель письменной литературы коми — поэт-демократ XIX столетия Иван Куратов. А вот о связи с Беларусью только эта строчка: «На белорусский язык переведены отдельные произведения Куратова (переводчик М. Аврамчик)...» И все? Только один факт?..

Не верится нам, что вместо прочного моста у литератур коми и белорусской только узкий мостик. Вот, к примеру, в украинской литературе ситуация несколько иная. Даже совсем иная. По-украински издан эпос коми «Кудим-Ош и его сын Пере-богатырь», повесть «Первые песни» В. Муравьева — об И. Куратове, отдельные произведения В. Чисталева, Я. Рочева, В. Юхнина, И. Торопова, О. Лиюрова, Е. Рочева. В 1981 году в Киеве издан сборник поэта коми С. Попова «Утро над Ежвою», в 1985-м — «Заря» А. Размыслова. В 1975 и 1986-м — поэтические коллективные сборники «Песни из-под Печоры» и «Испытания». Переводили поэтов и прозаиков коми такие известные украинские мастера слова, как М. Винграновский, Б. Олийник, И. Драч, Л. Горлач, С. Репьях, Г. Лозинская и другие.

Не может быть, чтобы контакты белорусской и коми литератур (а последнюю создают не только в Республике Коми, но и в Коми-Пермяцком округе Пермской области) были такими бедными, как сказано в Белорусской энциклопедии. Во-первых, у белорусских писателей было и свое личностное представление о крае коми, о небольшом народе, живущем в этой сторонке. В 1941 году свой лагерный срок отбывал в этом краю поэт, прозаик Микола Хведарович (1904—1981; родился в Копыле, на Минщине). В 1946-м белорусского писателя перевели в город Карши (Узбекистан). Печататься Николай Федорович начал в 1924 году. Первая книга стихотворений увидела свет в Минске в 1929 году. Прежде чем попал под сталинские репрессии, издал 7 книг. В 1943—1946 годах в лагере на территории Коми АССР находилась писательница, актриса Тамара Григорьевна Цулукидзе. В 1946 году была досрочно освобождена, но осталась в Сыктывкаре. Работала в театре кукол в 1946—1948 гг. Затем переехала в Курск. Потом была арестована повторно. С 1959 года жила в Минске. Еще в ссылке познакомилась с белорусским писателем Алесем Пальчевским и стала его женой. В Минске издала книги «Когда поднимается занавес: Беседы о театре» (1963), «Голубой факел» (1965; второе издание — 1970), «К детям пришел вожатый» (1967), «Твое честное слово» (1973). Вместе с Алесем Пальчевским перевела с грузинского на белорусский роман Ц. Донжашвили «На Алазани». В Тбилиси в 1983 году увидела свет книга воспоминаний Т. Цулукидзе «Всего одна жизнь». В 1967-м бывшую узницу лагеря в Коми АССР приняли в Союз писателей СССР.

Судьба белорусского прозаика Аркадия Чернышевича (1912—1967), родившегося в Слуцком уезде на Минщине, вообще представляет собой настоящую сагу. В 1926 году он закончил Старобинскую семилетку. Начал писать первые рассказы. Отправил в Белгосиздат рукопись первого сборника — «Дома оживают» (не приняли к печати). Работал на отцовском хозяйстве. В 1930—1950 гг. жил за пределами Беларуси — отца Аркадия раскулачили и выслали на строительство Беломорканала. А семью вывезли в Качовский район Коми-Пермяцкого округа. В 1934—1939 гг. А. Чернышевич работал заведующим Янчерской начальной школой. В 1934 году женился на пермячке, за что ее исключили из комсо-

мола, на какое-то время лишили работы. Литературу Аркадий не бросал. В 1950 году вернулся в Беларусь. Учительствовал.В 1951 году вышла первая книга — «В одной семье». Еще через год — сборник рассказов «Зосин луг». Есть у А. Чернышевича книга «Рассказы старого Артема». В ней — и сюжеты, привезенные из ссылки. Кстати, в белорусской периодике Аркадий Чернышевич публиковался и в те годы, когда еще жил в Коми-Пермяцком округе.

В Коми АССР находился в высылке и белорусский прозаик, публицист Леонид Свэн (1897—1974). Еще в 1929 году он издал в Минске сборник фельетонов «Волшебная иголка». Умер в 1974 году в США.

Теперь во-вторых... О переводах белорусской литературы на язык коми. В августе 1974 года в газете «Югыд туй» было опубликовано стихотворение Миколы Аврамчика в переводе С. Попова. А в 1962 году журнал «Войвых кодзув» напечатал стихотворение Янки Купалы в переводе И. Вавилина. В 1982 году — еще одна публикация Купалы. В том же сыктывкарском журнале. Переводчик — известный нам С. Попов. Кстати, об этом переводе хотелось бы сказать несколько подробнее. Появился он благодаря одной идее. Известный белорусский литературовед Вячеслав Рагойша в канун 100-летия со дня рождения Янки Купалы задумал грандиозный творческий проект. Точнее: еще до 90-летия... Но реализовать его удалось не сразу и не совсем в полной мере. Вячеслав Рагойша решил собрать в одну книгу переводы стихотворения Я. Купалы «А хто там ідзе?» на языки народов мира. Стихотворение впервые было напечатано на белорусском языке в первой книге народного песняра «Жалейка» — в 1908 году. Произведение — отклик на революционные события 1905—1907 гг. Почти сразу после появления на свет стихотворения польский литератор Ежи Янковский писал: «Слышно в этом стихотворении эхо размеренного шага миллионов ног. Возвышение обиженного народа, который идет на бой за счастье, вдохновляет читателя. Песня о том великом походе тревожит, пронизывает угрозой ожидания. Народ идет!» Одним из первых на русский язык перевел стихотворение Максим Горький. Всего, к примеру, на русский язык стихотворение переводилось четыре раза. По шесть раз — на украинский, польский, английский. Четыре раза — на венгерский. По три раза — на итальянский, немецкий, чешский, удмуртский... На коми перевода до 1982 года не было. В своей книге «Мой Триглав», посвященной Купале, Коласу и Богдановичу (вышла в Минске в 2012 г.) Вячеслав Рагойша цитирует стихотворение Я. Купалы в переводе на коми — «А коді сэн локто?», которое, к сожалению, в сборник 1982 года не успело попасть. Почему? Вот объяснение самого Вячеслава Петровича:

— Перевод на коми принадлежит известному коми поэту, заслуженному деятелю литературы и искусств РСФСР и Коми АССР Серафиму Попову. Присылая свою рукопись, переводчик сообщил о том, что первести на язык коми «А кто там идет?» Янки Купалы очень сложно, — чтобы сохранить точный размер каждой строки. Но, на взгляд Серафима Попова, ему удалось это сделать. В письме он написал, что позже опубликует перевод в периодике на языке коми и тоже вышлет. И еще просил прощения, что несколько задержался с выполнением очень почетного и ответственного задания. К сожалению, книга уже была сдана в типографию. И все-таки перевод на коми существует! А книга одного стихотворения Янки Купалы на языках народов мира, возможно, еще увидит свет в новом издании.

И третье. Переводы с коми, коми-пермяцкого... Мы уже говорили о стихотворении основоположника литературы коми И. Куратова в переводе Миколы Аврамчика. А коми-пермяцкого поэта В. Недунова перевел на белорусский Михась Стригалев. Родился белорусский переводчик на Гомельщине в 1938 году. А в 1961—1978 гг. жил на Урале, в 1970—1974 гг. был литконсультантом Пермского областного отделения Союза писателей РСФСР. А два стихотворения В. Недунова опубликовала на белорусском языке республиканская молодежная газета «Чырвоная змена» 16 сентября 1973 года.

Наверное, наш библиографический поиск далеко не полный. Но хотелось бы, тем не менее, привлечь внимание к теме литературного побратимства коми, коми-пермяков и белорусов. И еще очень важно, чтобы эти связи продолжились. Впереди 2017 год — особенный для Беларуси. Отмечаться будут 135-летие Янки Купалы и Якуба Коласа, 105-летний юбилей народного поэта Беларуси Максима Танка. Может быть, как раз сейчас по-новому взглянут на их творчество поэты, переводчики коми?.. А в белорусских литературно-художественных изданиях здорово было бы рассказать о современном состоянии литературы коми.

Вероника КАРЛЮКЕВИЧ

Имена

Юный друг Добролюбова

Неожиданно для сотрудников популярного журнала «Современник» и его читателей вспыхнул яркий публицистический талант Игнатия Пиотровского, вольнослушателя Петербургского университета. Прочитав его первые статьи, особенно «Сладкие сны и грезы над словами «мыслителей», они, изумленные, заметили, что на литературном небосклоне взошла новая звездочка. Спустя год с лишним восемнадцатилетний автор познакомился с Николаем Чернышевским, одним из руководителей «Современника», а вскоре стал и близким другом Николая Добролюбова. Потом сблизился с Николаем Некрасовым, в поэзии которого слышался взволнованный голос поэта-демократа, заступника народа, более всего беспокоящегося о несчастных и беззащитных, крепостных крестьянах и их детях, о лучшем будущем страны.

Эта талантливая тройка русских писателей, заботливо собиравшая свежие силы литераторов, поддержала юного Пиотровского и оказала на него благотворное влияние. Они знали о нем почти все, а любознательная публика интересовалась, откуда взялся этот смелый и неутомимый автор. И нам, его землякам, спустя более 150 лет, не мешало бы хоть что-то узнать о жизни, творчестве и редкой судьбе этого уникального самородка. Меня удивило, почему об Игнатии Пиотровском в Беларуси мало кто знает, его имя не упомянуто ни в одной белорусской энциклопедии. А в России о нем немало написано, постарались Б. Егоров, Е. Елизаветина, Л. Коган и другие историки русской литературы. Но и они отмечают, что наследие критиков-демократов второй половины 1850-х — начала 1860-х годов XIX века Михаила Михайлова, Николая Огарева, Алексея Плещеева, Игнатия Пиотровского «изучено явно недостаточно». Оригиналы публикаций последнего у нас днем с огнем не сыщешь. И все же мне повезло: нашлись пожелтевшие номера легендарного «Современника» 1861 года, в которых я впервые увидел печатные статьи земляка. Подумать только, вместе с Н. А. Некрасовым, М. Л. Михайловым, Н. Г. Помяловским, А. Н. Плещеевым, Н. Г. Чернышевским, М. Е. Салтыковым-Щедриным и другими…

Игнатий Антонович Пиотровский родился 30 июня 1842 года в дворянской семье в Могилеве. Отец его служил в Могилевской палате, которая занималась сбором налогов, винными откупами и другими финансовыми операциями. На бедность не жаловались. Однако после ранней смерти отца мать растерялась, не зная, как быть с сыном. Занималась с Игнатием дома, помогала могилевская учительница. Потом с помощью знакомых отдала сына в Гатчинский сиротский институт — среднее учебное заведение, находившееся в сорока верстах от Петербурга.

В одиннадцать лет мальчик уехал из дома. С первых дней он проявил интерес к занятиям, охотно ходил на уроки русской словесности, литературы, математики, правоведения. Серьезно занимался самоподготовкой, много читал. Тогда многие увлекались поэзией Пушкина, Лермонтова, Крылова, зачитывались комедией А. Грибоедова «Горе от ума».

В 1859 году Пиотровский окончил Гатчинский сиротский институт. Он был одержим литературой, верил в свои творческие силы. И ему удалось стать вольнослушателем историко-филологического отделения Петербургского университета. В то время

студенты были увлечены творчеством Белинского, его рассуждениями об историческом мышлении, прогрессе человечества, о стремлении к единству разрозненных элементов умственной жизни. Пиотровского прямо-таки изумили его оценки сочинений А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, его «Взгляды на русскую литературу». Белинский и Чернышевский стали для начинающего литератора неизменным ориентиром.

В то время в университете был популярен профессор-юрист Владимир Данилович Спасович, уроженец белорусского города Речица. Игнатий слушал его лекции о праве студентов на самоуправление, роли науки и литературы в развитии современного общества, что оказало большое влияние на мировоззрение студента. Университет стал колыбелью его духовного и идейного воспитания, разбудил жажду творчества. И Пиотровский взялся за перо. В 1860 году он опубликовал свою первую статью «Проявления общественной педагогической деятельности». Эта работа отличалась не только смелостью, но и умением увидеть и поднять актуальные проблемы — воспитание молодого поколения, положение и роль педагога, опасные преграды на этом пути.

Потом увидели свет еще две статьи, в которых анализировалось идейно-теоритическое наследие русских историков, философов, педагогов. Эти и другие работы, опубликованные в журналах «Русский педагогический вестник» и «Светоч», произвели на всех настолько сильное впечатление, что уже в начале 1861 года Игнатий Пиотровский сблизился с редакцией журнала «Современник». Чернышевский, Добролюбов, Некрасов благосклонно приняли его.

И вот в моих руках апрельский номер, найденный в Национальной библиотеке, со статьей «Погоня за лучшим», открывающей целую серию публикаций. Написана в год отмены крепостного права, а даже заголовок актуален и сегодня. Поводом к ее написанию стали повесть «Конец впереди» и брошюра «Шаг вперед» Н. Бицына (псевдоним Николая Михайловича Павлова). Игнатия Пиотровского беспокоило эстетическое и социальное назначение литературы, которая должна быть в какой-то мере учебником жизни. Он писал: «Разбирая художественные произведения литературы, у нас судят или на основании образности, или по отношению формы к идее, или по живучести и современности царящей в художническом сознании идеи. Но ни один из этих методов по большей части не употребляется читателями. Для них есть совершенно другая мерка, бессознательная, где главное впечатление — это… жизненность произведения». Понятие «жизнь» является ключевым в статьях Пиотровского. Нетрудно догадаться: сказалось сильное влияние Н. Г. Чернышевского, который отождествлял понятия жизнь и прекрасное, человек и красота, тем самым определяя творчески-созидательное начало бытия. В богатстве проявления светлых сторон жизни, в утверждении жизнеспособности и справедливости Пиотровский видел художественно-эстетический идеал. «Человека трогает только жизнь», — писал он, считая, что литература и историческая наука должны давать не описание отдельных фактов, а «сознание жизни», утверждать «права жизни».

Пиотровского волновали и проблемы народа, его роль в жизни общества и государства. Его не устраивало существующее состояние исторической науки. Надеясь на перемены, он писал: «У нас только начинается разработка истории русского народа, только проявилось сознание, что важнее знать физические бедствия и приметы, заставляющие бояться и страдать народ, и памятники выражения его мыслительности, чем голые факты жизни князей и дневник их происшествий, замечательные только разве для них же». По его мнению, ученый-историк должен выявить общественные законы, определявшие развитие народа, выяснить его судьбы вплоть до настоящего времени и запечатлеть их в художественно-публицистической форме. Чтобы изучить и знать свой народ, надо в полной мере узнать жизнь социальных «низов», наиболее угнетенного и обездоленного люда,

составляющего основу общественной пирамиды, и уяснить реальные жизненные потребности и устремления этих людей. Наш земляк одним из первых шестидесятников поднял вопрос о сближении интеллигенции с народом, о честном и уважительном отношении к нему.

Пиотровский, считавший себя последователем Белинского и Добролюбова, задумывался и о назначении человека. В споре с Бицыным он задавался вопросом: «И неужели могут даже спросить они помещика: нам быть вечно эгоистами и заботиться только об улучшении имений, об увеличении доходов? Мы люди, нам свойственно все общечеловеческое, нам свойственна любовь к царю, к родине, которой нужны люди дела, да, родине, но не неопределенному понятию «родина», а прямому, главнейшему и первейшему ее представителю — народу, вообще гражданам! И кто даст нам право тратить свои силы и способности на усовершенствование какой-нибудь земельки, бездушной, мертвой земельки, заселенной несколькими людьми, принадлежащими нам и без забот наших проживающими свой век…»

Второй критический очерк из цикла «Погоня за лучшим» посвящен общественному образованию, которое вызывало тогда общую тревогу. Здесь Пиотровский обращается к статьям К. Д. Ушинского. Он знал этого педагога, слушал его блестящие лекции в Гатчинском сиротском институте, но не со всем был согласен. Игнатия не радовало обилие различных мелких педагогических теорий, оторванных от потребностей жизни и общественных знаний. Он утверждал, что воспитание имеет слишком большое значение для всякого умного родителя, и спрашивал: неужели ему принадлежит право распоряжаться самовольно будущим своего дитяти? Пиотровский поддерживал казенные учебные заведения, в которых учащиеся изучают страну, природу, климат, литературу, историю и другие предметы. Он предлагал преподавать родной язык в его историческом развитии и больше изучать в классах литературные произведения. Молодой публицист писал: «У нас первая забота при воспитании и образовании своих детей — действовать сообразно с теорией наших педагогических изданий. Мы стараемся из них вычерпать и выбрать план наших собственных действий или приобрести человека, знакомого с ними или пишущего по господствующим, навеянным направлениям. Теория, в свою очередь, опасается излишней отвлеченности от действительности». Утверждение инспектора Смольного института благородных девиц Константина Ушинского, что «только одно полуобразование возможно для народа», Пиотровский не принимал. Лучше объявить себя противником просвещения, чем скрываться за сомнительными фразами. Видный педагог превосходно обосновал значение образования и воспитания в общественном развитии, однако упустил, что в условиях бюрократического самодержавия задачи политического и экономического освобождения не могут быть разрешены только одной школой.

Потом были статья «О направлении школ грамотности» («Современник», № 9, 1861 г.), рецензии на книги И. А. Гончарова, В. Крестовского, И. С. Тургенева, Н. В. Успенского и других. Работы Пиотровского, затрагивающие болевые точки современного ему общества, привлекали читателя своей актуальностью. Вслед за Писаревым и Добролюбовым Игнатий Пиотровский пропагандировал необходимость коренных изменений в общественно-политическом строе, утверждение идеалов равенства и справедливости. В этом ближе всего ему был Николай Добролюбов, с которым он познакомился и подружился в редакции «Современника». Добролюбов был старше всего на шесть лет.

26 сентября 1861 года вспыхнуло первое студенческое восстание в Петербургском университете. Принял в нем участие и вольнослушатель Игнатий Пиотровский. Университет закрыли, и руководство обратилось к городской полиции с просьбой усмирить недовольных. На следующий день попечитель Петербургского округа Григорий Филипсон передал военному генерал-губернатору список арестованных и содержавшихся в Петро-

павловской крепости студентов. Около двухсот человек, среди которых оказались Игнатий Пиотровский, Мстислав Прахов, Виктор Войнович, Владислав Гинтовт-Девалковский и другие наши земляки. Первокурсник Франтишек Богушевич был исключен из университета и вернулся на родину.

Сидя в тюрьме, Пиотровский узнал о смерти Николая Александровича Добролюбова… Один из узников крепости, а впоследствии сотрудник «Современника» Николай Николадзе вспоминал: «Бывали, впрочем, у нас и дни печали и уныния: едва ли не все студенты были точно громом поражены, когда до нас в середине ноября дошло известие о смерти Н. А. Добролюбова. Не один только Пиотровский залился слезами, узнав о ней».

В конце ноября узников Петропавловской крепости — студентов университета — перевезли на остров Котлин, что недалеко от устья Невы. Сохранилась фотография того времени. На ней группа заключенных, снятых в Кронштадтской казарме, с указанием фамилий: Андрей Ковалевский, Петр Алхазов, Михаил Гулевич, Кирилл Лордкипанидзе, Андрей Фатуровский и др. В третьем ряду стоит юный задумчивый Игнатий Пиотровский с густой шевелюрой и клетчатым шарфом на шее.

6 декабря 1861 года узников-студентов освободили. Пиотровский вернулся из тюрьмы другим человеком, редакция «Современника» без Добролюбова стала для него чужой. Возобновить прежнее сотрудничество не удалось. Первое, что он сделал, написал некролог, по сути, статью о жизни и творчестве дорогого ему Николая Александровича, об истории своего знакомства с ним. Его суждения и оценки совпадали с мыслями Н. Г. Чернышевского о значении ушедшего из жизни друга: «Ему (Добролюбову) было только 25 лет. Но уже четыре года он стоял во главе русской литературы».

В начале 1862 года Пиотровский много писал, печатался в изданиях «Иллюстрация», «Северная пчела», подчеркивая ценность в литературе политического радикализма и правды жизни. На него пошли «доносы на статьи с означением страниц, с выписками». Позже А. И. Герцен, находившийся за границей, в «Колоколе» напишет: «Пиотровского… светская власть притянула временными браздами и собиралась его сослать, когда несчастный молодой человек решился ее предупредить…»

Снова нависла угроза тюрьмы. Кроме того, Пиотровский погряз в долгах, даже близкие люди стали отказывать ему в помощи. Все это выбило почву из-под ног, лишило душевных сил. 6 марта 1862 года он писал Чернышевскому: «Положение мое весьма неутешительное: неприятностей выпало мне в это время немало; нервы мои совершенно расстроены, я никуда не выхожу, а в одиночестве они особенно пошаливают. Я удивляюсь еще, какими судьбами я еще не наделал огромных нелепостей… Мне во что бы то ни стало нужно или вырваться из этого состояния, или пропасть».

Вырваться не удалось, двадцатилетний уроженец Могилева И. А. Пиотровский покончил жизнь самоубийством.

Поэт Николай Некрасов похоронил Пиотровского за свой счет и вернул кредиторам его долги. А стихотворение «Памяти приятеля» у него уже было написано, правда, посвящалось В. Г. Белинскому:

Наивная и страстная душа,
В ком помыслы прекрасные кипели,
Упорствуя, волнуясь и спеша,
Ты честно шел к одной высокой цели;
Кипел, горел — и быстро ты угас!
Ты нас любил, ты дружеству был верен —
И мы тебя почтили в добрый час!
Ты по судьбе печальной беспримерен…

Эдуард КОРНИЛОВИЧ

Из почты журнала

Пропавший без вести

Мой отец, Терещенко Никита Федорович, 1905 года рождения, ушел на фронт в самом начале войны. Ушел, и никаких вестей от него не было. Писем семья тоже не получала. Конечно, ему там было не до писем. Мама плакала.

Немцы сожгли в нашей деревне Новое Прибужье Дрибинского района Могилевской области почти все дома. Сгорел и наш. Оставшись без крова, переехали жить в деревню Язычково. Когда от немцев житья не стало и там, мы вместе с другими жителями деревни ушли в лес. Построили кое-какие шалаши на скорую руку и жили в них до глубокой осени. Но однажды лес наполнился криком немецких солдат и лаем собак. Гитлеровцы окружили нас и начали стрелять. Они думали, что в лесу не мирные жители, а партизаны. Многих убили, а оставшихся в живых выгнали на поле недалеко от деревни Голышино. Там из пулеметов тоже расстреливали ни в чем не повинных жителей. Нашу семью: маму, сестру Ольгу (ей тогда еще не было пятнадцати), брата Сергея (ему пошел седьмой год) и меня, четырехлетнюю, поставили под пулемет. Мама крепко держала меня за руку. Но нам повезло, немцы о чем-то поговорили между собой, и нас отпустили. Но в моей памяти на всю оставшуюся жизнь запечатлелась одна картина. Повозка, запряженная лошадью, в ней шестеро маленьких детей. Старшей девочке было лет десять. Она кричала: «А, мамочка, а, папочка!» — и рвала на себе волосы. Родителей гитлеровцы убили тут же, на глазах у детей.

Нас построили в колонну, если эту толпу можно было назвать колонной, и погнали по направлению к Шклову. Не все дошли до города. По обе стороны дороги остались лежать трупы людей. Немцы убивали в пути тех, кто не мог двигаться дальше. Мама всю дорогу несла меня на руках. Ночевали мы, беженцы, в деревне Сухари (до Шклова оставалось километров пятнадцать) под открытым небом, голодные, полураздетые, а земля уже начала замерзать. Немцы стали бросать в голодную толпу беженцев какие-то коричневые плитки в фольге. Люди думали, что это шоколад, пробовали на вкус: что-то совсем не сладкое, с горчинкой. Но все равно жевали. Это был кофе в плитках, о существовании которого мы тогда еще не знали. Немцы громко, как это было у них принято, издевательски хохотали.

Уже на подходе к Шклову нашу колонну остановили на привал. Неподалеку рос турнепс. Надо попутно заметить, что Шклов издавна славился овощеводством, и на сей раз турнепс вымахал очень большой. Немцы позволили детям из колонны нарвать его, меня мама тоже отпустила. К тому времени я была уже довольно шустрая. Осень набирала силы, земля промерзла, турнепс невозможно было вырвать из земли даже взрослому человеку, а тут дети. Поковыряли, поковыряли и вернулись с пустыми руками. И опять издевательский хохот немцев вслед голодным детям. Трудно поверить, но это сущая правда. В этих воспоминаниях нет ничего надуманного.

В Шклове нас поместили в лагерь. Немцы его называли «штрафным». Штрафной? За что? За то, что фашисты

сожгли наши дома, убили множество ни в чем не повинных людей?..

Наутро маму с Ольгой немцы погнали копать траншеи. Мы с братом Сергеем целыми днями сидели голодные в лагере и ждали, когда мама с сестрой вернутся с работы и принесут нам хоть кусочек хлеба, пусть даже с опилками. Но не тут-то было. Они, голодные, уставшие, измученные тяжелым трудом, сами еле ноги приволакивали.

Когда наши войска освободили Беларусь, мы вернулись домой на заминированную немцами территорию. Окончилась война. Наш отец не вернулся с фронта, он был объявлен «пропавшим без вести». Но мы продолжали ждать его. Мама голосила каждый день. Мы, дети, не знали, куда деваться от этого крика и воя. Но надежду, что отец вернется, не теряли. С фронта уже начали возвращаться односельчане. Пришел Федор Горунев, угостил нас конфетами, по две каждому ребенку. Пришел сосед Семен Пусенков. Вернулся наш дядя Алексей Прудников на одной ноге, вторую пришлось оставить на фронте при взятии Берлина. А костыли слабо слушаются, особенно если человек к ним еще недостаточно привык. Я себе представила, что мой отец тоже придет без ноги, и начала думать, как буду о нем заботиться. Наша местность была холмистая. Я вскарабкивалась на самый высокий холм, откуда можно было наблюдать, как будет идти мой папа, и ждала. Я смотрела вдаль, туда, где из-за горизонта длинной змейкой появлялись поезда. Казалось, они совсем не спешат, неторопливо выплывают из-за горизонта и медленно прячутся за бугром.

Я снова одна. Смотрю в бесконечную даль, жду папу. Он обязательно вернется. И вдруг я вижу, как из-за горки, ее у нас зовут «Булдава», появляется человек в изрядно потертой военной форме, на костылях, без одной ноги. Я тут же представила себе, что это отец. Из-за наших переездов он не знает, где искать семью. Я вижу, что этот человек направляется к нашим соседям. Быстренько спускаюсь с холма, бегу к соседям, сажусь на скамейку у их крыльца и жду, когда же, наконец, солдат начнет спрашивать у соседей, где мы живем. Я не говорю никому ни слова. Сижу одна на крыльце и жду. Минуты кажутся вечностью. И вдруг слышу, что это вовсе не мой отец, а инвалид из соседней деревни Ярыги, пришел купить меда у соседей. Каково же было мое разочарование! И некому пожаловаться. И я снова взбираюсь на крутую горку, всматриваюсь в бесконечную даль и жду отца.

Кто-то маме сказал, что если у ребенка спросить, придет ли его отец, то он ответит правду. И мама спрашивает у меня: «Вера, скажи, вернется твой отец?» Я отвечаю: «Не вернется». Потом следует другой вопрос: «А ты хочешь, чтобы он пришел?» Я не задумываясь говорю: «Да, я хочу, чтобы мой папа вернулся к нам».

Отца я не помню. Фотографий не сохранилось. Мама всю войну хранила одно фото, но оно изрядно потерлось в мешке с вещами. И ни один художник не смог восстановить портрет. Пробовали, но мама сказала: «Не похож». Других фотографий отца мне нигде найти не удалось. Я помню сильные руки отца, он часто поднимал меня высоко над головой. Мне было страшно. Я кричала. Руки помню, а лица не помню.

Помню, как отец возвратился с финской войны. Целый и невредимый. Угостил меня конфетами, привез гостинцы. Залез на печь. Я за ним тоже вскарабкалась. Он отдыхает, а я ползаю по нему и говорю: «Дядечка, ты побудь у нас, пока мой папа придет». Так понравился наш «гость». Мне никто не объяснил, что это пришел папа.

Мама часто вспоминала: «Мои два Никиты в один день родились и в один день крестились». Рассказывала, что они втроем гуляли, танцевали. Домой ее провожали тоже два Никиты. И предложение выйти замуж сделали оба. Один Никита был известным в округе портным, шил шубы и полушубки. За него и вышла мама замуж. Поэтому ее прозвали «портниха», хотя к этому делу у нее душа совсем не лежала. Никита-второй был у них на свадьбе шафером. У новой четы родился сын, назвали его Виктором. А через

два года появилась дочь Ольга. Второй же Никита остался жить один.

Но вот в счастливую семью пришло несчастье: погиб муж Анны. Никита-второй, узнав о гибели портного, решил попытать счастья: сделал предложение Анне. Она о втором замужестве и не думала, полностью отдавшись заботам о Викторе и Ольге. Никита настаивал: «Давай поженимся!» Мама не соглашалась: «Какая я для тебя невеста? У меня же двое детей. Мне нужно их вырастить». Тогда жених сказал: «Будем растить вместе. Больше у нас с тобой детей не будет». Анна долго раздумывала и, в конце концов, согласилась. Никита к тому времени окончил Горецкую сельскохозяйственную академию, получил диплом и работал в Дрибине агрономом. У них родился мальчик. Его назвали Сергеем. Мама сказала мужу: «А ты же говорил, что у нас больше детей не будет». Тот ответил: «Будем растить троих. Нам всего хватит».

А через три года родилась я, девочка. Назвали Верой. Отец все равно любил и Виктора, и Ольгу. Меня потом сестра Ольга часто дразнила: «А папа нас с Виктором любил больше, чем тебя и Сергея». Ну и ладно, пусть.

А тут война. Отец ушел на фронт. Мама провожала его и горько плакала. Чуть в стороне стояли Виктор и Ольга, у них из глаз тоже катились слезы. Мама долго горевала и терпеливо ждала мужа с фронта. Писем не было.

И вот пришло известие: Никита в плену. Мама, долго не думая, собирается к нему. Лагерь русских военнопленных офицеров находился в городе Новозыбкове. Время военное. Надо идти пешком. Ей подсказали, что можно взять на отца пропуск. Сказано — сделано. Она получила пропуск у немецкого военного коменданта в Дрибине, рассказав, что у нее четверо детей, их отец в лагере военнопленных, больной, ему нужна срочная помощь, ей трудно жить и т. д.

Отца тяжело ранили автоматной очередью в бою за Брянск. Немцы нашли его без сознания. Доставили в офицерский лагерь советских военнопленных на машине. Какая честь! Других офицеров гнали пешком впереди машин. Вслед за пленными пустили целую свору хорошо обученных немецких овчарок. И вот такая «процессия» прибыла в лагерь, на русских военнопленных офицерах брюк не осталось. По ногам у многих текла кровь. В лагере каждого офицера допросили, и начались муки. Из копии сообщения из Германии о моем отце, которую недавно получила, я узнала, что у немцев были отдельные лагеря смерти для офицерского состава и для солдат. Офицеров мучили больше. Но досталось и тем, и другим. Мало кто вернулся из лагерей смерти. Одних военнопленных живыми бросали под танки, других — в топки.

Придя в лагерь, мама совершила роковую ошибку: отдала пропуск не отцу, а немцам. Если бы пропуск получил отец, который был человеком умным, он бы смог выбраться.

В немецких документах, касающихся моего отца, которые можно найти на сайте «Мемориал», рядом со словом «воинская часть» стоит прочерк. Это не просто прочерк. Это свидетельство мужества Никиты Терещенко. На допросе он не назвал номер части и не сообщил никаких сведений о ней. Отца за это били, он терял сознание, его отливали водой и снова били. Об этом маме рассказали военнопленные из лагеря.

Папа был ослаблен после тяжелого ранения, и мама пыталась ему хоть чем-то помочь. Она ходила по окольным деревням и собирала еду для отца. Люди, узнавая, для кого она просит, часто делились последним. У лагеря ее встречали военнопленные. Худые, изможденные, голодные, осунувшиеся, просили: «Теточка, дай что-нибудь поесть, умираем от голода». И мама раздавала им собранный хлеб. Часто даже отцу ничего не оставалось.

Видимо, мама надоела гитлеровцам, и они через переводчика велели ей покинуть лагерь, пообещав, что мужа отправят домой, «как только он немного поправится».

Мама вернулась одна. Отца мы так и не дождались. Мать хотела опять

идти в лагерь в Новозыбков, но человек, сообщивший, что отец в плену, сказал: «Не ходи. Их там уже нет. Фашисты разобрали пять крестьянских домов на бревна, положили ряд бревен, ряд живых военнопленных и снова бревна, а сверху еще офицеров, и сожгли живьем». Отец в плену промучился больше двух лет.

Маме после войны пришлось трудно, приходилось работать за двоих — за себя и за мужа. Когда мы вернулись из беженцев, вся наша территория была заминирована. Голод, разруха. Пришлось восстанавливать колхоз. На себе пахали, таскали плуг и борону. Мы, дети, тоже впрягались в плуг. После войны в колхозе лошадей почти не было. Только волы. А как бы пригодилась лошадь. У отца до войны был хороший конь. Агроному нужно было ездить на работу, автомобилей не было, выручал конь, запряженный в телегу с рессорами. Когда фашисты жгли деревню, сгорел и сарай. Мама пыталась спасти коня, вошла в горящий сарай. Но животное упрямилось. Если бы мама взяла коня под уздечку, а сама пошла впереди, возможно, и вывела бы его. Но никакой уздечки под рукой не было, а снять платок с головы и набросить коню на шею в суматохе не сообразила. Любимый конь отца и всей семьи сгорел.

Женщины со станции Темный лес до нашей деревни Новое Прибужье (а это пятнадцать километров) носили на себе по двадцать килограммов зерна. Зимой подвозили сено на корм колхозному скоту, снимали со стога голыми руками. Надеть было нечего, замерзали руки и ноги.

Однажды утром сидим мы во дворе нашего дырявого (в щели в углах можно кулак просунуть) дома, едим похлебку. Вдруг слышим отчаянный крик женщины. Ее саму за забором не видно, но крик слышен далеко. Бросились навстречу: «В чем дело?» В руках у нее большая — в таких обычно картошку носят — корзина, накрытая тканью. А в ней — куски человеческого тела: руки, ноги, две части головы и т. д. Это была Анна, троюродная сестра нашего отца. Она рассказала, что ее сын Иван ходил разминировать поля. И случилось ужасное: мина разорвала его на куски. Пришлось собирать по частям. Так мы и жили. До обеда кое-как доживем, а после обеда — похороны, похороны, сплошные похороны. Видишь — растет щавель, а собирать его нельзя. Взлетишь на воздух. Многие остались калеками, а многие просто умерли от голода.

Всего не опишешь. Прав был русский поэт Н. А. Некрасов, когда писал: «Доля ты! — русская долюшка женская! Вряд ли труднее сыскать». Когда я, уже будучи взрослой, приезжала в свою деревню Новое Прибужье, люди много рассказывали о моем отце. Например, что он очень хорошо играл в шахматы и молодежь обучал.

После войны мама получала на нас с братом Сергеем пособие, как на детей рядового солдата. Но рядовым отец не был. Он, крестьянский сын, еще до войны получил высшее образование. На фронте был младшим лейтенантом. Военнопленные из лагеря рассказывали матери, что в бою мой отец был всегда впереди...

Вера ДЮБАЙЛО

Литературное содружество

Письма Максима Танка к Михаилу Хонинову

Собрание сочинений Максима Танка в тринадцати томах, подготовленное Национальной академией наук Беларуси, выходило в издательстве «Белорусская наука» с 1996-го по 2012 год. На презентации издания в Государственном музее истории белорусской литературы было отмечено, что в собрании представлены стихи и поэмы Максима Танка, рассказы, очерки, фельетоны, заметки, статьи, рецензии, выступления, некрологи. Впервые введены в тома многочисленные архивные документы (чаще — рукописные автографы и машинописные страницы) из фонда Максима Танка в БГАМЛИ и архивов Польши, Литвы. В том числе письма Максима Танка (за исключением личных писем, которые были ранее представлены в периодической печати). Вошли в книжное издание и дневники поэта, первая публикация которых состоялась в журнале «Полымя», переводы, статьи и выступления (были напечатаны в периодических изданиях Беларуси, России, Польши, Литвы).

В 12-й том включено 470 писем народного поэта к родным, близким, коллегам, друзьям, читателям. Тем не менее, не все письма были учтены, не все удалось найти составителям издания.

В предисловии к эпистолярному тому Светлана Колядко пояснила: «Определенная часть писем Максима Танка утрачена или уничтожена и т. д. Значительная их часть до этого времени остается в частных архивах у разных адресатов Максима Танка…» И далее: «В дневниках Максима Танка (напечатаны в девятом и десятом томах собрания сочинений) вспоминаются следующие адресаты, письма к которым нами не найдены или не получены…» И в перечне отмечено письмо к калмыцкому поэту Михаилу Хонинову от 2 сентября 1967 года, которого в эпистолярном томе, к сожалению, нет.

Михаил Ванькаевич Хонинов (1919—1981) познакомился с Максимом Танком в начале 1960-х годов, когда после возвращения калмыцкого народа из ссылки часто бывал в Беларуси. Истоки дружеских и творческих связей калмыцкого поэта с белорусскими коллегами находятся в военной биографии Миши Черного, одного из легендарных партизанских командиров на Минщине и Могилевщине в годы Великой Отечественной войны. Общение двух писателей-воинов проявилось и во взаимных переводах и стихах-посвящениях. Так, стихотворение Михаила Ванькаевича «Вось якія беларусы» Максим Танк в своем переводе впервые опубликовал в журнале «Полымя» в ноябрьском номере за 1966 год.

Затем это стихотворение вошло в книгу переводов лирики калмыцкого поэта «Хвоі і цюльпаны», изданную в Минске в 1970 году. Вот его начало:

Беларусы — гэта пушчы векавыя,
Гэта — Нёман, Прыпяць, Нарач і Дзвіна,
Дзе гуляюць хвалі бурныя, крутыя,
Грывы шумныя ўздымаючы са дна.
Хвалі гэтыя здаюцца мне часамі
То разбуджанымі ў полі кавылямі,
То сайгачым шэрым гуртам незлічоным,
Што, пакрыты пены белаю імглой,
Скача праз усе парогі і адхоны
За чабанскаю скрыпучаю арбой.

Максиму Танку Михаил Хонинов посвятил два стихотворения — «Хлеб» (перевод Николая Поливина) и «Как похожи пильковский ветер с цаганнурским ветром» (перевод Валентина Сорокина).

В рецензии «Я был солдатом» Андрей Черкизов уточнил: «Выразителен, например, творческий портрет Максима Танка в стихотворении “Как

похожи пильковский ветер с цаганнурским ветром". Калмыцкий поэт писал там: "Стихи Максима Танка я читаю дома, на рассвете…"».

Хонинов сделал доступными калмыцкому читателю такие стихи белорусского друга, как «Пиала», «Без обиды туча плачет», «Алеся», «Биография».

Сохранилась в домашнем архиве калмыцкого писателя их переписка: письма, открытки, телеграммы, часть из них цитируется в нашей статье. Среди них открытка из Минска от 20 декабря 1966 года с благодарностью за чудесный подарок — библиотечку «Современной калмыцкой поэзии». *«Читая стихи своих калмыцких друзей,* — писал Танк, — *я снова на крыльях поэзии переношусь в вашу прекрасную страну, дышу упоением полынных встреч и ощущаю на своем лице горячее дыхание степного солнца — солнца нашей молодости и дружбы. Только настоящая поэзия способна донести через годы и расстояния дыхание и голоса своей земли, думы и чаяния своего народа. За все это вам, дорогие друзья, сердечная благодарность. Я уверен, что неделя калмыцкой литературы в Москве еще больше укрепит наши братские связи, будет волнующим праздником всей нашей многонациональной советской литературы.*

С любовью и горячим братским приветом — Максим Танк».

Воспоминания Танка связаны с его посещением Калмыкии в 1940 году во время празднования 500-летнего юбилея героического национального эпоса «Джангар». Об этом он вспомнил и в майском письме 1974 года.

«Дорогой Михаил Ванькаевич!

Сердечно благодарю за память и праздничные пожелания. Примите и от меня наилучшие пожелания счастья, здоровья и всего наилучшего в личной и творческой жизни. Перед праздниками был я на Днях литературы в солнечном Таджикистане, где много было у нас незабываемых встреч, часто вспоминали старых друзей, а с Давидом — чудесные дни пленума Джангара. Крепко Вас обнимаю. Горячий привет от всех Ваших белорусских друзей, от партизанской земли, где Вас всегда вспоминают добрым словом».

В стихотворении «Менде» (перевод Якова Хелемского), опубликованном в газете «Правда» 18 февраля 1972 года, он так ответил на приглашение:

Друзья-джангарчи из милой,
Прославленной Бумбой страны,
На месяц Овцы пригласили
Меня — на праздник весны,
Полюбоваться тюльпанами,
Что в Маныче отражены.
Послушать журчанье арыков,
Свист ветра и шорох песка,
Поразмышлять над курганом,
Где герои спят и века,
Пиалу пригубить, в которой
Кумыс или арака.
Припомнить давние встречи,
Что юностью освящены,
Дороги, походы, невзгоды,
Жестокие годы войны,
Аромат горьковатой полыни,
Тревоги, привалы, сны.
Друзья! Приглашение ваше
Я принял. Спасибо вам.
Пока посылаю песню,
Потом я приеду сам.
Пускай пропоет она: —
Менде!
Степям и вашим сердцам.

Ранее открытка от 2 января 1966 года из Минска познакомила со стихотворением «Пиала», написанным в 1965 году на белорусском языке, и авторским подстрочником.

«Дорогой Михаил! Спасибо за память, за хорошие пожелания. Сердечно поздравляю с Новым годом и тебя, и твою семью, желаю много счастья, здоровья. Посылаю тебе подстрочник стихотворения «Пиала». <…> Крепко обнимаю. С братским приветом М. Танк».

Михаил подарил Максиму калмыцкую пиалу, которая и стала поэтическим образом. Поэт Николай Поливин перевел это стихотворение на русский язык. Недавно «Пиала» была переведена и дочерью Михаила Хонинова — Риммой.

8 апреля 1966 года Максима Танк пишет в Элисту:

«Дорогой Михаил Ванькаевич!

После нашей дружеской встречи в Минске я было приступил к работе, но в скором времени снова заболел. Новое осложнение с сердцем. Пишу тебе из нашей республиканской больницы. Не

знаю, когда меня выпустят из-под медицинского ареста, а если и немного подремонтируюсь, то, вероятно, отправлюсь подлечиться в Москву.

И поэтому, к сожалению, я не так скоро смогу снова сесть за свой рабочий стол, и не смогу — как просила Т. Никонова-Резвова — написать рецензию на твои прекрасные стихи для "Литературной России". А сборник мне очень понравился; понравилось и вступительное слово нашего Петруся Бровки. При встрече с Петрусем я буду говорить об издании твоего сборника на белорусском языке. Твои многие стихи переведены. Следующая подборка ожидает очереди в "Полымя". Там есть и твое замечательное стихотворение "Белорусы", которое, я уже тебе писал об этом, перевел я. Многим читал его, и оно очень всем понравилось. Постараемся дать эту подборку в ближайшем номере нашего журнала.

Большое тебе спасибо за "Калмыцкую правду" и "Комсомолец Калмыкии", за чудесный твой "Хлеб", который до глубины души взволновал меня. Если немного поправлюсь, обязательно еще напишу о нашей братской дружбе, о степях Калмыкии, которые оставили незабываемые впечатления. Что до премии, то я, признаться, не надеюсь на нее. От выдвижения до получения — дальше, чем до луны. Я сам был членом комитета и знаю, какие там часто разгораются страсти-мордасти, как, например, в прошлом году. Больше меня волнует, что я уже несколько месяцев не могу взяться за работу и не знаю, когда смогу вступить в строй действующих поэтов.

Крепко обнимаю. Желаю здоровья, здоровья и здоровья. Поздравляю с наступающим Первомаем. С братским приветом — Максим Танк.

Минск, больница, палата № 1».

Кстати, точно известно, что в ноябре 1965 года калмыцкий поэт был в Минске, встречался с Танком. Запись от 3 ноября в дневнике белорусского поэта: *«Заходил Михаил Хонинов. Рассказывал о своей жизни, о том, сколько ему довелось хлебнуть лиха на фронте, в партизанах, где и сегодня на всей Витебщине* (правильнее — на Минщине, Могилевщине. — *А. К., Р. Х.*) *ходит боевая слава о "Мише Черном". А потом, когда был арестован и выслан в Сибирь вместе со всеми калмыками, как он страдал в промерзлой землянке, а потом после смерти жены воспитывал свою осиротевшую доченьку, как под конвоем ездил в область получать свой боевой орден. Страшная судьба выпала на долю поэта и калмыцкого народа. Я смотрю на него, как на человека, который после Данте прошел через все самые страшные круги ада…».*

Вероятно, поэтому 5 сентября 1967 года белорусский поэт писал: *«Хемингуэй на одном эпизоде (взрыв моста в тылу фашистов) сумел создать удивительную вещь "По ком звонит колокол". Читаешь — и становится обидно, что мы еще не научились как следует писать о непревзойденном героизме и подвигах наших советских людей. Одна твоя биография — если вдуматься, глубоко все осмыслить, связать с судьбой своего народа — в тысячу раз грандиознее многих мировых произведений…».*

Эту мысль Максим Танк развил в другом письме через много лет, 27 февраля 1977 года, когда отозвался на произведение «Миша Черный — это я!»: *«Эта твоя небольшая, но глубоко волнующая повесть стоит многих эпопей: написана она кровью. Каждое слово выстрадано вместе с народом, проверено и холодом, и голодом, огнем и дружбой. Читаю твою повесть, и мне кажется, что я хожу по неостывшим пепелищам родной Белоруссии, по ее партизанским тропам».*

После возвращения из Киева он сообщал о своей поддержке творческих планов калмыцкого друга в письме от 31 декабря 1967 года: *«О твоей могилевской командировке я говорил с Пименовым, с которым встретился в Ленинграде на юбилейной сессии Комитета защиты мира. Не знаю, будет ли у меня время написать новые стихи, т. к. 68-й год — год юбилейный нашей республики. Вероятно, будет много поездок, совещаний, заседаний. Да и так год этот перегружен юбилейными датами.*

О твоем сборнике я буду говорить на нашем секретариате. Я думаю, что меня поддержат наши товарищи,

хорошо тебя знающие как партизана и поэта нашей боевой дружбы. Поговорю и с новым редактором “Полымя”, Ковалевым Павлом Никифоровичем. Возможно, что и журнал напечатает твою подборку.

В Москве не знаю, когда буду. Сие зависит от Секретариата. От всего сердца поздравляю тебя, твою супругу с Новым годом. Желаю Вам счастья, здоровья и всего наилучшего в жизни. Крепко обнимаю. С братским приветом Максим Танк».

Среди поздравлений с 50-летием со дня рождения особенно дорого было юбиляру послание из Минска 6 января 1969 года:

«Дорогой наш друг, уважаемый Михаил Ванькаевич!

Белорусские писатели горячо, от всего сердца поздравляют Вас с пятидесятилетием, шлют Вам свои наилучшие пожелания.

Вы крепко связали свою судьбу с белорусской землей. В годы минувшей войны Вы партизанили в белорусских лесах: отважного партизанского командира Мишку Черного хорошо помнят жители и партизаны Гомельщины, Могилевщины и Минщины. Здесь, в Белоруссии, Вы стали коммунистом. Сменив после войны боевой автомат на перо и став поэтом, Вы не забыли Белоруссию. Вы посещаете ее, посвящаете ей свои стихи, переводите на родной язык произведения белорусских поэтов.

Ваши белорусские друзья также не забывают Вас. Мы внимательно следим за Вашим творчеством. Многие Ваши стихи переведены на белорусский язык и известны нашему читателю.

И в день Вашей годовщины мы желаем Вам крепкого здоровья, хорошего творческого настроения, больших радостей в жизни.

Первый Секретарь Правления СП БССР Максим Танк».

В мае 1970 года пришла открытка из Беларуси:

«Дорогой Михаил!

Возвратившись после разных странствий по больницам, дома застал послание от тебя. Сердечное спасибо за память и добрые пожелания. Горячо поздравляю и тебя с чудесными майскими праздниками и годовщинами, твои родные калмыцкие степи, просторы, твою семью и наших общих друзей.

Сердечный привет тебе от твоих многочисленных белорусских братьев и товарищей по борьбе и песням.

Крепко обнимаю. С наилучшими пожеланиями — Максим Танк».

Благодаря переводам Алексея Пысина второй поэтический сборник калмыцкого поэта «Журавли над полем» был издан в Минске в 1977 году.

Согласно художественной философии Хонинова, смысл и назначение жизни человека, особенно художника, — это явление Слова, бессмертность которого обусловлена его народными истоками и народной памятью. Такая философия в условиях трагической эпохи, трагического прошлого минувшего столетия требовала мужества, поднимала в атаку первым.

Таким и был калмыцкий поэт Михаил Хонинов.

Таким увидели и узнали его белорусские братья по служению Поэзии.

Римма ХАНИНОВА,
Алесь КАРЛЮКЕВИЧ

Литературное содружество

Абай в главной библиотеке Бреста

Бульвар Космонавтов, дом № 48... В этом здании расположена Брестская областная библиотека имени Максима Горького. Главная книжная сокровищница одной из шести областей Беларуси. Основанная 4 января 1940 года (до 17 сентября 1939 года территория Западной Беларуси входила в Польшу), библиотека поначалу носила имя Александра Сергеевича Пушкина. Сегодня в ее фондах 872 909 книг и журналов. Это — статистика на 1 января 2015 года. Что примечательно, в начале 1990-х годов было еще 750 000 экземпляров. 80 процентов собрания составляют книги.

Самая старая книга в библиотеке — «Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, сочиненная на немецком языке и в собрании Академическом читанная членом Санкт-Петербургской Академии наук и Профессором древности и истории, также членом Геттингенского собрания Иоганном Ебергардом Фешером» — издания 1774 года. Интерес вызывает и «Путешествие по Полесью и белорусскому краю» Павла Шпилевского издания 1858 года, а также «Беловежская пуща» Георгия Карцева (1903 год). Хранится в библиотеке и «Жизнь животных» Альфреда Брэма в 10 томах издания 1892—1896 годов.

В брестском книжном собрании представлены книги на 27 языках мира. Конечно же, читатели библиотеки не единожды снимали с её полок произведения писателей Казахстана. Мухтар Ауэзов, Анур Алимжанов, Адий Шарипов, Саингали Сеитов, Ильяс Есенберлин, Сакен Сейфулин, Мурат Шоханов, Морис Симашко, Олжас Сулейменов, Чокан Валиханов, Бахытжан Канапьянов — имена этих и других писателей Казахстана хорошо известны в Бресте, на Брестчине. Всего в библиотеке — 78 экземпляров книг казахских писателей. Из них — 5 на казахском языке. Мы решили заглянуть в библиотечные фонды и поинтересоваться: а что же в этом книжном собрании связано с великим Абаем?..

Экскурсоводом по бескрайнему брестском книжному миру для нас выступила заведующая общим читальным залом библиотеки Тамара Глазкова.

— Из книг самого Абая Кунанбаева, — рассказывает она, — у нас имеются два издания. Книга «Избранное» Абая на русском языке, вышедшая в Москве в 1970 году. И сборник «Степной простор», составленный из переводов стихотворений классика казахской литературы на белорусский язык. Переводчик — Микола Метлицкий. Книга вышла в издательстве «Литература и искусство» в Минске. Конечно, нам хотелось бы иметь хотя бы одну книгу Абая на казахском языке.

В библиотеке немало книг, посвященных Абаю. Есть издание романа-эпопеи Мухтара Ауэзова «Путь Абая» в двух томах, издательство «Правда», 1987 год. Также — «Путь Абая» из «Библиотеки Всемирной литературы» 1971 года издания. И еще — «Абай» в алма-атинском издании 1957 года. И — «Абай» уже 1958 года, московское издание. Есть Собрание сочинений Мухтара Ауэзова в 5 томах, разумеется, тоже с «Абаем».

— Читатели имеют возможность, — говорит Тамара Глазкова, — познакомиться с легендарной эпопеей и по изданиям «Художественной литературы» 1974 и 1982 года. Есть у нас и шеститомное собрание сочинений Леонида Соболева, куда вошла их совместная с Мухтаром Ауэзовым трагедия в четырех актах «Абай».

Брестские библиографы отдельно выделяют журналы «Мир библиографии», «Мир музея», «Человек» со статьями Я. Абдеевой, А. Досановой «Абай, вышедший из русского народа: казахская пушкиниана», «Абай — кала» Ж. Аппаевой, «Феномен художественной правды: антроподицея «Абая» А. Нысанбаева.

В последние годы в Брестскую областную библиотеку имени М. Горького поступили монографии А. Нуркатова «Путь к себе: поэтические традиции Абая», Г. Бельгера «Властитель — Слово: статьи и заметки о переводах стихотворений Абая на русский и немецкий языки».

— А еще, — завершает нашу экскурсию Тамара Глазкова, — нашим партнером в пропаганде творчества Абая является «Издательский дом «Звязда», открывший Интернет-площадку «Абай шествует по планете». Это важный электронный ресурс, который помогает нашим читателям открывать и литературу Казахстана, и изучать творчество Абая.

Микола БЕРЛЕЖ

АВЛАСЕНКО Геннадий Петрович. Родился в 1955 г. в д. Липовец Ушачского района Витебской области. Окончил биологический факультет Белорусского государственного университета. Автор нескольких книг для детей и взрослых. Живет в Минске.

ШАБОВИЧ Микола (Николай Викторович). Родился в 1959 г. в д. Бадени Мядельского района Минской области. Окончил Минский государственный педагогический институт имени М. Горького. Кандидат филологических наук. Автор ряда поэтических книг. Живет в Минске.

СТЕПАН (Степаненко) Владимир Александрович. Родился в 1958 г. в г. п. Костюковка Гомельской области. Окончил Художественное училище и Белорусский театрально-художественный институт. Прозаик, поэт, драматург, киносценарист. Автор книг прозы «Вежа», «Сам-насам» и др. Живет в Минске.

МАКСИМОВИЧ Валерий Александрович. Родился в 1962 г. в д. Троянец Минской области. Окончил Белорусский государственный университет. Доктор филологических наук. Автор около 200 научных публикаций, двух поэтических сборников «Мяцежнай споведзі скрыжалі», «Сярод блукаючых планет». Живет в Минске.

ШУМЕЙКО Ирина Ивановна. Родилась в 1962 г. в Минске. Окончила Белорусский политехнический институт. Печаталась в журналах издательства «Пачатковая школа». В «Нёмане» публикуется впервые. Живет в Минске.

МАЛАХОВСКИЙ Рагнед Юрьевич. Родился в 1984 г. в поселке Сеймчан Магаданской области (Россия). Окончил факультет финансов и банковского дела Белорусского государственного экономического университета. Автор сборников стихов «Беражніца», «У дзённай мітусні».

КРИСТИ Агата. Родилась в 1890 г. в г. Торки (Англия). Получила хорошее домашнее образование. Одна из самых известных в мире авторов детективной прозы, а ее книги являются самыми публикуемыми после Библии и сочинений Шекспира. Автор более 60 детективных романов, шести психологических романов (под псевдонимом Мэри Уэстмэкотт) и 19 сборников рассказов. Произведения переведены более чем на 100 языков мира. Награждена орденом Британской империи II степени. Умерла в 1976 году в г. Уоллингфорд (Оксфордшир, Англия).

УОЛШ Томас. Родился в 1908 г. в Нью-Йорке (США). Журналист, репортер, сотрудник отдела криминальной хроники, писатель. Автор многих рассказов, романов, сценариев. Один из рассказов был включен в антологию «Сборник крутых детективов». Лауреат премии Эдгара По. Умер в г. Данбери (США).